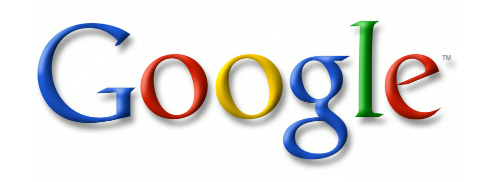
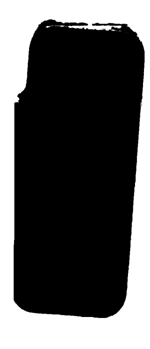
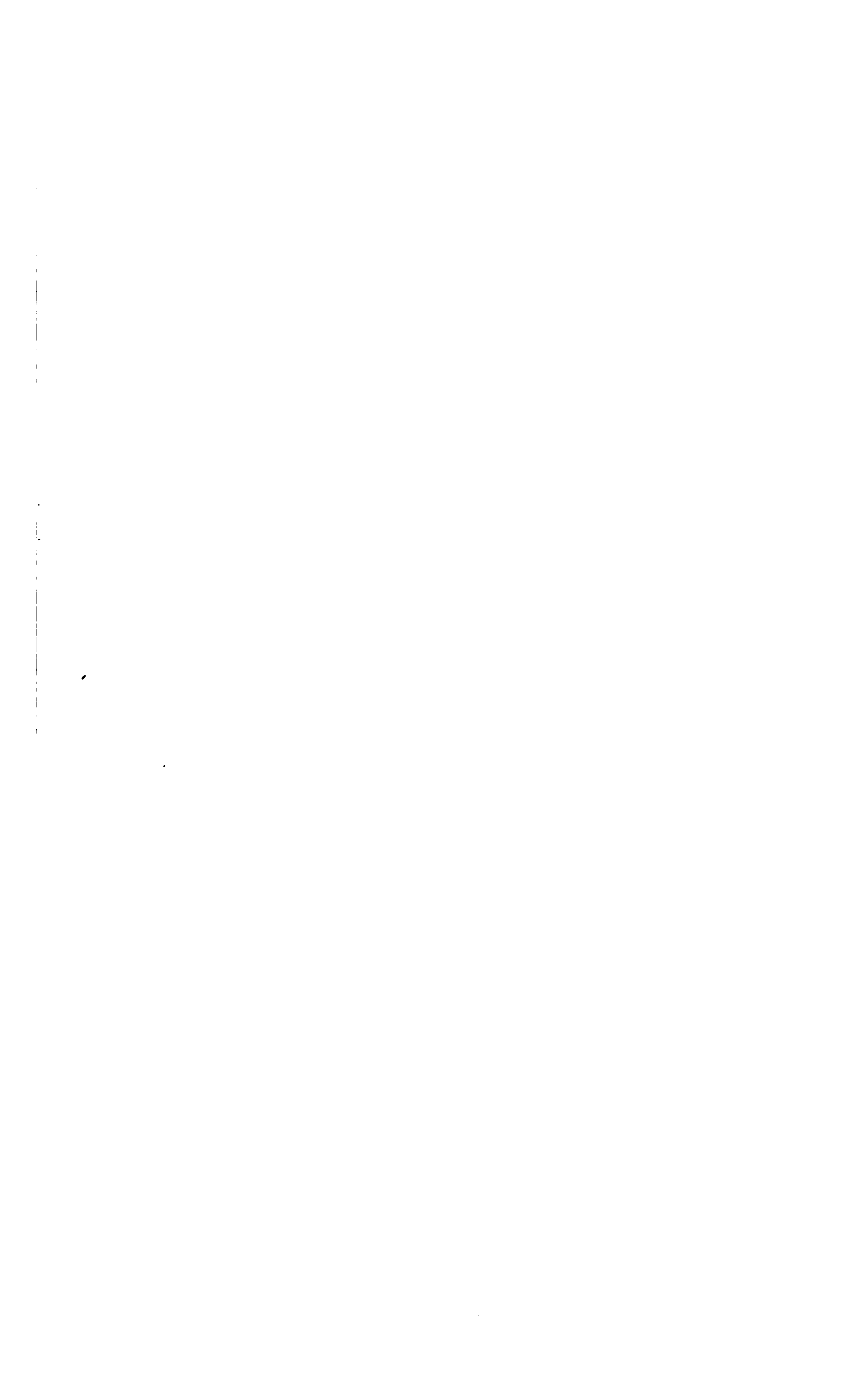

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE
RI
TS
CHRISTO
ET
ECCLESIAE

СЛАВЯНСКІЙ

ЕЖЕГОДНИКЪ.

ИЗДАНІЕ КІЕВСКАГО СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕСТВА.

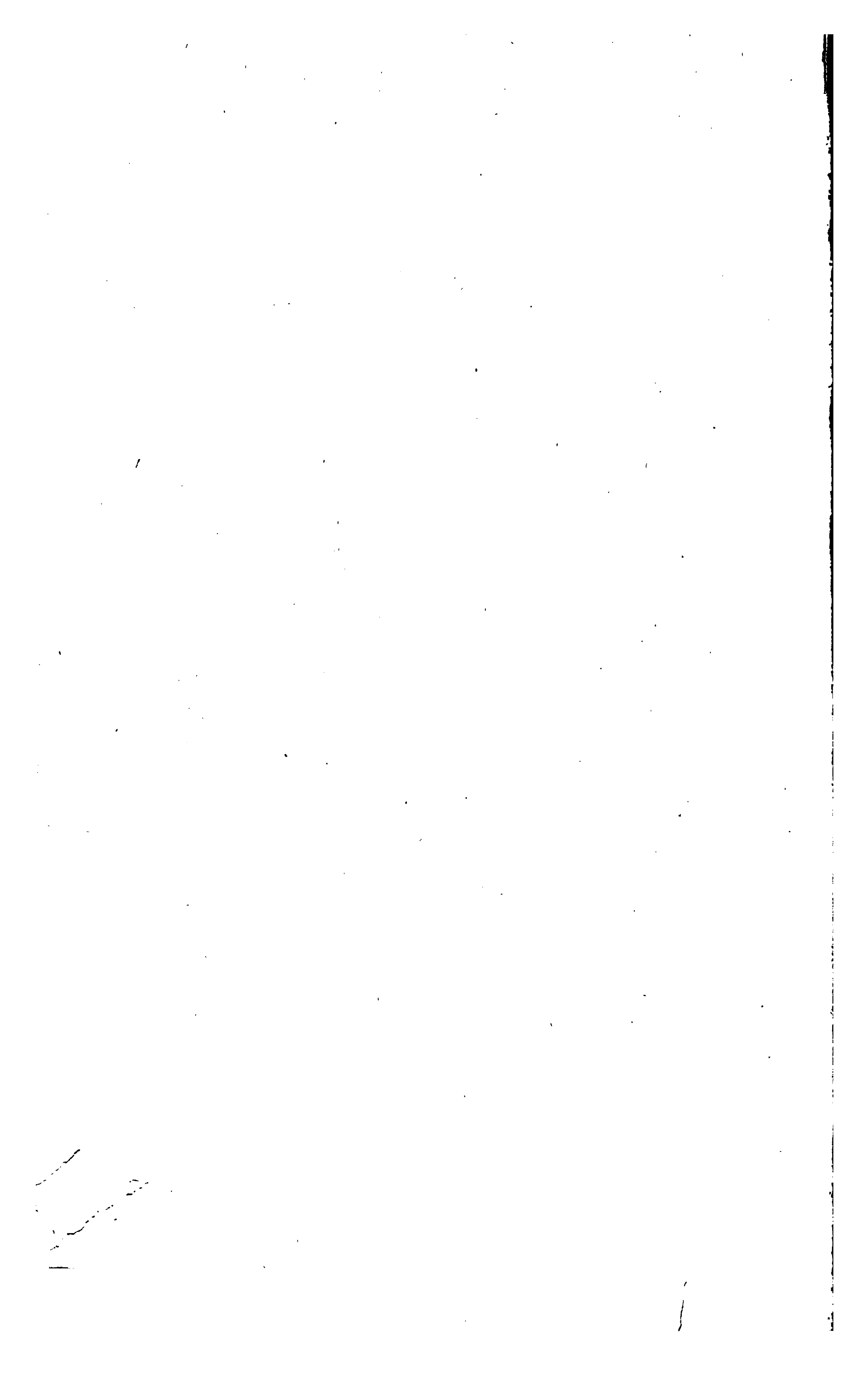
ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

Составленъ подъ редакціею Т. Д. Фл[illegible]аго
Доцента Императорскаго Университета св. . ладиміра.

КІЕВЪ.
Типографія Е. Т. Керерь, Большая Владимірская ул., д. Сѣтовой.
1884.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 1 Февраля 1884 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Предисловіе.

Шестой выпускъ „Славянскаго Ежегодника“ по своему содержанію въ значительной степени соотвѣтствуетъ предшествующимъ выпускамъ. Цѣль скромнаго изданія Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго Общества остается таже: способствовать распространенію въ нашемъ обществѣ свѣдѣній о единоплеменныхъ намъ славянскихъ народахъ, ихъ прошломъ и современномъ состояніи.

Это распространеніе свѣдѣній предполагаетъ: 1, переводы выдающихся художественныхъ произведеній со славянскихъ языковъ; 2, популярные и живые очерки (оригинальные или переводные) въ области славянскихъ литературъ, исторіи, географіи и этнографіи; 3, статьи о современномъ политическомъ и культурномъ состояніи славянскихъ народовъ, и 4, библіографическіе обзоры.

Наша бѣдность рабочими литературными силами, отсутствіе правильныхъ книжныхъ и литературныхъ сношеній со славянами и какое-то странное равнодушіе нашего общества къ славянскому вопросу и связаннымъ съ нимъ славянскимъ изученіямъ—все это въ значительной степени затрудняло и доселѣ затрудняетъ успѣшное выполненіе означенной программы нашего изданія.

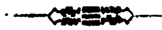
Принявъ на себя редакцію „Славянскаго Ежегодника“, я старался сдѣлать все что могъ, дабы придать ему больше содержательности и занимательности. Нѣкоторыя постороннія обстоятельства помѣшали мнѣ помѣстить въ настоящемъ выпускѣ кое-какіе заготовленные матеріалы, между прочимъ мои „Замѣтки о путешествіи по славянскимъ землямъ въ 1882 и

1883 гг.“ За недостаткомъ времени и мѣста въ книгѣ пришлось также отложить до другаго раза систематическое годичное обозрѣніе политической и культурной жизни славянства, а равно и большую часть замѣтокъ для библіографическаго отдѣла.

Вниманіе читающей публики къ „Славянскому Ежегоднику“ можетъ послужить его составителю и сотрудникамъ только поощреніемъ для улучшенія послѣдующихъ выпусковъ изданія.

Т. Флоринскій.

Декабрь 1883 г.

Предисловіе переводчика ко 2-му выпуску „Горныхъ разсказовъ".

Насколько мнѣ лично пришлось убѣдиться, отзывы, вызванные первымъ выпускомъ «Горныхъ разсказовъ», изданныхъ въ моемъ переводѣ, были довольно благопріятны и самому переводу, и тѣмъ мыслямъ, высказаннымъ въ предисловіи, которыя были положены, такъ сказать, въ основаніе работы. Изъ этого я имѣлъ смѣлость заключить, что труды этого рода—являются въ самомъ дѣлѣ вóвремя и исполняютъ довольно важное общественное назначеніе. Результатомъ этого заключенія является нынѣ предлагаемый благосклонному вниманію публики 2-й выпускъ разсказовъ. Съ моей стороны были приложены всѣ усилія, чтобы сдѣлать переводъ возможно болѣе гладкимъ, чтó, конечно, въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того, насколько я могъ освободиться отъ вліянія языка подлинника, обыкновенно очень сильнаго въ подобныхъ случаяхъ, т. е. когда приходится пересаживать на русскую почву чужое художественное произведеніе и облекать его въ болѣе или менѣе изящную отечественную форму. Не могу не сознаться, что не одинъ разъ я бывалъ въ затрудненіи, особенно когда приходилось встрѣчаться съ чешскими провинціализмами, которыхъ у Ираска такая масса, что они придаютъ его слогу даже особенный оригинальный отпечатокъ деревенской рѣчи да еще

горныхъ Чеховъ. Это обстоятельство, конечно, невольно дѣйствовало неблагопріятно для меня и могло, быть можетъ, довольно замѣтно, независимо отъ моихъ разсчетовъ, отразиться на моемъ слогѣ. Тутъ я, повторяю, сдѣлалъ, что могъ и какъ умѣлъ, и могу лишь надѣяться на снисхожденіе просвѣщенной публики.

Позволяю себѣ сказать еще нѣсколько словъ по поводу недоразумѣній между мною и однимъ изъ рецензентовъ. Я немогу, конечно, ручаться за то, что мои мысли были выражены очень ясно и отчетливо для чужаго пониманія, и потому не мѣшаетъ теперь высказаться лучше. Авторъ отзыва о «Славянскомъ Ежегодникѣ» за 1882 годъ въ одномъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ *), совершенно вѣрно считая мои мысли, высказанныя въ предисловіи, выраженіемъ мнѣній самой редакціи и, находя ихъ во многомъ справедливыми, полемизируетъ противъ одного изъ моихъ положеній, что будтобы беллетристическія произведенія лучше знакомятъ общество съ бытомъ и сущностью извѣстнаго народа, чѣмъ научныя работы, изслѣдованія и пр., мало интересныя (!) для публики вообще, и потому нужнѣе. Но я не это хотѣлъ сказать. Утверждать, что научныя работы менѣе цѣнны и менѣе нужны *вообще*, чѣмъ художественныя поэтическія произведенія—это чистый абсурдъ. Моя мысль была приблизительно такова: мы, т. е. русское общество, находимся теперь въ такой фазѣ отношеній къ славянамъ, что намъ необходимо возможно скорое и удобное ознакомленіе съ ними; а такое знакомство можетъ быть сдѣлано цѣлесообразнѣе всего путемъ художественнореальнаго изображенія жизни. Намъ нужно знать, что такое Чехъ, Сербъ, Болгаринъ и пр. въ своей сути, т. е. каковы его помыслы, иде-

*) Вѣстникъ Евр., Іюль.

альныя стремленія, нравственныя понятія и умственное развитіе; вотъ и покажите намъ его въ обыкновенной буднишней домашней обстановкѣ, среди дрязгъ сельской жизни и борьбы мелкихъ интересовъ, и мы будемъ видѣть, каковы эти славяне въ своемъ зернѣ, а не оболочкѣ, въ своемъ сѣромъ сельскомъ людѣ, а не въ интеллигентныхъ представителяхъ, зачастую всецѣло онѣмечившихся.

Мы будемъ знать этихъ славянъ, какъ они есть, увидимъ, много ли у насъ общаго съ ними въ идеалахъ, развитіи и бытѣ, и стоитъ ли отрываться изъ-за нихъ отъ своей внутренней работы и даже вообще думать о нихъ. Можетъ быть, мы прійдемъ къ убѣжденію, что они должны быть сами по себѣ, а мы сами по себѣ, такъ-же точно, какъ это поставлено у насъ по отношенію къ разнымъ Румунамъ, Венграмъ и проч.; а можетъ быть, и наоборотъ: мы сознаемъ, что это дѣйствительно наши ближайшіе братья, настолько близкіе къ намъ по своимъ понятіямъ и стремленіямъ, что идти врозь съ ними—одинаково невыгодно и для нихъ и для нашего народнаго начала. Разное можетъ случиться! Но пускай же все произойдетъ у нашего общества свободно, путемъ непосредственнаго наблюденія надъ предметомъ. А гдѣ же удобнѣе и свободнѣе можетъ чувствовать себя наше общество: въ ученыхъ ли изысканіяхъ, которыя покажутъ предметъ абсолютно вѣрнѣе и ближе къ истинѣ, но зато сами не подъ силу большинству нашей публики, или въ произведеніяхъ поэтическихъ, дѣйствующихъ прямо на фантазію и доступныхъ пониманію и усвоенію всего грамотнаго нашего общества?

По моему, безъ сомнѣнія, послѣднія—сподручнѣе для нашей публики и скорѣе послужатъ нашей цѣли—узнать славянъ, хотя, несомнѣнно, *это* знаніе будетъ далеко не такъ вѣрно истинѣ, какъ добытое *наукой*. Изъ этого видно,

что я вовсе не ставлю значеніе и пользу, приносимую наукой, ниже пользы, получаемой отъ чтенія дѣльной беллетристики; я только говорю о сподручности той и другой для нашей публики. Наука *качественно* даетъ лучшія, болѣе точныя и вѣрныя знанія о предметѣ, но *количественно*, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о массѣ, о такомъ воздѣйствіи, гдѣ объектомъ является вся публика, а не наиболѣе ученая и интеллигентная часть ея — тамъ наука пасуетъ передъ беллетристической литературой. Эта послѣдняя, особенно литература художественно-реальнаго направленія, исполняетъ свою миссію скорѣе и проще, чѣмъ наука. Наглядный примѣръ можно взять такой: изъ русской этнографіи, исторіи и пр. сущность русскаго человѣка можно узнать всего точнѣе. Но вѣдь эти науки, прежде чѣмъ дошли до своего уже выработаннаго состоянія, какъ много потребовали труда, тяжелаго для спеціалистовъ, непосильнаго для публики, всѣхъ этихъ сборниковъ, словарей и прочаго сыраго матеріала! Публицисты славянскихъ народовъ гораздо лучше бы сдѣлали, если бы вмѣсто всякихъ работъ по русской этнографіи, исторіи и пр. предложили своей публики такія произведенія, какъ «Мертвыя души» Гоголя, «Записки охотника» Тургенева, «Рыбаки» Григоровича, «Записки изъ мертваго дома» Достоевскаго, «Плотничья артель» Писемскаго, «Обломовъ» Гончарова и др., и показали своимъ соотечественникамъ всѣхъ этихъ нашихъ Селифановъ, Захаровъ, Каратаевыхъ, Пузичей, Глѣбовъ и пр. Знакомство съ русскимъ народомъ у западныхъ и южныхъ славянъ произошло бы такимъ способомъ скорѣе и цѣлесообразнѣе, хотя оно и не было бы такъ строго точно и вѣрно истинѣ, какъ знаніе, основанное на наукѣ, чуждой всѣхъ вымысловъ фантазіи. Вотъ приблизительно суть моихъ мнѣній объ этомъ предметѣ; высказанныя прежде, быть можетъ, поспѣшно и

потому не довольно ясно, онѣ и были, къ сожалѣнію, предметомъ произшедшихъ недоразумѣній. Скажу еще, что эти мнѣнія, мнѣ кажется, имѣютъ тѣмъ болѣе основаній, что для науки у насъ находится и найдется меньше людей, меньше силъ, чѣмъ ихъ можетъ найтись для болѣе скромнаго и простаго дѣла—пересаживанія на родную почву беллетристики славянскихъ народовъ. Занятія славянской наукой! Да вѣдь сколько силъ у насъ по разнымъ причинамъ отрываются отъ нея!

Второй упрекъ, сдѣланный мнѣ рецензентомъ, касался уже выбора писателя. Рецензентъ, полагаетъ, что чешская литература, а въ ряду ея дѣятелей и г. Ирасекъ, находится еще въ той фазѣ, въ какой была наша при Карамзинѣ и нѣсколько позже; что въ ней много слащаваго сентиментализма и мало дѣйствительно реальныхъ изображеній. Если это замѣчаніе *вообще* и можетъ быть принято, то въ *частностяхъ* оно вызываетъ такія исключенія, какъ напримѣръ, извѣстные Янъ Неруда, этнографическая писательница Божена Нѣмцова, Шмиловскій, Щульцъ и друг. разскащики изъ народнаго быта. И у Ираска въ «Горныхъ разсказахъ» разсыпано очень много бытовыхъ чертъ. Второй выпускъ его разсказовъ, предлагаемый нынѣ, въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, будетъ удачнѣе перваго. Такіе разсказы, какъ «Дворскій», «Залишъ» и «Дивоусъ»—полны глубокаго интереса по тѣмъ даннымъ чешской этнографіи (особенно хорошо представлены простонародныя повѣрья), которыя въ такомъ изобиліи находятся въ нихъ. Я согласенъ, что фабулы этихъ разсказовъ и повѣстей нерѣдко страдаютъ дѣланностью и сентиментальностью (и это особенно относится къ разсказамъ перваго выпуска); но этотъ недостатокъ всецѣло искупается, по моему, цѣнными бытовыми чертами и изображеніями. Какъ, напр., рельефно и

вмѣстѣ правдиво, жизненно-вѣрно нарисована фигура музыканта Залиша—а музыкантовъ въ Чехіи нѣсть числа,—это намъ русскимъ хорошо извѣстно—или же Дворскаго? А всѣ эти Подголы, Русковы, Кудрны и проч. мелкія фигуры? Сколько въ нихъ жизни и правды! Вотъ эти то лица и должны послужить объектами нашего изученія Чеховъ.

Я. Степовичъ.

ГОРНЫЕ РАЗСКАЗЫ

Алоиза Ираска, вып. 2-й, переводъ А. Степовича.

ЗАЛИШЪ.

I.

А лѣсове буду(тъ)
Наше коморы—
Трава зелена
Наше перина *)
(Народн. пѣсня).

Лѣсъ словно дремлетъ.

Но вотъ отъ него повѣялъ легкій вѣтерокъ и помчался далеко лугомъ вдоль лѣса, а тамъ шаловливо пронесся по желтѣющему овсу; вотъ ужъ онъ достигъ широкой межи. Долго онъ нигдѣ не останавливался и былъ задержанъ лишь душистымъ тимьяномъ. Вдыхая пріятный запахъ его, вѣтерокъ въ свою очередь освѣжалъ его горячій ликъ.

Одинъ лишь человѣкъ, лежавшій на межѣ, не замѣчалъ вѣтерка, не видѣлъ, какъ этотъ благодѣтельный гость дышалъ въ его красное, окровавленное лицо и набрасывалъ на глаза черные волоса. Возлѣ него лежала старая чиненная скрипка о трехъ струнахъ. Вѣтерокъ шаловливо игралъ ими, и струны звучали такъ нѣжно, такъ тоскливо.

Но ничего этого не замѣчалъ лежавшій на межѣ человѣкъ, ничего не слыхалъ. Ему грезилась корчма, у дверей

---

*) ř произнос. какъ бы рж.

которой сидитъ онъ, играетъ и поетъ. Ему подносятъ щедро водку, онъ пьетъ, играетъ и снова поетъ:

Кдо млинарку миловалъ (кто мелничиху любилъ).
Тен(тотъ)ту цесту (дорожку) ущляпал (протопталъ).

И снова смѣхъ и шумъ.

Его окружаютъ, шутятъ съ нимъ, берутъ у него смычекъ, вырываютъ скрипку, а онъ бранится, сердится и продолжаетъ пѣсню:

Ты злоречены(й) гробари (проклятый гробовщикъ)!
Ты охлястаны(й) ковари (пьяный коваль)!

Хотятъ налить пива въ его скрипку, смѣются, поютъ вслѣдъ ему. Весь багровый отъ злости, онъ хватилъ ихъ смычкомъ....

Странный сонъ. Онъ въ испугѣ проснулся, протеръ глаза, осмотрѣлся. Душная, слабоосвѣщенная корчма, полная дыма, далеко... Надъ нимъ широкое голубое небо, все въ звѣздахъ, поодаль темный лѣсъ и нѣмой лугъ въ туманномъ облаченіи.

Но вотъ около раздался вздохъ, и, какъ двѣ звѣздочки, заблестѣли уставившіеся въ него свѣтлые глазки. Созерцая звѣзды, Залишъ ничего этого не замѣтилъ, теперь же невольно вздрогнулъ.

Возлѣ него на колѣняхъ стояла дѣвочка лѣтъ тринадцати, одѣтая очень бѣдно; на свѣтлыхъ волосахъ, вившихся локонами, не было даже и платка. Сложенныя руки покоились на колѣняхъ.

У Залиша крикъ завязъ въ горлѣ...

„Чего ты хочешь, дѣвочка? спокойно спросилъ онъ.

— Оставьте меня съ собою на ночь—зазвучалъ ея прелестный голосокъ, и въ немъ слышалась мольба...

„На ночь со мной!“ При этой мысли онъ невольно усмѣхнулся, но въ души былъ радъ этому обстоятельству:

„на ночь—пусть будетъ такъ. Но откуда ты такъ поздно идешь?“

— Я убѣгаю, дядюшка.

Тутъ болтунья разсказала ему, что она не имѣетъ родителей и даже не помнитъ отца. Служила скотницей, но хозяйка очень мучила ее, всѣ ее притѣсняли, и она убѣжала, заблудилась въ лѣсу и попала наконецъ сюда.

„Гмъ—такъ тебя выгнали. И такую молодую! Ну, останься, останься! А какъ тебя звать?“

— Кристина.

„Гмъ—знаю это имя, знаю. Но тебѣ будетъ холодно. Проклятые, безсовѣстные!“ И онъ снова побагровѣлъ отъ злости.

„Ну, лягъ тутъ; вотъ тебѣ платокъ отъ кусковъ хлѣбныхъ, теперь онъ пустѣ.

Охъ, ужъ эта мнѣ ватага! Ну, подождите же—и этотъ гробовщикъ—бездѣльникъ!

Вотъ окутай платкомъ голову и ложись; да подожди—тутъ есть и краюшка хлѣба. Ѣшь, дѣвочка, ѣшь, худо ходить за милостыней. Ты трясешься отъ холода, подожди же, не бойся!“ И онъ тяжело поднялся, наломалъ можжевельнику и разныхъ прутьевъ тутъ же на межѣ и натаскалъ сухаго терновника. Все это онъ зажегъ, и скоро поднялся сѣрый дымъ къ вечернему небу. Зарево освѣтило лица сидѣвшихъ. Кристина посмотрѣла своими большими глазами на Залиша. Темное изцарапанное лицо его казалось при огнѣ краснымъ, глаза блестѣли, какъ горячіе угли. Вся одежда его была изорвана и въ заплатахъ.

Смотрѣлъ и онъ на Кристину, прикурнувшую у огонька. Она спрятала свои ноги подъ платьице и закрыла свѣтлые волосы Залишевымъ платкомъ.

„Такъ, такъ, дѣвочка, покушай, да и ложись и ничего не бойся“.

— О, я не боюсь. Но у васъ, дядя, на лицѣ запекшаяся кровь. Вы упали вѣрно?

„Да это тѣ проклятые—такъ мучатъ человѣка, что приходится до крови обороняться. Ну ужъ я имъ... Этому собакѣ гробовщику!... Ты бы еще кушала, бѣдняжка, да жаль: ничего ужъ нѣтъ“.

— Спасибо, дядя но вы....

„Ложись и спи“.

Залишъ взялъ скрипку. Обыкновенно въ гостинницахъ и у дверей онъ игралъ только: Витам вас, витам вас, седнѣте си мези нас“ (привѣтствую васъ, сядьте среди насъ!) и на этотъ мотивъ подбиралъ стихи. Ныньче же вы бы назвали его хорошимъ скрипачемъ и были бы правы! На трехъ своихъ струнахъ игралъ онъ такъ спокойно и пріятно, что казалось, самъ вечерній вѣтерокъ заслушался его и потомъ перенесъ эти проникающіе въ сердце звуки чрезъ поля въ лѣса.

Дѣвочка тоже слушала; но вотъ тоскливые эти звуки дѣлаются все слабѣе и слабѣе и наконецъ замираютъ. Длинныя рѣсницы покрыли голубые глаза и послышалось тихое дыханіе: Кристина заснула, усыпленная усталостью и колыбельной пѣснью Залиша. А онъ все игралъ и игралъ. Давно уже не случалось съ нимъ ничего подобнаго; онъ и самъ не думалъ, что можетъ еще такъ играть....

Звуки скрипки окончательно утихли.

Артистъ засмотрѣлся на спящаго ребенка.

Вспыхнуло послѣднее пламя и освѣтило лицо дѣвочки. Оно было такъ мило и спокойно.

Долго смотрѣлъ онъ и вдругъ невольно схватился за смычокъ, и въ ночной тишинѣ раздалось:

Кдо ту цесту ушляпал,
Тен млинаржку миловал.

Но это были не тѣ звуки, что въ трактирѣ... Онъ провелъ рукой по лицу и махнулъ смычкомъ по воздуху. Затѣмъ сбросилъ сюртукъ и прикрылъ имъ Кристинку. Самъ же легъ

на спину и любовался звѣзднымъ небомъ. Надъ лѣсомъ выплывалъ полный ликъ мѣсяца; бѣдный скрипачъ долго смотрѣлъ на него, пока, наконецъ, не сомкнулись глаза.

Быть можетъ ему грезилось, что его вытолкнули, и онъ блуждалъ въ глубокой тьмѣ, пока, наконецъ, не блеснула ему звѣздочка...

Глубоко дышалъ старый скрипачъ, а возлѣ во снѣ улыбалась Кристинка: старый бодякъ и полная, рдѣющая дикая роза....

Высоко же надъ ними красовался мѣсяцъ.

II.

Пойдь радѣй се мноў,
Путоват будем
Пр̂ес горы, долы
(Народн. пѣсня).

[Пойди лучше со мною, и будемъ путевать чрезъ горы, долы].

Выпорхнулъ жаворонокъ изъ росистаго гнѣзда, запѣлъ, ликуя въ ясномъ воздухѣ высоко—высоко. Прилетѣлъ утренній вѣтерокъ и прошепталъ, что тамъ, за «Боромъ» выходитъ новый день. Зардѣлось чело у стараго, могучаго Бора; столько красы придало ему солнце. Въ долинахъ прозвонили колокола, и люди шли межой на поле. Около странныхъ ночлежниковъ они остановились на минуту и немало подивились Залишу; въ другое время они разбудили бы его, а теперь тихо пошли дальше. Онъ проснулся. Прежде онъ вставалъ обыкновенно такимъ вялымъ, скучнымъ и сердитымъ, теперь не то: онъ смотрѣлъ на дѣвочку — и прежняго словно не бывало. Только что протеръ онъ глаза, какъ вспомнилъ вчерашній вечеръ и подумалъ, что все это ему лишь пригрезилось. Но близъ него была дѣйствительно живая дѣвочка Кристинка, и онъ смотрѣлъ на нее, ожидая ея пробужденія. Но что будетъ съ ней? Куда пойдетъ бѣдная эта сиротка? Вотъ она проснулась, и онъ спросилъ ее только, не было ли холодно, и хорошо ли спала. Дѣвочка же словно давно, а не со вчераш-

няго лишь дня, была съ нимъ: такъ безъ умолку щебетала она, будто ласточка и все ему разсказала.

То-то было смѣху и разговоровъ, когда впервые Залишъ появился въ деревнѣ съ новымъ своимъ другомъ. Много смѣялись надъ нимъ и шутили; онъ, въ свой чередъ, краснѣлъ и сердился.

«Однакожъ я получше воспитаю ее, нежели вы свою челядь, вы...», приговаривалъ онъ.

Кристина ни за что не хотѣла разстаться съ нимъ и бродила вмѣстѣ по деревнѣ, пѣла въ трактирѣ пѣсни, какія умѣла, а Залишъ игралъ на скрипкѣ. Теперь онъ мало пѣлъ уже: «Витам вас» или: «Кдо ту цесту ушлапал». Всѣ стали охотно принимать дѣвочку и дружелюбно относиться къ ней. Она никого не боялась, не дичилась, какъ это бываетъ съ дѣтьми, когда ихъ приведутъ въ новое мѣсто, на все отвѣчала ловко и разумно.

«У нея каждый палецъ говоритъ», слышалось всюду, и тѣмъ многочисленнѣе сыпались въ ея платокъ приношенія и подачки, никогда прежде не бывавшія у Залиша въ такомъ изобиліи.

Ночевали они и въ хижинахъ, и въ большихъ домахъ, и въ чистомъ полѣ, особенно, когда Залишъ былъ пьянъ. Его раздражали, онъ бросался къ этой «сволочи», и Кристинка должна была всячески его сдерживать. Прежде ни увѣщанія, ни просьбы не помогли бы, а теперь онъ приходилъ въ себя, чуть только завидитъ, что она закрываетъ лицо передникомъ и плачетъ. Выспится тогда онъ, бывало, на межѣ, а Кристинка нарветъ ему дикихъ розъ, колокольчиковъ и другихъ цвѣтовъ и сплететъ вѣночекъ. А какъ ужъ отцвѣтетъ шиповникъ, изъ красныхъ ягодъ его она дѣлала себѣ коралловое ожерелье, гордо обвивала имъ шею, на руку надѣвала такое же запястье, убирала волоса по свадебному и глядѣлась въ колодезь или ручей.

«Ахъ, ты, нарядница!» скажетъ, бывало, Залишъ: «тоже толкъ знаешь!» и усмѣхнется.

Она проситъ его, бывало, чтобы не пилъ такъ много, говоритъ, что боится его въ пьяномъ видѣ.

«Да я и самъ не хотѣлъ бы, но ты... ты не понимаешь этого. Все что-то словно жужжитъ въ уши человѣку, а вѣдь не изъ камня же въ самомъ дѣлѣ... ну, да ужъ.. иди, иди себѣ!»

Ходили они лѣсами, долинами, отъ деревни къ деревнѣ, но далеко не пускались. У нихъ были излюбленные знакомые селяне, у которыхъ они чувствовали себя, какъ дома, тогда какъ у другихъ были словно въ чужбинѣ. Имъ знакомъ былъ каждый лѣсъ, каждая межа, каждый домъ, гдѣ давался ночлегъ.

Не знаю, какъ это случилось, но Кристинка уже нераздѣльно связала свою судьбу съ судьбой стараго музыканта, котораго она называла «дядей». «Вѣрно ужъ въ крови у нея эта склонность къ шатанію», говорили люди.

— Еще бы: отецъ былъ контрабандистъ, а мать ходила съ арфой.

И Залишъ до того «привыкъ» къ Кристинкѣ, что, кажется, и жить не могъ бы безъ нея. Всѣ его сердили, отталкивали и гнали, между тѣмъ какъ эта дѣвочка была такъ ласкова, такъ добра, дѣлала все, что только прочтетъ въ его глазахъ. Онъ началъ было уже думать самъ о себѣ, что ни на что не годенъ, что служитъ какимъ-то посмѣшищемъ для всѣхъ; теперь же сталъ какъ-то самъ себя уважать и пересталъ даже черезчуръ напиваться.

Съ этихъ же поръ онъ равнодушно сносилъ всѣ нападенія, какимъ подвергался въ трактирѣ; но если кто обижалъ Кристинку, онъ выходилъ изъ себя, лицо багровѣло, и темныя очи его блестѣли, словно пара горячихъ углей.

Куска не доѣдалъ бѣдный музыкантъ, чтобы только купить что нибудь своей любимицѣ: ленточку ли, или же пряникъ на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ.

Когда онъ былъ еще одинокъ, то не имѣлъ опредѣленнаго мѣстожительства, да и не заботился объ этомъ, а ночевалъ,

гдѣ случится: въ чистомъ полѣ, въ хлѣвѣ или на чердакѣ гдѣ нибудь. Теперь же ему захотѣлось пристроиться какъ нибудь получше, нанять квартиру.

Родное сельце его, малое и бѣдное, помѣщалось гдѣ то на голой скалѣ, и жители имѣли лишь по одной, малой и низкой, комнаткѣ; въ каждой находился ткацкій станокъ либо два, дѣтей, словно маку, не оберешься. Ну какъ тутъ примоститься лишнему человѣку?

Помѣщеніе могло бы найтись лишь у брата Залишова и у одного подгорнаго селянина; въ другихъ домахъ, за недостаткомъ мѣста, Залишу вѣжливо отказали. На брата онъ не жаловался, такъ какъ издавна уже много лѣтъ былъ съ нимъ въ ссорѣ, даже ненавидѣлъ и вспоминалъ лишь дурнымъ словомъ и бранью.

Съ крестьяниномъ изъ-подъ скалы вышла скверная исторія. «И на что вамъ квартира, замѣтилъ онъ Залишу, когда тотъ сталъ спрашивать его объ этомъ: вы и такъ какъ нибудь переночуете, а дѣвочка можетъ остаться у меня скотницей. Все равно, ничего хорошаго не выйдетъ изъ нея. А будетъ бродить съ вами—привыкнетъ и станетъ какой нибудь непотребной женщиной».

Залишъ весь побагровѣлъ.

— Навѣрно будетъ порядочнѣе многихъ хозяйскихъ дочерей. Вы же сами знаете—объ этомъ вамъ могла разсказать ваша сестра—надменный вы человѣкъ!

Противникъ разогнался было съ кулакомъ, но у Залиша заблестѣли глаза, и, смѣло выступивши впередъ, махая смычкомъ, онъ закричалъ: «только подвиньтесь!“ Онъ далъ полную волю гнѣву, и на поселянина посыпался градъ разныхъ крѣпкихъ словъ. Кристинка умоляла «дядю» уйти, но онъ въ гнѣвѣ не слышалъ ея просьбъ, и наконецъ уже хозяйскіе молодцы вытолкали вонъ буяна.

Кристинка сильно плакала. Съ минуту еще постоялъ Залишъ у двора, мрачно глядя на деревню, и долго еще раздавались его проклятія и брань.

«Не буду же больше просить васъ, но ужъ покажу же я вамъ... Пойдемъ, Кристинка, пойдемъ». И они пошли по дорогѣ вверхъ и остановились у стараго кирпичнаго завода.

III.

Выставим си скровну халупку (Ганка)
(Поставлю себѣ малую хижинку).

Подъ темными облаками пролетѣли журавли, усѣлись на деревьяхъ лѣса, выспались, отдохнули и рано утромъ полетѣли далѣе на югъ. Солнышко показывалось все меньше. Воздухъ становился острый и сырой, и туманъ все гуще и гуще располагался по долинамъ. Пожелтѣла трава на лугахъ, и тоскливѣй шумѣли листья трехъ березъ, склонившихся надъ высокимъ и крутымъ берегомъ. Тосковали онѣ по изчезнувшимъ веснѣ и лѣтѣ и печально ждали прихода студеной зимы. Онѣ шептали: «съ Богомъ» новой хижинкѣ, упиравшейся о берегъ.

Хижинка эта — откуда ни возьмись, вдругъ появилась, какъ бываетъ это въ сказкахъ.

Люди, можно сказать, даже и не видѣли, какъ она строилась: такъ какъ-то въ одну ночь словно выросла изъ земли. Зато же и простенькая и очень ужъ плохенькая была она! Три стѣны всего изъ необожженныхъ кирпичей, а вмѣсто четвертой — крутой обрывистый берегъ. Нѣкогда на этомъ мѣстѣ былъ кирпичный заводъ. Залишъ накопалъ глины, надѣлалъ кирпичей, и въ какіе нибудь два дня у него уже была хижинка. Пустилъ въ берегъ нѣсколько балокъ, подперъ ихъ стѣной, покрылъ старыми шелевками, валявшимися здѣсь —и крыша была готова. Дыра продѣланная въ стѣнѣ, служила окномъ, а продѣланная въ кровлѣ—печной трубой. Въ углу былъ устроенъ очагъ—кстати и лѣсъ былъ недалеко.

Вотъ то дивились люди, слыша, что Залишъ поставилъ себѣ избушку на скотномъ прогонѣ.

А онъ какъ радъ былъ своей постройкѣ! Вѣдь этимъ какъ одурачилъ онъ этихъ гордыхъ селянъ! Теперь онъ самъ себѣ господинъ.

По трудахъ для подкрѣпленія силъ онъ купилъ себѣ водки, выпилъ и порядочно развеселился. Небо все было усѣяно звѣздами, надъ новой дырявой крышей тоскливо шумѣли березы, но внутри хижинки было весело. По-среди ея на обрубкѣ сидѣлъ Залишъ и игралъ на скрипкѣ. Порой онъ потрясалъ головой и притопывалъ ногой. На очагѣ горѣлъ яркій огонь, который Кристинка поддерживала сучьями.

Маленькая комната была вся озарена краснымъ пламенемъ, густой сѣрый дымъ валилъ черезъ дыру къ вечернему небу.

Залишъ игралъ съ такимъ рвеніемъ, что и безъ того темное лицо его еще болѣе потемнѣло, черные блестящіе волоса спускались ему на лобъ.

„Витам вас, витам вас,
Седнете си мези нас!“

Пѣлъ онъ, когда замѣчалъ, что люди останавливаются около избушки, любопытно засматривая чрезъ отверстіе двери внутрь ея. Смѣялись всѣ и дивились въ тоже время. Лишь хозяинъ „изъ-подъ скалы“ сердито забормоталъ, а братъ Залиша даже выругался, когда имъ сообщили о продѣлкѣ Залиша. Деревенская молодежь охотнѣе всего толпилась у хижинки, глядя дверью и чрезъ дыру, замѣнявшую окошко, въ маленькую ярко освѣщенную комнатку.

У окна мелькало молоденькое личико съ вившимися вокругъ свѣтлыми волосами. Улыбка играла на прекрасныхъ губкахъ дѣвочки.

„Войдите же дальше и погрѣйтесь у насъ“ звала Кристинка изъ окна сельскую молодежь.

— А чѣмъ насъ угостишь?

„Сосновыми шишками!“ Засмѣялся одинъ паренекъ, но уже шишка вылетѣла изъ избушки и угодила шутнику прямо въ носъ.

— „Постой же, я тебѣ отплачу...", и онъ уже доставалъ шишку и цѣлилъ въ окно. Но сильной рукой вдругъ его удержалъ Вацлавъ Залишевъ. Парень не хотѣлъ уступить, и драка была готова.

„Пусти его, Вацлавъ, прошу тебя!" кричала извнутри Кристина.

Но Вацлавъ тѣмъ скорѣе схватилъ противника и повалилъ его на землю. Затѣмъ онъ поглядѣлъ въ окошечко и увидѣлъ тамъ смѣющееся личико дѣвочки. Противникъ поднялся и снова погрозилъ Кристинѣ, что еще отплатить ей.

„Не бойся ничего, Криста; если что сдѣлаетъ тебѣ, скажи только мнѣ—онъ посмотритъ тогда!"

Дѣвочка смѣясь посмотрѣла на него своими большими глазами.

Разошлись любопытные, разошлась и молодежь. Кристина смотрѣла изъ окна на дорогу—тамъ видѣла она Вацлава, направлявшагося домой; еще разъ остановился онъ и посмотрѣлъ на избушку Залиша. Видѣлось ему озаренное краснымъ пламенемъ окно, а въ немъ, казалось ему, онъ замѣчалъ прекрасное смѣющееся личико, и слышались еще безпорядочные звуки Залишевой скрипки.

Наконецъ онъ изчезъ въ тѣни деревьевъ, склоняющихся по обѣ стороны проѣзжей дороги. Кристина сидѣла у окна. Видѣла она синее звѣздное небо, и, когда дядя умолкнулъ на минуту, къ ней донесся тихій вздохъ березъ.

Залишъ обернулся къ ней и долго смотрѣлъ на задумчивое лицо дѣвочки—а затѣмъ невольно провелъ опять по струнамъ, тихо и нѣжно заигралъ, такъ заигралъ, какъ и тогда на межѣ, когда увидѣлъ впервые Кристинку. Теперь она склоняла головку, и очи ея смежались все болѣе.

„Кдо ту цесту ушляпалъ,
Тен млинарку миловалъ".

Склонилъ голову артистъ, и скрипка упала ему на колѣни. Задумался онъ на минуту и, когда очнулся, увидѣлъ, что

Кристинка спитъ. Отблескъ догорающаго огня освѣщалъ ея лицо.

Вставши тихонько, Залишъ отнесъ ее на мховую постель въ углу близъ очага; затѣмъ устроилъ изъ досокъ дверь и завѣсилъ „окно“ старымъ платкомъ.

Стемнѣло въ комнатѣ, и онъ улегся. Слышалось ему тихое дыханіе дѣвочки и шумъ березъ, и онъ былъ такъ спокоенъ, а на душѣ было такъ хорошо!

Уже спадали листья березъ, и голыя вѣтви ихъ тоскливо клонилась къ холодѣющей все болѣе и болѣе землѣ.

Трава пожелтѣла, и по утрамъ бѣлѣлъ на лугахъ морозный иней. Съ сѣдаго неба начиналъ уже падать и снѣгъ.

Теперь чаще и дольше валилъ дымъ изъ Залишевой хижины. Настала и зима, и музыкантъ совсѣмъ отдѣлалъ свое жилище: обмазалъ его и задѣлалъ мхомъ всѣ щели, устроилъ оконный затворъ, чтобы не летѣлъ дождь и снѣгъ въ комнату. Дверь была обтянута для теплоты соломой.

По вечерамъ когда долины заволакивались густымъ бѣловатымъ туманомъ, можно было видѣть Залиша возвращающимся изъ лѣса съ такой большой ношей сухихъ вѣтвей, бурелома, что ему приходилось подъ ней сгибаться. За нимъ бѣжала Кристинка съ шишками или мхомъ.

„Вотъ увидите, какъ онъ будетъ удирать изъ своего шалаша, какъ пристукнетъ зима“, говаривали люди.

И что же? Пришла лютая зима, нападало снѣгу, такъ что занесло всю дорогу и Залишъ все же выдержалъ ее. Горемыка былъ довольно привыченъ въ перенесеніи всяческихъ невзгодъ. Въ сильные морозы, когда человѣку даже духъ захватывало, онъ окутывалъ Кристинку всѣмъ, что только было у него, и разводилъ большой огонь.

Нерѣдко выходили они и въ село, откуда возвращались со всякимъ „живобыті“, хлѣбомъ и картофелемъ.

Если же черезъ большіе заносы они не могли выйти изъ дому, то сидѣли у огня, и Залишъ разсказывалъ Кристинѣ

всякія побасенки и случаи, бывшіе съ нимъ или слышанные имъ.

Однажды онъ вытащилъ азбуку и сталъ учить Кристинку, не знавшую доселѣ грамоты, не смотря на свои тринадцать лѣтъ. Хозяинъ, у котораго она была скотницей, не заботился о ней съ этой стороны, и она выросла въ лѣсу и на полѣ.

Залишъ дивился ея понятливости, и безъ особыхъ усилій она скоро выучилась читать; во первыхъ грамота ей легко давалась, во вторыхъ она видѣла, что доставляетъ этимъ удовольствіе „дядѣ", къ которому она очень привязалась и для котораго все бы сдѣлала.

Онъ тоже не могъ бы жить безъ нея: она словно приросла къ его сердцу, и онъ смотрѣлъ на нее, какъ на родную дочь.

Напивался онъ уже рѣдко, а если и случалось, то лишь тогда, когда Кристины не было съ нимъ. Въ такихъ случаяхъ онъ тихонько приходилъ домой и молча укладывался спать.

IV.

> **Ой штедры(й) вечеру,**
> **Ты таемны(й) сватку!**
> *Эрбенъ.*

Разъ передъ вечеромъ Залишъ ушелъ изъ дому. Кристинка осталась дома, готовя у огня скромный ужинъ. Цѣлый день падалъ снѣгъ, но затѣмъ прояснѣло, морозъ усилился, и снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами прохожихъ. Около Залишева шалаша было тихо; лишь запоздалая ворона, жалобно каркая, летала кругомъ. Воробьи и стрепета тянулись къ сельскимъ овинамъ.

Ярко пылалъ огонь на очагѣ, нарушая тишину маленькой комнатки, а Кристинка все подкладывала. Она помнила, что ныньче „щедрый вечеръ" (сочельникъ) и задумалась о прежнемъ времени, когда къ этому дню у хозяевъ всего было вдоволь. На ужинъ готовилось нѣсколько блюдъ, а послѣ ужина хозяйка раздавала яблоки, сушеныя груши и сливы. Яблоки

разрѣзывались, и по цвѣту зеренъ (черныхъ и бѣлыхъ), гадали, кто сколько лѣтъ проживетъ; разсматривали тѣнь на стѣнѣ, и, если оказывалась двойная, угадывали смерть. Хотя Кристинкѣ тогда и худо вообще приходилось, но на сочельникъ и она веселилась. Въ полночь отправлялась она на заутреню, слушала пѣніе пастушьихъ пѣсенъ и смотрѣла устроенный въ большомъ алтарѣ деревянный Виѳлеемъ.

Припомнила она теперь, съ какимъ любопытствомъ наблюдала она младенца Іисуса въ ясляхъ, Божью Матерь и св. Іосифа и поклоны Божественному младенцу пастуховъ—и все это изъ дерева...

Сегодня она впервые должна въ другомъ мѣстѣ праздновать „щедрый вечеръ" но какъ?

Дядюшка ушелъ. Когда же придетъ онъ и принесетъ ли что? Она знала, что онъ все на свѣтѣ охотно принесъ бы ей.

Отсунувши ставень, она увидѣла въ темнотѣ село, освѣщенное огнями, и этотъ вечеръ показался ей еще болѣе праздничнымъ. Затворивши ставню, она присѣла къ огню и затянула своимъ прекраснымъ альтомъ:

„Похвален Пан Іежиш Кристус,
Братře Ондřеи,
Аж на вѣки вѣкůв амен,
Братře Матеи.
Я до Бетлема спѣхамъ..."

Кто то постучалъ въ ставни. Кристинка умолкла и прислушалась.

„Кристинка!" кричалъ кто то извнѣ.

Дѣвочка накинула на голову платочекъ, изъ подъ котораго мило выглядывало ея личико. Отворивъ двери, она выскочила изъ избы.

На западѣ надъ горами блестѣла яркозолотистая полоса, и надъ ней свѣтилась вечерняя зорька. Кристина осмотрѣлась вокругъ. За угломъ хижинки стоялъ подростокъ лѣтъ пятнад-

цати, въ высокихъ сапогахъ, въ барашковой шапкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись темныя кудри.

„Добрый вечеръ, Кристинко!“

Дѣвочка улыбнулась къ нему, и ея большіе голубые глаза заблестѣли.

— „Это ты стучалъ, Вацлавъ?“

„Я видѣлъ, какъ дядюшка ушелъ. Сегодня щедрый вечеръ, я вспомнилъ о тебѣ, зная, что ничего у васъ не будетъ... ну вотъ, возьми себѣ, Кристинка: тутъ борсдорфскія яблоки и „дѣвичьи“, и онъ подалъ, ей узелъ съ яблоками, который онъ доселѣ держалъ сзади себя.

Кристинка съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Но затѣмъ въ глазахъ мелькнулъ другой блескъ, въ которомъ можно было прочесть болѣе, чѣмъ простое удивленіе.

— „Ты вспомнилъ обо мнѣ? Награди тебя Богъ“, и она взяла узелокъ.

Вацлавъ увидѣлъ идущаго изъ села Залиша. „Мнѣ нужно идти: наши ждутъ уже. Дай тебѣ Богъ добрую ночь, Кристинко!“

— „Доброй ночи, Вацлавъ!“

Онъ ушелъ. Кристина смотрѣла вслѣдъ ему, пока онъ не скрылся на проѣзжей дорогѣ. Ей было хорошо; она радовалась, что и объ ней вспомнили. Затѣмъ быстро, какъ серна, помчалась она къ хижинѣ, желая предупредить приходъ дядюшки.

Тьма покрыла всю окрестность. На небѣ зажглись миріады звѣздъ.

Залишъ вошелъ задумчивый болѣе обыкновеннаго. Кристина посмотрѣла на него вопросительно. Увидѣвши ея ясныя очи, лицо, свѣтившееся тихой радостью, бѣднякъ забылъ все горе и, проведя рукой по лбу, усѣлся у огня.

„А дай, Кристинко, ужинъ; сегодня щедрый вечеръ: будемъ пѣть, играть и....“ онъ засмѣялся и потянулся къ карману своего кафтана. Поѣли простой похлебки съ грибами и

картофелью неочищенною. Нечего сказать, праздничная у нихъ вечеря!

Но тутъ Кристинка отскочила отъ обрубка, служившаго стуломъ, и посмотрѣла лукаво на дядюшку. Затѣмъ повернулась на пяткѣ и побѣжала въ уголъ, откуди вытащила узелокъ съ яблоками и сушеными грушами.

Между тѣмъ и Залишъ опорожнилъ карманы своего кафтана и положилъ красные яблоки и орѣхи на обрубокъ.

Обое смотрѣли усмѣхаясь другъ на друга.

Увидѣвъ столько яблокъ и грушъ, Залишъ спросилъ: „Гдѣ это ты выдрала, котенокъ ты?"

— Мнѣ дали. Вацлавъ Залишевъ принесъ.

„Кто?"

— Вацлавъ Залишевъ, вотъ только что, за минуту передъ этимъ.

Улыбка изчезла съ лица музыканта, его глаза блеснули, лицо сдѣлалось мрачно, и онъ быстро вскочилъ.

„Отъ него? Что бъ я болѣе объ этомъ не слышалъ! Покажи!" и онъ вырвалъ изъ рукъ Кристины узелокъ и, отворивши быстро окошко, выбросилъ его далеко въ снѣгъ.

Кристина выпялила глаза и ужасно перепугалась. Затѣмъ ея глазки потускнѣли, и она залилась слѣзами. Залишъ опомнился.

„Молчи, дитя, молчи, я тебя не хотѣлъ обидѣть.... ты не знаешь вѣдь, дѣвочка моя... не сердись....", и онъ гладилъ ея свѣтлые волосики.

Она продолжала плакать; тогда онъ протянулъ ее къ себѣ и сталъ говорить ласковыя слова: „Ты невиновата, я знаю; но ты не знаешь, какъ онъ меня зло обидѣлъ, очень зло, онъ, мой братъ, принявшій Вацлава къ себѣ, какъ родного. Онъ, видишь ли, какъ разъ въ нынѣшній день, пять лѣтъ тому назадъ, выгналъ меня изъ своего дома, онъ, мой родной братъ. Я воротился съ войны; было темно, выла мя-

телица, всѣ славили щедрый вечеръ—и я сталъ передъ домомъ, гдѣ родился на свѣтъ; но меня вытолкали, о, я этого до смерти не забуду и не прощу ему, и ничего не хочу отъ него, безсердечнаго!"

Залишъ сжалъ кулакъ, и лицо его омрачилось, глаза метали искры.

Кристинка не плакала болѣе. Милая дѣвочка жалостно смотрѣла на дядю, не все зная, не все и понимая. Она и прежде замѣчала, что дядя съ братомъ никогда не были въ пріязни, но теперь она не удивлялась поступкамъ дяди: такъ обращаться съ роднымъ братомъ!

Она не сказала ни словечка, но склонила свою головку на бушевавшую грудь расходившагося музыканта. Тотъ понялъ ее: наклонившись онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

„Молчи, пташечка, забудемъ это на сегодня; хотя именно нынче мнѣ и вспоминать, но не будемъ отравлять себѣ такого времени". Въ другое время Кристинка обо всемъ выспросила бы, но теперь она была словно убита. Особенно ей было тяжело и жалко, когда она припоминала Вацлава; бѣдняга тащился по снѣгу, чтобы сдѣлать ей удоволствіе, и вдругъ выбросить въ снѣгъ его даръ!

Она сѣла на постель. Залишъ раздулъ сильнѣе огонь, и яркое пламя озарило комнату. „Нынче щедрые и вечеръ и утро", продолжалъ вспоминать Залишъ: „Какъ я всегда весело проводилъ это время!" И онъ разсказывалъ, какъ все водилось въ его время; говорилъ про такъ называемую „долгую" ночь предъ щедрымъ днемъ, въ которую парни и дѣвушки сходятся на пряжу, приводилъ шутки и разныя веселыя забавы, какимъ предавалась молодежь, восторгался великолѣпной заутреней, какая бывала въ его молодость. Онъ самъ игралъ на скрипкѣ, другіе пѣли виѳлеемскую пѣснь. Тогда пѣла еще и Кристинка „зе млина" (съ мельницы). Замолкъ Залишъ, и полурадостная, полуболѣзненная улыбка заиграла на губахъ его. Взялъ онъ скрипку и сталъ играть рождественскія пѣсни.

Долго игралъ онъ, вспоминалъ и соло, игранное имъ на богослуженіи, въ лѣта молодости, и не замѣтилъ, какъ Кристинка уснула.

И ей приснилось, будто она видитъ Виѳлеемъ въ главномъ алтарѣ, пастуховъ и овечекъ, городъ и надъ нимъ ангеловъ. Она пала съ Вацлавомъ на колѣни передъ яслями и подавала младенцу-Христу прекрасныя „дѣвичьи“ яблоки....

Все нѣжнѣе и тише звучала скрипка, наконецъ умолкла.

Въ тихой звѣздной ночи доносились изъ села величественные звуки колоколовъ, зовущіе на заутреню.

Господи, сколько воспоминаній!...

Залишъ сложилъ молитвенно руки, и его глаза стали влажнѣе....

Рано утромъ Кристинка, только что проснулась, припомнила вчерашній вечеръ, Вацлава и его заброшенный даръ. Но когда она посмотрѣла на ласковое улыбающееся лицо Залиша, обо всемъ забыла.

Прошли Рождество и Новый годъ; настали жестокіе дни для хижинки гордаго скрипача. Стѣны не могли противиться лютымъ морозамъ, и на очагѣ не потухалъ огонь. Нѣсколько разъ въ день ходилъ Залишъ въ лѣсъ за дровами и всякій разъ приходилъ полузамерзшій, сгибаясь подъ огромной тяжестью. Порывалась и Кристинка ходить съ нимъ, да онъ не позволялъ ей. Въ самое лютое время, когда уже бывало не въ моготу, они уходили въ село и отогрѣвались въ теплыхъ трактирахъ. Въ такихъ путешествіяхъ Залишъ чрезвычайно заботился о Кристинкѣ; навѣшивалъ на нее все, что имѣлъ, укутывалъ въ большой платокъ, обвязывалъ ноги всяческимъ тряпьемъ. А когда на ея лицѣ показывалась гдѣ либо синяя жилка, онъ заботливо спрашивалъ, не холодно ли ей.

Однажды ушелъ Залишъ одинъ въ сосѣднее село. Былъ лютый морозъ, и всѣ дороги замело. Хотѣлось ему поберечь Кристу. Онъ сказалъ, что возвратится передъ вечеромъ,

Криста побѣжа себѣ въ ближайшую избу „на пряжу“, какъ она смѣясь говорила хозяевамъ. Ее всюду охотно принимали. Она болтала имъ то, другое, безъ умолку, такъ что всѣ удивлялись, откуда у нея все это берется; няньчилась съ дѣтьми, сучила и пряла за бабушку, задремавшую на печи. Тамъ ей дали поѣсть и приглашали чаще приходить, когда она стала прощаться.

Въ ожиданіи дядюшки она затопила печь.

Густой туманъ покрылъ всю долину; вотъ наступили сумерки, а Залиша нѣтъ. Стемнѣло. Кристинка испуганно выглянула на дорогу, по которой онъ долженъ былъ прійти. Его не было. Она подумала себѣ, что онъ могъ забыться и выпить—и испугалась страшно. Рѣшилась идти на встрѣчу ему. Набросила на себя темный платокъ и пошла. Внизу въ селѣ уже свѣтились огоньки, на дорогѣ никого не встрѣчалось. На голыхъ деревьяхъ лишь каркали вороны—всюду пусто и мертво.

Криста шла быстрымъ шагомъ, такъ что лицо ея разгорѣлось. Она остановилась, желая разглядѣть въ темнотѣ, не идетъ ли кто; но никого не было. Она стала, наконецъ, звать дядюшку; прислушалась—лишь студный вѣтеръ, неистовствуя, завылъ со стороны лѣса, словно въ насмѣшку. Бѣдная дѣвочка хотѣла было уже вернуться, но подумала о дядюшкѣ, что онъ, быть можетъ, одинъ лежитъ гдѣ нибудь въ полѣ—и съ новымъ рвеніемъ пошла впередъ. Но вотъ тамъ возлѣ кустика, занесеннаго снѣгомъ, близь межеваго камня, что то чернѣетъ; въ первую минуту Криста испугалась было; но затѣмъ, какъ бы осѣненная какой то внутренней увѣренностью, что найдетъ, кого ищетъ, устремилась къ кусту и.... вскрикнула: тамъ лежалъ Залишъ, полузанесенный снѣгомъ, безъ шапки, и холодный вѣтеръ бросалъ по багровому лицу его черные волосы.

Кристина упала возлѣ него и стала звать по имени; будила его, трясла—все напрасно: онъ и не двинется: лишь сильно, напряженно дышалъ. Испуганная дѣвочка припомнила

себѣ, какъ нѣкоторые изъ сельчанъ, уснувши въ снѣгу, замерзли. „Уснулъ и болѣе не проснулся", говорили, о такихъ. Она осмотрѣлась вокругъ. Гробовымъ покровомъ бѣлѣли поля, а изъ тумана выступали темныя гигантскія очертанія лѣсовъ. Гдѣ то вдали блестѣлъ огонекъ. Она заплакала и снова стала будить Залиша, и опять напрасно. Она сбросила съ себя платокъ и укутала имъ голову и руки спящаго музыканта.

Повѣялъ вѣтеръ, и струны лежавшей на снѣгу скрипки застонали какъ то тоскливо. Изъ-подъ малаго платочка выбились свѣтлыя пряди волосъ Кристины и развѣвались во кругъ лица. Ей стало холодно. Снова оглянулась она вокругъ, и опять никого не было видно. Хотѣла было уже бѣжать въ село, но вдругъ ей показалось, что гдѣ то звенитъ колокольчикъ. Началъ падать снѣгъ, и еще болѣе стемнѣло. Стало опять тихо, она обманулась. Но вотъ звуки звонка въ самомъ дѣлѣ становятся все явственнѣе—кто то ѣдетъ въ саняхъ. Криста выскочила на дорогу, глаза ея заблестѣли, она забыла холодъ. Поздній путникъ уже близко....

„Вацлавъ!" крикнула радостно Кристина, и юноша разомъ остановилъ коня у края дороги.

— Кристо! что ты тутъ дѣлаешь, ради Бога? спрашивалъ онъ.

Она указала ему на Залиша.

„Возьми его съ собой, а то замерзнетъ" просила она.

Вацлавъ соскочилъ съ саней. Увидѣвши Кристу въ легкомъ платочкѣ и платьецѣ, онъ вскрикнулъ: „ты бы навѣрное прежде его замерзла, бѣдняжка!"

„Помоги лишь!"

И Вацлавъ взялъ Залиша на руки и отнесъ его въ сани; присутствіе Кристинки придавало ему силы. Онъ положилъ его сзади на двѣ связки сѣна, прикрывши армякомъ и платкомъ Кристы. Затѣмъ сбросилъ съ своей шеи платокъ и укуталъ имъ голову трясшейся отъ холода дѣвочки. Отъ тулупа же, который онъ предложилъ ей, она всячески отказывалась, наконецъ приняла.

Вацлавъ крикнулъ на лошадей, и онѣ помчались.

„Тебя самъ Богъ послалъ!“

Вацлавъ усмѣхаясь нагнулся къ Кристѣ. Онъ видѣлъ, какъ она бросала на него полные глубокой благодарности взоры.

;„А не сдѣлается ничего дурнаго дядюшкѣ?“

— Не бойся, ему тепло, а прежде онъ уснулъ лишь. Э, да тебя и не видать въ этомъ тулупѣ“ засмѣялся онъ.

Съѣзжая съ горы, онъ обвилъ кругомъ нея лѣвую руку, и она, прильнувши къ нему, спросила:

„Тебѣ не холодно, Вацлавъ?“

Онъ приложилъ лѣвую руку къ ея лицу; его спасительная рука была тепла. Такъ ѣхали они и далѣе въ темнотѣ. Скоро заблестѣли огни въ селѣ. Вацлавъ остановился у Залишева шалаша, надъ которымъ шелестѣли голыя вѣтви березъ.

Отнесши старика на постель, юноша помогъ Кристинкѣ развести огонь.

„Богъ заплатить тебѣ за все“ благодарила Кристинка Залишева воспитанника, когда онъ прощался съ ней.

Проснувшись старый музыкантъ осмотрѣлся удивленно вокругъ; долго не могъ онъ понять, какимъ образомъ очутился дома. Онъ помнилъ, что былъ разсерженъ въ селѣ, напился и вечеромъ ушелъ...

„Кто меня принесъ сюда?“

Кристинка рѣшилась воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы поднять Вацлава въ глазахъ старика и разсказала, какъ этотъ благородный юноша спасъ его.

Залишъ сдѣлалъ искривленное лицо и пробормоталъ: „Опать таки онъ!“

Только въ селѣ онъ узналъ, какъ было дѣло.

„Славная дѣвочка!“ шепталъ онъ дорогой и, прійдя домой, прижалъ голову Кристины къ своей груди, гладя ея свѣтлые волосы.

V.

Лучені, лучені!...
[Разлука, разлука!...]
(Изъ народной пѣсни).

Деревья одѣлись въ новый уборъ надъ хижинкой Залиша. Кристинка выросла, и изъ нея сдѣлалась красивая дѣвушка. Это замѣчали люди и говорили: „Она могла бы уже работать, дылда этакая!“ Поэтому то многіе сердились на нее и Залиша и гнали ихъ отъ своихъ дверей оскорбительными словами. Залишъ краснѣлъ, сердился и ругался. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ теперь чаще задумывался, сидя вечеромъ на порогѣ хижинки. Криста садилась на крышѣ подъ березами, смотрѣла на вечернее небо, пѣла и веселыя и тоскливыя пѣсни и наблюдала, какъ рядятся на небѣ звѣзды. Она не догадывалась, о чемъ думалъ дядюшка.

А онъ порѣшилъ на томъ, что такъ дальше быть нельзя, что Криста должна что нибудь дѣлать. Что иначе выйдетъ изъ нея? Привыкнетъ шататься, а тамъ? Тѣмъ не менѣе окончательно онъ ничего не рѣшилъ, сказавши себѣ: „уже послѣ жатвы!“

Тогда уже онъ сдержалъ данное себѣ слово. Отправившись къ хозяину „изъ подъ скалы“, онъ предложилъ ему въ услуженіе Кристину.

Тотъ какъ то побѣдоносно усмѣхнулся, но наконецъ милостиво согласился. Бѣдный Залишъ самъ не зналъ, какъ и сказать объ этомъ Кристѣ. Онъ всячески разукрашивалъ это дѣло, оборачивалъ на разные лады, часто молчалъ, но наконецъ сказалъ таки всю суть. Для Кристины это было чистымъ открытіемъ, и она опустила голову. Залишу показалось, что онъ видитъ на лицѣ ея слезы. Подойдя къ ней, онъ сталъ гладить и утѣшать ее, какъ могъ.

Не работы боялась она, даже не горя: ей такъ не хотѣлось уходить отъ любимаго „дядюшки“.

На другой день она связала узелокъ и пошла съ пла-

чемъ, сопровождаемая Залишемъ. Онъ далъ ей разныя наставленія и остерегалъ ее особенно отъ сближенія съ Залишами.

Въ этотъ день пустили съ нею стадо въ садъ около дома, такъ какъ было уже на подзимъ. Она стояла у плетня подъ старой сиренью и задумчиво смотрѣла на заходящее солнце.

„Такъ ты здѣсь теперь будешь?“ спросилъ кто то поодаль веселымъ голосомъ. Это былъ Вацлавъ, возвращавшійся съ поля съ мотыгой на плечѣ. Она обрадовалась.

А внизу, въ корчмѣ уже сидѣлъ Залишъ и пѣлъ:

„Кдо ту цесту ушляпал,
Тен млинарку миловал“.

Скрипка его стонала, смычекъ дико ѣздилъ по струнамъ, Лицо музыканта побагровѣло, и черный волосъ вился на лбу. Смѣялись селяне—и Залишъ снова выводилъ свое....

VI.

Хозяинъ Кристины былъ сосѣдомъ Залишу, брату нашего музыканта. За домами ихъ тѣсно были расположены другъ возлѣ друга сады съ фруктовыми деревьями. Между садами шла узенькая дорожка, осѣняемая растущими у плетня вербами и березами.

Залишъ былъ вдовецъ и не имѣлъ дѣтей. Онъ усыновилъ Вацлава, сына дальней своей родственницы. На младшаго своего брата музыканта онъ былъ очень похожъ, но нѣсколько ужъ лѣтъ не говорилъ съ нимъ. Въ селѣ о немъ Богъ знаетъ что говорили и боялись его. Постоянно почти мрачный, онъ былъ необыкновенно гнѣвливаго характера; вѣчно бурчалъ, хотя мало чего достигалъ этимъ.

Его отецъ былъ богатый торговецъ пряжей; младшаго сына онъ отдалъ въ школу къ отцамъ бенедиктинцамъ въ Брумово, гдѣ тому, впрочемъ, недолго пришлось учиться латыни: пряжа упала въ цѣнѣ, торговля ослабѣла, и старый

Залишъ понесъ убытки и очутился въ очень стѣсненномъ положеніи, а затѣмъ обѣднѣлъ. У него осталась лишь его четвертая часть, да и то обремененная долгами.

Антонинъ, младшій сынъ долженъ былъ возвратиться изъ школы домой и пребывать на поляхъ и въ лѣсу. Затѣмъ, сдѣлавшись уже молодымъ человѣкомъ, онъ влюбился въ Кристинку, дочь мельника. Горячій отъ природы, онъ полюбилъ ее со всей страстью молодой души; но ее выдали за богатаго, и бѣдный Тондикъ бросился во вся тяжкая: неистовствовалъ на музыкѣ; пилъ и гулялъ и наконецъ, чтобы окончательно заглушить внутреннее безпокойство, вступилъ въ военную службу. Выслуживши срокъ, онъ возвратился домой зимней порой и сталъ требовать у брата своей доли, такъ какъ отецъ уже умеръ. Но въ завѣщаніи этого послѣдняго объ Антонинѣ не было упомянуто ни единымъ словомъ. Воинъ сталъ было браниться, но братъ вытолкалъ его изъ родной хижины.

Съ той поры и ненавидитъ музыкантъ своего брата, этого „обжору, скрягу и злодѣя". Раненый на войнѣ, отъ брата онъ получилъ послѣдній ударъ. Тогда то схватилъ онъ скрипку и пошелъ съ ней по корчмамъ и трактирамъ; играя онъ опять запилъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ и нашелъ на межѣ Кристинку, и она стала для него ангеломъ хранителемъ.

И вотъ теперь онъ снова одинъ въ избѣ. Сначала сильно грустилъ онъ по Кристинкѣ и нетерпѣливо ждалъ вечера, когда она должна была на минуту забѣжать къ нему послѣ работы. Онъ распросилъ ее, хорошо ли ей у хозяевъ, не тѣснятъ ли ее, и въ концѣ концовъ снова остерегъ ее отъ Залишей

Затѣмъ онъ заигралъ на скрипкѣ, и она запѣла по прежнему.

Когда она однажды долго не приходила, онъ еле могъ дождаться ея. Онъ и не зналъ, бѣдняга, что она теперь

частенько стоитъ у плетня и разговариваетъ черезъ дорогу съ Вацлавомъ Залишевымъ!

Не знаю, какимъ образомъ это происходило, но мододая парочка успѣвала, видась не рѣдко и днемъ, каждый вечеръ послѣ работы „на минутку“ сойтись у плетня.

Пришелъ опять „щедрый вечеръ“.

Кристинка веселилась, какъ дитя, дождавшись наконецъ желаннаго дня. Встрѣтившись съ ней въ полдень на дворѣ, Вацлавъ спросилъ ее:

„Пойдешь на утреню?“

— Не знаю еще.

„Ну, пойдемъ! Хорошо?“

— Можетъ быть,—и она усмѣхнувшись, весело кивнула головой и убѣжала.

Вечеромъ она забѣжала къ Залишу. Онъ сидѣлъ у очага, склонивши голову; возлѣ лежала на полу скрипка.

Усмѣхнулся старый, увидѣвши дѣвушку, и лице его прояснилось.

Кристина выложила все принесенное ею: пшенную кашу, мучную похлебку со сливами, запеченную бабку, яблоки и орѣхи—и лукаво проговорила: „это оставьте себѣ, видите?

Она посидѣла еще у него, а онъ тѣмъ временемъ, взявши скрипку, заигралъ рождественскую пѣснь:

„Похвален Пан Іежиш Кристус!“

Пѣла и Криста, какъ и въ прошломъ году, подъ аккомпаниментъ скрипки. Залишъ увлекался все болѣе и болѣе, занесся въ свою юность, и изъ хижинки понеслись къ звѣздному небу звуки соло, играннаго имъ когда то на хорахъ въ церкви. Тогда еще пѣла Кристинка „Зе млина“....

Залишъ въ прошломъ году прижималъ къ груди свою воспитанницу, гладилъ ея свѣтлые волосы, теперь же онъ лишь смотрѣлъ на нее упорно блестящими глазами и шепталъ: „настоящая роза, настоящая!“

„А ты уже собираешься идти? А я думалъ, что сегодня ты подольше останешься у меня! Ты незнаешь, какая мнѣ тоска!“... и онъ замолкъ и склонилъ голову. Кристинка почувствовала въ сердцѣ упрекъ и сѣла опять, хотя уже прежняя веселость изчезла. Она стала прислушиваться, не звонятъ ли къ церкви.

Залишъ тоже вдругъ сдѣлался неразговорчивъ.

Когда наступила полночь, Кристинка встала и, гладя дядюшку Залиша, сказала ласковымъ голосомъ:

„Не сердитесь дяденька; мнѣ такъ хочется пойти въ этомъ году на церковное служеніе. Не будете сердиться?“

Залишъ обнялъ ее горячо, но, вдругъ выпустивши, прошепталъ: „иди, Кристинко, иди“.

Она подошла къ первой избѣ, около которой стоялъ огромный журавъ. Изъ тѣни выступила огромная фигура въ барашковой шапкѣ.

„А—Криста!“ засмѣялся Вацлавъ. „Я зналъ, что ты у дядюшки“.

— А ты ждалъ меня? Вотъ хорошо!

И они стали сходить съ горы внизъ къ сосѣднему селенію, расположенному подъ горой.

Все было занесено снѣгомъ, подъ тяжестью котораго гнулись самые лѣса. Дорога была скользкая, такъ что Кристинкѣ приходилось частенько держаться за Вацлава. Темносинее небо было усѣяно милліонами звѣздъ. Молодая парочка остановилась перевѣсти духъ.

„Сказать тебѣ, Вацлавъ, что говорила хозяйка“ промолвила, постоявши съ минуту, Криста: „ходишь къ намъ, говоритъ за нашей Каченкой (Катенькой)?

— Эта болтунья...., и ты повѣрила ей, Кристинка?

„А кто знаетъ!“, и она плутовски усмѣхнулась, а блестящіе глаза остановились на его лицѣ.

Тутъ поскользнувшись она ухватилась за Вацлава, который горячо обнялъ ее. „И ты вѣришь этому!“ говорилъ онъ

крѣпко держа ее въ своихъ объятіяхъ. Ихъ лица были очень близко, и онъ слышалъ ея теплое дыханіе, а подъ рукой его билось сердечко, какъ пойманная пташка. Вдругъ онъ нагнулся и поцаловалъ ее въ алыя губы.

Въ священной тишинѣ святой ночи раздался величественный гласъ колоколовъ, дружно сзывавшихъ народъ на поклоненіе и прославленіе великаго свѣтила, учителя любви.

Словно ошеломленная, находилась Криста въ объятіяхъ Вацлава. Невѣдомымъ доселѣ счастіемъ повѣяло въ душѣ ея, сердце забилось сильнѣе, захватывало духъ. Наконецъ, выскользнувши изъ объятій, съ разгорѣвшимся лицомъ, она посмотрѣла на Вацлава и тотчасъ же опустила глаза.

„Теперь вѣришь, прошепталъ юноша, что я хожу къ вамъ не изъ-за хозяйской дочки?“

— „Вѣрю“.

Колокола звенѣли—молча шелъ Вацлавъ съ Кристиной въ церковь.

VII.

Ани мнѣ то лиде не прею(тъ), (одобряютъ)
Же (что) ходим за тобоў,
Ани мнѣ то лиде не прею,
Же тѣ (тебя) мамъ (имѣю) рад.
Нар. пѣсня.

Прошла зима. Изъ дома Залишей вышла сама хозяйка Кристины.

Около стола въ комнатѣ задумчиво сидѣлъ Залишъ*) съ погасшей трубкой въ рукѣ. На чорныхъ волосахъ его показывалась уже сѣдина. Огромныя брови огибали небольшіе сѣрые глаза; носъ былъ великъ и изогнутъ; выступавшій изъ подъ него впередъ ротъ придавалъ всему лицу необыкновенно твердое, даже суровое, выраженіе.

Посѣтительница наговорила ему Богъ знаетъ чего и убѣждала лучше присматривать за Вацлавомъ; по ея словамъ,

---

*) Здѣсь идетъ рѣчь о братѣ музыканта, семейномъ Залишѣ, усыновившемъ Вацлава. *Переводчикъ.*

теперь еще можно всему положить предѣлъ, а позже не обойдется безъ скандала.

Сынокъ—будущій наслѣдникъ всего дома, такъ какъ Залишъ хотѣлъ усыновить его по всей формѣ, и вдругъ онъ замаралъ себя сближеніемъ съ дѣвочкой, когда то шарлатанившей по дорогамъ, съ воспитанницей пьянаго музыканта!

Старый Залишъ презрительно усмѣхнулся, когда ушла гостья. Онъ ни во что ставилъ старыхъ сплетницъ, а тутъ еще изъ устъ посѣтительницы сорвалось нѣсколько разъ имя „Каченка"....

Съ Залишемъ случилось что-то странное. Обыкновенно онъ сидѣлъ въ трактирѣ у стола въ углу далеко за полночь, много пилъ и, чѣмъ болѣе, тѣмъ становился неразговорчивѣе и сердитѣе. Нынче же онъ всталъ еще до одиннадцати часовъ и ушелъ. Сосѣди крутили сомнительно головой, разгулявшаяся же молодежь ничего не примѣтила.

Былъ сырой весенній вечеръ. Отъ трактира тянулся большой садъ, въ концѣ котораго въ густомъ кустѣ сирени стояла статуя св. Яна Непомуцкаго.

Залишъ шелъ тихо въ тѣни деревьевъ канавкой вдоль сада. На ступеняхъ статуи сидѣлъ Вацлавъ съ Кристиной. Рука ея покоилась въ рукѣ молодаго человѣка, который по временамъ, наклоняясь къ ней, шепталъ что-то, подобно тому, какъ лепетали деревья надъ благовонной сиренью.

Вотъ чтото громко зашумѣло въ кустѣ, и парочка очнулась и оглянулась. У Вацлава выступила кровь на лицо, у Кристины на мгновеніе замерло сердце.

Надъ ними стояла темная плечистая фигура могучаго Залиша. Губы его были полуоткрыты, изъ-подъ густыхъ бровей блестѣли сѣрые глаза.

„Вацлавъ!" проговорилъ онъ мрачнымъ, дрожащимъ голосомъ: „такъ ты такъ?!"

Кристинѣ казалось, будто она слышитъ далекіе раскаты грома.

„Иди“, говорилъ далѣе разсердившійся Залишъ: „иди и не смѣй мнѣ болѣе знаться съ этой бродягой! А ты, дѣвка, берегись! Я съумѣю обойтись съ тобой, если начнешь опять, такъ же какъ съумѣлъ устроиться съ тѣмъ твоимъ дядюшкой, негодяемъ!“

Залишъ тяжело дышалъ.

— Не трогайте ужъ вы моего дядюшки!“ крикнула Кристинка, опамятавшись послѣ испуга: вы еще осмѣливаетесь порочить его, вы, который обманулъ его, выгналъ изъ дома!

И Кристина въ гнѣвѣ выпрямилась.

„Ну ты, молчи!“ и Залишъ быстро подошелъ и поднялъ правую руку; но тутъ Вацлавъ загородилъ ему дорогу и, схвативши его за руку, крикнулъ: „опомнитесь, тятенька!“

Залишъ рванулся; лицо его побагровѣло до черноты, и зашатавшись онъ рухнулся о земь....

—

Въ этотъ же вечеръ музыкантъ—Залишъ сидѣлъ на порогѣ своего барака. Полный мѣсяцъ озарялъ всю долину; внизу и на горахъ было тихо, лишь березы надъ барачкомъ вздыхали въ вечернемъ вѣтеркѣ. До ночи ждалъ Залишъ Кристину. Пополудни она забѣжала къ нему на минутку и пообѣщала прійти опять вечеромъ. И не пришла.

Сегодня онъ особенно соскучился по ней и былъ почти самъ не свой.

Послѣ того, какъ онъ пересталъ ее часто врдѣть, говоримь съ ней, она сдѣлалась для него еще дороже. Когда случалось ему поговорить съ ней, онъ то и дѣло удерживалъ ее у себя, послѣ же ухода ея лишь о ней и думалъ.

Березы нѣжно шелестѣли, и въ тихой ночи доносились изъ села смѣшанные звуки музыки.

Сегодня Залишъ чувствовалъ себя совершеннымъ юношей, какъ во время оно, когда сидѣлъ бывало на скалѣ подъ осинами и смотрѣлъ по направленію къ мельницѣ; сердце его билось, какъ и тогда „кдо ту цесту шляпавал“.

И почеми не пришла эта Кристинка? Она тамъ, у му-

зыки, вѣроятно съ своимъ милымъ—Залишъ особенно испугался этого.

Онъ всталъ и, притворивъ двери, пошелъ задами къ гостинницѣ, гдѣ играла музыка. Полевой тропинкой онъ пришелъ прямо къ статуѣ св. Яна Непомука. Въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ онъ невольно остановился: сирень дышала ароматомъ, деревья перешептывались между собой, какъ и тогда, когда онъ ожидалъ на музыку Кристинку мельникову. Вотъ музыка перестала играть; Залишу показалось, что онъ слышитъ смятенный шумъ; онъ прислушался—все затихло.

Онъ хотѣлъ было идти къ гостинницѣ, но вдругъ замѣтилъ въ концѣ сада приближающуюся къ нему женскую фигуру, которую онъ тотчасъ же узналъ. Это была Кристинка, которая, увидѣвши Залиша, спѣшила къ нему и, упавши въ его объятія, заплакала.

Залишъ сталъ успокаивать ее и разспрашивать о причинѣ слезъ.

„Порочили маму, васъ, меня... и выгнали меня...“

— Кто?, и Залишевы глаза блеснули гнѣвомъ.

„Хозяйка моя и Качена“.

Залишъ хотѣлъ было бѣжать къ нимъ, но Криста стала просить его идти съ ней домой.

Въ Залишевомъ шалашѣ сегодня было какъ-то особенно грустно. Чрезъ отверзтіе проникалъ блѣдный лучъ мѣсяца, чертя на утоптанномъ глиняномъ полу свѣтлыя фигуры.

Криста разсказала дядюшкѣ, что сошлась съ Вацлавомъ въ саду—это она говорила стыдясь—, что тамъ ихъ захватилъ въ расплохъ отецъ Вацлава, который, чрезмѣрно разсердившись, вдругъ грохнулся о земь. Поднялся шумъ, прибѣжала ея хозяйка съ дочерью и, какъ змѣя, набросилась на нее, Кристинку, называя ее причиной всей бѣды, упрекая въ завлеченіи парней и проч.

Залишъ мрачно слушалъ дѣвушку, склоня голову. Затѣмъ, услышавши, что Криста съ Вацлавомъ стояли въ саду,

сорвался съ мѣста, вышелъ вонъ и бродилъ Богъ знаетъ гдѣ.

На другой день въ полдень въ селѣ и по долинамъ разносился скорбный гласъ погребальнаго колокола. Селяне останавливались, вопросительно поглядывая другъ на друга, и кивали головой въ знакъ того, что поняли, въ чемъ дѣло: „А, это, по немъ. Ну, дай Богъ ему легкое отдохновеніе!"

— Да, да, по немъ. Ужъ одинъ разъ онъ воскресъ, но теперь бѣдняга покончилъ свой вѣкъ. Эти Залиши всѣ такого горячаго темперамента. Ужъ это у нихъ въ крови.

— А такъ, и, повѣрите-ли, пилъ предъ этимъ, какъ еще никогда.

— Конечно, это отъ того..

— Гмъ, онъ умеръ и услужилъ другому.

— А такъ: Вацлавъ, какъ...

— Идите себѣ! Вѣдь покойникъ доселѣ еще не узаконилъ его своимъ сыномъ, а предъ смертью не владѣлъ языкомъ. Теперь все сцапаетъ Антонинъ, музыкантъ.

— Что вы..., и кума поразили удивленіемъ эти слова; онъ стоялъ выпучивъ глаза.

Въ самомъ дѣлѣ звонили по усопшемъ Залишѣ.

Въ саду его поразилъ ударъ, и сильный, плечистый хозяинъ уже не существовалъ болѣе, лишившись передъ смертью и употребленія языка.

Сокрушенно стоялъ Вацлавъ на колѣнахъ у постели своего благодѣтеля. Призванный изъ мѣстечка врачъ явился слишкомъ поздно....

Залишъ упорно смотрѣлъ на Вацлава, какъ бы желая ему чтото сказать; по крайней мѣрѣ всѣмъ такъ показалось. Лицо его изображало страшную душевную борьбу.

Послали за Антониномъ, чтобы братья успѣли примириться. Но того не было въ баракѣ. А когда отыскали его, братъ былъ уже мертвъ.

Антонинъ не былъ даже и на погребенiи, а явился только на могилу покойника.

Вечеромъ послѣ погребенiя онъ вошелъ въ свѣтлицу братняго дома, впервые послѣ многихъ лѣтъ. Въ комнатѣ было темновато, хотя на дворѣ еще проскальзывалъ сквозь деревья яркiй лучъ заходящаго солнца. Вацлавъ задумчиво посмотрѣлъ на вошедшаго и вдругъ вздрогнулъ, увидѣвши въ немъ дядю-музыканта, все еще одѣтаго въ худую заплатанную одежду.

„Съ нынѣшняго дня домъ мой!“ сухо поздоровавшись, проговорилъ Антонинъ: „Объявляю тебѣ, что завтра-же мы начнемъ сюда перебираться“, и онъ какъ-то странно усмѣхнулся при этихъ словахъ.

— Можете, я немогу вамъ помѣшать—мрачно, но твердо промолвилъ Вацлавъ.

„Есть что нибудь твое въ домѣ?“ спросилъ чрезъ минуту Залишъ.

— Ничего...„

Настала минута молчанiя, нарушенная уходомъ музыканта.

VIII.

Не будеш ма (моя),
Нени можна (невозможно)
Народн. пѣсня.

Въ утреннемъ вѣтеркѣ шелестѣли березки надъ Залишевымъ баракомъ. Надъ Кладскимъ Боромъ алѣлъ небесный сводъ—предъ восходомъ солнца. На убогой постели еще спала Кристинка, напоминавшая собою бутонъ бѣлой розы. На прекрасномъ лицѣ ея видны были слѣды заботъ. Золотые полураспущенные волоса падали чрезъ плечо на молодую грудь. Ставня у окна была отодвинута, и утренняя заря заглядывала въ комнатку.

Надъ спящей дѣвушкой стоялъ Залишъ въ изодранномъ своемъ одѣянiи; на пуговицѣ заплатаннаго кафтана висѣла

старая скрипка. Шапку онъ держалъ въ рукахъ, словно молясь. На лицѣ видно было умиленіе.

Упавши на колѣна, онъ поласкалъ ее по лицу.

„Кристо, Кристинко, проснись!“ шепталъ онъ.

Она вскочила, словно лань, и въ одно мгновеніе была совсѣмъ одѣта.

„Будемъ отправляться!“ сказалъ съ усмѣшкой Залишъ.

Криста не обнаружила радости.

„О, лучше было намъ въ этой хижинкѣ. Кто знаетъ, какъ тамъ то будетъ!“

Переходя черезъ порогъ, она еще разъ осмотрѣла бѣдную комнатку и зарыдала. Зашумѣли тоскливо, словно чуя разлуку, и наклонившіяся березы.

Залишъ не выказывалъ грусти; напротивъ, его лицо лишь улыбалось...

Вотъ то глазѣли и дивились люди, когда Залишъ шелъ съ Кристой чрезъ село въ собственный домъ.

„Величайшему бездѣльнику и величайшее счастье!“

— „Какъ нажилъ, такъ и прожилъ!“ *)

— А, онъ скоро растратитъ все, накопленное покойникомъ!

— То-то будетъ теперь величаться эта бродяга—говорили завистливыя дѣвушки—Вацлавъ долженъ будетъ ужъ оставить свои ухаживанья: теперь онъ ничего неимѣетъ, и она насмотритъ себѣ другаго“.—

Но никого не нашлось, кто ласково привѣтствовалъ бы ихъ словами: Дай Богъ вамъ счастья!

И такъ Залишъ сталъ хозяиномъ.

Проходя сводчатыми воротами изъ краснаго камня, надъ которыми шумѣли двѣ липы, Кристина внимательно осматривала дворъ, желая увидѣть Вацлава. Но его нигдѣ не было. Въ комнатѣ хозяева были встрѣчены старой дѣвкой.

„Гдѣ Вацлавъ!“ спросилъ наконецъ Залишъ.

— Ушелъ еще ранымъ-рано, взявши свое платье и серебря-

*) Пословица народная. Переводч.

ныя цѣпочки, купленныя ему покойникомъ.—Кристу кольнуло въ сердце.

Залишъ оставилъ все постарому, какъ было при братѣ. Въ воскресенье онъ отправился въ городъ и воротился совсѣмъ въ иномъ видѣ: вмѣсто старой одежды на немъ было платье изъ прекраснаго сукна; на ногахъ были высокіе блестящіе сапоги; блестящіе черные волосы были гладко причесаны. Криста едва могла даже узнать его: такъ измѣнился бѣдный музыкантъ, игравшій ей на скрипкѣ, пѣвшій съ нею, учившій ее...

Изъ узелка онъ вытащилъ нѣсколько штукъ разной матеріи для платья и прекрасные цвѣтные платки.

У Кристы засверкали глаза при видѣ такихъ красивыхъ подарковъ. Но затѣмъ лицо ея опять сдѣлалось грустнымъ, и она какъ-то печально прошептала: „Награди васъ Богъ!“

О комъ она это вспомнила?

Залишъ, устроившись окончательно, созвалъ сосѣдей на маленькую „трахтаци“ (угощеніе, пиръ).

Пили всѣ созванные гости: мужчины, женщины, дѣти и домашняя челядь, пилъ и Залишъ съ ними.

Всѣ льстили ему, хвалили, забывши о томъ, что сами-же говорили о немъ прежде.

У Залиша только блестѣли глаза, постоянно слѣдившіе за Кристиной; а она бѣгала, словно волчекъ, прислуживая всѣмъ съ натянутой веселостью.

Когда въ домѣ сдѣлалось уже очень шумно отъ криковъ и пѣсенъ, она улучила минутку и выбѣжала изъ комнаты; пробѣжавши дворъ, она вошла задними воротами въ садъ и стала подъ старой яблонью. Изъ-за дома показалась какая-то тѣнь и быстро подбѣжала къ Кристинѣ: это былъ Вацлавъ, который и заключилъ дѣвушку въ свои объятія.

„Старая Бѣта (Елизавета) сказала мнѣ, что ты здѣсь. Какъ у меня подъ ногами словно горѣла земля! Но я никакъ

не могла выскочить раньше.“ И влюбленные съ минуту простояли молча въ сладкомъ обаяніи любви.

„Когда я тебя не увидѣла въ домѣ и узнала о твоемъ уходѣ, у меня сжалось сердце, и чуть не сдѣлалось какое то помраченіе. Гдѣ ты теперь, Вацлавъ?“

— Внизу, въ деревнѣ; буду тамъ искать службы—говорилъ бывшій наслѣдникъ Залишева дома.

У Кристины выступили на глазахъ слезы.

„Это должно измѣниться, Вацлавъ; ты не можешь идти въ услуженіе, иначе пойду и я!“

Юноша, счастливый отъ такой вѣрной любви, обнялъ свою милую дѣвушку.

„Ну, ты ужъ останься, останься, Кристинко, все таки...
Онъ не договорилъ: со двора донесся сильный голосъ Залиша звавшаго Кристину. Влюбленные разстались съ обѣщаніемъ завтра свидѣться опять.

Вацлавъ еще съ минуту постоялъ около яблони, смотря на домъ, откуда долетали ликованія новаго хозяина и его гостей.

Залишъ, сдѣлавшись владѣльцемъ дома, замѣтно измѣнился. Но съ Кристиной онъ былъ постоянно ласковъ, даже ласковѣе прежняго. Онъ предупреждалъ каждое ея желаніе и, кажется, скупилъ бы цѣлую лавку, если бы только она того пожелала. Она сдѣлалась настоящей госпожей въ домѣ: каждое ея слово значило столькоже, сколько слово самого хозяина. Но за всѣмъ тѣмъ онъ смотрѣлъ за нею, какъ за зеницей ока, и сторожилъ каждый ея шагъ.

Долго пришлось Вацлаву ждать подъ яблонью Кристины; да и эту минуту утѣхи она должна была украсть, добыть ложью, такъ какъ замѣтила, что дядюшка ненавидитъ Вацлава не менѣе, чѣмъ и своего покойника—брата. Какъ только ей случалось упомянуть о бѣдномъ юношѣ, Залишъ, обыкновенно столь ласковый и обходительный, насупливался и дѣлалъ видъ, будто не слышитъ.

Тѣмъ не менѣе Криста продолжала еще надѣяться, что убѣдитъ дядюшку въ неосновательности его нелюбви къ молодому человѣку и примиритъ ихъ.

Залишъ далъ поправить старую братнюю бричку и каждое воскресенье ѣздилъ съ Кристой въ церковь, а послѣ богослуженія останавливался въ гостинницѣ, покупалъ желе, рожковъ и пива и приглашалъ свою воспитанницу къ музыкѣ; но она отказывалась, и тогда Залишъ подпивши начиналъ бушевать въ гостинницѣ, сердился и бранилъ селянъ за ихъ прежнія шутки и издѣвки. Кристина замѣчала странныя улыбки въ селѣ, когда она шла или ѣхала съ Залишемъ, видѣла, какъ люди перешептывались и качали головами, но не понимала значенія всѣхъ этихъ дѣйствій.

Пришла зима. Деревья были укутаны снѣгомъ, занесены были всѣ дороги, густой сѣдой туманъ покрылъ горы, а снѣгъ все падалъ и падалъ.

Однажды вечеромъ сидѣлъ Залишъ въ большой комнатѣ; въ печи пылалъ огонь, бросая красное дерево на стѣну. Сидѣлъ Залишъ и размышлялъ о томъ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ такую-же зиму лежалъ онъ, покинутый всѣми подъ кустомъ, и какъ Кристина спасла его.

Сегодня ея что то долго не было. Она ушла куда-то, когда онъ былъ на гумнѣ, и до сихъ поръ еще не возвращалась. Залишъ всталъ и, склонивши голову, началъ ходить по комнатѣ; потомъ вдругъ дрогнулъ, и грудь его задрожала, какъ у юноши: предъ нимъ стояла Кристина. Ея лицо было серьезно, и по глазамъ онъ замѣтилъ, что она хочетъ что-то сказать; онъ тоже обдумывалъ, какъ бы высказаться передъ ней, но когда она показалась, онъ все забылъ.

„Вотъ такъ погодка!“ проговорилъ Залишъ смущенно.

— Мятель.—

„Точь въ точь, какъ тогда, послѣ Рождества, когда ты меня.., помнишь, Криста?..

— Тогда, послѣ Рождества...—Залишъ понялъ тайный упрекъ этихъ словъ.

— „Дяденька—продолжала она нѣжно:нынѣшнее Рождество—послѣднее у меня съ вами.“

Залишъ вытаращилъ чорные свои глаза.

Криста склонила голову и, помолчавъ съ минуту, начала такъ, часто запинаясь: „Люблю Вацлава... знаю, что вы никогда не позволите... Слышала также, что вы намѣрены жениться... Вацлавъ съ Рождества нашелъ уже себѣ мѣсто, я пойду тоже... спасибо вамъ за все....“

Тутъ голосъ ея прервался, и очи помутились.

Вѣдь дядя былъ всегда такимъ благодѣтелемъ ея...

Залишъ словно окаменѣлъ и, лишь спустя нѣкоторое время, могъ сказать ей слѣдующее:

„И ты хочешь покинуть меня, Кристинка?! Тебя кто нибудь оскорбилъ, можетъ быть, я? А я такъ хорошо думалъ.. Я хотѣлъ тебя...,—у него дрожалъ голосъ — я хотѣлъ тебя взять....“ онъ умолкъ.

— Я бы могла, пожалуй, у васъ остаться и ничего не говорить, но со временемъ все таки я должна была бы сказать: мнѣ должно васъ оставить, люблю Вацлава; вы бы могли меня упрекнуть въ неблагодарности, такъ какъ я знаю вашу нелюбовь къ этому юношѣ—и вотъ я предпочитаю уйти совсѣмъ отсюда..—

„Такъ тебѣ Вацлавъ милѣе?! и въ Залишѣ разгорѣлась горячая кровь всего его рода; онъ почувствовалъ страшный приливъ ненависти къ своему сопернику.

„Если такъ, иди, иди!“ кричалъ онъ, и лицо его сдѣлалось темнымъ. Смотри только—не пожалѣй, когда вспомнишь, какъ ты меня оскорбила. Ты бы могла все имѣть у меня, все бы далъ тебѣ, хотѣлъ тебя взять за себя...“ Онъ снова замолчалъ и сталъ быстро ходить по комнатѣ.

Кристина видимо боролась въ сердцѣ своемъ. Не угрозы пугали ее; но она любила дядюшку, была ему благодарна.

Сначала она не сообразила, чего онъ хотѣлъ, затѣмъ уже догадались, и это разсѣяло всѣ сомнѣнія.

„Отпустите меня, дяденька, я не могу иначе"

— Ну, ступай себѣ съ Богомъ—проговорилъ онъ быстро и поворотился къ окнамъ.

Кипѣло все въ немъ, въ головѣ шумѣло, и онъ не слышалъ тихаго плача дѣвушки; а когда оборотился, въ комнатѣ было пусто, тихо и темно.

А на дворѣ завывалъ вѣтеръ и гналъ въ окна хлопья снѣгу. И Залишу представилась вся въ снѣгу горная мѣстность, темный вечеръ, лежащій въ снѣгу человѣкъ и надъ нимъ дрожащая отъ холода Кристинка, съ распущенными волосами, спасшая его потомъ...

Онъ быстро пошелъ къ дверямъ, но вдругъ остановился.

Вошла старая Бѣта, печальная.

„Гдѣ Криста?" спросилъ онъ поспѣшно.

— Приказала кланяться вамъ и благодарить тысячу разъ"—

Залишъ, пробормотавъ чтото, махнулъ рукой.—

Насталъ опять „щедрый вечеръ".

Служанка Залиша ушла вечеромъ, и онъ одинъ сидѣлъ задумавшись за столомъ. Со времени ухода Кристины онъ былъ постоянно не въ духѣ, сердитъ, раздражителенъ до нельзя и частенько попивалъ.

Долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ, такъ что въ тишинѣ ночи разнеслись уже глухіе звуки колоколовъ, зовущихъ на заутреню.

Въ эту же пору шли въ церковь и Вацлавъ съ Кристиной. Кристина была до сихъ поръ у сестры старой Бѣты и послѣ Рождества должна была отправиться въ услуженіе въ сосѣднее село.

Вацлавъ тоже нашелъ себѣ мѣсто.

Влюбленные остановились въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда то впервые поцѣловались, и гдѣ Вацлавъ спросилъ: Вѣришь ли теперь, что хожу не для Качены?

Словно сговорившись, они тутъ пообѣщали себѣ быть вѣрными другъ другу и рѣшились прилежно работать и собирать средства. Они были молоды, и ихъ неискушенныя опытомъ жизни сердца кипѣли энергіей и съ довѣріемъ смотрѣли на будущее.

Послѣ праздника они дѣйствительно отправились на службу. Видѣлись обыкновенно по воскресеньямъ, но часто Вацлавъ и въ субботу прибѣгалъ вечеркомъ къ своей милой и возвращался домой поздно, полный надеждъ.

—

Грустно было въ домѣ Залиша. Самъ онъ теперь все чаще и чаще слонялся гдѣ нибудь, засиживался въ корчмѣ, и, когда возвращался домой весь красный, съ свѣтящимися глазами, служанка говорила себѣ: „Быть грозѣ!“

Прошла зима, настала цвѣтущая пора весны.

Залишъ былъ все тотъ-же, только пилъ больше и чаще, а о хозяйствѣ не заботился много.

„Вотъ если-бы покойникъ всталъ изъ гроба!“ говорили люди.

— Сказали же мы уже прежде: какъ нажилъ, такъ и прожилъ.

— Жаль всего добра!“ говорилъ Вацлавъ, когда ему случалось ѣхать большой дорогой.

У Кристины сжималось болью сердце, когда она слышала обовсемъ этомъ. Съ какой охотой пошла бы она къ Залишу навѣстить его: да вѣдь не успокоила бы его—навѣрное причинила бы только еще большую скорбь.

Странныя вѣсти разсказывались въ селѣ про Залиша. Часто подпивши садился онъ на сундукѣ и, наигрывая на своей старой скрипкѣ, хрипливымъ голосомъ подпѣвалъ.

„Кдо ту цесту ушляпал,
Тен млинаřку миловал“

Разъ старая Бѣта видѣла его стоящимъ въ комнатѣ надъ открытымъ сундукомъ: онъ смотрѣлъ на свое старое платье музыканта и плакалъ.

Временами служанкѣ бывало у него хорошо, временами дурно; то она могла дѣлать съ нимъ, что угодно, то опять онъ бранилъ ее и сердился—просто бѣда!

Однажды, будучи въ необычайно раздраженномъ состояніи, онъ выгналъ изъ дому вѣрную хозяйку, старую Бѣту, и остался совершенно одинъ.

Цѣлыхъ три дня затѣмъ его не было дома.

Узнавши объ этомъ, Криста рѣшилась навѣстить его и, взявши на голову платокъ, отправилась въ дорогу. День склонялся къ вечеру, когда она пришла въ домъ. Служанка была въ полѣ, и въ домѣ было тихо, какъ на кладбищѣ. Съ замираніемъ сердца подошла Криста къ дверямъ. На каменной скамейкѣ у двери сидѣлъ Залишъ, склонивши голову. Глаза его блестѣли болѣзненнымъ огнемъ, лицо было багровое. Онъ повременамъ махалъ рукой, бормача странныя вещи; разъ вскочилъ съ мѣста, продолжая кричать непонятныя слова, путая и смѣшивая все вмѣстѣ.

Кристина перепугалась, догадавшись, что онъ лишился разсудка.

„Дяденька!“ проговорила она ласково звучнымъ своимъ голосомъ. Залишъ выпучилъ глаза.

„А, это ты, Криста... тутъ!“ крикнулъ онъ и продолжалъ произносить разныя дикости. Затѣмъ онъ упалъ на скамью. Криста положила руку на его лобъ—онъ былъ горячъ, какъ огонь.

„Боленъ, тяжко боленъ“ вздохнувши проговорила Кристина. Съ помощью пришедшей съ поля служанки она уложила больнаго на постель; онъ кричалъ, горя во всемъ тѣлѣ, и былъ въ бреду.

Болѣзнь была тяжка. Залишъ не узнавалъ никого и то и дѣло въ бреду то самъ бѣжалъ неустанно, то бранился съ покойнымъ братомъ, то гналъ Вацлава, и Бѣту, и Кристину.

Пріѣхавшій изъ мѣстечка врачъ призналъ болѣзнь опасной. Криста не отходила отъ постели больнаго, при чемъ ей

помогала и старая Бѣта, пришедшая ради этого случая. Болѣзнь усиливалась, и Залишъ окончательно потерялъ сознаніе.

Былъ прекрасный вечеръ въ началѣ іюня. У оконъ Залишевой комнаты шумѣла яблоня въ прохладномъ вѣтеркѣ. Небо было ясно, и отчетливо виднѣлись вдали синія горы съ свѣтлыми вершинами. Кристина сидѣла у постели больнаго, творя тихую молитву.

„Кристо!" пронеслось вдругъ, словно дуновеніе вѣтерка.

Она дрогнула. На нее были обращены безсильные глаза Залиша.

„Дяденька!" вскрикнула она радостно.

— „А ты меня не покинула таки!" Онъ снова замолчалъ. Дѣвушка пала на колѣни у его постели, хватая его костлявыя руки.

„Ты меня не покинула!.. шепталъ онъ. „Принеси мнѣ скрипку" проговорилъ онъ чрезъ минуту

Она исполнила его желаніе.

Онъ съ трудомъ взялъ ее въ руки, провелъ напряженно по струнамъ и неудержалъ въ рукахъ скрипки: она выпала.

„Ничего не выйдетъ" сказалъ онъ со вздохомъ.

— О, вы чрезъ нѣсколько времени поправитесь!

Слава Богу, что такъ вывернулись изъ болѣзни!"

Больной усмѣхнулся. Чрезъ минуту онъ шепотомъ попросилъ ее позвать учителя и двухъ сосѣдей.

Пришли. Залишъ продиктовалъ имъ послѣднюю волю. Она была коротка: все отдавалось Кристинѣ.

Та съ плачемъ цѣловала его руки.

„О. еще останьтесь, дяденька не покидайте насъ. Ради Бога, прошу васъ, простите меня, если я чѣмъ нибудь обидѣла васъ!"

Залишъ положилъ свою руку на ея голову, какъ бы благословляя. Сосѣди ушли.

Больной болѣе и болѣе слабѣлъ. У Кристы все еще ле-

жалъ камень на сердцѣ: она много разъ хотѣла напомнить больному о Вацлавѣ, да боялась разсердить его.

На другой день онъ самъ вдругъ спросилъ, гдѣ Вацлавъ.

„Служитъ у Косинковъ“.

— Позови его—

„А вы не сердитесь ужъ?“

Боязливо приступилъ Вацлавъ къ постели.

„Будьте счастливы!“ шепталъ больной, и они пали на колѣни у постели. Онъ поднялъ глаза свои къ небу, какъ-бы молясь.

Вацлавъ, конечно, остался въ домѣ.

Вечеромъ на третій день больной быстро поднялся.

Криста прискочила въ испугѣ и наклонилась къ больному, который уставилъ въ нее свои глаза. Она услышала, какъ онъ прошепталъ ея имя. Затѣмъ, судорожно поворотившись, онъ быстро поднялъ дважды голову и скончался.

Скорбно раздавался въ долинѣ звонъ погребальнаго колокола.

Горе Кристины было ужасно. Вацлавъ устроилъ приличное погребеніе, и старый работникъ Іирка сказалъ: „Вотъ теперь онъ и взаправду хозяинъ и славно будетъ съ Кристой вести дѣло!“

Предисловіе къ повѣсти „Дивоусъ“.

Повѣсть построена на народномъ повѣрьи, распространенномъ не только у Чеховъ, но и у Моравацъ, Словаковъ и даже Поляковъ. Дикія, или лѣсныя женщины нѣсколько напоминаютъ нашихъ русалокъ *): онѣ также любятъ проводить время и работать при лунѣ, утаскиваютъ дѣтей и подбрасываютъ своихъ и пр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно замѣтить, что народныя понятія о нихъ у Чеховъ отчетливѣе и полнѣе, чѣмъ наши о русалкахъ. Лѣсныя женщины, по народному повѣрью, говорятъ по чешски, но постоянно отрицательными предложеніями. Онѣ не любятъ, если кто нибудь на ихъ просьбу отвѣтитъ не сразу согласіемъ; тогда онѣ даже и невозьмутъ совсѣмъ того, что просили. Зато въ противномъ случаѣ охотно покровительствуютъ тѣмъ, кто оказалъ имъ услугу. Онѣ любятъ, если для нихъ хозяйки оставляютъ что нибудь въ горшкахъ; тогда онѣ являются покушать и относятся въ такомъ случаѣ къ дому самымъ лучшимъ образомъ: заботятся о скотинѣ, берегутъ домъ отъ пожара и проч. Въ разсказѣ «Дворскій»**), тоже Ираска, есть одинъ эпизодъ о посѣщеніи дома Дворскаго дикими женщинами и о томъ, какъ онѣ застраховали этотъ домъ отъ огня.

---

*) Нужно, впрочемъ, сказать, что и у Русскихъ попадаются намеки на вѣрованіе въ „лѣсныхъ дѣвокъ“. См., напр., у С. Аксакова въ его очеркѣ „Лѣсъ“.

**) См. ниже

Напротивъ, негостепріимное отношеніе къ нимъ дѣлаетъ изъ нихъ грозныхъ враговъ дому и хозяйству. Тогда берегись ихъ. хозяйка: надѣлаютъ много бѣдъ.

Всѣ работы человѣческія извѣстны лѣснымъ женщинамъ, и онѣ усердно занимаются ими. Нерѣдко выходятъ замужъ за людей и тогда почти не отличаются отъ обыкновенныхъ женщинъ,

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть повѣрья о существованіи не только лѣсныхъ женщинъ, но и лѣсныхъ мужчинъ *). Въ этомъ случаѣ становится понятнымъ, откуда у дикихъ женщихъ являются дикія дѣти, которыхъ онѣ подбрасываютъ вмѣсто настоящихъ человѣческихъ, а этихъ послѣднихъ уносятъ къ себѣ. Эти-то дикія дѣти, которыми подмѣнены, по недосмотру родственниковъ и окружающихъ, новорожденныя дѣти, и которыя, на девятомъ или девятнадцатотъ году, по народкому подѣрью, должны возвратиться въ среду лѣсовиковъ, и зовутся въ чешскомъ простонародьи «дивоусами». И бѣда, если кого нибудь объявятъ такимъ дивоусомъ! Много горя натерпится онъ, много обидныхъ словъ наслышится отъ односельчанъ и въ удаленіи отъ всѣхъ долженъ будетъ сносить свою обиду, пока какой нибудь благопріятный случай не заставитъ перемѣнить о немъ мнѣніе. Самое же объявленіе «дивоусомъ» происходитъ по разнымъ причинамъ, иногда изъ простаго суевѣрія, иногда по злобѣ, какъ въ данной повѣсти; и въ томъ и другомъ случаѣ оно свидѣтельствуетъ о довольно низкомъ умственномъ уровнѣ чешскихъ поселянъ.

А. Степовичъ.

---

*) „Лѣсовики“ и „лѣшіе“ русскаго народа.

ДИВОУСЪ

(ЛѢСНОЕ ДИТЯ).

Хорошо бывало посидѣть подъ вѣтвистыми липами у стараго судилища, которое было вмѣстѣ и гостинницей, и попить въ тѣни пріятнаго напитка изъ господской пивоварни подъ плавный говоръ собравшихся потолковать сосѣдей. Быстро, словно вода потока, летѣли минуты. Говорилось тутъ обо всемъ: о ведрѣ и урожаѣ, о помѣщикѣ и работѣ, о событіяхъ на свѣтѣ и въ селѣ. Выкладывалась цѣлая палата ума, велись частые публичные диспуты между канторомъ и деревенскимъ мудрецомъ Дворецкимъ; но сегодня сельскіе дядюшки узнали, что кое о чемъ и они еще не слыхали, что на свѣтѣ творятся дивныя вещи, о которыхъ имъ и въ голову не приходило до сихъ поръ.

Тамъ на скамейкѣ подъ липой сидѣлъ человѣкъ, неизвѣстный селянамъ, въ изорванной обуви, съ мѣшкомъ на боку и разсказывалъ... да какъ! Словно священникъ въ церкви, умѣлъ онъ излагать и говорилъ, точно читалъ изъ книги. Бывалъ онъ подальше гумна, оставилъ за собой безумную юность и прошелъ школу жизни основательно. Сосѣди заботились, что бы въ напиткѣ не было недостатка, и чтобы не пересыхало въ горлѣ. Мало по малу разговоръ отъ политики и войны перешелъ къ другимъ предметамъ. Странникъ лишь такъ, случайно, въ разговорѣ, упомянулъ между прочимъ о примораживаніи; тутъ то и спросилъ его недовѣрчивый г. Дворецкій:

„А какъ вы, прошедшій не малый таки кусъ земли и кое что видѣвшій, судите, о приморaживаніи? По моему, это все—вздоръ“.

Путникъ таинственно усмѣхнулся:

— Быть можетъ. Но мнѣ таки случилось кое что видѣть.— И онъ привелъ слѣдующій случай: Сижу я однажды въ заѣзжемъ дворѣ на моравской границѣ; за другимъ столомъ было нѣсколько извощиковъ, Нѣмцевъ. Одинъ проѣзжій, уже старикъ, вступилъ съ однимъ изъ нихъ въ споръ, кончившійся очень дурно. Нѣмцы вытолкали его. По полудни извощики уѣхали, сзади всѣхъ былъ зачинщикъ спора. Я шелъ по дорогѣ заними. Вотъ подъѣхали они наконецъ къ лѣску, въ то мѣсто, что зовутъ „у бѣлой скалы“; что же вы думаете?! Мѣсто было ровное, вотъ какъ столъ, а этотъ послѣдній извощикъ, что затѣялъ ссору, не можетъ двинуться съ мѣста, да и только. Кони—точно вкопанные, колеса перестали вертѣться —и напрасно извощикъ дергалъ возжи и ругался—ничего не помогало. Вдругъ надъ нимъ кто то грозно засмѣялся. На бѣлой скалѣ, надъ дорогой, сидѣлъ тотъ проѣзжій и во все горло заливался хохотомъ.

Отомстилъ онъ хорошо: приморозилъ и возъ, и лошадей, и возницу. Просилъ бѣдняга, давалъ обѣщанія—ни къ чему не новело. Лишь къ вечеру дивный человѣкъ отпустилъ нѣмца, чтобы тотъ не почернѣлъ.

Все это я лично видѣлъ и даже ходилъ съ тѣмъ человѣкомъ чрезъ полъ-года.“

Сосѣди переглянулись между собою; на нихъ на всѣхъ напалъ какой-то ужасъ. Очевидно, этотъ человѣкъ не даромъ ходилъ съ „нимъ“.

— Ну, теперь ужъ я ничего не скажу, замѣтилъ Дворецкій.

— Но видите ли, сосѣди, не на всякаго дѣйствуютъ эта сила. Для дитяти изъ дикихъ яицъ этотъ заговоръ безсиленъ

„Какъ—изъ дикихъ яицъ?“

— Да; это значитъ для такого ребенка, котораго подложили дикія женщины".

„Вотъ бы это сказать старому Кудрнѣ! засмѣялся судья.

— А что, и о немъ это говорятъ? спросилъ странникъ,

„Нѣтъ, не о немъ, а о дочери его сестры. На селѣ всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что эта дѣвушка подложена дикими женщинами. Какъ это обыкновенно случается, мать послѣ родовъ отъ страшной усталости впадаетъ въ сонъ, и вотъ тогда то бываетъ худо, если нѣтъ около нея никого, или если новорожденный младенецъ, еще не крещенный, не имѣетъ на шеѣ образка или крестика: изъ лѣсу прокрадывается дикая женщина, мелькнетъ тѣнью въ окнѣ, и дитя въ ея рукахъ".

„А, вообще говоря, эта Кудрнова—хорошая дѣвушка" замѣтилъ одинъ сосѣдъ. „Едвали кто этому повѣритъ, но всмотритесь въ нее и—удивительная вещь: черные волосы кажутся почти синими, брови словно углемъ нарисованы и почти срослись, рѣсницы черныя и сѣрыя очи, удивительныя: ни у одной дѣвушки въ окрестности нѣтъ такихъ глазъ. Ко всему этому она такая блѣдненькая, маленькая, какъ барскій ребенокъ. Совсѣмъ не видна въ ней селянка."

„Въ другихъ же отношеніяхъ прекрасныя дѣвушка, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она понравилась Іенику Подголову".

— „Да что изъ этого выйдетъ? Что это за супружество такое вышло бы? Ну что тутъ дѣлать, если бы она, имѣя ребенка, изчезла неожиданно въ лѣсъ, словно паръ, и стала дикой? И вдовецъ и невдовецъ. А что за счастіе въ домѣ? Что ни говори, а все—волшебница!"

„Однакоже, что ни говори, а этотъ старый Подгола не напрасно руководитъ Іеникомъ. Онъ хорошо дѣлаетъ, что мѣшаетъ ему въ этомъ дѣлѣ."

— Ну, такъ! Вотъ и будетъ еще года два хозяйничать вмѣсто него! усмѣхнулся Дворецкій.

„Впрочемъ онъ и самъ крѣпко озабоченъ. Такому старому пузатому дядюшкѣ, какъ онъ, жениться не такъ то легко. Ему приходится довольно таки скоблиться и наряжаться, такъ что онъ постоянно такъ одѣтъ, какъ бы въ праздникъ, лишь бы понравиться Росулковой."

— Что онъ, вдовъ? спросилъ странникъ.

„Да, да, Подгола, вонъ изъ того дома. Ужь и волоса у него почти сѣдые, а къ женитьбѣ онъ куда какъ охочъ. Понравилась ему вдова Росулкова, здѣшняя хозяйка, а ужъ знаете, когда старому зайдетъ дурь въ голову—о, это хуже, чѣмъ когда затѣетъ что нибудь молодежь.

— А что, онъ не нравится ей?

„Да она бы и не прочь за него пойти, но тутъ...., ну, однимъ словомъ, женщина! Мучитъ его, водитъ за носъ, выдумываетъ, богъ знаетъ что. Вотъ теперь онъ далъ ей обѣщаніе цѣлый годъ не пить ни пива, ни водки, онъ, который такъ охочъ до рюмочки! Полъ-года впрочемъ уже выдержалъ."

— А я бы могъ ему помочь въ этомъ дѣлѣ!

„А вотъ онъ и самъ идетъ!"

Всѣ оборотились къ холму, съ котораго сходилъ мужчина, направляясь отъ бѣлаго домика, мелькавшаго среди деревьевъ.

Между тѣмъ зашло солнце, и наступили сумерки.

Все ближе подходилъ по пыльной дорогѣ, переваливаясь, старый Подгола. Его куртка была заброшена черезъ плечо, и ничто не мѣшало видѣть его огромный цвѣтной жилетъ, достигавшій до самаго бедра. Круглое лицо его было красно и лоснилось, маленькіе сѣрые глаза едва были видны. Съ огромнаго живота опускался широкій поясъ. на которомъ было отдѣлано павлиньимъ перомъ имя Подголы. Самъ онъ былъ низкаго роста и толстъ. На ногахъ были кожаные штаны до колѣнъ, синіе чулки и низкіе башмаки.

Сосѣди крикнули ему, чтобы онъ остановился.

Тяжело дыша и отдуваясь, онъ сталъ подлѣ нихъ.

— Ну, разогрѣло тебя, кумъ, нечего сказать! Подойди, прохладись, прохладись!

Но Подгола отказался отъ предложеннаго напитка.

„Вотъ такъ всегда бываетъ, какъ попадетъ человѣкъ еще до свадьбы подъ башмакъ. Вотъ теперь и ведутъ тебя на уздѣ! Зато здѣсь есть человѣкъ, что можетъ посовѣтовать тебѣ, какъ выгнать изъ твоей „милой“ холодность.

— Дядюшка! вмѣшался странникъ: вы такъ усмѣхаетесь, точно не вѣрите. Какъ хотите: мнѣ все равно. Я только скажу, что на свѣтѣ есть еще питія и зелья.... Пусть только выпьетъ эта ваша—сами увидите: будетъ ходить за вами и за васъ въ огонь бросится.

Подгола только усмѣхался; его глаза блестѣли.

„Такъ, чары.... да если бы только можно было...“

— Вотъ, послушай, сядь, кумъ, здѣсь—приглашали сосѣди.

Подгола посмотрѣлъ на незнакомца. но вдругъ какъ бы окончательно рѣшился:

„Да нѣтъ, сегодня нельзя! Не введи насъ во искушеніе! Доброй ночи, господа!“

Надѣвши куртку, онъ направился деревней къ домику, въ которомъ хозяйничалъ именемъ своего племянника Іеника.

„Ну, теперь засядетъ же ему въ голову этотъ волшебный напитокъ, спать не дастъ“ засмѣялся Дворецкій.

— Въ самомъ дѣлѣ вы знаете такое зелье? спросили нѣкоторые незнакомца.

Онъ загадочно улыбнулся.

— А почему бы мнѣ и незнать?...

Уже совсѣмъ стемнѣло подъ липами, но говоръ еще долго не смолкалъ.

—

Въ концѣ села, на невысокомъ, но длинномъ холмѣ стоялъ домъ Іеника; надъ нимъ подымалась легкимъ склономъ покрытая травой гора, прорѣзанная глубокой, шедшей

по оврагу, дорогой. Прямо надъ ней находился садъ, принадлежавшій къ дому Іеника, а напротивъ, черезъ дорогу, былъ расположенъ садъ сосѣдняго дома Корчмарева; ниже его, недалеко отъ проселочной дороги, выходившей на большую, стояла хижина стараго Кудрны, выслужившаго двадцать лѣсъ въ гренадерахъ.

Въ ту пору, когда происходила вышеупомянутая бесѣда подъ липами, дорогой спѣшила стройная дѣвушка.

Въ глубинѣ дороги царила уже темнота.

Подошедъ близко къ саду Подголы, дѣвушка остановилась. Изъ черного куста отдѣлилась тѣнь, и кто-то вышелъ на дорогу.

„Ты развѣ не боишься „клеканицъ", что такъ поздно пришла? спросилъ весело молодой Подгола: вѣдь ныньче канунъ св. Іоанна Крестителя....

Дѣвушка, поднявши голову, грустно улыбнулась.

— Клеканицы, видишь, и женщины....

Парень словно не слыхалъ ея словъ.

„Кому ты нарвала букетъ цвѣтовъ, Тоничка, что у тебя за поясомъ?

Она взяла почти совсѣмъ завядшіе цвѣты и молча подала ему.

„Вотъ видишь, завтра ты будешь вязать иной букетъ—изъ девяти цвѣтовъ, положишь его подъ голову, и будетъ тебѣ грезиться, Тоничка. Скажешь мнѣ, что увидишь во снѣ святоивановской ночью?" И онъ схватилъ ее за руки.

— „Скажу" отвѣтила она тихо, склонивъ голову.

„Скажешь, и все? Ничего не утаишь?

Тоничка замотала головой.

„Но, Боже мой, что съ тобой, дѣвушка? Ты едва можешь отвѣчать". И онъ прижалъ ее къ своей груди.

Тоничка, упавши въ его объятія, положила свою голову ему на грудь. Іеникъ наклонился къ ней, а она... что такое съ ней? Тихо, но горько заплакала.

„Тоничка, Тоничка, что съ тобой? Скажи!“

Она оборотила къ нему свое блѣдное лицо, усмѣхаясь, а въ глазахъ все еще блестѣли слезы.

— Все, все скажу тебѣ—прошептала она и, вырвавшись отъ него, побѣжала. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ она уже изчезла во тмѣ.

„Боится, чтобы за ней не пришла ея мама, дикая женщина! Га-га!“ прозвучало въ воздухѣ надъ Іеникомъ; звуки неслись изъ-за огорожи Корчмарева дома.

Іеникъ быстро осмотрѣлся, но никого не увидѣлъ. Онъ замѣтилъ только, какъ зашуршало что-то въ кустахъ, составлявшихъ огорожу. Онъ мигомъ взобрался наверхъ и, пробираясь чрезъ чащу, старался увидѣть незнакомца. У самаго дома промелькнуло что то бѣлое.

„Бара!“ крикнулъ юноша. Затѣмъ онъ сошелъ внизъ и пошелъ долиной въ деревню.

Спустилась на землю роскошная звѣздная ночь.

II.

Ѳома Кудрна былъ старый холостякъ. Прослуживши лѣтъ двадцать въ войскѣ, онъ возвратился на родину и по смерти родныхъ наслѣдовалъ отъ нихъ хижину и немного поля.

Имущество его было совершенно свободно отъ долговъ, и дѣла шли хорошо. Говорили даже о немъ, что кое что онъ еще и откладываетъ. Любилъ онъ когда-то только одну женщину, Франциску Рускову; но, узнавши, что она обманываетъ его, пересталъ съ ней даже говорить съ той поры и болѣе уже не думалъ о женитьбѣ. Теперь онъ уже состарѣлся, да и его прежняя милая уже посѣдѣла, и ее называли уже: „баба Рускова“.

Любовь ея ка Ѳомѣ, если только она была когда нибудь у этой женщины, смѣнилась со временемъ ненавистью.

Увидѣвши, что ошиблась, она всю вину сложила на Кудрну и не могла ему простить этого. Хозяйкой въ домѣ стараго гренадера была его сестра Грабкова, женщина уже

въ лѣтахъ. Радостью ихъ обоихъ была Тоничка, племянница Кудрны.

Въ сказанный вечеръ Грабкова стояла у плетня сада и слушала пѣсни, доносившіяся въ тихомъ вечернемъ воздухѣ изъ гостинницы, гдѣ странникъ всѣхъ увеселялъ. Чрезъ нѣсколько времени, когда все затихло, она оборотилась, чтобы идти въ домъ.

„Ну, Тонька! Словно духъ какой, сидишь ты: какъ это я не испугалась тебя!"

Она остановилась, глядя на дѣвушку, задумчиво сидѣвшую подъ яблонью на дерновой скамейкѣ.

„Что съ тобой?"

— Да ничего, тетя! Пришла съ луга. Размышляю. Но, тетя...." тутъ дѣвушка вдругъ замолчала. Лишь минуту спустя, она опять спросила, какъ-то несмѣло и словно стыдясь:—„Взаправду есть дикія женщины, лѣсныя?"

„Какъ-такъ?.... Почему же бы имъ не быть?! Да и къ чему тебѣ это?"

— Да тамъ, на лугу, все говорили о нихъ; только мнѣ показалось, что едва ли все это—правда.

„Ну, моя дѣвочка, я знаю лишь вотъ что: покойникъ мой блаженной памяти, шелъ однажды съ работы, и Богъ знаетъ, какъ это случилось: только онъ заблудилъ къ „малому долу". Было дѣло уже вечеромъ. То-то наговорилъ онъ о всемъ, что видѣлъ и слышалъ! Собачки ищейки были во множествѣ въ кустахъ, а на полянѣ у потока плясали лѣсныя женщины. Его объялъ такой ужасъ, что онъ тотчасъ же бросился бѣжать.

— Правда ли, что лѣсныя женщины крадутъ дѣтей и подбрасываютъ своихъ?

Я знаю только вотъ что: покойница бабушка разсказывала, что дѣйствительно въ Славномъ одной женщинѣ было подкинуто одно такое лѣсное дитя, дѣвочка. Но въ ночь на

св. Іоанна ей стукнуло ровно девятнадцать лѣтъ; она пошла за цвѣтами девяти сортовъ въ лѣсъ и болѣе не воротилась.

— Какъ же это такъ? спросила дѣвушка, удерживая дыханіе.

Если такой дивоусъ (лѣсное дитя) придетъ на девятомъ или девятнадцатомъ году на дорогу къ лѣснымъ женщинамъ, и именно въ ночь на св. Іоанна, когда онѣ наиболѣе въ силѣ, онѣ принимаютъ его въ свой кругъ, и дитя дичаетъ.

Тоничка была блѣдна, какъ мѣлъ, и потупила голову. Хорошо, что болтливая старуха не видѣла ея лица; но было бы еще хуже, если бы она могла заглянуть въ глубину сердца.

„А, болтунья послышался сзади, у дверей, грубый голосъ. Въ сумракѣ отдѣлилась высокая фигура Кудрны. „А ты наговоришь уже дѣвушкѣ съ полкороба! Иди лучше спать, Тонка!"

— Да, пора уже, дѣвушка, иди—рано встанешь, до солнечнаго восхода. Тебѣ нужно идти за святоивановскими цвѣтами.

Тихо въ молчаніи отошла задумавшаяся дѣвушка.

„Что ты тамъ еще наболтала ей?!

— Да она все хотѣла узнать кое что о лѣсныхъ женщинахъ: на лугу, говоритъ, все о нихъ шла рѣчь.

„Значитъ, опять ее тамъ мучили. Уже всѣмъ и все извѣстно, а ты ничего не знаешь. Сегодня я узналъ обо всемъ! Вѣдь о ней, о Тоничкѣ, говорятъ, что она — дивоусъ, отъ лѣсной женщины!"

— Господь Богъ съ нами! Да иди себѣ, Томашъ, ну кто же могъ бы....

— Тебѣ, конечно, не придутъ сказать этого, но тутъ еще Рускова сѣяла это сѣмя....

— Ахъ, чтобъ имъ... ! И чѣмъ она не угодила имъ? Къ тому же она была такая худенькая, какъ курочка!

— Ну ужъ, я знаю, откуда вѣтеръ...., да...,

Старый гренадеръ замолчалъ, и правая рука, которою онъ махалъ, упала не бедро.

Въ темной комнаткѣ у окна, гдѣ пахли розмаринъ и мускатъ, сидѣла Таничка. Руки ея лежали на колѣняхъ, а большіе сѣрые глаза грустно и задумчиво смотрѣли въ ночную темь; звѣзды усмѣхались къ ней чрезъ вѣтви трепетавшей груши, росшей у окна.

Уже нѣсколько времени бѣдная дѣвушка слышала разные странные намеки и видѣла ѣдкія усмѣшки; замѣчала она даже, что нѣкоторыя дѣвушки, завидя ее, сворачивали съ дороги. Но сегодня, сегодня она все поняла. Тамъ, на лугу, дѣвушки Корчмаревы и Барушкина племянница упрекнули ее, что она родилась не отъ настоящей матери, что она—дивоусъ и не смѣетъ идти далеко въ лѣсъ, потому что за ней могла бы придти ея подлинная мать, лѣсная женщина, что она—отродье колдуньи, обворожившей Іеника! О, матушка! Не знала тебя бѣдная дѣвушка; умерла ты такъ рано! И когда она въ воскресенье молилась на могилѣ за упокой души, уже ли она просила за чужую, за обманутую? Теперь сердце ея усиленно билось. О, это невозможно, нѣтъ! Почему въ противномъ случаѣ ни дядя, ни тетка не сказали ей ничего? Или не хотѣли опозориться предъ всѣми? Они бы могли такъ любить ее, если бы не.... И почему же ей не любить Іеника? Что очаровала его? Но вѣдь еще раньше, чѣмъ онъ сказалъ, что любитъ ея, вѣдь еще до того сердце ея сильнѣе билось въ его присутствіи, она почти не могла говорить при немъ. И она околдовала его!? Говорили, что она должна имѣть на своей совѣсти его судьбу, если бы онъ былъ съ ней несчастливъ!

А что если онъ.... Она не могла докончить своей мысли; сердце сжалось, и она, склонивши голову, закрыла лицо руками. Долго еще, очень долго плакалась бѣдная дѣвушка на свое бездолье.

—

Въ это же время въ сѣняхъ Іеникова дома стоялъ влюбленный старый Подгола, опекунъ Іеника. Онъ былъ въ однихъ штанахъ, такъ какъ сбросилъ и жилетъ. Стоялъ нѣсколько сырой іюньскій вечеръ. Подгола запустилъ руки за поясъ и задумчиво созерцалъ звѣздную ночь. Ночной вѣтерокъ, охлаждалъ его полное красное лицо. Думалъ онъ, конечно, о Росулковой, этой статной, черноокой, сорокалѣтней вдовѣ. Вотъ это такъ женщина! Высокая, полная, здоровая — настоящая рѣпа. Что предъ ней его покойница—жена— тѣнь, не больше! Ну и влюбился же старый въ эту вдовушку! Словно какой невѣдомой силой тянуло его постоянно къ ней; все было для него прекрасно и основательно лишь въ ней, его царицѣ. Когда бы ни отправлялся онъ къ ней, съ пустымъ карманомъ не шелъ. То онъ приносилъ ей боченочекъ доброй „росолки“ *) и изъ города, то пряниковъ и миндальныхъ конфектъ, то какой нибудь опять цвѣтной платокъ, то большой платокъ на голову отъ дождя и былъ радъ, если подарки нравились, приходились по вкусу!

Люди дивились, что Подгола, имѣя пять могильныхъ крестовъ за собой, могъ такъ ошалѣть.

А что сама Росулкова? Имѣетъ также домъ, но въ долгахъ и хочетъ поправить свои дѣла денежками Подголы, наслѣдованными имъ и благопріобрѣтенными. При другихъ условіяхъ она, конечно, и не глянула бы на эту сопящую бочку. Ну, помогай Богъ ему! Плететъ онъ самъ на себя бичъ! Умѣетъ она его дразнить, и все для того, что бы еще больше привлечь къ себѣ!....

Теперь влюбленный вдовецъ размышлялъ о томъ, зачѣмъ его Маркета (Маргарита) откладываетъ свадьбу до совершеннолѣтія Іеника. Еще цѣлыхъ два года—и для чего? А между тѣмъ такъ хорошо и ея домъ и Іениковъ были бы соединены въ однихъ рукахъ, такъ какъ онъ еще не долженъ былъ бы отказаться отъ опеки надъ Іеникомъ.

---

*) Одно изъ названій наливки у Чеховъ. *Переводчикъ.*

Дѣвушку словно кольнуло въ сердце. Что она ему сдѣлала? Хорошо же начался этотъ день для нея!

Взявши влѣво, она пошла тропинкой еще выше лѣса, на утесъ, гдѣ хотѣла нарвать ивановскихъ цвѣточковъ.

Скоро Подгола увидѣлъ опять какую-то женщину съ корзиной на спинѣ. Это была Рускова. Шла она медленно. Была она небольшаго роста, вся въ морщинахъ, съ тонкимъ и острымъ носомъ и съ большими пронзительными глазами, глубоко помѣщенными во впадинахъ.

„Помогай Богъ, кумъ Подгола! Вотъ то было бы несчастіемъ, если бы вы встрѣтили только меня, старую бабу! Но вамъ еще раньше случилась по дорогѣ дѣвушка...“ Тутъ старуха язвительно усмѣхнулась: „она спѣшила за этимъ „товранкомъ“; ужъ конечно она знаетъ, для чего. А обратите только вниманіе на то, какая она блѣдная и несчастная. Но вотъ приближается и Ивановская ночь, и вы увидите, что сегодня вечеромъ не пойдетъ она къ огнямъ попрыгать и справить праздникъ

— Почему вы такъ думаете, Рускова?—спросилъ Подгола, осматриваясь во всѣ стороны по дорогѣ.

— И...., сегодня ночью исполнится ей девятнадцать лѣтъ отъ рожденія, а потому она находится во власти лѣсныхъ; если она выйдетъ, будетъ унесена и одичаетъ. Сегодня „дивоусы“ теряютъ краску въ лицѣ. Увидите, какъ все сбудется по моему слову: она и шага не ступитъ изъ дома. А тотъ вашъ Іеникъ“ прибавила кстати ужъ расходившаяся сплетница: „точно слѣпой. Вчера они опять были вмѣстѣ, какъ мнѣ передавала Барушка Корчмарева“.

— А, да, да; и потому прибѣжалъ, словно дикій, и поднялъ бурю, чтобы я позволилъ ему жениться.—

— Это все она его подмываетъ. Но какая же порядочная дѣвушка станетъ сама говорить о замужествѣ! Да что ужъ тутъ! Она столько же стыдлива тутъ, сколько коза въ ка-

пустѣ. Кстати, куманекъ, прибавила старуха, понизивъ голосъ и придавши ему ласковый тонъ: для чего-бы мнѣ вамъ и не сказать?! Знаете ли вы, кто сегодня шелъ тоже за „товранкомъ"?

— А кто?

— Можете себѣ представить — Росулкова! Я сама видѣла, какъ она поспѣшала на вершину. Это уже касается васъ! Какъ дѣвушка, привязалась она къ вамъ.—

— Ну, полноте! это, можетъ быть,...

Лицо Подголы улыбалось.

— Собственными глазами видѣла. Но что это я задерживаю васъ своими росказнями!

— Взаправду видѣли вы ее?

— Стала ли бы я, старый человѣкъ, лгать вамъ въ лицо? Но, куманекъ, сколько ужъ разъ собиралась я вамъ сказать: вы скоро протопчете свою межу у самой моей хижины, а это мѣсто моей козѣ было бы очень кстати. И чтобы вамъ мѣшало...

— То и хорошо, что межа широкая, почти....

— Да вы и не замѣтите.—

– Ну такъ берите ее себѣ. Однако, прощайте, мнѣ нужно идти.—

Подгола, быстро прекративъ разговоръ, поспѣшилъ по дорогѣ внизъ на встрѣчу человѣку, показавшемуся изъ оврага. Старый вдовецъ вступилъ въ бесѣду съ извѣстнымъ намъ странникомъ, который, переночевавъ въ корчмѣ, теперь бодро и весело отправлялся дальше по свѣту.

Остановились; затѣмъ пошли дальше, наверхъ.

Разставаясь у лѣса, Подгола вручилъ путнику два блестящихъ двугривенныхъ.

Нынче всѣ были довольны и веселы. Посмѣивался странникъ, побрякивая звонкими серебренниками въ рукѣ; подсмѣиваясь надъ старыми „блазнями" (дурнями), шла и Рускова лѣсомъ; усмѣхался полный спокойствія и Подгола, направляясь къ селу.

Лишь Тоничка бѣдная, собравши полный мѣшечекъ цвѣ-

товъ и душистой травы, усѣлась на мшистый пень стараго бука и тоскливо смотрѣла со скалы на долину, еще погруженную въ мракъ.

А вершины горъ уже были облиты яркимъ свѣтомъ зари, багрянецъ облаковъ блѣднѣлъ предъ восходящимъ солнцемъ.

Во всю ночь бѣдная дѣвушка не смыкала очей; тоскливая забота не давала ей спать. Когда, наконецъ, къ утру она задремала на минуту, ее пугали странные сны съ лѣсными женщинами и щенками. И какъ разскажетъ она обо всемъ Іенику? Впрочемъ, что-же?! Вѣдь онъ и безъ того знаетъ: конечно, люди ужъ обо всемъ донесли ему... Всѣ противъ нея, избѣгаютъ ея и не интересуются даже тѣмъ, здорова ли она даже.

„А что, уже насобирала товранку? послышалось сзади ея. Тоничка испугалась.

Среди высокой травы и вереска стояла дѣвушка, смуглая, съ черными волосами. Она вскинула свои темные блестящіе глаза на Тоничку, и та не могла выдержать этого упорнаго взгляда, язвительнаго и завистливаго, и молчала.

„Все и вездѣ соберешь и намъ не оставишь. А тебѣ бы и не нужно совсѣмъ: ты очаруешь и безъ товранка.“

— Весь я товранокъ оставила, не сорвала ни одного; можешь, Бара, взять его, сколько душѣ угодно—

— Скажите, какая добренькая! Ну, конечно, ты вѣдь имѣешь Іеника, вѣрнаго.... если сегодня сама не скроешься между чародѣйками!—засмѣялась язвительно Варвара.

Тоничка поблѣднѣла и встала. „Бара!“ крикнула она, но остановилась: не могла дальше продолжать. У нея точно стянуло въ горлѣ.

— Сердись, сердись, скольно угодно! Я не боюсь ни тебя, ни твоихъ чаръ; я честная дѣвушка и не приманиваю парней, какъ другія. По крайней мѣрѣ, меня люди не избѣгаютъ, и я могу хоть по цѣлому свѣту идти безъ стыда.—

— Ты знаешь обо мнѣ что нибудь?—спросила Тоничка дрожащимъ голосомъ и сквозь слезы.

— Чтó я—да все село! Но ты не держи себя такъ, чтобы всѣ боялись тебя! Вѣдь уже всѣ и безъ того знаютъ объ этомъ хорошо, да и не смѣешь ты къ людямъ выйти..

— Почему не смѣю?

— А вотъ прійди сегодня на огни и увидишь! Всѣ зареклись, что не потерпятъ больше между собою дивоуса, понимаешь? Что бы ты знала, что значитъ приманивать парней!—

— Перестань!—крикнула Тоничка: „Что я сдѣлала тебѣ? Ты злишься на меня изъ-за Іеника? Богъ свидѣтель, что болѣе мнѣ не въ моготу. Возьми себѣ его, если въ этомъ дѣло!—

— Глаза выцарапала бы я тебѣ—еще милость оказываетъ!“

Щеки Бары Корчмаревой пылали, глаза горѣли недобрымъ огнемъ.

— Прійди только, дивоусъ! крикнула она и, окинувши бѣдную дѣвушку взглядомъ, полнымъ ненависти, быстро схватила свой узелокъ и ушла.

Тоничка стояла въ какомъ то остолбенѣніи и безъ движенія смотрѣла вслѣдъ Барѣ, пока та не скрылась въ лѣсу. Скоро оттуда донеслось еще громкое: „Дивоусъ! Дивоусъ!“ и глухое эхо повторяло въ лѣсу тотъ же окликъ: дивоусъ! дивоусъ!

Еще печальнѣе, чѣмъ вышла, возвращалась племянница стараго гренадера домой.

Ниже лѣса, у дороги отдыхала, опершись на корзину, старая Рускова.

„А что дѣвушка, уже зачаровано у тебя?“ спросила она, и на увядшихъ губахъ проскользнула язвительная усмѣшка.

Задумчиво шедшая Тоничка испуганно подняла голову и, не отвѣтивши, словно ужаленная змѣей, еще быстрѣе направилась къ дому.

Возвратившись домой, она даже не растерла набранныхъ

ивановскихъ цвѣтовъ подъ старымъ липовымъ столомъ и, отговорившись головной болью, ушла въ свою коморку.

—

Старый Подгола, сдѣлавшись опекуномъ своего племянника Іеника, не жалѣлъ денегъ и подарковъ, кому слѣдовало на барскомъ дворѣ, чтобы продлить свое опекунство и отдалить провозглашеніе племянника совершеннолѣтнимъ. Конечно, эти расходы онъ старался вознаградить изъ опекуемаго дома.

Молодой же человѣкъ лишь тогда началъ налегать на вопросъ о своемъ наслѣдствѣ, когда полюбилъ Тоничку; къ тому же для женитьбы нужно было имѣть разрѣшеніе опекуна и изъ господскаго двора.

Вотъ тутъ то Подгола и подъѣхалъ къ племяннику съ Варварой, хорошо зная, что юноша не любитъ этой дѣвушки. Корчмаревы охотно отдали бы дочь въ большой, незадолжалый домъ Подголы; за дѣвушкой же не могло быть остановки, такъ какъ она сама любила Іеника. Старая Рускова всячески старалась уладить дѣло съ этой стороны, такъ какъ ненавидѣла отъ всей души старика Кудрну, а затѣмъ и Тонку, да кромѣ того за свои старанія получала отъ Корчмаревыхъ всякія пособія и вознагражденія; она помогала дѣлу съ той стороны, что понемногу распускала о Тоничкѣ разныя нелѣпости, которыя легко расходились уже по всему селу.

Старый Подгола былъ доволенъ, что имѣлъ на что опереться въ своемъ отказѣ. Сплетня о происхожденіи Тонички была очень важнымъ для него доводомъ.

Іеникъ не вѣрилъ этой сплетнѣ; онъ очень любилъ свою милую и былъ убѣжденъ, что все это — грязная клевета. И чѣмъ болѣе ставили препятствій горячему юношѣ, тѣмъ усерднѣе онъ хлопоталъ о разрѣшеніи. Уже онъ начиналъ грозить, и дѣло принимало серьезный оборотъ.

Въ то самое время, какъ Тонка въ страшной тоскѣ сидѣла у себя въ коморкѣ, Подгола позвалъ Іеника къ себѣ. Заявивши, что вчера, вслѣдствіе большой горячности юноши,

нельзя было съ нимъ обстоятельно поговорить, онъ снова началъ выставлять разные доводы къ оставленію Тонички; конечно, онъ повторилъ все, что говорилось объ этомъ въ деревнѣ.

„Ты не хочешь вѣрить“ добавилъ онъ: „но я тебѣ скажу только вотъ что: ты увидишь, что она сегодня не будетъ у огней вмѣстѣ съ прочими парнями и дѣвушками; она будетъ бояться, чтобы ее не взяли дикія женщины. Теперь ей девятнадцать лѣтъ, а ночь эта—ночь святаго Ивана. А если ея не будетъ, значитъ все, что говорилось объ ней, вѣрно и вовсе не было какими нибудь пустяками.

Іеникъ разсмѣялся.

— Я радъ: по крайней мѣрѣ вы сами убѣдитесь, что все это—вздоръ. Вы увидите, что она тамъ будетъ, и я утверждаю, что ныньче перескочу съ ней черезъ огонь.

— Подожди еще прыгать... да впрочемъ, эти разговоры навсегда останутся за ней и до самой смерти будутъ относиться къ твоей женѣ и дѣтямъ.

— Ну, да вѣдь и прекратятся же когда нибудь—

Іеникъ былъ веселъ, тѣшась мыслью, какъ удивятся всѣ, когда онъ приведетъ Тоничку къ огнямъ.

До самаго полудня онъ былъ въ волненіи и все ходилъ около Кудрнова дома, желая переговорить съ дѣвушкой. Но она не показывалась, а предъ домомъ сидѣлъ старый гренадеръ, куря изъ своей „длаги“. Уже пополудни юноша увидѣлъ дѣвушку за работой въ саду и остановился у ограды.

„Тоничка, а я иду за метлой, началъ онъ весело: нашъ шалашъ будетъ самымъ большимъ. Вотъ то будетъ огней! Но ты опять опустила голову, какъ вчера... Откройся же мнѣ сегодня!“

Дѣвушка уставила въ него свои большія сѣрыя очи и сказала съ горькой усмѣшкой:

„Вѣдь ты знаешь!“

— Что я знаю! Не эти же, вѣдь, глупыя рѣчи?!—

Она обрадовалась, что онъ не вѣритъ росказнямъ, и кивнула головой.

— Объ этомъ? И пускай себѣ говорятъ, слово такъ и останется словомъ. Я не вѣрю ничему такому. Да они и сами скоро перестанутъ говорить, а ты также забудешь еще сегодня, прежде чѣмъ мы станемъ скакать черезъ огни. Хочешь, я за тобой зайду вечеромъ?“ И онъ усмѣхнулся.

Дѣвушка молчала. Она была довольна и чуть было не согласилась охотно, но тутъ вдругъ промелькнули у нея предъ глазами Рускова, Подгола и Варвара. Она подумала себѣ, что противъ нея настроено цѣлое село. А что, какъ они сдѣлаютъ ей что нибудь дурное? Она не снесетъ этого, особенно ради Іеника и дяди. А, вѣдь эти люди уже и безъ того обидѣли ее!

„Я не пойду сегодня!“ отвѣтила она, склонивши голову. Іеникъ былъ удивленъ.

— А почему? спросилъ онъ протяжно.

— Не могу я быть тамъ. Не сердись, Іеничекъ. Я не оскорбила ихъ ничѣмъ.—

Іеникъ раньше твердо былъ увѣренъ, что она пойдетъ, и былъ доволенъ. Но онъ ошибся.

— Ты не хочешь идти изъ-за этихъ людей? Ну, отважься кто нибудь изъ нихъ! Тоничка, я тебя прошу, очень...

Дѣвушка внутренно боролась съ собой. Что за тяжелая минута была для нея!

— Но. Іеникъ, для чего? Не сердись, но...!

— Такъ ты и взаправду не пойдешь? Вѣдь ты тутъ могла бы показать имъ, что все, что говорится о тебѣ—ложь.—

— Не могу—прошептала она: Вѣдь ты не думаешь такъ, какъ они; ну, и нѣтъ надобности мнѣ...

— Прошу тебя еще разъ.—Лицо юноши побагровѣло, глаза блеснули, загорѣлась пылкая кровь.

— Не пойдешь? Тоничка молчала.

— Ну, такъ оставайся себѣ, упрямица, и отправляйся къ

своимъ женщинамъ!" И онъ, повернувшись, быстро зашагалъ оттуда.

Дѣвушка подскочила къ оградѣ. Она хотѣла было крикнуть вслѣдъ ему, но не имѣла силъ. А онъ уже изчезъ между деревьями, и, словно окаменѣлая, долго смотрѣла въ ту сторону бѣдная дѣвушка.

„Отправляйся къ своимъ женщинамъ! къ лѣснымъ женщинамъ!" И онъ, значитъ, вѣритъ?

IV.

Наступилъ вечеръ ивановской ночи, таинственной, полной чудесъ. Чтó цѣлый годъ не имѣетъ цвѣтовъ, въ тѣни ея разцвѣтетъ золотымъ цвѣтомъ; шумъ деревьевъ дѣлается понятнымъ, и цвѣтокъ, покрывшійся росой въ чудодѣйственный вечеръ, получаетъ способность предвѣщать и отгадыватъ будущее.

Всякіе коренья имѣютъ въ эту ночь дивную силу. Пресмыкающійся гадъ сбрасываетъ при блескѣ звѣздъ свою кожу, изцѣляющую отъ всякаго недуга, а кладъ, зарытый въ земную глубь, выдаетъ себя синимъ пламенемъ, мелькающимъ въ чащѣ лѣсной.

Сверхъестественныя существа получаютъ теперь особенную силу, и потому, чтобы отогнать всякія колдовства и уничтожить силу чаръ, зажигаются на горахъ и возвышенностяхъ огни; впрочемъ сила ихъ не простирается на чащи лѣсовъ и мрачныя мѣста, которыхъ довольно во всякой мѣстности, и потому никому не годилось бы заблудиться въ эту пору!

Черный, мрачный лѣсъ тянется за Доброшевымъ; онъ полонъ чудесъ, совершающихся среди таинственной тишины, и въ глубинѣ его есть мѣста, повергающія путника въ ужасъ даже среди самого бѣлаго дня. Идешь себѣ, идешь, и вдругъ словно бы кто выросъ изъ тѣни, смотритъ быстро тебѣ въ

глаза; увидишь взоръ привидѣнія, и, прежде нежели опомнишься, таинственнос видѣніе изчезаетъ... .

Позади селенія около дороги, у самаго лѣса стоитъ корчма. Туда заброшенной тропинкой ковылялъ старый Подгола. Наступила уже и ночь, и ярко блестѣли звѣзды. Остановившись недалеко отъ строенія, онъ осмотрѣлся. Вонъ на темномъ пригоркѣ блеститъ огонь, словно большая кровавая звѣзда, а вонъ огоньки, величиною съ большихъ ивановыхъ червячковъ, кружатся и волнуются другъ около друга. Вотъ одинъ взлетѣлъ на вершину, а за нимъ и прочіе.

Тамъ опять огонь—это зажгли шалашъ, и кругомъ по горамъ, гдѣ ниже, засверкали ивановскіе костры. Вершины вокругъ Доброшова уже всѣ были въ огняхъ; одинъ костеръ особенно выдается по своей высотѣ — это навѣрно шалашъ Іеника. Вонъ метла, словно огненный змѣй, взвивается вверхъ, и цѣлый дождь искръ падаетъ на землю. Какой крикъ, хохотъ шумъ вездѣ! Точно кровавые метеоры мчатся подъ небесами: взлетаютъ, падаютъ, и радостные возгласы сопровождаютъ ихъ полетъ и паденіе.

Вся нагорная страна оживилась. Видно множество огней, слышны голоса, фигуръ же человѣческихъ не видно. Но вотъ тамъ, у потока, на лугу изъ тѣни ольхи словно выросла темная фигура, одна одинешенька. Вотъ она наклонилась; конечно, это—какая нибудь дѣвушка: правой рукой, обернутой бѣлымъ платкомъ, рветъ она цвѣты девяти сортовъ, чтобы, связавши ихъ, положить подъ голову и увидѣть вѣщій сонъ.

Ночь на Св. Ивана полна таинствъ и чудесъ....

Постоялъ съ минуту Подгола и вошелъ въ корчму. Утвержденная въ балкѣ лучина тускло горѣла. Хозяинъ одинъ-одинешенекъ сидѣлъ у печи и дремалъ. Все, что могло, ушло къ огнямъ.

Немало удивился хозяинъ, увидѣвши Подголу, полгода уже не показывавшаго глазъ изъ боязни искушенія.

„Ай да рѣдкій гость у насъ!“

— Матвѣй, я въ дорогѣ, и одна рюмочка, для укрѣпленія, не повредитъ. Но лишь одна, понимаешь?!

И, конечно, ты не разгласишь?!

— Да что вы, господинъ женихъ; но у меня нѣтъ одной. Вчера пришло цѣлое ведро водки, славной такой; понимаешь, такой еще не пивалъ ты. Къ тому же на дорогу..... Но куда такъ поздно?—

— Да ворожить, — вдовецъ усмѣхнулся. Ну. давай четвертку!—

Хозяинъ принесъ. Подгола попробовалъ и облизнулся: „Гмъ, какъ слѣдуетъ!" И онъ поставилъ стаканъ вверхъ дномъ и, посмотрѣвъ на него противъ свѣта, прибавилъ: да что! такая крошка, какъ муха!—

— Да тебя и отъ трехъ такихъ не разберетъ.—

— Отъ двухъ, пожалуй, нѣтъ. Ну, такъ....

И Матвѣй налилъ. Подгола выпилъ до половины и продолжалъ: „Это такъ молодежъ шутитъ за селомъ. Вся тамъ. А ты не боишься одинъ быть здѣсь, около самаго лѣса.

— Болѣе говорится, товарищъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ; впрочемъ, къ „малому долу" я бы не пошелъ. А здѣсь, на краю—ничего.

Ну что, еще одну!—

— Право, не знаю. А согрѣваетъ хорошо. Ну ужъ, коли началъ, для храбрости!—

Хозяинъ принесъ еще, и разговоръ завязался снова. Подгола былъ въ ударѣ, чему особенно способствовала водка. Онъ такъ долго не пилъ ея, а тутъ еще этотъ Матвѣй такъ умѣетъ подчивать! Но онъ никому не скажетъ, да и зачѣмъ ему говорить? Въ лѣсъ идти—еще время терпитъ, да и нужно раздобыть смѣлости. Подгола словно и не замѣчалъ, что Матвѣй все подливаетъ; а искусникъ былъ обойти человѣка этотъ Матвѣй! Онъ заговорилъ о вдовѣ Маркетѣ и хвалилъ ее Подголѣ; кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ отнялъ у бѣднаго всякое соображеніе.

Когда стрѣлка старыхъ часовъ указала одиннадцать часовъ,

влюбленный вдовецъ поднялся. Лицо его раскраснѣлось, ноги были не тверды, но онъ все таки вышелъ изъ корчмы, бормоча: „лишь мужество, лишь мужество"!

Онъ направился прямо къ лѣсу и шелъ не спѣша. Изъ лѣсу вѣялъ влажный вѣтерокъ, и Подгола снялъ шапку и разстегнулъ жилетъ. „Девять верхушекъ", говорилъ онъ самъ съ собой: „Заварю ихъ, и ты сама придешь, Маркитка. Сама, да! Береза, ель, лиственница... Нѣтъ, что то не такъ!.. И какъ это называлъ этотъ странникъ? Береза, ель, лиственница... какъ же еще? Чортъ бы побралъ всѣ эти деревья — ель.... ахъ, да.. сосна...."

Что то вдругъ зашумѣло, зашелестѣло надъ нимъ. Онъ замолкъ и остановился у самой опушки лѣса.

„Да здѣсь же, на краю, ничего!.. Лишь бы смѣлость! Видишь, Маркитка..." И онъ вошелъ въ лѣсъ. Запутался въ верескѣ и подлѣскѣ, остановился и прислушался. Издали доносился протяжный гулъ и шумъ лѣса. Гдѣ то между деревьями блеснулъ ивановскій червячокъ.

„Ого! И кто это уже бродитъ здѣсь съ фонаремъ? Вѣрно, также за девятью верхушками!"

Подгола нагнулъ молодую березку и, отрѣзавъ верхушку, спряталъ ее въ карманъ. „Лиственница, ель... да гдѣ же эти ели?... также береза..." И опять, забывши, что уже имѣетъ верхушку березы, ограбилъ и другую березу. „Лиственница, Маркитка, береза и..." Такъ бормоча и разговаривая съ самимъ собой, продолжалъ онъ пробираться по лѣсу.

—

„Гдѣ ты былъ такъ долго, Кудрна?" спросила стараго гренадера Грабкова, сидѣвшая вечеромъ предъ избой.

— Да замѣшкался съ сосѣдами; пощипали таки меня они хорошо; все спрашивали, пошла-ли Тонька къ огнямъ.—

— Ахъ, бѣдная дѣвушка! И что это, точно сговорились всѣ противъ нея?—

Тутъ старушка разсказала, какъ она незадолго предъ

тѣмъ пришла къ племянницѣ, нашла ее ужасно измученной и не оставила до тѣхъ поръ, пока та не сказала всего:

„Я соболѣзновала ей, уговаривала всячески. А она мнѣ только въ отвѣтъ: какъ я пойду къ нимъ?

Кудрна сталъ браниться: „И зналъ вѣдь я это — это все та колдунья Рускова. Ну, ужъ я ей... Гдѣ Тонка?“

— Пошла въ комнату. Я понуждала ее идти къ людямъ, но она изо всей силы отказывалась. Вѣрно, тамъ плачетъ на единѣ.—

— О, я этого не прощу ей, старой вѣдьмѣ, поговорю съ ней опять послѣ столькихъ лѣтъ!—бормоталъ старый гренадеръ.Онъ вошелъ въ комнату поговорить съ племянницей, но скоро возвратился со словами: „Нѣтъ ея ни въ коморкѣ, ни въ свѣтлицѣ.—

Послѣ этого онъ пошелъ за домъ, въ садъ, звалъ всюду Тоничку, но отвѣта не было.

„Можетъ быть, она таки пошла къ огнямъ“ догадывалась Грабкова.

— О, нѣтъ, навѣрное нѣтъ. Скорѣе вотъ что: Если она повѣрила всѣмъ этимъ росказнямъ, то пошла... и нужно же такъ случиться?—въ лѣсъ, въ долину, чтобы самой убѣдиться..“

— Матерь Божія! и старушка въ испугѣ всплеснула руками. „Иди, Томашъ, поищи ее!“

— Пойду къ огнямъ, а если ея тамъ нѣтъ, навѣрно пошла въ долину!—

— И это въ ту пору, когда всякій боится за порогъ выйти, она идетъ... бѣдная дѣвушка!..

Кудрна уже ушелъ.

—

Много тропинокъ ведетъ изъ села въ доброшовскій лѣсъ. Одна изъ нихъ, віясь травянистымъ оврагомъ, поросшимъ съ боковъ кустами, изчезаетъ уже въ самомъ лѣсу; ею скорѣе всего можно прійти къ столь извѣстному въ окружности мрачному мѣсту: „мадый долъ“, находящемуся въ самой глуби лѣса, тихому и пустынному. Туда шла Тоничка въ бѣломъ

платкѣ на головѣ и частенько останавливалась. Повсюду на вершинахъ пылали огни, а громкіе крики и пѣсни молодежи глухо отзывались въ самомъ оврагѣ. Дѣвушка шла нерѣшительно: наконецъ очутилась у самаго края лѣса. Предъ ней зіяло черное и глухое лоно лѣса, которому, казалось, и конца не было, и изъ него доносился таинственный шумъ и шелестъ. Вотъ наклонилась одна вѣтвь, словно кивая и маня изъ тьмы глубокой; закричала гдѣ-то ночная птица.

Дѣвушка вздрогнула, испуганно оглядываясь вокругъ себя, и въ ея головѣ столпились всѣ разсказы объ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Можетъ быть, тутъ гдѣ нибудь сидитъ на пнѣ лѣсная женщина въ зеленомъ платьѣ, съ распущенными черными волосами по самыя пятки... Нигдѣ, однако, ничего не видно; лишь березы зашелестѣли на опушкѣ, пронесся въ лѣсу протяжный шумъ. Онъ дѣлался все сильнѣе, все могучѣе, пока не изчезъ гдѣто далеко въ лѣсной глубинѣ. Пронесся запахъ Богородичной травки. Роса въ травѣ и на цвѣтахъ прохлаждала ноги дѣвушкѣ.

Она пошла дальше. Въ лѣсу не слышно лая никакихъ „выжлятъ“, лишь кузнечикъ веселится въ травѣ. На опушкѣ лѣса дѣвушка еще разъ оборотилась къ селу. Вонъ чернѣетъ развѣсистый яворъ — это у нихъ: дядя... тетка... Іеникъ... Іеникъ! И ее что то потянуло назадъ; она хотѣла было уже поворотить. Но нѣтъ! Пусть же раскроется правда! Дивоусъ не долженъ возвратиться назадъ! Она колебалась. Но если она не—дивоусъ, о, какъ смѣло предстанетъ тогда она передъ всѣми. Вонъ на возвышенности запылала огромная „буда“.

Это его, Іеника. Онъ также сказалъ: „Иди себѣ къ женщинамъ!“ Слова эти звенѣли въ ея головѣ. Она перетерпитъ ихъ.

Молодая дѣвушка быстро пошла впередъ. Уже совсѣмъ стемнѣло надъ ней, и въ темнотѣ рѣзко обозначалось звѣдное небо или мелькнувшій между деревьями огонь, пылающій на

дальней вершинѣ. Перекрестилась Тоничка и стала потихоньку молиться.

Идетъ она все дальше, все глубже въ лѣсную чащу, испуганно оглядываясь, и слышитъ учащенное біеніе своего сердца. А старый лѣсъ тихъ и молчаливъ, словно погрузился въ глубокую дрему.

Но что это! Дѣвушка вздрогнула. Ахъ, это зажурчалъ въ тишинѣ потокъ. Она подошла къ нему. Молодыя ольхи склонили свои верхушки надъ водой. Тихо; лишь журчитъ вода потока. По теченію его можно прійти прямо къ этому ужасному долу.

Вдругъ въ темнотѣ засверкали, словно огненный дождь, ивановскіе червяки, закружились въ быстромъ полетѣ летучими искрами. Вотъ они гаснутъ, изчезаютъ, и опять словно невидимая рука разбрасываетъ ихъ по чорному воздуху.

Остановилась дѣвушка и смотритъ на нихъ. Она ихъ знаетъ, и все таки наполняютъ ее страхомъ эти чудныя существа, чѣмъ болѣе глядитъ она на нихъ. И что что за дивное твореніе? Летаетъ лишь ночью и свѣтится, тихо, беззвучно.

Жучки облѣпили ее кругомъ, сѣли на голову, на плечи. Она спѣшитъ далѣе.

Зашумѣло что то въ кустахъ, и дѣвушка дрожа насторожила свой слухъ въ ту сторону. Вотъ теперь, вѣрно, выѣдетъ на оленѣ лѣсная женщина, окруженная цѣлой стаей выжлятъ. Но стало снова тихо. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе раздвигались берега потока, и дѣвушка все ближе и ближе подходила къ „малому долу“.

Тамъ покойный мужъ тетки Грабковой видѣлъ пляшущихъ у потока лѣсныхъ женщинъ; кругомъ въ кустахъ и около бѣгало множество псовъ—выжлятъ. Тутъ же растетъ чудное зелье: если кто переступитъ черезъ него, нелегко выпутается изъ него. Но ни лаю, ни воя не было слышно. По-

чему же это не показываются выжлята, может быть, не хотят задерживать ее?

Старый канторъ разъ заблудился тутъ же въ „маломъ долѣ“, у потока, возвращаясь съ музыки. Собираясь перейти потокъ по бревну, положенному чрезъ него, онъ увидѣлъ тамъ какого-то человѣка. „Не пропущу тебя, пока не заиграешь!“ сказалъ онъ музыканту, и тотъ игралъ до тѣхъ поръ, пока могла служить рука. Утромъ проснулся по ту сторону потока. Игралъ водяному. Страшны эти случаи, еще страшнѣе они кажутся въ темномъ лѣсу, въ полночь. И какъ отважилась идти въ этакое мѣсто молодая дѣвушка! „Дивоўсы—дивоўсы!“ Тутъ ея дыханіе прервалось, и похолодѣло въ сердцѣ.

Никто не звалъ ея! „Тоничка, Тоничка!“ пронеслось издалека глухо, точно изъ гроба, и еще глуше отзывалось въ лѣсу: „Тоничка, Тонка!“

Дѣвушка крестилась и творила безсознательно молитву за молитвой. Она чуть не плакала. Трясясь, какъ пугливая лань, боязливо оглядывалась она вокругъ и чувствовала настоятельную необходимость обратиться въ бѣгство.

—

Влюбленный Подгола между тѣмъ бродилъ по лѣсу, таскался туда и сюда, бормоча про себя и болтая. Карманы его были полны всякихъ волшебныхъ верхушекъ. Дѣло въ томъ, что захожій человѣкъ за два двугривенные посовѣтовалъ ему нарѣзать въ иванову ночь девять сортовъ древесныхъ верхушекъ, отварить ихъ и дать Росулковой напиться этого отвару, вслѣдствіе чего она де сама неотступно будетъ ходить за нимъ. Для смѣлости Подгола еще и выпилъ, не будучи въ состояніи противостать искушенію, особенно зная хорошо, что въ корчмѣ въ этотъ вечеръ не будетъ никого, и что корчмарь не разболтаетъ. Теперь онъ забрался на небольшую поляну. отовсюду окруженную стѣной лѣса.

„Лиственница, вересклетъ..... еще вересклетъ, ель....“. Тутъ онъ вдругъ смолкъ. Тамъ, направо въ просѣкѣ вынир-

нула изъ мрака высокая темная фигура. Подгола остолбенѣлъ отъ ужаса. Наконецъ, онъ двинулся впередъ, фигура за нимъ тѣмъ же шагомъ; остановился—то же сдѣлала и таинственная тѣнь. Сталъ Подгола что то говорить, но слова путались у него на языкѣ, а малые глаза только были выпучены безтолково. Попробовалъ онъ опять двинуться впередъ, фигура сдѣлала то же. Наконецъ сталъ онъ понемногу приходить въ себя и припоминать молитву:

Хваль каждый духъ Господина
А Іежише, его сына....

Не успѣлъ онъ договорить, какъ темная фиѓура вдругъ схватилась, разбѣжалась и направилась прямо къ нему.

Вдовецъ, сорвавшись съ мѣста, пустился, какъ только могъ скорѣе, въ глубь лѣса, точно слѣпой. Поясъ опустился и болтался за нимъ длинными своими концами. Сопѣлъ бѣдняга страшно, и потъ выступилъ у него на лицѣ. Плохо приходилось ему удирать! Слышитъ явственно шаги за собой, ясно различаетъ, какъ шелестятъ кусты, раздвигаемые кѣмъ то вслѣдъ за нимъ. Вдругъ онъ споткнулся и уже полетѣлъ кубаремъ куда то внизъ. Бѣдняга прощался съ жизнью и, остановившись въ своемъ паденіи, лежалъ, словно бревно, съ закрытыми глазами. Надъ нимъ пронесся ужасный чей-то хохотъ....

—

Іеникъ между тѣмъ веселился себѣ у огней шумно, самымъ беззаботнымъ образомъ.

Онъ выше всѣхъ бросалъ пылающія метлы, чрезвычайно громко выражалъ свой восторгъ и ловчѣе всѣхъ прыгалъ чрезъ огонь. Теперь онъ былъ внимателенъ и къ Барѣ Корчмаревой и не сторонился отъ нея, какъ обыкновенно. Обрадованная и обнадеженная дѣвушка такъ и льнула къ нему, краснымъ солнышкомъ смотрѣла на него и тоже давала ему предпочтеніе предъ прочими юношами.

Молодежь остриза надъ Іеникомъ и дивоусомъ, распрашивала недвусмысленно, почему не явилась Тонка, но онъ объ ней словно забылъ совсѣмъ. Впрочемъ, скоро онъ угомонился, такъ какъ усталъ, прыгая и распѣвая пѣсни, и Бара напрасно ухитрялась, какъ бы удержать его при себѣ. Недолго она повеселилась, потѣшилась своей побѣдой.

Въ минуту Іеникъ вдругъ изчезъ. Ему такъ все стало противно, что онъ все уже дѣлалъ черезъ силу. Онъ чувствовалъ, что дѣйствовалъ вопреки желаніямъ Тонки, лишь желая, чтобы она приревновала его, узнавши, какъ онъ веселился. Но всѣ эти разсчеты рушились у него и въ головѣ и въ сердцѣ, по прежнему любившемъ Антонину. Она и Бара! Лишь теперь онъ понялъ, чѣмъ владѣетъ. Подумавши онъ убѣдился въ своей ошибкѣ. Не пошла и вѣрно хорошо сдѣлала. Но онъ столько просилъ ее! Впрочемъ, она пошла бы, конечно, не уйди онъ такъ поспѣшно. И что сказалъ онъ ей, что сказалъ! И онъ обидѣлъ ее, какъ другіе всѣ. Бѣдняжка! Теперь она, конечно, не спитъ и тоскуетъ гдѣ нибудь у себя въ коморкѣ либо въ саду. И онъ испортилъ ей такой вечеръ!

Сердце Іеника, горячее, вспыльчивое, но доброе, было глубоко затронуто, и юноша сильно сожалѣлъ о случившемся; а это—начало раскаянія. Онъ направился не къ своему дому, а къ хижинѣ Кудрны и обошелъ садъ. Было темно между деревьями, и ничто не забѣлѣло тамъ. Подойдя къ ея окну, онъ сталъ звать ее, сначала тихо, потомъ громче, но отвѣта не было.

Уже ли она сердится?

„Іеникъ!“ вдругъ пронеслось изъ темноты.

Онъ узналъ голосъ старой Грабковой.

„Ты ищешь Тонку, да?“ Голосъ старухи звучалъ нѣсколько иначе, нежели обыкновенно: „Иди за ней въ лѣсъ къ „малому долу“, куда погналъ ее ты и вы всѣ“ Грабкова говорила быстрѣе, и въ голосѣ ея слышался упрекъ.

Іеникъ былъ, какъ во снѣ, и сперва удивился, когда ста-

руха сказала ему, что Тоничка еще вечеромъ ушла тайкомъ отъ всѣхъ и вѣрнѣе всего въ лѣсъ, какъ догадывается Кудрна.

„Да и куда бы, въ самомъ дѣлѣ, въ другое мѣсто могла она пойти!“ продолжала старуха: „наговорили ей всякой всячины, вотъ она и захотѣла убѣдиться сама и всѣмъ доказать..... Ужъ я уговаривала ее всячески, а все не могла успокоить ее, мой алый цвѣточекъ!...

— „Доброй ночи, тетушка!“ сказалъ быстро юноша, еле дослушавши слова старухи, и такъ быстро пошелъ оттуда, что скоро уже изчезъ во тьмѣ.

Огни погасли, умолкли пѣсни. Тихо всюду въ окрестности и на горахъ.

На порогѣ хижины сидѣла старая Грабкова съ сердцемъ, полнымъ тяжелой тоски, и молилась про себя, поглядывая тоскливо въ ту сторону, гдѣ чернѣлъ доброшовскій лѣсъ.

V.

Вотъ онъ, „малый долъ“. Это небольшая котловина, поросшая вокругъ по бокамъ всякой растительностью. На краю ея - у бревна, положеннаго чрезъ потокъ, какъ бы у входа въ это заповѣдное мѣсто, стояла Антонина. Она отдыхала отъ того страха и душевныхъ волненій, которые наводилъ на ея робкую душу ужасный этотъ путь. Ее тяготила неизвѣстность и ожиданіе будущаго, и она была вся въ напряженномъ и тревожномъ состояніи. Теперь передъ ней раскрывается этотъ долочекъ, прелестный и тихій. Кругомъ, на высотахъ дремлютъ старыя ели и вѣтвистые буки, и ни-одинъ кустикъ не шелохнется. Зеленой долинкой катится ручеекъ, вытекающій изъ родника, который помѣщается въ самой серединѣ долины, и надъ которымъ высокое развѣсистое дерево простерло свои вѣтви. Что же это такое? Ни слуху, ни духу о всемъ томъ, что ожидала встрѣтить бѣдная дѣвушка обо всѣхъ этихъ дикихъ пляскахъ и страшилищахъ. Уже ли она заблудилась, попала не въ то мѣсто?

Но она шла хорошо, она узнала это мѣсто. Бывало, отыскивая съ дѣвушками ягоды, она смотрѣла на него съ высоты. А между тѣмъ, нигдѣ не видать ни лѣсныхъ женщинъ, ни выжлятъ, ни водянаго. Камень упалъ съ ея сердца, и она пошла дальше смѣлѣе. Росистая трава охлаждала ей ноги, кругомъ вообще чувствовался сырой холодъ, но Антонина ничего, казалось, не замѣчала.

Дѣвушка была удивлена, и на сердцѣ у нея стало какъ-то вольнѣе. Дойдя до середины страшнаго мѣста, она однакоже пугливо оглянулась, подумавши, что, пожалуй, пришла не въ настоящій часъ, можетъ быть, слишкомъ рано, и боязнь опять овладѣла ею.

Вотъ она подошла къ явору; таинственно и вмѣстѣ привлекательно шептались его влажные листья; вода журчала подъ корнями. Антонина опять увидѣла небо и блестящія звѣзды; мерцающій свѣтъ ихъ отражался въ водѣ и пробирался сквозь темныя вѣтви явора. Дѣвушка усѣлась на мшистомъ корнѣ, гдѣ было посуше, и, спрятавши ноги подъ платье, а руки укутавши передникомъ, склонилась и стала смотрѣть впередъ вдоль травянистой долины и темнаго бора. Она чувствовала себя такъ, какъ если бы ее только что оставилъ какой нибудь дурной сонъ, и молилась, чтобы это въ самомъ дѣлѣ была дѣйствительность. Вѣдь еще могутъ, пожалуй, прійти эти женщины, и она опять пугалась, особенно когда шуршало что нибудь въ кустахъ. Избави Богъ. Но вотъ она ждетъ—пождетъ, минута идетъ за минутой, страхъ и надежда борются въ душѣ молодой дѣвушки.

Тиха іюньская ночь... журчитъ потокъ, и въ темной глуби проносится протяжный говоръ лѣса....

—

„Эй, кумъ Подгола! что ты здѣсь, у черта, дѣлаешь, встань же!“ Съ этими словами старый Кудрна схватилъ упавшаго вдовца за плечо и быстро потрясъ имъ. Подгола от-

крылъ глаза, словно схваченный со сна, и, не зная, гдѣ находится, оглядѣлся вокругъ.

„Это ты?“ наконецъ спросилъ онъ и, приподнявшись вполовину, оперся о ель, росшую подъ возвышеніемъ, съ котораго слетѣлъ онъ.

„Что ты тутъ дѣлаешь въ такой часъ? Ты кого нибудь пугаешь, Подгола?...

— Это ты былъ? Ты меня нагналъ! Но, конечно, ты не скажешь....?

— Того, что ты такъ шатался сюда и туда? Вотъ то было страшилище!

Подгола вздрогнулъ: Кудрна могъ бы ему все испортить! „Но вѣдь ты видишь, что я уже не.... уже не....“ проговорилъ онъ.

— Да, но былъ. Забраться сегодня въ такое мѣсто—ну, не значитъ ли это, что человѣкъ былъ подъ хмелькомъ!

— Я..... пришелъ сюда съ умысломъ.... признался вдовецъ:—съ намѣреніемъ.... кое какія коренья....

— „Старый мужланъ и... коренья!“ И Кудрна не могъ удержаться отъ смѣха: „Пока Росулкова свѣдаетъ объ этомъ...“

Подголу кольнуло при этихъ словахъ.

— Ты однако проспись здѣсь, продолжалъ Кудрна: у меня тутъ иная забота, и ты къ ней тоже причастенъ! Вы всѣ сюда загнали Антонину, но если у нея хоть одинъ волосокъ испортится.... Тутъ онъ не договорилъ.

— „Все скажетъ!“ жаловался мысленно Подгола.

— Понимаешь, я ищу ее здѣсь. И ты въ этомъ причастенъ, и Рускова, эта вѣдьма....

— Я? Я—тутъ не при чемъ.

— Теперь ужъ и не причемъ—выспись же здѣсь!

— Я пойду съ тобой, не оставляй меня въ этомъ мѣстѣ!

Тутъ вдругъ раздался вблизи зовъ: „Тоничка! Тоничка!“ Въ кустахъ послышался трескъ: кто то продирался сквозь нихъ. Чрезъ минуту показался Іеникъ, усталый, запыхавшійся.

„Это кто же еще?“

— „Я дядюшка!“ отвѣтилъ Іеникъ, узнавши Кудрну по голосу. „Вы нашли Тоничку? Я блуждалъ....“

— „Я здѣсь отыщу ее, а ты тѣмъ временемъ побереги дядюшку!“

Тотъ уныло вздохнулъ; молчалъ бѣдняга, не будучи въ состояніи испустить ни словечка

— „Ай—ай, дядюшка?! Да онъ самъ о себѣ позаботится!“

— „Ноги отказываются ему служить“ прибавилъ Кудрна лукаво.

— „А, вотъ какъ—сожалѣю о васъ!“

Подголѣ было очень не по себѣ.

— „Дядюшка Кудрна, если еще ея нѣтъ въ долинѣ, такъ ужъ право не знаю, гдѣ она можетъ быть. Я избѣгалъ весь лѣсъ; отсюда ближе всего туда, идите за мной!“ И, не ожидая отвѣта, не заботясь о дядѣ, онъ пустился прямо черезъ кусты и чащу по направленію къ „малому долу“. Кудрна за нимъ.

„Помоги мнѣ, Кудрна, не покидай меня!...“ Кричалъ бѣдный Подгола.

— Ну, проворный женихъ, поспѣшай!

Старый гренадеръ еле поспѣвалъ за Іеникомъ и въ свою очередь былъ настолько впереди Подголы, что послѣдній напрягалъ всѣ усилія, чтобы не отстать окончательно, и въ бѣгѣ потерялъ даже шапку. Тяжело приходилось ему продираться въ чащѣ, и онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ; во всемъ тѣлѣ онъ ощущалъ сильную боль. Пошарилъ по карманамъ: большей части верхушекъ древесныхъ не оказалось! И нужно же вдругъ столько невзгодъ и бѣдствій!

Остановившись на вершинѣ, Іеникъ сталъ смотрѣть внизъ, въ долину. Отважный и смѣлый вообще, въ другой разъ въ эту пору и онъ не рѣшился бы идти въ этакое мѣсто. Но нынче онъ и не подумалъ о лѣсныхъ женщинахъ.

Долина тиха, словно дремлетъ. Вонъ тамъ, подъ яворомъ бѣлѣетъ что то. Юноша сбѣжалъ прямо со скалы, на которой стоялъ, бросился быстро по лугу и подбѣжалъ къ дереву. Онъ

хотѣлъ было крикнуть, позвать дядюшку, но поудержался: ему еще нужно было обнять свою милую и зацѣловать ее. Она сидѣла, опершись головой о стволъ явора, и тихо дремала. Онъ видѣлъ въ темнотѣ ея блѣдное лицо, слышалъ ея спокойное, ровное дыханіе. Платокъ упалъ съ головы на плечи, руки, почивавшія на колѣняхъ, были сложены.

Юноша съ минуту стоялъ погруженный въ благомъ созерцаніи; наконецъ, наклонившись къ ней, онъ взялъ ее за руку и тихо, но горячо назвалъ ее по имени.

Она схватилась и осмотрѣлась удивленно; но, узнавши его, крикнула радостно и упала въ его объятія. Іеникъ крѣпко прижалъ ее къ своему сердцу и нѣжно цѣловалъ милое лицо.

„Ты не сердишься на меня, Тоничка?"

— На тебя сердиться?! Идемъ отсюда, скорѣе! Выведи меня!

— Обожди минуту, посмотри туда!

На возвышеніи показался Кудрна, за нимъ карабкался Подгола.

— Вѣдь это дядя, Тоничка! Онъ также ищетъ тебя!

— Дядя, дядя! закричала дѣвушка, вся измѣнившись отъ радости и спѣша съ Іеникомъ навстрѣчу Кудрнѣ. Онъ собирался было посердиться и выбранить племянницу за штуку, выкинутую ею, но не былъ въ состояніи сдѣлать это: онъ былъ слишкомъ счастливъ, что нашелъ свою милую дѣвочку. Подгола стоялъ неподалеку, не зная, что предпринять. Іеникъ выручилъ его:

„Видишь, Тоничка, и мой дядя здѣсь: онъ пришелъ убѣдиться, что ты не дивоусъ. Не правда ли, теперь вы перестанете нападать на нее, убѣдившись лично въ нелѣпости всѣхъ этихъ сплетенъ?" проговорилъ Іеникъ, подходя ближе: „будете молчать?"

Обратной дорогой Антонина опиралась на руку милаго. Дядюшки шли позади.

„О, этотъ долъ!" говорила счастливая дѣвушка, „теперь ужъ замолкнутъ, благодаря ему, всѣ толки!"

— Тоничка, помнишь, что ты обѣщала мнѣ?

Сказать, что тебѣ привидится въ ивановскую ночь?

Ну, что тебѣ тамъ показалось, подъ яворомъ?—

Она посмотрѣла ему въ глаза и усмѣхнулась: „да ты уже самъ хорошо знаешь: конечно, ты, не кто другой, и уже сонъ мой исполнился.“ Вышли они изъ лѣсу; въ полѣ поднялся жаворонокъ, ликуя въ ясномъ, свѣжемъ воздухѣ.

„Эти верхушки! О, этотъ странникъ!“ бормоталъ сзади Подгола.

Съ росой, раннимъ утромъ вышла уже баба Рускова на знакомую намъ межу и нѣсколько разъ срѣзала блестящимъ серпомъ траву. Вдругъ за ней раздался сердитый голосъ: „Оставьте это!“ Такъ прикрикнулъ на нее озлившійся Подгола. Она хотѣла было уже отдѣлаться по обыкновенію, но внезапно умолкла: изъ лѣсу шли Іеникъ, Тоничка, Кудрна. Чистое лѣтнее утро было полно блеску и свѣжести. Люди выходили на работу въ поле и встрѣчали ночныхъ путниковъ. И прежде чѣмъ отзвонили къ обѣднѣ, всѣ въ деревнѣ уже знали о случившемся.

„Такъ она—не дивоусъ?“

— Конечно, нѣтъ! Вѣдь возвратилась изъ „малаго дола!“

— „Да я и всегда это говорилъ“

„Да, ужъ наговорятъ люди всего!“

Такъ, или почти такъ, говорили между собой степенные дядюшки, и Тонка была опять настоящей дѣвушкой, чистой, какъ упавшій снѣгъ.

Варвара Корчмарева плакала отъ злости, а Рускова осталась на бобахъ: никакихъ подарковъ ни оттуда, ни отсюда.

Подгола изъ боязни за себя не препятствовалъ Іенику, такъ какъ этотъ послѣдній и Кудрна обѣщали, что будутъ молчать относительно его; для большей вѣрности дѣла опекунъ вызвалъ и корчмаря Матвѣя, что бы тотъ пришелъ къ нему за мѣрой ржи. Теперь легко было Іенику добыть и позволеніе отъ господина; Кудрна также не мѣшалъ его свадьбѣ.

Угрозы его дядюшкѣ однакоже не исполнились, такъ какъ Подгола женился одновременно съ нимъ.

Дѣло въ томъ, что Росулкова, видя несбыточность своихъ надеждъ и не имѣя другихъ ухаживателей, вняла таки просьбамъ влюбленнаго вдовца.

Тото было славы, шуму и радости! Впрочемъ Подгола только въ первое время отъ страстной любви такъ растаялъ; но еще не прошло и полугода, какъ онъ уже со злости распился окончательно: уже не казалось ему все лучшимъ лишь у Росулковой. Она жаловалась и упрекала, а онъ себѣ отплясывалъ на музыкѣ.

Но Іеникъ не жалѣлъ, и дивоусъ также былъ съ нимъ счастливъ.

Предисловіе къ повѣсти „Дворскій“.

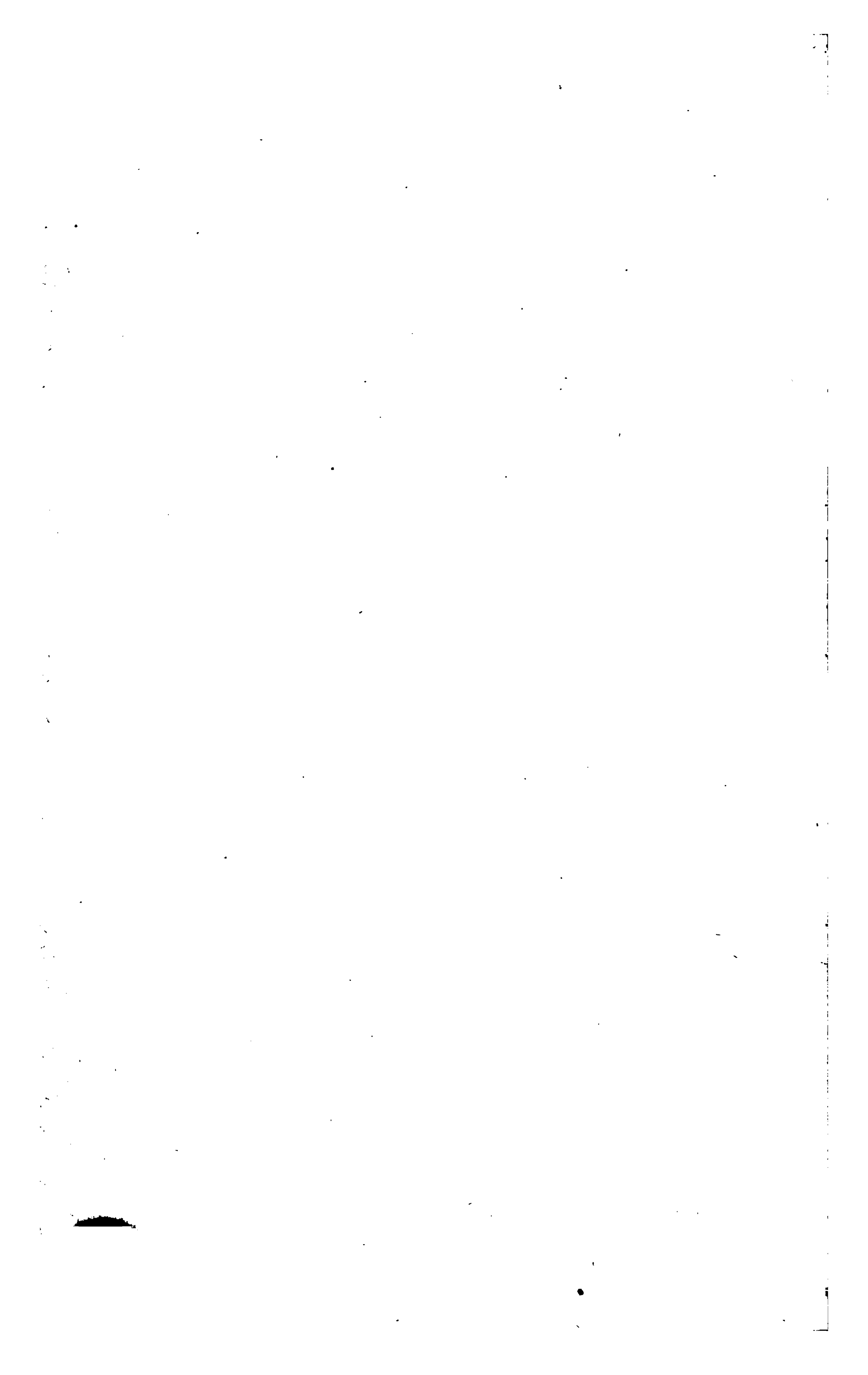
Послѣдній предлагаемый нами разсказъ Ираска „Дворскій“ заслуживаетъ, по мнѣнію переводчика, быть представленнымъ вниманію русской просвѣщенной публики уже по тому одному, что вводитъ насъ въ кругъ простонародныхъ чешскихъ суевѣрій, имѣющихъ столь много общаго съ нашими. Но затѣмъ, съ какимъ искусствомъ, какъ художественно и потому какъ вѣрно дѣйствительности и какъ естественно представлена личность самого Дворскаго! Какъ живой, стоитъ предъ вами этой простой, безхитростный добрякъ, человѣкъ не умѣющій „мудрствовать лукаво“. обнаруживающій самыя живыя альтруистическія чувства; онъ не носится съ ними, не выставляетъ ихъ на показъ, для него и невозможенъ и непонятенъ противоположный образъ дѣйствій. Въ то же время онъ и не герой какого нибудь чувствительнаго романа и, напримѣръ, въ своей женитьбѣ какъ сообразно съ своей натурой поступаетъ онъ! Это просто очень добрый человѣкъ, но вмѣстѣ самый обыкновенный по высотѣ натуры, и потому то, когда пришлось ему рѣшать самый важный вопросъ своей жизни—онъ уступилъ родителямъ, пожертвовалъ для

нихъ не только своимъ счастьемъ, но и счастьемъ своей возлюбленной, судьбу которой онъ разбивалъ на вѣки. Все это очень просто, но зато случается очень часто въ той сѣрой дѣйствительности, которая такъ скромно, безъ затѣй изображается г. Ираскомъ. Въ этой же повѣсти мы замѣчаемъ и еще одну черту, характеризующую взгляды средняго чешскаго гражданина. Я говорю о стремленіи его удерживать недвижимое имущество въ своемъ потомствѣ, изъ-за чего въ чешскихъ деревняхъ разыгрывается столько непримѣтныхъ по своей повседневности трагедій въ борьбѣ отдѣльныхъ фамилій за какой нибудь „статекъ" (домъ, хозяйство). Спеціально этой борьбѣ посвящена хорошая повѣсть Ираска „Про статекъ отцу̊"), которая въ Славянскомъ Ежегодникѣ за 1882г. уже предложена была мною вниманію публики. Повѣсть прекрасно показываетъ, до какой степени напряженности можетъ дойти такая борьба, какую страшную силу страсти и чувства вызываетъ она въ человѣкѣ.

Но если эта повѣсть производитъ на читателя нѣсколько подавляющее впечатлѣніе мрачнымъ колоритомъ своего дѣйствія и характеровъ, то разсказъ о Дворскомъ оставляетъ, напротивъ, успокаивающее дѣйствіе изображеніемъ тихой и кроткой человѣческой души. Читателемъ овладѣваетъ отрадное настроеніе, способствующее тому, что на мѣсто пессимистическаго взгляда на человѣчество, въ душѣ его возстаетъ надежда на побѣду лучшихъ инстинктовъ и сторонъ человѣческой натуры надъ животнымъ эгоизмомъ, царящимъ въ теперешнихъ обществахъ. Посмотрите, какъ жива въ Дворскомъ святая первая привязанность, и съ какой силой воскресаетъ она чрезъ длинный рядъ годовъ во

время свадьбы его племянницы! Та картина, когда онъ въ это же время стоитъ подъ завѣтной липой, и мысль его уносится къ дорогому для него кресту, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ разсказа и производитъ особенно глубокое впечатлѣніе.

А. Степовичъ.

ДВОРСКІЙ *).

Разскажу вамъ объ одномъ добромъ человѣкѣ, по фамиліи Дворскомъ. Жаль, что вы не знали его, что не могли посмотрѣть на его честное лицо, полюбоваться его ясными очами. Каковъ онъ былъ въ молодости, я не знаю. Но когда въ волосахъ его показалась сѣдина, лицо его все еще было довольно свѣжо и румяно, а подъ густыми бровями свѣтились темные глаза, ясные, какъ вода ручья. Хотя время и изрыло немало морщинъ на его лицѣ, однако никто не сказалъ бы, что ему 60 лѣтъ.

Смотрите, вотъ онъ идетъ по самой межѣ. Онъ не высокъ, но широкоплечъ и полонъ, и требовался основательный поясъ для него. Сюртукъ переброшенъ черезъ плечо. У него черные „бърсленкы" **) и сапоги по колѣна. Какъ онъ выдуваетъ золу и покуриваетъ изъ своей фарфоровой трубочки! Синія облачки дыму возносятся надъ нимъ въ пахучемъ утреннемъ воздухѣ. Если бы это было воскресенье, вы увидѣли бы его прекрасно выточенную трубочку, окованную серебромъ. Вотъ онъ остановился. На межѣ въ высокой травѣ виднѣются голубенькіе колокольчики и масса цвѣтущихъ „слѣдовъ Богоматери". Маткина душка (Богородичная травка) сегодня пах-

---

*) Этотъ разсказъ былъ уже помѣщенъ въ газетѣ „Кіевлянинъ" (1883 г. № 12—16) но не совсѣмъ исправно. Теперь онъ перепечатывается съ необходимыми дополненіями и объясненіями и собственно потому, что съ нимъ будетъ законченъ предпринятый нами переводъ „Горныхъ разсказовъ", составляющихъ по идеѣ одно цѣлое.

**) Кожаныя панталоны, носимыя въ горныхъ мѣстностяхъ Чехіи и не встрѣчаемыя въ долинахъ, гдѣ отсутствуетъ и самое это слово.

нетъ особенно хорошо, и кузнечики въ травѣ не могутъ вдоволь нахвалиться ею.

Дворскій любуется золотящейся пшеницей, надъ которой кружатся мотыльки. Летайте, летайте, мотыльки, пшеничка желтѣетъ, и скоро Дворскій призоветъ жнецовъ, и тѣ положатъ вамъ ее и съ ней голубые васильки и рдѣющій макъ. Долго все это не продержится! Сегодня жнутъ Дворскому рожь на горѣ; онъ былъ тамъ утромъ и принесъ жнецамъ водки и хлѣба съ масломъ къ завтраку.

Вотъ онъ перешелъ межу и идетъ потихоньку около зеленаго еще овса къ саду. Теперь онъ въ тѣни грушъ и яблонь, а затѣмъ уже и во дворѣ. Домъ Дворскаго — старое зданіе. Фундаментъ изъ краснаго кирпича, а все прочее—деревянное. Крыша старая, соломенная, потерявшая отъ дождя и времени свой желтый цвѣтъ; зеленый мохъ расположился на ней бархатнымъ ковромъ. Наконецъ, въ видѣ окончательнаго украшенія въ жолобѣ растутъ бахрамой цвѣты и травка. На бѣлой доскѣ швабскимъ письмомъ изображено слѣдующее:

Пан Бůгъ жегней (благослови) дому тому,
Выставѣлъ йсемъ (есмь), не вимъ (не знаю) кому.
Кто въ нѣмъ буде пřебыват,
Тому рач (соизволь) Бůгъ пожегнатъ (благословить)
Накладемъ (издержками,коштомъ) Яролима Дворскéго.
Л. П. 1782 г.
(Лѣта Господня).

Домъ этотъ—древнѣйшее зданіе въ окружности, и зимними вечерами за пряжей о немъ разсказывается множество разныхъ исторій! Но мы не будемъ ожидать зимы; пойдемъ лучше къ Дворскому, и онъ намъ самъ что нибудь разскажетъ.

Онъ смотритъ на насъ съ любопытствомъ, съ пытливой усмѣшкой. Прежде всего мы обязаны сѣсть на скамьѣ у окна, откуда виденъ зеленый садъ съ развѣсистыми деревьями, поля, длинной полосой тянущіяся по равнинѣ, затѣмъ по косогорамъ и наконецъ изчезающія между лѣсами. Дворскій началъ:

„Разсказываютъ разное о нашемъ домѣ, но знаете — не должно, „дле припадности“ *), вѣрить всякому на слово. Но тому, что мнѣ передавала покойная моя бабушка, смѣло можете вѣрить, потому что ея мать, а моя прабабка, была очевидицей этого. Были жнитва, и вся семья, челядь и прадѣдъ мой были на полѣ. Дома оставалась одна прабабка и готовила обѣдъ, чтобы послать его жнецамъ. Пробило въ это самое время какъ разъ полдень, когда она отставляла горшки съ плиты. Тутъ откуда ни возьмись какая-то странная женщина— и стала вдругъ около прабабки. Она была черна, какъ цыганка, и одѣта такъ, какъ у насъ никто изъ женщинъ не одѣвается. Она попросила у прабабки ѣсть, говоря, что чувствуетъ большой голодъ. Ну, конечно, пищи, приготовленной для стольких, хватитъ легко и для одного лишняго. Прабабка пригласила незнакомку сѣсть и принесла ей полную тарелку супу. Вдругъ она слышитъ стукъ ложекъ и тарелокъ—смотритъ на полку, гдѣ ставила обыкновенно свои расписныя тарелки—да вотъ еще и теперь видна одна изъ нихъ: я ее храню на память — на полкѣ ничего нѣтъ — смотритъ на столъ, и— странная вещь—всѣ тарелки были разставлены по столу, и происходилъ такой стукъ, какъ-бы кто въ самомъ дѣлѣ ѣлъ изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, кромѣ этой женщины, не было никого видно.

Въ изумленіи смотритъ на все это прабабка; на нее уже нападалъ страхъ, и она хотѣла было выбѣжать вонъ. Но тутъ встала чудная женщина и поблагодарила прабабку за обѣдъ; „Я заплачу за это, и ты будешь помнить обо мнѣ. Огонь не коснется этого дома, пока отъ него останется хотя одно бревно. Можете быть спокойны на этотъ счетъ“. И она ушла тихо, какъ тѣнь. Прабабка пошла за ней, желая знать, куда она пойдетъ. Съ порога она замѣтила, что женщина направилась къ Клепрликовой горѣ, вонъ къ тому лѣсу, что виденъ

*) Поговорка эта, постоянно, какъ замѣтитъ читатель, употребляемая г. Дворскимъ, значитъ приблизительно: по случаю, на случай, какъ случится и пр.
Переводчикъ.

изъ окна. Прикрывши глаза ладонью, чтобы лучше было видѣть женщину, прабабка увидѣла цѣлую толпу подобныхъ же женщинъ кругомъ той, которая обѣдала у нея. И казалось, что онѣ даже не дотрогивались до земли, шли быстро, словно гонимыя вѣтромъ, и наконецъ изчезли въ лѣсу. Возвратившись въ избу, прабабка хотѣла было сбирать обѣдъ въ поле, но горшки оказались пустыми.

Тутъ только она сообразила, что это тѣ женщины съѣли все, что было сварено для жнецовъ. Но тарелки были чисты. Перекрестилась прабабка, но была все таки рада этому случаю. Эти странныя женщины, какъ оказалось, не солгали. Въ короткое время у насъ сгорѣло до десяти домовъ; около самаго нашего дома горѣла хижина, и на нашу крышу летѣли искры и куски гонта, а не сгорѣлъ ни одинъ стебель соломы".

— „Странныя вещи, говоримъ мы.

— Дѣйствительно, странныя, но на свѣтѣ „дле припадности" много удивительнаго случается. Прежде разное происходило, но ныньче—все люди, невѣрящіе ни во что такое". Тутъ жена его принесла намъ хлѣба и свѣжаго масла. Она еще очень моложава, хотя ей уже лѣтъ сорокъ. Волосы ея, зачесанные за уши и выглядывающіе изъ-подъ пестраго платка, еще достаточно черны и блестящи, какъ были и въ молодости, и тѣмъ замѣтнѣе выдѣляется между ними бѣлый лобъ.

Мы поѣли и кладемъ ножъ, но Дворскій приглашаетъ насъ такъ убѣдительно: „Кушайте еще, если вамъ нравится. У насъ это по просту, но съ добрымъ намѣреніемъ. Не заставляйте себя приглашать".

Дворскій излишне даже гостепріименъ.

Странника онъ угощаетъ, какъ только можетъ лучше, и охотно бесѣдуетъ съ нимъ и разспрашиваетъ, что новаго на свѣтѣ. Разсуждаетъ онъ съ нимъ, напр., о томъ, что тотъ либо другой вельможа такъ или такъ долженъ-бы поступить, это такъ могло-бы быть, а то иначе и пр. Нищій не уйдетъ безъ милостыни, и если кто не имѣетъ, гдѣ склонить голову, прямо

идетъ „до двора“. Дворскаго всѣ знаютъ въ окружности; о немъ разсказываютъ дротари и комедіанты. Онъ всѣмъ даетъ убѣжище.

Но разъ онъ имѣлъ такого гостя, какого „для приппадности“ еще не бывало въ его домѣ.

Дворскій охотно забирался „подъ скалу“, какъ говорили о небольшой гостинницѣ, бѣлѣвшей недалеко отъ дороги за селомъ, близъ старой заброшенной каменоломни. Оттуда онъ однажды пришелъ домой въ двѣнадцатомъ часу ночи.

У старой яблони, раскидывавшей свои вѣтви до самыхъ оконъ, онъ остановился внезапно, съ удивленіемъ увидѣвши подъ деревомъ темную фигуру.

Полный мѣсяцъ озарилъ лицо странника, блѣдное, какъ весенній снѣгъ. Запавшіе мутные глаза тускло смотрѣли въ озаренную мѣсяцемъ блѣдную даль. Незнакомецъ былъ одѣтъ бѣдно. Каштановые волосы его падали на самыя плечи; онъ былъ очевидно молодъ, но на лицѣ запечатлѣлись изнуреніе и болѣзнь. Онъ такъ глубоко задумался, что не замѣчалъ Дворскаго, который стоялъ передъ нимъ въ недоумѣніи. Глухой сухой кашель вырвался изъ груди молодаго человѣка, который судорожно схватился за нее блѣдной, изможденной рукой. При свѣтѣ мѣсяца блеснулъ на пальцѣ перстень. Кашель вывелъ незнакомца изъ оцѣпенѣнія, и его мутный взоръ остановился на Дворскомъ. На всѣ вопросы послѣдняго онъ качалъ головой, печально усмѣхаясь. Затѣмъ онъ самъ заговорилъ, но Дворскій ничего не понялъ, да и не могъ дознаться, что это за языкъ такой, на которомъ выражался чужеземецъ. Дворскій разумѣлъ немного по нѣмецки и по хорватски; между нѣмцами онъ жилъ еще юношей, а хорваты нѣсколько времени были въ этой мѣстности, и теперь онъ узналъ-бы, конечно, хорватскій языкъ; по польски онъ тоже понялъ-бы—но этотъ юноша—одинъ Богъ знаетъ—изъ какихъ онъ краевъ!

Дворскій понялъ всего только, что незнакомецъ молитъ о ночлегѣ, и охотно повелъ его къ себѣ. Накормивши его,

онъ показалъ ему мѣсто въ ригѣ на соломѣ и далъ еще вмѣсто одѣяла кафтанъ. Утромъ чужеземецъ не вышелъ изъ риги. Дворскій пошелъ туда посмотрѣть, думая, что птичка уже вылетѣла.

Онъ вошелъ и... испугался, Только теперь, при дневномъ свѣтѣ, онъ замѣтилъ, что за страдалецъ былъ его гость, какъ онъ силился встать и какъ однако отъ слабости опять падалъ на солому! Дворскій, незамѣтно для странника, слышалъ его вздохи болѣзненные и въ мольбѣ выговоренное слово „Марія“. Тронутый до глубины души, добрый Дворскій еще съ большимъ участіемъ сталъ относиться къ бѣдному юношѣ, когда увидѣлъ, сколь онъ несчастенъ. Бѣдняжку отнесли въ коморку и тамъ приготовили ему постель. Всѣ домашніе удивлялись, что Дворскій принимаетъ какого-то проходимца, имѣя достаточно и своихъ бродягъ.

Незнакомецъ лежалъ и молчалъ. Слезы выступили у него на глазахъ, когда онъ увидѣлъ это сельское участіе и доброту Дворскаго. Иногда онъ говорилъ къ окружающимъ его трогательнымъ голосомъ, но его по прежнему не понимали. Часто слышали въ сѣняхъ, какъ бѣдный юноша говорилъ что-то въ полголоса, какъ-бы молился. Иногда онъ пѣлъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ, такъ что сердце болѣло. Разъ жена Дворскаго работала въ сѣняхъ и наслушалась достаточно этихъ прекрасныхъ пѣсенъ, звучавшихъ жалостно-прежалостно. Никогда еще не слыхала она такихъ прелестныхъ напѣвовъ и такого чуднаго голоса. Тутъ и Строфъ, пѣвшій соло въ хорѣ, долженъ былъ бы уступить. Когдастановилось въ коморкѣ темно, юноша снова начиналъ пѣть; но эти пѣсни не были уже такъ тоскливы, а звучали торжественно и важно, такъ что Дворскій полагалъ, что онѣ при случаѣ могли-бы пѣться и въ церкви.

Но бѣдняжкѣ не дѣлалось лучше. Онъ все меньше и меньше говорилъ и рѣже пѣлъ. Тихій, словно пѣна, цѣлые часы смотрѣлъ онъ задумчиво въ садъ и далѣе на синія горы. Ему позвали священника, а на другой день рано утромъ

Дворскій, войдя въ коморку, не услышалъ болѣе тяжелыхъ вздоховъ юноши. Бѣлая высохшая правая рука схватилась въ предсмертныхъ мукахъ за грудь. На пальцѣ блестѣло золотое кольцо. На груди нашли въ маленькомъ футлярѣ, на черномъ шнуркѣ, висѣвшемъ вокругъ шеи, темную прядь волосъ. Чьи они были? Матери или милой?

Дворскій закрылъ ему глаза и похоронилъ тихо, но прилично. Теперь уже и забыли о его могилѣ, и никто не знаетъ, гдѣ почиваетъ страдалецъ.

Какъ видите, Дворскій любилъ гостепріимство. Старички, бывало, не нахвалятся имъ, когда, сойдясь послѣ ранней обѣдни, за стаканомъ вспоминаютъ старые годы: „О, онъ еще стариннаго покроя человѣкъ," говорили эти „старочехи". Молодое же поколѣніе не могло безъ улыбки смотрѣть на его старый домъ съ зеленой крышей. Съ его средствами они не то выстроили бы, они имѣли бы капиталъ! А Дворскій... Ѣлъ съ челядью, не расточалъ имущества, не хлопоталъ о внѣшнемъ лоскѣ, жена тоже—и все у нихъ шло себѣ помаленьку, такъ что лишь бы на всѣхъ хватило. Да и зачѣмъ ему было очень хлопотать о наживѣ, когда онъ былъ бездѣтенъ!?

Но возвратимся къ нему. За лѣсомъ, часть котораго обращена въ поле, жнутъ его рожь. Вотъ уже сумерки ложатся на землю и, покрывши долину, стелются по горамъ. Жнецы уходятъ съ поля, а за ними и Дворскій. Онъ направляется черезъ лѣсъ. Тихо, славно вокругъ; птички уснули, и ни одна вѣтка не нарушаетъ ихъ покоя.

И кто не замечтался бы при такой обстановкѣ!

Заложивши руки за спину, наклонивъ голову, раздумываетъ Дворскій о полѣ, объ урожаѣ, о завтрешнемъ днѣ и незамѣтно достигаетъ конца лѣса. По заросшей травою и бурьяномъ горѣ сходитъ онъ внизъ и вдругъ останавливается. Словно пробудившись отъ сна, осматривается онъ вокругъ. Онъ очутился въ „малемъ долечку", прелестномъ и уютномъ уголкѣ. Справа возвышается гора, по которой онъ шелъ, а надъ

нею лѣсъ, слѣва холмъ, на пологомъ хребтѣ котораго слегка качается рожь, впереди бѣлѣютъ хижины и сельскіе домики между темными стволами деревьевъ. Надъ головой висятъ длинныя вѣтви бѣлой березы, возлѣ которой высится громада камней, словно мавзолей давно уснувшихъ героевъ...

Зашумѣли длинныя гибкія косы старой березы, ея вздохъ вызвалъ звѣздочку; вонъ она проскочила надъ чернымъ лѣсомъ, словно вынырнула изъ синей глуби небесъ. Голосъ зашевелившейся березы, блескъ звѣзды пробудили въ душѣ Дворскаго давно прошедшее въ его жизни, разбудили тихія воспоминанія о минувшемъ. Онъ стоитъ опять на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ много лѣтъ назадъ, еще юношей, а сердце такъ сильно билось. Да и какъ было не трепетать молодой груди, когда онъ къ ней прижималъ такую прелестную, добрую и и честную дѣвушку, какова была его Іоанна. Она жмется къ нему нѣжной голубкой, ея чистыя, ясныя очи такъ довѣрчиво смотрятъ въ его раскраснѣвшееся лицо и такъ блаженно улыбаются.

О, какъ счастлива Іоанна Кордова!

Такой славный, статный и къ тому же состоятельный молодецъ полюбилъ ее, дѣвушку бѣдную, „изъ хижины".

„И что онъ нашелъ въ ней, разсуждали дѣвушки, такая маленькая, какъ бы вовсе и не сельская".

Но Антонинъ зналъ, за что любилъ ее, и предпочиталъ прочимъ дѣвушкамъ. Сама же Іоанна не хотѣла и вѣрить, что онъ можетъ ее взять замужъ. Въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ, что любитъ ее, она была счастлива, тронута, забывала обо всемъ: и о своемъ старомъ отцѣ, и о томъ, что Тондикъ—сынъ зажиточныхъ родителей; она жила въ эту минуту лишь для него, лишь на немъ останавливались ея глаза.

Послѣ же свиданья, когда уже болѣе не шумѣла надъ головой береза, а звѣзды заглядывали лишь въ хижину,—тутъ она тоскливо склоняла голову и съ грустью помышляла о будущемъ. „Это меня только искушаетъ Богъ, думала она, это

слишкомъ много для меня, бѣдняжки". Ея сердце сжималось, когда она думала о томъ, что настанетъ вдругъ минута соединенія съ милымъ. Она и не предполагала, чтобы Антонинъ могъ съ ней лишь заигрывать; она ему крѣпко вѣрила. Но родители его... Если бы можно было, она сказала бы своему милому: „Иди къ намъ въ хижину, и будемъ мирно жить".

Старый Дворскій, отецъ Антонина, сначала не обращалъ вниманія на любовь сына и лишь усмѣхался, когда ему доносили о ней.

„Молодость — молодость", бормоталъ онъ обыкновенно, думая, что дурь Тондика скоро пройдетъ. Онъ полагалъ, что сынъ и не помыслитъ о женитьбѣ на такой дѣвушкѣ. Самъ онъ, вообще, ничего не имѣлъ противъ нея, но обремененное долгами имущество понуждало къ другимъ желаніямъ. Что касается г-жи Дворской, то знакомство сына ея съ Іоанной было ей противно, и она нерѣдко высказывалась, въ томъ смыслѣ, что оно нисколько не утѣшаетъ ее.

Старый Дворскій самъ получилъ наслѣдство съ долгами, а гдѣ уже проявился долгъ, тамъ онъ растетъ и растетъ, пока не выроститъ выше головы. Къ тому же старшій сынъ его учился, а это тоже немало стоило; въ концѣ концовъ бѣдный юноша умеръ, когда уже долженъ былъ получить посвященіе въ священники. Невозможно пересказать, какая печаль обуяла домъ при этомъ грустномъ извѣстіи.

Старый Дворскій печально смотрѣлъ на своихъ дѣтей— малолѣтокъ. „Много получите вы—нечего сказать... иронизировалъ онъ. На селѣ знали о долгахъ Дворскаго, но чтобы онъ былъ такъ „зарѣзанъ"—это и въ мысль никому не входило.

Лишь онъ прекрасно видѣлъ все и сознавалъ, что едва-ли удержитъ имущество въ своихъ рукахъ до смерти. Но что же будетъ съ дѣтьми? и онъ былъ постоянно задумчивъ и не въ духѣ. Для него была невыносима мысль, что старый домъ, искони принадлежавшій его дѣдамъ, долженъ перейти въ чужія руки; это же самое печалило и Антонина.

Самъ онъ какъ нибудь утѣшился бы въ потерѣ дома, но маленькіе братья и сестра малютка! Бесѣдуя съ отцемъ по поводу этихъ семейныхъ дѣлъ, Антонинъ посовѣтовалъ продать часть имѣнія. Старикъ, словно ужаленный, вскинулъ голову и удивленно посмотрѣлъ на сына.

„Что бы я что нибудь продалъ изъ своего имѣнія? сказалъ онъ наконецъ: „дѣдъ и отецъ удержали его въ цѣлости, а внукъ долженъ раздробить?“ И онъ задумался. Сынъ опустилъ голову, не зная, что придумать.

„Антонинъ:—началъ чрезъ минуту отецъ: еще есть средство помочь дѣлу—женись!“

Антонинъ вздрогнулъ и покраснѣлъ;

— Жениться..., проговорилъ онъ протяжно.

„Ищи себѣ невѣсту съ приданымъ и помни нашу старость“ скалъ отецъ и ушелъ.

Сынъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый.

„Съ приданымъ“, звучало у него въ ушахъ“, и помни нашу старость“. Онъ видѣлъ, какъ лишенные обезпеченія братья принуждены будутъ оставить домъ для какой нибудь службы.

Онъ очнулся отъ своихъ думъ, лишь когда пришелъ меньшій братъ звать его запрягать лошадь.

Мать тоже часто говорила о томъ же предметѣ и однажды даже залилася слезами. У нея уже имѣлась невѣста для Антонина—Марьянка Витова, дѣвушка красивая и съ хорошимъ приданымъ. Ея отецъ имѣлъ большое состояніе и, кромѣ нея, только одного сына; ни онъ, ни жена его, ничего не имѣли противъ такого брака. Это сообщала Дворской кума ея Каменицкая, когда онѣ возвращались вмѣстѣ изъ церкви, и такое сообщеніе было достовѣрно, потому что Каменицкая приходилась старой Витовой родной племянницей.

— „Только захочетъ ли сама Марьянка вступить въ этотъ бракъ?“ возражала Дворская.

— „Боже мой—да развѣ ты не знаешь, какъ она сходитъ съ ума отъ твоего Тондика.“

А что же Антонинъ! Мать ему все сказала.

„А Іоанна?“ спросилъ онъ какъ бы про себя.

— Ну, ужъ если тебѣ эта дѣвушка милѣе насъ, если сможешь видѣть насъ въ нищетѣ, бери ее!“ и мать залилась слезами, отъ чего Антонину сдѣлалось еще тяжелѣе.

Наконецъ отецъ запретилъ ему ходить къ Іоаннѣ. Но когда весь домъ погружался въ глубокій сонъ, юноша крался, какъ тѣнь, по саду и спѣшилъ въ маленькій домикъ повѣрить Іоаннѣ всѣ муки своего сердца, раздѣлить съ нею тоску—печаль; но онъ молчалъ, когда прижималъ къ груди любимую дѣвушку.

Однимъ вечеромъ шелъ Антонинъ по привычкѣ къ березѣ, гдѣ Іоанна сидѣла уже, упорно смотря въ ту сторону, откуда долженъ былъ прійти милый. Ланью вскочила она, увидѣвъ его, и испытующе посмотрѣла въ его тоскливое лицо

Онъ былъ задумчивъ и часто посматривалъ на звѣздное небо, держа руку Іоанны въ своей рукѣ.

Когда она прильнула къ его груди и тихо спросила, что съ нимъ, онъ, вмѣсто отвѣта, прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ.

Онъ вдругъ забылъ о всѣхъ своихъ заботахъ и жилъ лишь своей Іоанной. Разставаясь съ милой, онъ свято обѣщалъ себѣ, что никогда не покинетъ ее. Тихо крался къ дому влюбленный юноша, думалъ, что все уже спитъ и очень удивился, увидѣвъ слабый свѣтъ въ окнахъ. Онъ тихо вошелъ въ комнату, освѣщенную сосновою лучиной. У стола сидѣлъ полуодѣтый отецъ, оперши голову о руки. У постели, гдѣ спалъ меньшій сынъ, лѣтъ шести, сидѣла мать, опираясь лбомъ о бортъ постели. Когда вошелъ сынъ, она подняла голову и посмотрѣла заплаканными глазами.

Антонинъ почувствовалъ, какъ болѣзненно сжалось его сердце. Онъ поспѣшно сбросилъ кафтанъ и хотѣлъ идти спать: но на порогѣ его остановилъ отцовскій зовъ: „Гдѣ былъ ты, Антонинъ?“

Тотъ молчалъ.

— Гдѣ-жъ больше быть ему какъ не у.... той.... сказала мать, и въ ея голосѣ слышалась горечь.

— Антонинъ! былъ здѣсь Вондра и потребовалъ рѣшительно денегъ. За полъ-лѣта мнѣ ихъ нѐ собрать.

Придетъ очередъ и остальнымъ платить, и тогда... Подумай объ этомъ".

Антонинъ сталъ предъ отцемъ, склонивши голову; доброе сыновнее сердце было тронуто. Онъ припомнилъ себѣ, что отецъ, чтобы откупить его отъ солдатчины, занялъ нѣсколько сотъ рублей—тогда въ послѣднiй разъ онъ пользовался кредитомъ—вспомнилъ старичковъ родителей, необезпеченныхъ братьевъ и несовершеннолѣтнюю сестру.

Но вотъ промелькнулъ образъ любимой дѣвушки, и сердце бѣднаго юноши почувствовало страшную тяготу. Наступила рѣшительная минута душевной борьбы. Послѣ мучительнаго молчанiя, онъ наконецъ глухо сказалъ: „будьте спокойны" и ушелъ. Лицо отца прояснилось, а мать быстро поднялась.

Будетъ тяжело ему—думала она—но время все побѣдитъ: онъ привыкнетъ къ Марьянкѣ. Она славная дѣвушка. Спокойно улеглись спать старички, а Антонинъ сидѣлъ на чердакѣ у слуховаго окна и, отворивши его, смотрѣлъ на тихiй долъ, озаренный блѣднымъ мѣсяцемъ. Его взоръ остановился на концѣ селенiя, у двухъ большихъ тополей. Въ тѣни ихъ, въ малой хижинкѣ спитъ его милая, и, вѣроятно, грезится ей счастливая любовь.

„Бѣдная Iоанна", шепталъ Антонинъ и чуть не плакалъ.

Снова вечеръ, снова зашумѣла береза надъ бѣдной влюбленной парой. Звѣзда надъ лѣсомъ видѣла, какъ юноша обнималъ дѣвушку, а береза шептала: „въ послѣднiй, въ послѣднiй разъ!" Дѣвушка тихо склонила голову, слезы ручьемъ льются изъ очей, и она шепчетъ; „я знала, что такъ будетъ". Антонинъ послѣ упорной душевной борьбы все высказалъ ей;

онъ молилъ, заклиналъ ее и обнявши цѣловалъ страстно губы ея и заплаканные глаза.

„Съ Богомъ, Антонинъ", прошептала Іоанна дрожащимъ голосомъ и встала. Онъ просилъ ее, чтобы такъ не оставляла его, увѣрялъ въ своей любви, которая никогда не измѣнится.

Съ болью въ сердцѣ она дала обнять себя еще разъ и забыла, бѣдная, что нужно уходить.

Заходитъ мѣсяцъ, блѣднѣютъ звѣзды, быстро идетъ неумолимое время. Еще мгновеніе, и они разлучатся навсегда. Въ послѣдній разъ обнимаетъ Антонинъ Іоанну, въ послѣдній разъ цалуетъ ее; наконецъ, она уходитъ. Долго смотрѣлъ вслѣдъ ей бѣдный юноша и вдругъ упалъ на росистую траву и закрылъ лицо руками....

Такъ вотъ о чемъ вспоминалъ Дворскій вечеромъ подъ березой. Его сердце забилось снова и облегчилось вздохомъ. Впрочемъ, теперь уже рана не такъ велика, какъ была тогда. Онъ уходитъ домой и дорогой размышляетъ о минувшемъ. Я тѣмъ временемъ доскажу вамъ все. Чтобы сохранить имѣніе, спасти родителей и братьевъ отъ бѣды, добрый Антонинъ женился на Марьянѣ Витовой, которая горячо любила его.

Отецъ уплатилъ долги и сдѣлался состоятельнымъ семьяниномъ. Антонинъ наслѣдовалъ его состояніе; судьба освободила его отъ заботы о братьяхъ, изъ которыхъ въ живыхъ остался лишь одинъ; онъ потомъ женился въ другомъ селѣ.

Дворскій жилъ согласно съ женой, и родители не могли нахвалиться добрымъ своимъ сыномъ.

Они и не сознавали, какую жертву принесъ онъ для нихъ, не замѣчали, какъ часто задумывался онъ наединѣ, какъ первое время ходилъ ночью въ долочекъ подъ бѣлую березу, гдѣ садился въ глубокомъ, тяжеломъ раздумьи.

Но хотя онъ былъ добраго и мягкаго сереца, однако умѣлъ быть и мужественнымъ. Изъ него и въ городѣ не вышло бы бродяги. А время изцѣляетъ всякую рану. Антонинъ при-

выкъ къ женѣ, сталъ ее уважать и пересталъ ходить въ долину, хотя о прежней возлюбленной не забывалъ никогда.

Іоанна скоро послѣ того вечера, въ который разлучилась навсегда съ дорогимъ сердцу, ушла служить въ другое село, гдѣ, впрочемъ, была недолго. Предъ Антониновой свадьбой она разболѣлась горячкой, говорила въ бреду много странныхъ и дикихъ вещей, а когда выздоровѣла, то уже навсегда потеряла свѣжесть и румянецъ лица. Она ослабѣла до того, что не могла исполнять тяжелой работы; ей пришлось жить съ отцемъ въ большой нуждѣ, тая въ себѣ свое горе.

Теперь она ужъ покоится на маломъ кладбищѣ, и на ея могилкѣ возвышается черный крестъ съ бѣлой табличкой. И умерла она, бѣдняжка, еще въ цвѣтѣ лѣтъ....

Когда она лежала на смертномъ одрѣ, ее тайно посѣтилъ Дворскій. Еще разъ просилъ онъ ее о прощеніи, и страдалица, тихо улыбаясь, подала ему руку. Когда несли ее на кладбище, Дворскій стоялъ у окна, слышалъ заупокойныя молитвы, видѣлъ простой черный гробъ, за которымъ шелъ ветхій старикъ. Дворскій отворотился, чтобы скрыть двѣ свѣтлыя слезы, блестѣвшія на его глазахъ. Украдкой вытеръ онъ ихъ и вышелъ проводить Іоанну въ послѣдній путь. Объ отцѣ ея онъ неуклонно и вѣрно заботился втайнѣ, исполняя обѣщаніе, данное дочери. Вечеромъ послѣ погребенія онъ послѣдній разъ былъ въ долинѣ.

Прошли года. Изъ молодаго парня сдѣлался важный хозяинъ съ пробивающеюся сѣдиной въ волосахъ. Время изцѣлило болѣзнь сердца, и Дворскій былъ и „для припадности" спокоенъ. Всѣ уважали его за доброту и искренность. Дѣтей, какъ я уже сказалъ, у него не было. Однако же домъ послѣ его смерти перейдетъ не въ чужія руки и останется въ владѣніи Дворскихъ.

Брату Дворскаго, женившемуся въ другомъ селѣ, посчастливилось въ дѣтяхъ. Дворскій взялъ къ себѣ воспитывать младшаго между ними Іосифа и сестру его Іоганку, своихъ

крестниковъ. Жена его была для нихъ, точно мать родная, чему особенно способствовало то обстоятельство, что ни близкихъ родныхъ, ни землячекъ — пріятельницъ она не имѣла. „Этотъ Іоза будетъ всѣмъ владѣть, а Іоганка получитъ прекрасное приданое, говорили въ селѣ серьезные папеньки и говорили правду. Въ завѣщаніи Дворскаго дѣйствительно Іозѣ было отписано все состояніе, а Іоганкѣ выдѣлено приличное приданое. Іозой, а особенно Іоганкой, не могъ Дворскій довольно налюбоваться. Тихая улыбка покоилась на его лицѣ, когда онъ, сидя съ сосѣдями на гуляньи съ музыкой, смотрѣлъ на хороводы, гдѣ Іоза со своей Верункой неистово веселился. Верунка была дочь зажиточныхъ родителей. „Будетъ изъ нихъ пара,—что скажете, кумъ? спрашивали у Дворскаго сосѣди.

— „Дле припадности“ отвѣчалъ онъ усмѣхаясь. У Іозы, кромѣ милой, былъ еще и пріятель—единственный человѣкъ, съ которымъ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ, — Вацлавъ Багенскій. При всякомъ удобномъ случаѣ они посѣщали другъ друга, а въ воскресенье не разставались.

— Не знаю—что это такъ часто ходитъ этотъ Вашекъ „до двора“; тутъ что то да есть, говорилъ Войта Либаловъ Франтику, когда они вмѣстѣ шли и видѣли впереди Вацлава и Іозу съ сестрой Іоганкой.

— О, это я уже давно примѣтилъ. Вонъ посмотри! и онъ указалъ на Іоганку.

— Какъ-же, замѣтно! подтвердилъ Войта.

Молодые люди соображали вѣрно.

Въ цвѣтную недѣлю Вацлавъ далъ Іоганкѣ прекрасное „литованье“ *), и въ пасхальный понедѣльникъ ни одинъ юноша не получилъ такого „бинованья“ *), какъ онъ отъ Іоганки.

Оба были несказанно довольны.

Однажды вечеромъ, весною, когда Вацлавъ отплясывалъ на музыкѣ съ Іоганкой и дарилъ ее подарками, подо-

---

*) Такъ назыв. взаимные весенніе подарки молодыхъ людей обоего пола.
Переводч.

шелъ къ нему Іоза и поднимая бокалъ проговорилъ: „за родство!“ Вацлавъ весело выпилъ, а Іоганка покраснѣвши склонила голову на плечо молодцоватаго Вацлава, и онъ почувствовалъ, какъ бьется ея сердце. Когда-же онъ провелъ ее домой и остановился съ ней въ саду подъ старой яблоней, онъ дознался, что сердечко это бьется для него.

И Дворскій замѣтилъ, что мысли Іоганки гдѣ то блуждаютъ, догадался даже, гдѣ, но не говорилъ ничего. Вацлавъ былъ парень хорошій, хотя и не очень зажиточный: у него было еще два брата, и отецъ могъ удѣлить ему лишь четверть имущества. Іоганку можно было бы лучше пристроить— но что же дѣлать, если сердце иначе желаетъ.

Вацлавъ наслаждался, полный радостной надежды. Разъ, впрочемъ, онъ закручинился было, вспомнивши о приближеніи рекрутскаго набора.

— И что ты горюешь? сказалъ ему Іоза: вѣдь, если ужъ тебя дважды не тронули, то сойдетъ и въ третій разъ. И Вацлавъ опять развеселился.

Къ сожалѣнію, молодые люди ошиблись! Іоганка такъ тоскуетъ; уже не поетъ и охотно прячется куда нибудь въ уголокъ и сидитъ тамъ. задумавшись и частенько вся въ слезахъ. Да и кто бы не плакалъ, не горевалъ: вѣдь война тянется такъ долго! Вацлавъ ходитъ съ цвѣткомъ на шапкѣ; осенью уйдетъ въ войско. А тамъ? О, тяжелая скорбь, горькія думы!

Никто не могъ утѣшить бѣднаго юношу. Такъ хорошо шло—самъ Дворскій, конечно, не воспротивился бы его браку съ Іоганкой—и вдругъ...

О выкупѣ и думать ничего. Гдѣ взять денегъ? Да если бы отецъ и сдѣлалъ это, то повредилъ бы всѣмъ. Не остается ничего другаго, какъ разлучиться съ дорогой сердцу.

Вечеръ воскресенья, чрезъ три дня послѣ набора. Въ усадьбѣ Дворскаго мрачно и темно. Тихій вѣтерокъ доноситъ изъ нижняго конца селенія смѣшанные звуки музыки.

Что же не идетъ къ музыкѣ эта молодая парочка, сидящая подъ старой яблоней? Оба забыли о музыкѣ и пляскѣ; теперь одна скорбь овладѣла ихъ сердцами.

„Осенью уйду я, и много воды утечетъ, пока мы увидимся. Ты между тѣмъ выйдешь замужъ“. Молодая дѣвушка вмѣсто отвѣта склонила голову на грудь, и влажныя очи ея скорбно смотрѣли на Вацлава.

„Мой отецъ, пожалуй, и могъ бы заплатить за меня, да я самъ не хочу, не смѣю: задолжали бы, а отецъ едвали бы справился съ этимъ“.

— Я обожду тебя, Вацлавъ, — и Іоганка обвила рукой его шею.

Сзади ихъ зашуршала трава, но влюбленные не замѣтили этого. Темная фигура, стоявшая за ними, проскользнула, какъ тѣнь, по направленію къ дому и чрезъ дверь скрылась на дорогѣ. Быстрымъ шагомъ направилась она къ трактиру, гдѣ звучно раздавалась музыка. Вотъ она вошла въ освѣщенныя сѣни. Ктобы могъ подумать, что это былъ Дворскій!

Онъ сѣлъ за столомъ, поздоровался съ сосѣдями, набилъ окованную серебромъ деревянную трубку и сначала говорилъ было, курилъ и пилъ, но затѣмъ—удивительная вещь—вдругъ пересталъ говорить, склонилъ голову и о чемъ то задумался.

„Это еще „дле припадности“ не случалось съ Дворскимъ! говорили сосѣди: „онъ всегда такой разговорчивый, а сегодня, какъ воды въ ротъ набралъ; куритъ только да и то трубка, того и гляди, погаснетъ“.

Онъ даже не замѣтилъ Іоганки, когда она вошла въ комнату съ Вацлавомъ. Удивительно!

На другой день онъ всталъ рано и отправился въ городъ. На вопросъ жены, куда онъ такъ спѣшитъ, онъ отвѣтилъ только:

— Есть тамъ „дле припадности“ неотложное дѣло—я тебѣ послѣ скажу о немъ. И ушелъ.

Въ полдень онъ возвратился. На лицѣ его не было и тѣни прежней задумчивости; напротивъ, онъ былъ спокоенъ и даже улыбался.

Что это на него вдругъ нашло?

Онъ даетъ распоряженіе Іозѣ подмазать бричку и накормить въ полночь лошадей, такъ какъ рано утромъ онъ предполагаетъ ѣхать.

— Куда?

— Да вотъ, этотъ гнѣдко мнѣ не нравится, хочу купить новаго коня. Поѣду въ Хрудимъ.

— Одинъ?

— Одинъ.

„Что ты дѣлалъ въ городѣ?“ спросила его жена вечеромъ, увязывая въ узелъ хлѣбецъ и масло на дорогу.

— Былъ тамъ за деньгами. Теперь ярмарка.

Ранехонько утромъ, когда еще разстилался мракъ по долинамъ, но уже блѣднѣли звѣзды, Іоза запрегъ лошадей.

Держа въ рукахъ возжи и ожидая дяди, онъ смотрѣлъ на гнѣдка и дивился: „И чего бы не нравился дядѣ этотъ конь? Какъ хорошо онъ высматриваетъ и какимъ чертомъ мчится по скаламъ!“

Вотъ вышелъ Дворскій, сѣлъ, взялъ возжи и бичъ и повторилъ еще разъ, что должно дѣлать въ домѣ въ его отсутствіе.

— Съ Богомъ! Эй вы, молодые! Онъ тронулъ возжи, хлопнулъ бичемъ и выѣхалъ изъ воротъ.

— „Съ Богомъ!“ кричитъ вслѣдъ ему Іоза и удивленно смотритъ вслѣдъ за дядей, — а тотъ ужъ повернулъ по дорогѣ и вотъ уже изчезъ въ утренней мглѣ; лишь слышенъ стукъ колесъ, да и тотъ скоро пересталъ доноситься.

На третій день, съ заходомъ солнца возвращалась Іоганка съ поля и еще издали увидѣла сквозь отворенныя ворота дядину бричку, стоящую посреди двора. Лошади были уже выпря-

жены. Она ускорила шаги и поспѣшила чрезъ садъ, чтобы поздороваться съ дядей. Онъ шелъ навстрѣчу ей.

„Съ счастливымъ возвращеніемъ, дядюшка! Какъ устроились съ дѣлами?“

— Ничего не купилъ; не было тамъ лошадей по моему вкусу. Зато тебѣ привезъ что-то.

„Что же такое?“

— Не смѣй никому открывать. Только Вацлавъ можетъ посмотрѣть.

Племянница удивленно посмотрѣла на дядю, когда онъ подалъ ей какую то бумагу со словами: „Смотри же, ничего не говори, объявляю тебѣ!“

Дѣвушка раскрыла бумагу и стала читать написанное въ ней—да что тутъ разберешь въ этой нѣмечинѣ! И что это выдумалъ еще дядя? Вдругъ и радость и страхъ отразились на лицѣ ея: на бумагѣ попадается имя Вацлава. Что это значитъ? Дѣвушка подняла было глаза и хотѣла просить у дяди разъясненія всего этого—но Дворскаго уже не было.

Наступилъ вечеръ. Въ другое время Вацлавъ ждалъ свою невѣсту; но теперь она пришла раньше и нетерпѣливо поглядывала на дорогу. Дядя не хочетъ ничего сказать—но что же въ этой бумагѣ? Наконецъ! Вацлавъ здѣсь! Онъ взялъ бумагу и подошелъ подъ окно дома, чтобы прочесть при свѣтѣ лампы этотъ удивительный листъ, на который Іоганка смотрѣла съ такимъ любопытствомъ черезъ плечо милаго. Тутъ вдругъ у Вацлава опустились руки, и онъ казался совершенно ошеломленнымъ. Сердце его забилось такъ сильно, что онъ не могъ сначала ни слова промолвить. „Что такое, что это значитъ?“ спросила она Вацлава?

— Ты моя, моя .., и онъ крѣпко обнялъ ее.

— Скажи же, что тутъ!

— Я откупленъ отъ рекрутчины! Онъ не могъ болѣе говорить и опять обнялъ свою милую.

Не буду вамъ разсказывать о радости влюбленныхъ; это

было бы трудно, да и нѣтъ нужды. Когда прошелъ первый пылъ радости, они рѣшили бѣжать въ домъ поблагодарить добраго дядю—своего благодѣтеля.

„Потише, молодежь, потише!“ Они вбѣжали къ дядѣ очень кстати, такъ какъ онъ собирался уже идти въ деревню, схватили его за руку и горячо благодарили, хотя и не знали, что и говорить отъ радости.

Что же вамъ еще разсказать?

Дворскій занялъ въ городѣ денегъ, взамѣнъ которыхъ осенью кредиторъ, строившій домъ, вырубилъ часть лѣса своего должника.

И не въ Хрудимъ съѣздилъ Дворскій, а въ Градецъ, гдѣ ему удалось выкупить Вацлава.

Скоро послѣ этого былъ у Іозы сговоръ съ родными Верунки и кончился счастливо для него. Да, это была помолвка повеселѣе сговора Дворскаго съ его невѣстой во время оно! Въ скоромъ времени пришелъ и Вацлавъ съ отцемъ и старымъ дядей Кликаремъ просить руки Іоганки, и, разумѣется, отказа не послѣдовало ни отъ Дворскаго, ни отъ нея.

Тутъ-то ожилъ старый „дворъ!“ Еще никто не помнилъ, что бы въ немъ разомъ праздновалось двѣ свадьбы. Іоза съ Вацлавомъ опять пили за родство. Нетвердымъ шагомъ шли участники торжества въ гостинницу къ музыкѣ. Тамъ-то было пѣсенъ, хохоту и плясокъ! Женихи и невѣсты свѣтились радостью и восторгомъ. Дворская тоже такъ развеселилась, какъ уже давно не видѣли ее, и даже дала обѣщаніе танцовать.

Пробовали было затащить въ танецъ и Дворскаго, указывая, что и постарше его люди пустились въ плясъ, но все было напрасно. „Это не для меня“, говорилъ онъ, усмѣхаясь и остался лишь зрителемъ.

И въ то время, какъ всѣ наиболѣе веселились, и музыка раздавалась всего звучнѣе, вышелъ Дворскій потихоньку и незамѣтно для всѣхъ на дворъ и остановился около липы предъ домомъ. Улыбка изчезла съ его лица, и онъ важно

смотрѣлъ на яркую звѣзду, свѣтившуюся надъ „малымъ долечкомъ". Онъ посмотрѣлъ и наверхъ, гдѣ въ тѣни старыхъ деревьевъ бѣлѣла церковка и ограда небольшаго кладбища. Мысль его остановилась у низкой гробницы, надъ которой высился черный крестъ. На бѣлой дощечкѣ написано простыми, невычурными буквами: „Іоганка Кордова". Прошло много времени, много воды утекло! О, пора молодости!

Дворскій глубоко вздохнулъ.

Вотъ ужъ онъ пересталъ управлять старымъ домомъ и хозяйствомъ, сдавъ все на руки племяннику и живя спокойно своей частью, которую онъ отдѣлилъ себѣ. Мнѣ каждый день приходилось видѣть сѣдаго, но еще бодраго старичка на богослуженіи.

Но вотъ и онъ „дле припадности" долженъ былъ навсегда разстаться со своими „дѣтьми" и старымъ домомъ. Невольно пріуныли всѣ въ деревнѣ, когда звукъ похороннаго колокола возвѣстилъ кончину почтеннаго старца. Нечего и говорить, что наибольшее горе поразило двѣ молодыя четы. Когда Іоза и Вацлавъ, вынося покойника, на порогѣ родномъ трижды крестили гробъ, Іоганка съ плачемъ ринулась на него, и ее должны были оттянуть силою.

Старый Дворскій навсегда разлучился съ домомъ и ушелъ вслѣдъ за своей Іоганкой.

Заключеніе отъ переводчика.

Закончивши переводъ „Горныхъ разсказовъ", я считаю необходимымъ предложить читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности талантливаго автора этихъ разсказовъ.

Алоизъ Ирасекъ (точнѣе Йирасекъ) родился въ Гроновѣ, небольшомъ городкѣ Чехіи, въ 1851 году. Гимназическое образованіе онъ началъ въ Брумовѣ, а закончилъ въ Кралёве-Градцѣ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Пражскій университетъ и кончилъ курсъ наукъ по философскому факультету. Въ 1874 году онъ получилъ мѣсто учителя Литомышльской гимназіи, откуда перешелъ въ высшую реальную школу, въ томъ же городѣ Литомышлѣ. Тамъ онъ и доселѣ состоитъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Писательская дѣятельность его началась уже съ 1871 г., когда онъ, еще двадцатилѣтній юноша, выступилъ съ довольно выдающимся произведеніемъ „Жена подлудникова" (т. е. жена контрабандиста), напечатаннымъ въ извѣстномъ чешскомъ иллюстрированномъ журналѣ „Свѣтозоръ". Съ той поры имя его встрѣчается почти во всѣхъ чешскихъ беллетристическихъ журналахъ (какъ „Свѣтозоръ", „Люміръ", „Образы живота", „Чешскій югъ" и пр.), и его стихотворенія, повѣсти и разсказы сдѣлались любимымъ чтеніемъ чешской публики.

Вотъ указаніе его болѣе выдающихся произведеній: въ 1874 г. въ „Лациной Книговнѣ" (т. е. Дешевой библіотекѣ) вышелъ его разсказъ изъ жизни горныхъ Чеховъ „Въ сусѣдстві", а въ

слѣдующемъ году была помѣщена въ „Женской библіотекѣ“ историческая повѣсть „Виктора“. Въ „Свѣтозорѣ“ за 1876 г. явились слѣдующія его произведенія: „Турeчкове“ и „Фелице Танкредо“, а за 1878 годъ—романъ „На дворѣ веводскемъ“. Въ томъ же году въ журналѣ „Освѣта“ была напечатана его повѣсть „На кървавемъ камені“ и, наконецъ, въ „Люмірѣ“ повѣсть „Маркитанка“. Въ 1878 году помѣщена была въ „Свѣтозорѣ“ и замѣчательная его „Философская исторія“, произведшая большое впечатлѣніе въ Литомышлѣ, гдѣ происходитъ главнымъ образомъ дѣйствіе этой исторіи.

Въ Мурковой „Библіотекѣ романовъ“ въ томъ же году были помѣщены и „Горные разсказы“, предлагаемые теперь вниманію русской публики; а въ „Люмірѣ“ явилась повѣсть „Андѣле Божі“ (Ангелы Божьи).

Произведенія г. Ираска весьма любимы въ Чехіи, и всѣ редакціи наперерывъ спѣшатъ заручиться той либо другой повѣстью замѣчательнаго романиста. Большое поэтическое дарованіе его не подлежитъ никакому сомнѣнію и ставитъ нашего писателя довольно высоко среди современныхъ чешскихъ беллетристовъ.

Въ своихъ произведеніяхъ Ирасекъ почти всегда стоитъ на реальной почвѣ и потому чаще всего не порываетъ связей съ дѣйствительностью; въ этомъ отношеніи его поэзія довольно рѣзко отличается отъ поэзіи В. Галька, Я. Верхлицкаго и другихъ поэтовъ отвлеченноидеальнаго направленія, поэтовъ-космополитовъ. Переводя его „Повідки зъ горъ“ (Горные разсказы), мы имѣли ввиду именно познакомить русскую публику съ довольно типическимъ образцомъ чешской повѣсти съ деревенскимъ содержаніемъ; во вторыхъ, эти разсказы привлекли насъ своимъ довольно безхитростнымъ изображеніемъ простой, самородной чешской массы и въ этомъ отношеніи представляли часто и въ значительной мѣрѣ довольно высокій этнографическій интересъ. Во всякомъ случаѣ, выбирая для перевода на первый разъ именно это произведеніе даровитаго чеш-

скаго писателя, я нисколько не опасаюсь за цѣлесообразность этого выбора; впрочемъ, разумѣется, оцѣнку этого мнѣ приходится предоставить самому нашему просвѣщенному обществу, на судъ котораго и предлагаются являющіеся нынѣ въ моемъ переводѣ „Горные разсказы".

Взаключеніе скажу нѣсколько словъ о языкѣ перевода. Относительно переводовъ съ славянскихъ нарѣчій на русское у меня составилось издавна совершенно опредѣленное воззрѣніе, которое я имѣю ввиду высказать болѣе или менѣе полно при другомъ удобномъ случаѣ и при болѣе подходящихъ для меня обстоятельствахъ. Суть дѣла, впрочемъ, состоитъ въ томъ, что эти переводы, или, точнѣе, взаимныя переложенія съ славянскихъ нарѣчій должны носить особый характеръ, существенно отличный отъ того, какой имѣютъ переводы съ языка, совершенно чуждаго, иностраннаго въ точномъ смыслѣ слова.

Не имѣя теперь возможности и досуга подробнѣе изложить свои мысли объ этомъ предметѣ, я могу только просить о снисходительномъ отношеніи публики къ тому довольно незначительному количеству чехизмовъ, которое умышленно допущено въ переводѣ, согласно съ моимъ взглядомъ на дѣло, и можетъ казаться до нѣкоторой степени вредящимъ чистотѣ русскаго языка. Въ общемъ эти чехизмы, на мой взглядъ, не слишкомъ пестрятъ слогъ перевода, что̀ и даетъ мнѣ смѣлость надѣяться на благосклонное снисхожденіе просвѣщенной публики. Разставаясь теперь съ уважаемыми читателями, льщу себя надеждой неразъ еще встрѣтиться съ ними на почвѣ дорогихъ всѣмъ намъ славянскихъ литературъ.

А. Степовичъ.

Болгарское возстаніе наканунѣ послѣдней войны *).

Воспоминанія о событіяхъ 1876 года

И. Вазова.

(Переводъ Т. Странскаго).

Было 22-е Апрѣля 1876 года....

Съ этихъ поръ прошло уже шесть лѣтъ. Какая это была полная треволненій весна! Событія одно другаго новѣе, страшнѣе, одно другаго болѣе неожиданныя, потрясающія шли съ необыкновенною скоростью, сталкивались и бѣжали въ перегонку. И теперь, желая привесть въ порядокъ тогдашнія впечатлѣнія, я теряюсь передъ ихъ разнообразіемъ, многочисленностью и затѣйливой группировкой. Чѣмъ болѣе углубляюсь въ нихъ, чѣмъ болѣе растираю свой лобъ, тѣмъ болѣе воскресаетъ въ моей памяти новыхъ образовъ и представленій, выплывающихъ точь въ точь, какъ слова поверхъ исписанной симпатическими чернилами бумаги, когда ее нагрѣваютъ. Да, весна была неспокойная, небосклонъ былъ полонъ какой-то

*) Изъ болгарскаго періодическаго изданія „Наука" за 1881—82 г.

зловѣщей, бурной тишины, сердца наполнены страхомъ, души ожиданіемъ. Пора уже пришла. 18-го Апрѣля Панагюриште подняло знамя свободы, 20-го возстала Копривщица, 6 часовъ спустя и Клисура начала волноваться!... Ожидали еще... Слова превращались въ дѣло, мечта—въ дѣйствительность. Поднялся дымъ пожара, подготовленнаго Левскимъ, зажженнаго Каблишковымъ, раздутаго Бенковскимъ! Но, какъ я уже сказалъ, я затрудняюсь разсказать все. Обстоятельства, которыя вызвали, и наполнили собою эти памятные дни, такъ переплетены, такъ, повидимому, нелогичны, странны, грандіозны, что для живаго ихъ воспроизведенія нуженъ терпѣливый и сообразительный духъ Нибура, нужно талантливое перо Тьера. Эти немногіе дни, въ которые блеснулъ и опять изчезъ, какъ блестящій метеоръ, величественный духъ цѣлаго народа, связаннаго, подавленнаго, униженнаго, забытаго, находящагося уже пять вѣковъ въ плѣну,—составляютъ эпоху, изображеніе которой составило бы цѣлую историческую эпопею; я же имѣю въ виду совсѣмъ не то, моя цѣль скромнѣе.

Итакъ было 22-е Апрѣля 1876 года.

Я ѣхалъ по очаровательной долинѣ рѣки Стрямы, по шоссе, которое тянулось отъ низменностей „Старой-Планины" (Балкана) къ Средней горѣ, къ Филиппополю.

День былъ прекрасный.

Въ селѣ, которое я покидалъ, возстанія не было. Было только рѣшено сопротивляться. Бунтъ начался десятью днями раньше срока, и эта преждевременная тревога причинила первое смятеніе, первое колебаніе: это былъ первый шагъ къ неудачѣ! Большинство городовъ и селъ рѣшило оставаться въ ожидательно-оборонительномъ положеніи..... Третьяго дня я получилъ тайнымъ образомъ извѣстіе, что меня преслѣдуютъ. Сегодня вечеромъ прибыли въ село два жандарма изъ ближайшаго города: пронесся слухъ, что меня ищутъ. Извѣстіе подтвердилось. Опасность была близка. Мнѣ мерещились уже оковы, темница, висѣлица и всѣ тѣ ужасы, которые бывають

нераздѣльны съ ними; мученическая смерть, смерть безъ борьбы, безъ защиты. Ночью одинъ изъ моихъ вѣрныхъ товарищей доставилъ мнѣ паспортъ съ чужимъ именемъ и съ признаками, далеко неподходившими ко мнѣ. Бричка также дожидалась меня. Эти то средства представляли для меня единственный, хотя и печальный шансъ къ избавленію.

Бричка, въ которой я путешествовалъ по легкой покатости равнины, была, какъ и прочія, употреблявшіяся въ то время, снаружи черная съ кожанымъ верхомъ, изнутри обитая краснымъ сукномъ; для свѣта было продѣлано съ боковъ по окну, въ которыхъ были въ одномъ красное, въ другомъ синее стекло.

Мой ямщикъ, какъ и всѣ ямщики того времени, былъ турокъ.

Въ ближайшемъ отъ покинутаго мною села городѣ былъ, по обыкновенію, базаръ, куда стекались всѣ жители окрестныхъ селъ, и не смотря на то, какъ будто нарочно, по дорогѣ не было ни одной живой души. На всемъ протяженіи шоссе было пусто и мертво. Нигдѣ не поднималась пыль отъ многочисленныхъ телѣгъ, какъ бывало прежде, нигдѣ не видно было ни животнаго, ни человѣка на этомъ и безъ того скучномъ длинномъ шоссе. Кое гдѣ видны были однѣ галки, которыя покрывали собою, какъ бы чернымъ плащемъ, зеленую траву въ сторонѣ отъ шоссе, или же поднимались цѣлою стаею, издавая зловѣщіе крики, и опять опускались въ другое мѣсто. Присутствіе ихъ не оживляло эту прекрасную, но пустую мѣстность, а напротивъ дѣлало ее еще болѣе пустою: своими противными криками онѣ еще болѣе наводили уныніе. Изрѣдка на недоконченныхъ черноземныхъ пашняхъ виднѣлся оставленный плугъ селянина, торчащій, какъ остовъ, и напрасно дожидающійся возвращенія своего хозяина....

Направо и налѣво, позади и впереди, по низменностямъ Старой-планины и Средней-горы и въ долинахъ,—вездѣ виднѣ-

лись заросшія фруктовыми и лѣсными деревьями и украшенныя высокими тополями многочисленныя цвѣтущія села, которыя издали еще были замѣтны по своимъ новымъ бѣлымъ церквамъ. Увы! когда я ихъ увидѣлъ во второй разъ, они представляли изъ себя печальную картину раззоренія: стѣны и плетни ихъ были разрушены или сожжены, сады вырублены, церкви безъ крышъ съ полуразвалившимся, почернѣлыми отъ огня стѣнами....

По южной сторонѣ зеленѣющихся пастбищъ, блестѣла прозрачная, какъ слеза, шумная Стряма. Она извивалась змѣею вдоль живописныхъ низменностей Средней-горы, то уходя изъ виду, то снова показываясь во всемъ своемъ блескѣ; она пряталась за темнозелеными, густо скученными вербами и опять выбѣгала то длиннымъ прудомъ, окаймленнымъ зеленью, то бѣлой лентой среди роскошныхъ сѣнокосовъ, раздѣляя такимъ образомъ оба сельца Дубине и Войнягово, показывалась еще на мгновеніе и тотчасъ окончательно уже терялась изъ виду въ темной глубинѣ горъ.

Между тѣмъ моя бричка однообразно катилась по песчаному и изрытому потоками шоссе, трясясь безостановочно и покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону....

Ямщикъ—турокъ съ благодушнымъ лицемъ стегалъ отъ времени до времени своимъ кнутомъ худые бока лошадей.

Онъ былъ озабоченъ и молчаливъ. Молчалъ и я.

Но наконецъ я рѣшилъ, что лучше будетъ заговорить съ нимъ. Его молчаніе безпокоило меня, не смотря на то, что лице его выражало доброту. Я свернулъ себѣ папиросу и попросилъ у него огня. Тогда только онъ повернулся ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня и, засунувъ руку въ карманъ, досталъ огниво и трутъ и высѣкъ огня.

— Османъ-ага, почему ты такъ молчишъ?... Скажи что-нибудь!.... началъ я.

Онъ опять отвернулся, стегнулъ раза два лошадей, крикнулъ на нихъ и сказалъ спокойно:

— Что новаго у васъ?

— У насъ?... что новаго?.... Ничего... разсѣянно какъ будто отвѣтилъ я. Въ эту минуту я испугался его испытующаго взгляда. Впрочемъ онъ болѣе и не поворачивался ко мнѣ.

Вдругъ я замѣтилъ, что мы ѣдемъ не по шоссе, а по какому-то невѣдомому мнѣ пути, который велъ немного южнѣе къ неизвѣстному мнѣ турецкому селенію: впереди виднѣлась низенькая мечеть. Я встревожился.

— Османъ-ага, крикнулъ я быстро, мы потеряли дорогу.... наша дорога не эта!...

— Мы опять выѣдемъ на шоссе; я предпочелъ эту дорогу шоссе, потому что она мягкая, не каменистая,—лошади не устаютъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, закуривая свою папиросу.

Мнѣ нужно было показать, что я удовольствовался подобнымъ объясненіемъ, и я началъ слегка напѣвать себѣ что-то. Почему этотъ Османъ-ага везъ меня въ это турецкое селеніе? Мнѣ пришли тысячи мыслей на умъ.

Широкое поле вокругъ бло пусто.

Нигдѣ не было ни одной живой души.

Я невольно посмотрѣлъ назадъ, не преслѣдуютъ ли меня. Никого не было по дорогѣ. Мы въѣхали въ село. Названія этого села не знаю, даже и теперь не могу себѣ представить, гдѣ оно находится. Оно состояло, какъ и всѣ турецкія села, изъ нѣсколькихъ хижинъ, покрытыхъ соломою, придавленной какими то палками, чтобы вѣтеръ не разнесъ ее; при каждой хижинѣ находился длинный дворъ *), огороженный низенькимъ плетнемъ, а въ дворѣ, или скорѣе въ саду, потому что онъ служитъ и садомъ, а иногда, даже по большей части, огоро-

---

*) Даже и у зажиточныхъ турокъ дворъ находится передъ домомъ и всегда бываетъ засаженъ фруктовыми деревьями, для того чтобы чужой глазъ не могъ разсмотрѣть, что дѣлается во внутренней части двора.

домъ, было множество деревьевъ, между которыми разросся бурьянъ. При этомъ, чуть ли не на каждой крышѣ на дымовыхъ трубахъ торчали одноногіе красноклювые аисты, которые нарушали мертвую тишину села своимъ звонкимъ щелканіемъ. При громѣ колесъ нашей брички нѣсколько безобразныхъ старухъ, которыя находились въ это время на дворахъ, издали завидя чужаго человѣка, на скорую руку накрывались какими-то полинялыми тряпками и прятались въ своихъ убѣжищахъ отъ взгляда посторонняго человѣка. Для успокоенія ихъ испуганнаго цѣломудрія, я съ своей стороны спрятался въ углу своей брички. Теперь не время любезничать съ прекраснымъ поломъ.

На площадкѣ, покрытой зеленой травой, сидѣло въ кружекъ около пятидесяти турокъ: тутъ были старые, молодые и дѣти. У каждаго въ рукахъ виднѣлось разнаго рода оружіе: одни точили свои прямые или дугообразные ятаганы, другіе вытирали тряпками свои ружья и пистолеты, а третьи, разведя себѣ очагъ, выливали пули. Всѣ были заняты тѣмъ или другимъ смертоноснымъ оружіемъ... Ихъ лица носили зловѣщее выраженіе, и когда они увидали приближающійся экипажъ, то всѣ бросили свое занятіе и направили свои злобные и мстительные взгляды на меня. Я подумалъ, что Османъ преднамѣренно завезъ меня сюда, чтобы я сдѣлался первой жертвой ихъ фанатизма.... Нѣсколько человѣкъ бросились къ бричкѣ и начали разговаривать съ Османомъ. Мнѣ кажется, они спрашивали его, не изъ тѣхъ ли мѣстъ я ѣду, гдѣ уже было возстаніе? По всей вѣроятности, онъ успокоилъ ихъ на этотъ счетъ, потому что они пожелали ему „саадетлянъ“ (съ Богомъ!) и принялись опять за свои занятія. Въ послѣдній разъ я встрѣтился взглядомъ съ этими кровожадными людьми и поѣхалъ далѣе.

Увы! это были будущіе баши-бузуки, которые готовились увеличить шайку Тосунъ-бега.

Въ этой кучкѣ таилась гибель Клисуры.

Тогда, конечно, я этого не думалъ. Всѣ мы, вѣрили въ успѣхъ святаго дѣла. Воодушевленіе было такъ велико, надежды такія неопредѣленныя, плѣнительныя! Кто могъ тогда отрицать необходимость возстанія, удачу въ борьбѣ? Города и села были на готовѣ. Желанія, стремленія, надежды всѣхъ до одного сливались тогда въ одинъ фокусъ.... Всюду была одна общая атмосфера.... Каблишковъ безъ устали до самаго наступленія роковаго дня бѣгалъ, какъ сумасшедшій, проповѣдывалъ, училъ, обѣщалъ, застращивалъ, заклиналъ, поджигалъ сердца и кружилъ головы; онъ производилъ чудеса: женщинъ превращалъ въ мущинъ, мущинъ—въ героевъ, терпѣніе—въ гнѣвъ, вилы и серпы—въ оружіе; онъ былъ вездѣ! Его пламенное краснорѣчіе побѣждало маловѣріе, прогоняло малодушіе изъ сердецъ, какъ вѣтеръ разгоняетъ туманъ.

Увы! и все это величественное зданіе, которое онъ началъ строить и построилъ,—должно было рухнуть очень скоро и разлетѣться въ прахъ передъ ужасной дѣйствительностью!... По какой то жестокой ироніи судьбы тѣ, которые восторгались, слушая его возвышенныя и патріотическія проповѣди, тѣ самые должны были въ своемъ несчастіи проклясть его; его, виновника этого святаго движенія, мученика святой идеи... Онъ умеръ въ забвеніи и не оставилъ ни имени своего ни въ одномъ сердцѣ, ни даже могилы въ сырой землѣ! . . . .

. . . .

Моя бричка продолжала катиться къ Средней горѣ. Османъ чаще стегалъ лошадей, которыя тяжело ступали, такъ какъ мы въѣхали на дорогу, изобильную болотами, изъ которыхъ раздавалось отвратительное кваканье жабъ.... Долго тянулись мы по этому непроходимому пути. Очевидно было, что бричка, запряженная лошадьми, никогда и не проѣзжала по этимъ мѣстамъ. Я понялъ, наконецъ, что добрый Османъ, нарочно выбралъ эту дорогу, чтобы избѣжать всевозможныхъ нападеній повстанцевъ, потому что, надо сказать, въ эту критическую минуту неизвѣстность и страхъ были общи всѣмъ.

Медленное движеніе брички по этимъ невеселымъ и глухимъ мѣстамъ причиняло какую то невыразимую тоску. Мнѣ захотѣлось развлечься пѣніемъ, но пѣсня моя замерла въ горлѣ: не до пѣнія было тогда. Такъ много тяжелыхъ мыслей волновало меня. Борьба была объявлена уже.... знамя гордо поднималось.... а я, вслѣдствіе роковой необходимости, удалялся и ѣхалъ куда то, но куда? можетъ быть въ руки тѣхъ, которыхъ избѣгалъ..... Я не зналъ, куда и зачѣмъ ѣхалъ.... Я посмотрѣлъ изъ праваго окна, и мнѣ показалось, что красное пламя пожара разливалось всюду; по всей вѣроятности, это былъ плодъ раздраженнаго воображенія. Весь небосклонъ, вся природа были въ огнѣ, и я смотрѣлъ на это страшное зрѣлище, восхищаясь и ужасаясь, испытывалъ какое то невыразимое наслажденіе отъ одного вида этого огненнаго міра, этого пламеннаго моря, которые могла мнѣ представить до тѣхъ поръ только великая фантазія Данте... Между тѣмъ я просто смотрѣлъ черезъ красное стекло окна.

Мы почти цѣлый часъ еще взбирались по песчанымъ и изрытымъ крутизнамъ и уже по ту сторону моста при Баняхъ мы выѣхали на настоящую дорогу—шоссе. Пустынный проходъ, который тянется отъ того мѣста до самаго села *Чукурли*, мы проѣхали въ глубокомъ молчаніи. Это село Чукурли расположено по южному краю прохода за безводнымъ оврагомъ. Оно всегда отличалось и по своей наружности и по характеру жителей. Мужчины этого села слыли молодцами и считались всѣми окрестными сосѣдями хайдуцкой породой; женщины же считались красавицами. На этотъ разъ, впрочемъ, я не видѣлъ ни тѣхъ, ни другихъ. Село было пусто. Въ единственной лавочкѣ — кабакѣ, которая была отворена, сидѣлъ хозяинъ, сѣдой, одинокій старикъ. Отдохнувъ немного, мы двинулись дальше и пять часовъ спустя мы уже могли ясно разузнать филиппопольскіе холмы, которые чернѣли и выдвигались на темномъ фонѣ Родопскихъ горъ.

— Что это такое, что дымитъ вонъ тамъ? вдругъ спросилъ

меня Османъ и правою рукою показалъ мнѣ куда то въ поле. Я сталъ внимательно смотрѣть.

— Это, баринъ, должно быть, пожаръ! добавилъ онъ.

— Пожаръ! и я высунулъ свою голову въ окно брички, чтобы получше разглядѣть. И въ самомъ дѣлѣ, на довольно далекомъ разстояніи были замѣтны въ двухъ мѣстахъ два черные столба дыма, которые шли вертикально до извѣстной высоты, затѣмъ разсыпались во всѣ стороны на маленькія облачки.

Это былъ пожаръ. Горѣли два села.

Османъ стегнулъ злобно лошадей, и онѣ понеслись, какъ вихрь, оставляя за собою облака пыли. Онъ спѣшилъ; спѣшилъ и я къ Филиппополю, но дорога не сокращалась, Филиппополь не приближался. Всѣмъ, кто хоть разъ ѣздилъ въ Филиппополь отъ Старой-Планины, извѣстно, какъ длиненъ и нескончаемъ кажется этотъ путь, въ особенности, начиная съ Черпаліи до Филиппополя. Ѣдешь, ѣдешь, а темныя возвышенности остаются всё тѣже: онѣ и не увеличиваются и не кажутся яснѣе; чѣмъ ближе вы подвигаетесь къ нимъ, тѣмъ болѣе раздвигается горизонтъ направо и налѣво. Какъ бы то ни было, для нась на этотъ разъ обманъ перспективы былъ очень мучителенъ. Между тѣмъ на горизонтѣ появилось еще нѣсколько столбовъ дыму, и все поле, казалось, были покрыто волканическими трещинами, откуда словно подземный огонь выбрасывалъ свою лаву.

Мы остановились немного у постоялаго двора въ Черпаліи.

Лавка и ворота были заперты на ключъ. Ни малѣйшаго шума въ селѣ. Одна селянка около самаго колодца плакала и кричала испуганно, разрывая въ куски свою одежду: знакъ большой печали! Увидя Османа, который подводилъ поить лошадей къ колодцу, она подошла къ нему и плача стала его спрашивать по болгарски.

— Ага! (титулъ, которымъ турки любятъ величать себя), Что будетъ съ нами? Скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать?.....

— Не плачь, не плачь „невѣсто“ (такъ чужіе, неродственные люди называютъ замужнихъ женщинъ въ Болгаріи), ничего не будетъ, отвѣтилъ ей Османъ потихоньку тоже на болгарскомъ языкѣ.

Увидя меня въ бричкѣ, селянка съ плачемъ приближалось ко мнѣ.

— Зачѣмъ плачешь, „невѣсто“?

— Дядя! (такъ называютъ незнакомыхъ мужчинъ среднихъ лѣтъ) Ты лучше знаешь.... скажи мнѣ правду: есть сраженіе? Въ эту ночь всѣ выбрались изъ села..... Наше село опустѣло, живаго человѣка не видать..... Всѣ убѣжали.... Одна только я осталась и не знаю, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ идти? О, Боже! о, мать! говорила она и рыдала, вытирая слезы концомъ головнаго платка. Дядя, есть ли въ самомъ дѣлѣ война? Ну, скажи, что мнѣ дѣлать! ....

Въ утѣшеніе ей я могъ только повторить слова турка, слова холодныя и безчеловѣчно ложныя! Какъ! села горятъ, народъ бѣжитъ, и чтобы она была спокойна и чтобы не плакала! Что будетъ съ этой бѣдной болгаркой спустя немного времени? Что ожидало её? Она спрашивала меня, что дѣлать! Она, женщина, просила помочь.

— Куда же ушли ваши селяне? невольно спросилъ я, потому только, что надо было ей сказать что нибудь.

— Бѣжали, бѣжали! Всѣ убрались и меня одну только покинули..... мнѣ никто не сказалъ, сама же я спала! Охъ.... Боже...

Вдругъ мнѣ мелькнула въ голову мысль взять её къ себѣ въ бричку и оставить въ городѣ..... Въ это время Османъ вернулся отъ колодца съ лошадьми. Его лицо измѣнилось и его прежнія добродушныя черты пропали. Заговорилъ турецкій фанатизмъ въ немъ. Онъ бросилъ на меня и потомъ на селянку суровый, фанатическій взглядъ и началъ поскорѣе запрягать

лошадей. Пока я думалъ, какъ ему сказать и уговорить его взять въ бричку покинутую селянку, онъ успѣлъ уже сѣсть на козлы, пробормотавъ сердито: — Ну.... ѣдемъ, ѣдемъ.... и затѣмъ стегнулъ лошадей, и бричка понеслась.

Селянка плакала позади насъ.....

Что-то сильно сдавило мнѣ сердце.... я чувствовалъ безпокойство совѣсти.... я чувствовалъ, что долженъ былъ сдѣлать что нибудь для этой несчастной и не сдѣлалъ ничего.

Вдругъ Османъ крикнулъ громко на лошадей, и онѣ понеслись еще шибче.

На разстояніи пятидесяти шаговъ передъ нами появилось пять черкесовъ на лошадяхъ; они ѣхали полемъ безъ всякой дороги, приблизились ко рву шоссе, нагнулись на своихъ низенькихъ лошадяхъ, перешли его и въѣхали на шоссе. Османъ началъ еще сильнѣе стегать своихъ и безъ того уже усталыхъ лошадей, не обращая вниманія на ѣдущихъ черкесовъ. Я былъ въ критическомъ положеніи. У меня не было ни оружія для защиты, ни возможности избѣгнуть опасности. Черкесы ѣхали, безпрестанно хлеща кнутами лошадей. Повстрѣчавшись съ бричкой, нѣкоторые изъ нихъ нагнулись къ окну и заглянули внутрь. Потому ли, что они приняли меня за турка, или же потому, что селянка своимъ плачемъ обратила на себя ихъ вниманіе и привлекла ихъ, но такъ или иначе они оставили меня и понеслись дальше, стегая своихъ лошадей немилостивымъ образомъ. Мнѣ казалось, что они услышали отчаянный крикъ и плачъ селянки, скорѣе дикій, не человѣческій!

Мнѣ кажется, что я и теперь слышу его!.....

Темнѣло. Тонкій туманъ застилалъ поле. Филиппополь еще былъ въ темнотѣ, но на западѣ пространное поле начинало уже освѣщатъся. Самихъ источниковъ свѣта нельзя было видѣть, но лучи его распространялись уже; воздухъ былъ какой-то красноватый, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ цвѣтъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Пожары, стало-быть, про-

должались еще. Кто зажегъ эти села? Что, это, наконецъ, за села сдѣлались жертвою разъяреннаго пламени? Болгарскія или турецкія? Возставшіе или турки нападали? Во всякомъ случаѣ я вѣрилъ, что виновники этихъ пожаровъ были болгары. Я помню, что согласно наставленіямъ апостоловъ, въ каждомъ болгарскомъ селѣ нужно было зажечь нѣсколько домовъ, когда настанетъ часъ возстанія...... это было въ программѣ. Пожаръ долженъ былъ служить знакомъ тревоги, началомъ самоотреченія и жертвъ....

Только что солнце начинало склоняться къ западу, мы въѣхали въ Филиппополь.

Съ перваго взгляда можно было узнать, что въ городѣ что-то происходило. Вездѣ царило какое-то смущеніе. Лавки закрывались, или были уже закрыты. По улицѣ рѣдко встрѣчался христіанинъ. Съ обѣихъ сторонъ по узкимъ грязнымъ тротуарамъ шли цѣлою вереницею турки, вооруженные съ головы до ногъ пистолетами, револьверами, длинными и коротенькими ятаганами. Мусульманское населеніе было взволновано, испугано, разъярено. Въ какомъ-нибудь глухомъ переулкѣ, можно было видѣть собравшихся въ кучку и передававшихъ другъ другу потихоньку какія то тайны. Могу увѣрить, что всѣ физіономіи, которыя я встрѣчалъ, были искривленны отъ злобы, всѣ взгляды свѣтились мрачной кровожадностью. Эти люди готовились въ башибузуки Хафузъ-паши. Мостъ былъ полонъ народа! Но нигдѣ ни одного болгарина, ни одного грека нельзя было замѣтить. Я припоминаю, какіе взгляды бросали на меня эти фанатики, когда были принуждены посторониться передъ бричкой. Каждую минуту я думалъ, что увижу руку какого-нибудь турка, тянущуюся ко мнѣ черезъ окно брички. Спрятавшись въ самую глубь брички я молчалъ..... колеса страшно гремѣли уже по дурной мостовой, перескакивая съ одного камня на другой, по длинной и запустѣлой улицѣ *Узунъ-Чарши*. Съ каждой минутой эта улица, столь многолюдная въ обыкновенное время, теперь, дѣлалась всё

глуше и безжизненнѣе. Уже было почти темно, когда мы добрались до гостинницы *Кацигра*. Я пріѣхалъ какъ разъ въ пору. Едва успѣлъ я взять свой сакъ-вояжъ изъ брички, какъ большія ворота гостинницы затворились съ глухимъ трескомъ и цѣпи *) злобно зазвенѣли. Меня окружили тотчасъ же со всѣхъ сторонъ друзья и знакомые, забросали меня тысячами вопросовъ, спрашивали о новостяхъ, спрашивали откуда я пріѣхалъ. П. замѣтилъ, что они не потеряли надежды, не были испуганы, были только безпокойны, но веселы. Когда я подтвердилъ новость, что возстаніе дѣйствительно началось, они воодушевились, попросили подать водки, начали изливать свои чувства въ буйныхъ и оживленныхъ выраженіяхъ, потому что надежда поддерживала всѣхъ насъ. Тутъ же разсказали мнѣ о походѣ Базарджицкаго каймакама въ Панагюриште. Онъ потерпѣлъ полное пораженіе и пріѣхалъ обратно въ Базарджикъ пристыженнымъ. Повстанцы заняли проходы и лѣса. Возстаніе продлится. Сегодня ночью Филиппополь будетъ зажженъ. Зажиточные люди и купцы перетаскивали свои сокровища въ въ Куршумъ-Ханъ, въ болѣе надежное мѣсто. Турки совсѣмъ растерялись. Войско изъ Константинополя не прибудетъ, мостъ при Тырновѣ-Сегменѣ—разрушенъ динамитомъ, и...... и всеобщее воодушевленіе!....

Было уже совсѣмъ темно.

Съ улицы не доходило ни одного звука. — Вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пушки! разъ... другой.... третій....! Эхо отдалось со всѣхъ сторонъ, оконныя стекла задребезжали и зазвенѣли.

И опять стало тихо.

— Что это?! встрепенулись всѣ.

---

*) Въ Турціи вездѣ почти къ косякамъ воротъ въ гостинницахъ прикрѣпляютъ тяжелыя, огромныя цѣпи, которыя на ночь спускаются и такимъ образомъ сама гостинница и пріѣзжающіе считаютъ себя внѣ опасности отъ всякаго внѣшняго нападенія.

— Постойте, посмотримъ! сказалъ одинъ изъ сотоварищей, вскочилъ и началъ глядѣть внимательно на востокъ.

Всѣ мы тоже глядѣли туда.

— Пожаръ, крикнулъ кто-то. И въ самомъ дѣлѣ, съ восточной стороны гостинницы, надъ самой стѣной двора, блеснули вдругъ красные огненные языки и разлетѣлись въ черномъ густомъ дыму тысячами звѣздъ. Съ каждой минутой, пламя расширялось, возвышалось и освѣщало собою бѣлыя стѣны двора. Вѣтеръ раздувалъ и шевелилъ его остроконечныя полосы, которыя изгибались, лились во всѣ стороны. Весь воздухъ былъ освѣщенъ.

— Вотъ началось уже, прошепталъ кто-то.

— Да, такъ-же тихо сказалъ другой.

Пламя подымалось все больше и больше; его трескъ и шумъ доходилъ до нашихъ ушей.

Но ни одного голоса, никакого крика не было ни откуда слышно! На улицѣ никого не было. Была страшная тишина въ этомъ многолюдномъ городѣ. Можно было подумать, что всѣ жители заснули уже. Одно только адское пламя не спало. Оно играло себѣ въ синемъ просторѣ, разъединялось, перегибалось, какъ змѣй, соединяло свои красные языки и бросалось вновь, какъ какое-то фантастическое чудовище.

Пожаръ, казалось, былъ близко, у самой стѣны двора, въ которомъ мы были, какъ будто въ заперти..... Дворъ, люди, все было освѣщено, какъ днемъ.... намъ даже казалось, что теплота распротранялась и доходила до насъ; окна отливали фантастическимъ свѣтомъ, отражая въ своихъ стеклахъ игру пламени.

А снаружи, на улицѣ, все таже мертвая тишина. Въ смущеніи мы стали оглядываться, чувствуя, что мы отрѣзаны отъ всего міра въ этомъ ужасномъ дворѣ, зданіе котораго рисковало заняться отъ пожара, а еще больше тревожило насъ то, что ужасная, невыносимая тишина царила тамъ на улицѣ. Мы поднялись на второй этажъ и вышли на балконъ. Отсюда

пламя казалось нестоль близкимъ, но за то еще ослѣпительнѣе. Противоположныя громадныя скалы *Джамбазъ-Тепе*, были зловѣще освѣщены какимъ-то краснымъ, мрачнымъ свѣтомъ. Никто изъ насъ не сомнѣвается, что сегодня ночью начинается возстанiе въ Филиппополѣ. Всѣ слухи, пронесшiеся сегодня, всѣ тревожныя приготовленiя турецкаго населенiя для защиты или нападенiя, а теперь и этотъ пожаръ, котораго никто не заботится тушить, къ которому обыкновенная толпа зѣвакъ не стремится теперь по этимъ запустѣлымъ улицамъ, — все это больше чѣмъ подтверждало нашу увѣренность.

Мы ожидали съ покорностью. Г-нъ С. снабдилъ насъ всѣхъ револьверами. Мы могли теперь умереть, защищаясь.

На другой день, рано еще, большiя ворота были растворены. Пожаръ потухъ, городъ поуспокоился. Кое гдѣ нехотя открывались лавки и лавочки.

Я вполнѣ увѣренъ, что жители Филиппополя, долго не позабудутъ сильныхъ ощущенiй этой ночи.

Мы узнали все. Опасность, дѣйствительно, была большая. Корпорацiя повстанцевъ рѣшила было поджечь городъ въ ночь наканунѣ Георгiева дня (23-го Апрѣля) въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу. Планъ отчасти былъ приведенъ въ исполненiе. Хозяинъ одного свѣчного магазина зажегъ свой магазинъ, полный свѣчей, сала и мыла и въ добавокъ ко всему тому. прибавилъ еще цѣлый десятокъ ящиковъ съ керосиномъ. Этотъ магазинъ былъ на южномъ концѣ *Узунъ-Чарши*, напротивъ большой мечети *Джумаи*. Это то и было причиной такого сильнаго пожара. Разсказывали, что сдѣлали попытку зажечь динамитомъ пороховой складъ на *Сахатъ-Тепе*. Поджигатели были пойманы.

Послѣ этого промаха объ возстанiи въ Филиппополѣ не могло быть и рѣчи. Да и что могли сдѣлать нѣсколько смѣльчаковъ, горсть почти сумасшедшихъ молодыхъ людей при той апатiи и враждебности элементовъ, которые ихъ окружали со

всѣхъ сторонъ? Здѣсь не было того, что замѣчалось въ самоотверженныхъ паланкахъ (городкахъ), расположенныхъ по низменностямъ Старой-Планины: Панагюриште, Копривштицѣ, Клисурѣ, Сопотѣ, Карловѣ, Калоферѣ и пр. и пр. Тамъ всѣ дышали одной атмосферой, сердца одинаково бились въ груди каждаго, и всѣ были готовы къ борьбѣ и къ жертвамъ. Гоненія между партіями, наслѣдственная вражда между нѣкоторыми фамиліями какимъ-то чудомъ пропали незамѣтно для каждаго подъ святымъ дыханіемъ пробужденнаго патріотизма! Враги обнимались: чорбаджіи, турколюбцы, богачи не были больше противодѣйствующими элементами; они сдѣлались просто болгарами. Молодежь устроивала совѣщанія въ ихъ домахъ. Дома нѣкоторыхъ даже превратились было на время въ арсеналы. Уже не было страха, сомнѣнія, недовѣрія,—все это изчезло. Всѣ были дѣти одного и того же семейства. Отецъ сначала бранилъ своего сына, когда онъ намекалъ ему на что-нибудь, въ другой разъ не отвѣчалъ ему ничего, въ третій разъ былъ уже на совѣщаніи съ нимъ, изъ отца дѣлался другомъ. Крайности иногда сходятся. Невѣроятное, невозможное придаетъ большую энергію душамъ, большую силу воли для достиженія цѣли; потому что человѣкъ думаетъ не только головою, но и сердцемъ и чувствами. Тамъ, гдѣ умъ колеблется, является сердце на помощь, чтобы согрѣть его, прибѣгаетъ чувство, чтобы гальванизировать его. Когда мой отецъ въ первый разъ узналъ, что между нами начинается движеніе, что мы задумываемъ что-то таинственное, безумное, онъ наморщился, сдвинулъ брови, и объяснилъ мнѣ, грубо, разумѣется, все безуміе подобнаго невозможнаго предпріятія, и чтобы представить мнѣ это болѣе нагляднымъ образомъ, онъ важно сказалъ мнѣ: *мы находимся въ чревѣ ада*! Никогда я не забуду этихъ выразительныхъ словъ. Увы! они были правдивы. Мы находимся въ самой срединѣ, въ объятіяхъ тирановъ, и никакого подкрѣпленія не могли ожидать ни откуда и ни отъ кого. Вокругъ насъ были только рабы, да тираны. Рабы придавлены, съ голыми

руками; тираны же многочисленны и готовы кинуться на свою жертву, какъ ястребы, при малѣйшемъ признакѣ жизни, которую показала бы эта жертва! Герцеговина имѣла Австрію и Черную-Гору для убѣжища. Критъ имѣлъ свободный просторъ Средиземнаго моря, мы же имѣли Турцію, эту страшную сѣть препятствій, западней, цѣпей, которыя связывали ноги при первомъ же движеніи. Но кто разсуждалъ такъ въ ту пору? Воодушевленіе обняло все и оставило разсудку маленькій уголокъ,—онъ былъ безсиленъ передъ нимъ. Сила турка было одна тѣнь, его свирѣпость была ручательствомъ побѣды надъ нимъ, наша слабость—поводомъ къ борьбѣ! Идея вошла въ плоть и кровь, идеалъ сразу представился намъ во всей своей страшной, величественной и заманчивой красотѣ! Умы чувствовали, сердца думали!

Не много времени прошло, и общій потокъ охватывалъ всѣхъ. Отецъ мой, разъ, послѣ длиннаго разговора, сказалъ мнѣ: *ну, во всякомъ случаѣ надо умирать, по крайней мѣрѣ....* Онъ былъ охваченъ этимъ общимъ опьяненіемъ. Какъ будто какойто магическій дымъ разстилался передъ глазами всѣхъ и сквозь него измѣнялась первоначальная краска предметовъ. Турокъ не былъ больше страшенъ. Никто уже не боялся его. Какой-то молодой человѣкъ въ минуту горячности, нагнавъ одного турка на дорогѣ между К. и С., сѣлъ на его спину и проѣхался такимъ образомъ на разстояніи полу-версты, говоря при этомъ: „вотъ такъ будемъ ѣздить впередъ!" Турокъ отъ стыда не жаловался, отъ страху не отмстилъ ему, а молодой человѣкъ ходилъ себѣ преспокойно и разсказывалъ всѣмъ и каждому. Другой молодой человѣкъ на базарѣ въ Карловѣ, услышавъ, что какой-то десятскій кричалъ на кучку поселянъ и называлъ ихъ: „калпъ миллетъ" (низкій, ничего нестоющій народъ), не могъ сдержаться дальше, кинулся на десятскаго со словами: „сусъ читакъ" (слово указывающее на дикость нравовъ у турокъ), далъ ему пощечину и пропалъ въ толпѣ. Громкія статьи газетъ того времени

„Вѣкъ“ и „Напрѣдъкъ“, читались, по площадямъ, передъ толпами слушателей, и никто не пугался тогда тѣхъ комментарій, которые давались публикѣ читающимъ *). М. К. человѣкъ 50-лѣтъ, состоятельный, почитаемый всѣми и притомъ обожатель Россіи, вездѣ и всюду декламировалъ цѣлыя тирады изъ Мартина Задеки относительно паденія Турціи. Всѣ слушали съ благоговѣніемъ эти загадочныя пророчества. Молодежь смѣялась въ глубинѣ души и радовалась доброму исходу этой невинной лжи; но въ концѣ концовъ той же самой молодежи пришлось повѣрить этой лжи; мы вѣрили всему невѣроятному, только одному не вѣрили, — что Турція останется. По рукамъ ходили какія-то таинственныя загадки съ цифрами и церковными буквами, отъ комбинаціи которыхъ получался двойной результатъ: „*1876*“ и „*Турція ке падне*“ (Турція падетъ).....

И при всемъ этомъ Каблишковъ, неутомимый, вездѣсущій Каблишковъ, лихорадочный, блѣдный, какъ привидѣніе, какъ демонъ чарующій, бѣгалъ, прятался, снова появлялся и силою своей чудесной рѣчи поддерживалъ высоко поднявшееся настроеніе.

Но у насъ не было главы! Не было организація, души каждаго предпріятія, не было общаго плана, не было срока, не было вождей. Движеніе встрѣтило препятствія въ самомъ началѣ своемъ, борьба превратилась въ самопожертвованіе. Бенковскій палъ мертвымъ въ одномъ сраженіи въ лѣсахъ, оставивъ дружину на произволъ судьбы. Воловъ бросился въ Янтру и утонулъ, чтобы не попасть въ плѣнъ къ туркамъ; Каблишковъ, попавъ въ плѣнъ, самъ застрѣлился и такимъ образомъ добился свободы.....

---

*) Доходило даже до того, что полусумасшедшій Х. Л., высунувъ свою голову изъ окна темницы, крестился и кричалъ на турецкаго чиновника, который арестовалъ его за то, что онъ не уплатилъ свою дань: „Вѣрь! всѣмъ вамъ придется убираться отсюда! это сказалъ Мартинъ Задека....“ и такъ какъ турокъ смотрѣлъ молча, онъ опять повторялъ ему тоже самое.

Возставшіе поселяне со стыдомъ покорились; они послали своихъ священниковъ и кметовъ просить милости и цѣловать ноги вожакамъ башибузуцкой орды, сдали свое оружіе, отдали имъ своихъ дочерей....

Никогда не было бóльшей неудачи, паденія болѣе позорнаго!

Бухарештскіе чорбаджіи и дипломаты ad hoc обвиняли въ безуміи весь народъ, потому что онъ возсталъ, не спрашивая ихъ!

Хафузъ-паша въ Панагюриште плавалъ по шеѣ въ крови и сладострастіи.

Матéри проклинали виновниковъ этого злосчастнаго движенія.

Цанковъ и Балабановъ въ своей брошюрѣ къ Европѣ, отрицали существованіе движенія, а Бенковскаго, Каблешкова, Валова и пр. признали турецкими шпіонами!

Можетъ быть, они это сдѣлали вслѣдствіе политической мудрости!

Посмотримъ, что скажетъ исторія.

Поѣздъ въ Константинополь отправлялся послѣ обѣда. Я рѣшился выѣхать сегодня же. Передалъ свой сакъ-вояжъ своему пріятелю Н., потому что не хотѣлось мнѣ при себѣ имѣть что нибудь такое, что привлекло бы чужое вниманіе или помѣшало скорому путешествію. Мой пріятель настоялъ на томъ, чтобы я показалъ ему, какія вещи я ему передаю. Я растворилъ свой сакъ-вояжъ, и онъ пересмотрѣлъ всѣ вещи съ вниманіемъ прусскаго таможеннаго чиновника. Между прочими вещами находилась и тетрадка съ анакреонтическими стихотвореніями, которую я успѣлъ захватить при своемъ торопливомъ отъѣздѣ; всѣ свои остальныя сочиненія, которыя заключались въ довольно объемистыхъ тетрадяхъ, я закопалъ днемъ раньше въ погребкѣ нашего дома, подъ большой кучей желтой глины, которая лежала тамъ съ давнихъ временъ. Но въ 1877 году, въ іюнѣ, потомки Омара, прежде чѣмъ успѣли

превратить нашъ домъ въ пепелъ, раскопали довольно старательно эту кучу глины, вытащили жестяную коробку съ произведеніями болгарской музы и отвезли ихъ въ плѣнъ съ прочей добычею.

Г-нъ Н. разсмотрѣлъ внимательно содержаніе стиховъ, потомъ остановилъ свой указательный палецъ на послѣднемъ куплетѣ одного стихотворенія съ заглавіемъ „Име“ и прочелъ:

Въ бой да бъда, въ страшна битва,
Всрѣдъ гърмежа него чувамъ
И срѣдъ моята молитва
Безъ да ще го споменувамъ.

— Послушай, другъ мой, я не могу принять эту тетрадь, этотъ одинъ стишекъ поставить меня въ опасность; если будутъ производить обыскъ и найдутъ его.

Я выдернулъ злополучный куплетъ и мой пріятель успокоился.

— Ну, до свиданія! и я подалъ ему руку.

— Какъ? Вы уже отправляетесь? спросилъ онъ меня.

— Отправляюсь, да, желаю ѣхать двумя часами раньше на вокзалъ.... здѣсь моя душа стѣснена...... задыхаюсь.

— А паспортъ свой подписали?

— Паспортъ? крикнулъ я, ахъ, я забылъ! Чертъ его возьми!... дьяволъ!...

Какъ и всегда, я забылъ самое нужное.

Меня невольно обдалъ какой-то ужасъ, какой-то холодъ при одной мысли, что я долженъ идти въ „*конакъ*“ (полиція). *Конакъ*! это слово всегда мнѣ внушало сильное отвращеніе. Когда я былъ еще мальчикомъ, и приходилось проходить мимо вѣчно-отворенныхъ воротъ конака, я спѣшилъ пройти поскорѣе, поворачивая лицо въ другую сторону. Эти жандармы съ своими широкими, черными панталонами и сюртукомъ съ какими то лентами на рукавахъ, съ красными фесками, перевязанные кожанымъ поясомъ, который застегивался спереди желтою четырехугольною жестяною дощечкою, украшенною

турецкими буквами; этотъ широкій дворъ, обросшій травою, эта темница, на стѣнѣ которой виднѣлись двѣ черныя дыры, перекрещенныя желѣзными палочками, и изъ которыхъ посматривали всегда желтыя и сухія лица, какъ у мертвецовъ,— все это, говорю, внушало мнѣ неодолимое отвращеніе....

Я вынулъ изъ кармана свой паспортъ и просмотрѣлъ его. Надо было его подписать, и я быстро полетѣлъ туда, къ конаку. Когда я вошелъ въ большія ворота, я увидѣлъ, что дворъ былъ наполненъ жандармами, черкесами, связанными поселянами, лежавшими вплоть до самой стѣны; въ то же время ввели въ противоположныя ворота одного попа, высокаго среднихъ лѣтъ. Его руки были скручены назадъ, шею обхватывало какое то черное колечко. За нимъ шли два жандарма, которые, пока добрались до средины двора, надавали ему въ спину десятка два тумаковъ. Когда онъ подошелъ по ближе, я видѣлъ, что его лицо было облито потомъ, правое его ухо и сѣдые волосы были обагрены полузапекшеюся кровью, его шляпа (восточно-греческаго фасона) была запылена, помята. Онъ смотрѣлъ, выпучивъ глаза, и былъ равнодушенъ. Видно было, что страхъ парализовалъ его остальныя чувства. Несчастный! Никогда я не могу забыть этого страдальческаго образа. Можетъ быть, онъ пойманъ съ крестомъ въ рукахъ, когда предводительствовалъ своей паствой на пути къ Голгоѳѣ.....

Я узналъ, гдѣ паспортное отдѣленіе, и со страхомъ пріотворилъ двери. Я вошелъ. На покрытой маленькимъ пестрымъ коврикомъ софѣ, сидѣлъ, поджавъ ноги, чиновникъ, который раздавалъ паспорты. Онъ былъ, какъ и всѣ „эфенди" одѣтъ *алафранга,* въ черномъ сюртукѣ, застегнутымъ на пуговицы отъ глотки до пояса, въ темнокрасной фескѣ, недавно выпрямленной. Лицо его было блѣдное, но за то доброе.

Я подалъ ему свой паспортъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ спросилъ меня:

— Куда?

— Въ Константинополь, прошу подписать.....

Онъ быстро началъ читать, выговаривая часто какія то полугласныя. Вдругъ онъ вытаращилъ на меня глаза и сталъ вглядываться въ меня испытующимъ взоромъ. Я молодецки выдержалъ его взглядъ.

— Копривштица далеко отъ вашего села? спросилъ онъ меня замысловато.

Я ему отвѣтилъ.

— Что новаго изъ тѣхъ мѣстъ? продолжалъ онъ спрашивать съ еще болѣе проницательнымъ взглядомъ.

— Ничего особеннаго, отвѣтилъ я. Спокойный видъ этого человѣка придалъ мнѣ храбрость, въ которой я такъ много нуждался, чтобы показать себя не встревоженнымъ. Въ его взглядѣ какъ-будто было что-то симпатичное и внушающее мужество. Я втайнѣ благодарилъ провидѣніе. Я думалъ, что мытарство было кончено. Не тутъ то было.

Эфенди опять посмотрѣлъ на меня.

— Этотъ паспортъ твой?

— Мой.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать пять.

— Гм.... здѣсь написано тридцать.....

Я забылъ, что надо было сказать тридцать.

Хорошо еще, что не спросилъ раньше, какъ меня зовутъ. Ошибка тогда была бы неисправима.

По ошибкѣ..... не узнали моихъ лѣтъ, поспѣшилъ я сказать съ увѣренностью.

— Но не только это; здѣсь еще разница!

— Какая?

— Глаза здѣсь голубые, а твои нѣтъ....

— Какъ?!....

— И цвѣтъ волосъ не тотъ....

— Я....

Онъ подалъ мнѣ мой паспортъ.

— Этотъ паспортъ не годится, тебя вернуть еще съ вокзала.... Бери себѣ другой, любезный. Принеси мнѣ какое-нибудь поручительство, и я тебѣ дамъ новый паспортъ.

Я смотрѣлъ на него изумленно. Это добродушное лицо, этотъ снисходительный взглядъ удивили и умилили меня. Я хотѣлъ поблагодарить его за предупредительность, но мнѣ казалось, что это будетъ неблагоразумнымъ. Мой паспортъ былъ совсѣмъ не вѣренъ. Онъ могъ сказать одно лишь словцо жандарму, который стоялъ у дверей, и я пропалъ бы на всегда!

Прежде мой извощикъ, а теперь паспортистъ. Какіе добрые люди! А между тѣмъ вѣдь турки! Извощикъ еще какъ нибудь...... извощики вообще не такіе мнительные люди, да и при томъ они не такъ чувствительны къ идеѣ; имъ нѣтъ дѣла, что везутъ человѣка, опаснаго для отечества, достаточно только дать имъ хорошее вознагражденіе, заплатить ихъ харчи на постоялыхъ дворахъ и сверхъ того поднести имъ двѣ рюмочки водки (обыкновенная мѣра). Тогда они прекрасные люди. Имъ скажи, что ѣдешь зарѣзать султана, они безопаснѣйшимъ образомъ подвезутъ васъ до самихъ воротъ Галата-Сарай, для чего—имъ рѣшительно все равно....

Но чиновники подписывающіе паспорты?

Видно, само провидѣніе на этотъ разъ приняло участіе въ моей судьбѣ.

Я вышелъ оттуда, прошелъ черезъ дворъ и пока добрался до воротъ, признаюсь, ноги мои подкосились..... Быстро я отправился къ одному армянину, доброму, старому товарищу моего отца, разсказалъ ему, на сколько это было нужно, дѣло съ паспортомъ, и попросилъ его дать за меня поручительство. Онъ принялъ мою просьбу любезно, обрадовался, что я обратился къ нему въ данномъ случаѣ и разсказалъ мнѣ, съ какихъ поръ еще знакомъ съ моимъ отцомъ, по какимъ арморамъ ѣздили вмѣстѣ съ нимъ и даже нѣсколько случаевъ съ паспортами, подобныхъ этому, и въ концѣ концовъ попросилъ

меня обождать полъ-часика въ его лавочкѣ, пока онъ вернется, чтобы написать мнѣ поручительство. Я ждалъ его. Онъ не возвращался. Прошли полъ часа, другіе полъ часа; его все еще нѣтъ...... а поѣздъ отправится черезъ часъ и тогда мнѣ нужно будетъ дожидаться еще 24 часа, въ величайшихъ терзаніяхъ, а каждая минута была полна опасности для меня..... Я догадался, что Гарабетъ обманулъ меня учтивѣйшимъ образомъ и началъ осматриваться туда-сюда, не увижу ли кого изъ знакомыхъ или изъ соотечественниковъ. Вдругъ сердце мое забилось отъ радости. Я видѣлъ Г. И., старшину нашего села. Въ качествѣ старшины онъ постоянно носилъ съ собою печать. Какое счастливое совпаденіе!

— Г-нъ И..... хорошо, что я васъ нашелъ. Я спѣшу на вокзалъ, а паспортъ мой оказался не вѣрнымъ, дайте мнѣ, пожалуйста, поручительство съ сельскою печатью, для полученія другаго паспорта....

Чернильница (турецкій фасонъ чернильницы, состоящей изъ головки для чернилъ, прикрѣпленной къ узкой трубочкѣ для ручекъ и перьевъ) у него была заткнута за поясъ.

— Милостивый государь, прямо говорю, что я.... не могу дать вамъ поручительство..... оставьте меня.....

— Какъ? Но я васъ прошу, умоляю, я спѣшу, боюсь опоздать....

— Теперь огонь.... вы видите, если бы это было въ иное время,—съ удовольствіемъ, но теперь... не могу.

— Но что мнѣ теперь дѣлать?

— Ничего. Поѣзжайте обратно въ деревню и оттуда возьмите себѣ другое нужное поручительство и......

— Невозможно! прервалъ я его.

— И такъ, какъ вы желаете, тоже невозможно—добавилъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него съ отчаяніемъ. Этотъ человѣкъ показался мнѣ въ данную минуту чудовищемъ. Я никогда

не воображалъ, что онъ былъ такимъ злымъ. Между тѣмъ онъ былъ правъ.

Въ отчаяніи я двинулся по улицѣ. Въ ушахъ звенѣло, въ очахъ мутилось, и я, ничего не видя, столкнулся съ какимъ-то жандармомъ, который въ награду далъ мнѣ тумака въ бокъ, стоившаго и двадцати съ моей стороны....., но я удовольствовался только тѣмъ, что бросилъ на него злобный взглядъ. Тогда я увидѣлъ, что онъ погонялъ цѣлую кучу связанныхъ поселянъ, продолжая милостивѣйшимъ образомъ осыпать ударами то одну, то другую спину. Я скитался безъ цѣли по улицамъ. Но въ гостинницу Кацигра, незнаю почему, не хватало смѣлости идти. Что мнѣ теперь дѣлать? думалъ я. Каждый жандармъ, который со мною встрѣчался или случайно попадался на глаза, казалось мнѣ, гоняется за мною, чтобы поймать меня; каждый турокъ глядѣвшій на меня, былъ для меня шпіономъ. Вдругъ кто-то произнесъ мою фамилію. Я съ трепетомъ повернулся.

Какой-то холодъ пробѣжалъ по всей кожѣ, и волосы стали дыбомъ!

Я встрѣтился съ шпіономъ П.....

Шпіономъ, я называю его, потому что таково было общее мнѣніе относительно этого господина.

Этотъ человѣкъ заставлялъ каждаго трепетать или отворачиваться съ презрѣніемъ.

И, дѣйствительно, его физіономія была зловѣща. На зеленоватомъ лицѣ его, сморщенномъ, худомъ, изрѣзанномъ признаками старости и бѣдности, съ коротенькими, подстриженными усиками, блестѣли въ глубокихъ орбитахъ два черные какъ ночь глаза, проницательные, лукавые, въ постоянномъ движеніи, такъ и думаешь, что они ищутъ вездѣ и всюду жертвы. Подъ поношеной, темно-красной феской, откинутой назадъ, блестѣлъ его плѣшивый, выпуклый лобъ, а сзади торчали сѣдые волосы и распадались прядями по запачканному воротнику темнокраснаго же суконнаго сюртука. Остальная

часть его одежды явно свидѣтельствовала о нечистотѣ и нуждѣ, въ которыхъ вертѣлся постоянно этотъ отверженникъ общества.

Онъ меня зналъ и успѣлъ узнать обо мнѣ нѣкоторыя вещи, такъ часто пріѣзжая въ нашъ городокъ.

И теперь въ этакую минуту, этотъ человѣкъ встрѣчаетъ меня, когда я спасаюсь, а очень можетъ быть, что онъ уже объявилъ, предалъ меня властямъ. Онъ подалъ мнѣ руку.

— Куда, сударь?....

Я колебался и раздумывалъ: сказать ли ему правду или нѣтъ. Я отвѣтилъ:

— Такъ себѣ.... ни куда....

— Когда вы пріѣхали?

— Вчера вечеромъ.

— Только сюда или дальше?

— Въ Константинополь думаю.

— Въ Константинополь?

— Да.

— Сегодня? съ поѣздомъ?

— Да... Но.....

— Но тогда пора уже.... сказалъ онъ, посмотрѣлъ на часы. Черезъ полчаса двинется.... Ну, что тамъ? Дѣла хорошо идутъ?

Я смутился при этомъ неожиданномъ поворотѣ разговора, но глупо было съ моей стороны притворяться на этотъ разъ, что я не понимаю его загадки.

— И хорошо и дурно, отвѣтилъ я значительно.

Сказавъ эти слова я раскаялся, но онъ опять началъ:

— Да, я зналъ, что плохо пойдутъ дѣла, помните, что я вамъ говорилъ еще въ вашемъ городкѣ.. не нужно вамъ.... Страшня сила ѣдетъ изъ Константинополя. Съ завтрашняго дня на поѣздъ не будутъ больше принимать пасажировъ... Убирайтесь поскорѣй...., чтобы васъ не было здѣсь.... счастливой вамъ дороги!

Но я позвалъ его.

— Вы меня зовете? повернулся онъ.

Я рѣшилъ отдать себя въ пасть дракона. Доброта этого человѣка придала мнѣ смѣлости, искренность отражалась на его лицѣ. Его физіономія теперь мнѣ казалась менѣе отталкивающей, я нашелъ ее только печальной.

Я ему передалъ коротко свое трудное положеніе и спрашивалъ у него совѣта: онъ быстро дернулъ меня.

— Прошу васъ, идите со мною!

Я пошелъ за нимъ. На улицѣ было много народу. Нѣкоторые изъ прохожихъ поглядывали на насъ съ какимъ-то удивленіемъ; два жандарма, которыхъ мы встрѣтили, взглянули на П. вопросительно; мои знакомые I. и С. съ которыми мы вчера вечеромъ прощались въ гостинницѣ Кацигра, увидя меня съ П. по направленію къ конаку, поблѣднѣли и растерялись. Я былъ смущенъ, что нахожусь въ такомъ исключительномъ положеніи..... П. не проговорилъ ничего на улицѣ, смотрѣлъ разсѣянно взадъ и впередъ. Тщетно я старался прочитать внутреннія намѣренія и чувства въ глазахъ этого человѣка. Я началъ терять мужество. Мнѣ пришла въ голову прежняя мысль, что признаніе, которое я сдѣлалъ передъ П., дастъ ему удобный случай показать свою ревность передъ правительствомъ и предать меня въ его руки: Въ головѣ моей мелькнула мысль броситься въ толпу, спрятаться, убѣжать.,.. П. немного отдалился отъ меня поговорить съ однимъ эфенди, довольно изящно одѣтымъ. Я видѣлъ, что этотъ эфенди, два раза оборачивался, чтобы посмотрѣть на меня. Вѣроятно, я былъ предметомъ ихъ разговора. Но что могъ говорить П. опрятно-одѣтому эфенди? Мнѣ показалось, что этотъ эфенди посмотрѣлъ иронически на меня въ послѣдній разъ и отошелъ. Мы продолжали идти по направленію къ конаку. Мое положеніе можетъ понять только тотъ, кто испыталъ его. Я шелъ, отдавъ себя судьбѣ и не попробовалъ даже просить пощады.

Мы вошли въ конакъ. Онъ былъ уже переполненъ поселянами, были и горожане: одни изъ нихъ стояли связанные,

другіе лежали, откинувъ свою голову къ самой стѣнѣ, гдѣ находилась узенькая полоска тѣни, которая защищала ихъ запыленныя головы отъ сильныхъ полуденныхъ лучей солнца.

П. толкнулъ двери въ паспортное отдѣленіе, кивнулъ мнѣ головою, приглашая идти за нимъ и, отдавъ обычный поклонъ добродушному эфенди, котораго я нашелъ на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи съ согнутымъ колѣномъ, сказалъ:

— Нешидъ-бегъ, дайте паспортъ моему пріятелю. Я ручаюсь за него!

Эфенди бросилъ сперва на него, потомъ на меня взглядъ полный довѣрчивости и добродушія, написалъ нѣсколько строкъ на какомъ то кусочкѣ бумаги, отмѣтилъ что то на другой бумагѣ, которая выглядѣла паспортомъ, отдалъ первую П., сказавъ ему: распишитесь, и вторую мнѣ со словами: девять піастровъ.

П. росписался на поручителствѣ. Я заплатилъ за паспортъ, и мы вышли вонъ. Я вздохнулъ свободнѣе. П. сказалъ мнѣ:

— Поѣзжайте поскорѣе..... и..... не забывайте болгарскаго предателя, шпіона П.... Одинъ Богъ только знаетъ....

Я пожалъ ему сильно руку, горячо поблагодарилъ его и отправился.

Нѣсколько минутъ спустя я былъ уже на вокзалѣ.

Поѣздъ уже былъ готовъ двинуться. Первый звонокъ раздался. Я взялъ себѣ по скорѣе билетъ и пошелъ къ дверямъ, чтобы направиться къ вагону; но какой-то старый, высокій, турецкій ветеранъ, остановилъ меня.

— Паспортъ?

— Вотъ, сказалъ я, и подалъ небрежно бумагу.

Онъ развернулъ её, прочелъ, и кивнувъ головою отдалъ мнѣ. Я бросился въ вагонъ.

Въ эту же самую минуту раздался третій звонокъ, фу-

ражка кондуктора мелькнула передъ окномъ вагона, дверь затворилась и поѣздъ двинулся съ глухимъ шумомъ.

Быстро терялся изъ виду Филиппополь, гдѣ въ такой короткій промежутокъ времени я испыталъ столько треволненій и безпокойствъ. Его скалы, дворцы, дома, расположенные амфитеатромъ одинъ надъ другимъ, мелькали передъ оконцемъ, пока наконецъ не показалась широкая зеленая равнина, испещренная сотнями возвышенностей, рощами, селами; а между ними тамъ и сямъ виднѣлась протекающая посреди аллеи зеленыхъ, густыхъ вербъ, величественная Марица. Но видъ ея навѣвалъ какую-то скорбь, тоску на душу.

Южнѣе, на небольшомъ разстояніи, поднимались темныя и дикія зубчатыя Родопы, которыя до тѣхъ поръ были какъ будто перегородкой между полемъ и небомъ и не пропускали дальше любопытнаго взора. Еще южнѣе, по той сторонѣ Родопскихъ горъ, скрывалась никому почти неизвѣстная земля, которая, увы! спустя немного времени должна была заставить трепетать весь міръ, должна была привести въ волненіе и море и сушу ужаснымъ зрѣлищемъ, которое представилъ Батакъ, и которое живописалъ всему міру неутомимый Макъ-Гаханъ!

Поѣздъ продолжалъ бѣжать по обширной равнинѣ, край которой сливался съ небомъ на восточной сторонѣ. Видъ дѣлался болѣе и болѣе пустыннымъ и дикимъ. Поле начинало принимать волнообразный и монотонный видъ. Далѣе Родопы постепенно поворачивали къ югу и становились все ниже и ниже. Безъ особенныхъ приключеній мы проѣхали до новаго моста черезъ Марицу, при Тырновѣ-Сегменѣ. Здѣсь поѣздъ стоялъ дольше, чѣмъ на другихъ станціяхъ, такъ какъ къ нему надо было прицѣпить товарные вагоны. Мы вышли изъ вагона и направились къ буфету выпить чего-нибдь прохладительнаго. Въ это время раздался оглушительный свистъ, и на горизонтѣ показалось густое облако: это былъ Адріанопольскій поѣздъ, который долженъ былъ встрѣтиться съ на-

шимъ на этой станціи. Скоро представилась нашимъ глазамъ безконечная цѣпь черныхъ вагоновъ, предводимыхъ огромнымъ дымящимся паровозомъ. Глухой шумъ усиливался, и нескончаемая цѣпь вагоновъ приближалась. Мы встали и пошли въ вагонъ посмотрѣть по ближе. Не много спустя, прямо противъ насъ остановились съ шумомъ и трескомъ прибывшіе вагоны. Насъ обдало сразу невольнымъ ужасомъ. Всѣ вагоны (числомъ около 50) были переполнены, набиты страшною толпою азіятцевъ, оборванныхъ, отвратительныхъ, полунагихъ, съ фесками на головахъ, въ чалмахъ, въ коническихъ мѣховыхъ шапкахъ, безъ всякаго знамени, безъ дисциплины, безъ вождя, обвѣшанныхъ всевозможнымъ смертоноснымъ оружіемъ, какое только человѣческая мысль могла придумать и создать. Передъ нами была картина цѣлаго востока во всемъ его разнообразіи племенъ и одеждъ. Турки, армяне, курды, друзы, черкесы—весь пандемоніумъ звѣрообразныхъ существъ, фанатизиранныхъ, разъяренныхъ, свирѣпыхъ, голодныхъ, жаждущихъ крови, пожаровъ, убійствъ; всѣ племена и сословія, изъ которыхъ нѣкогда составлялись полчища Аттилы, Тамерлана, Магомеда, имѣли здѣсь своихъ представителей, набитыхъ здѣсь словно черви для того, чтобы броситься черезъ нѣсколько времени, какъ саранча, уводить въ неволю, опустошать, избивать!...... Отъ времени до времени доносились до нашихъ ушей крики и смѣхъ; гдѣ то напѣвались какія то пѣсни, дикія мелодіи которыхъ странно поражали слухъ; еще гдѣ то вмѣстѣ съ пѣснями раздавались звуки какихъ то восточныхъ инструментовъ, для которыхъ и названій не отыщешь. Все это подобіе людей радовалось! Абдулъ-Азисъ придумалъ хорошо. Онъ напускалъ Азію на Болгарію, выпускалъ гіенъ на ягнятъ, кровопійцъ на молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. Они могли встрѣтить мало вооруженныхъ противниковъ, но за то сколько молодыхъ невѣстъ, сколько богатствъ и сокровищъ было тамъ, въ Болгаріи! Какъ будто въ Европѣ нельзя было найти

никакихъ другихъ средствъ, чтобы уничтожить, побѣдить возставшее, но безоружное населеніе!

Но султанъ не такъ разсуждалъ.

Онъ думалъ такъ, какъ думалъ и Дизраели: предать все огню и мечу, и то какъ можно скорѣе, пока еще никто не услыхалъ и не догадался помѣшать. Дипломатія Англіи того требовала.

Когда поѣздъ снова двинулся, я вздохнулъ свободнѣе. Зрѣлище этой трусливой, но кровожадной толпы наполняло мою душу яростью и негодованіемъ. Я никогда не разсчитывалъ на такой исходъ борьбы. Степной воздухъ освѣжилъ мои мысли, и я началъ всматриваться въ далекій край горизонта. Эти обширныя, историческія поля напоминали мнѣ о прошломъ, о славномъ прошломъ; въ моемъ умѣ воскресали, какъ по волшебству, великія событія, войны, побѣды, пораженія, осады, о которыхъ исторія намъ напоминаетъ такъ настойчиво. Эти воспоминанія волновали мой умъ и воображеніе до самаго Константинополя. Всѣ мѣстности, черезъ которыя проходила желѣзная дорога, были театромъ того или другаго замѣчательнаго сраженія, были населены преданіями о герояхъ, о великихъ рѣшительныхъ битвахъ. Вотъ Мустафа-паша *). Здѣсь, гдѣ-то около этихъ плѣшивыхъ холмовъ, когда-то въ XIII столѣтіи встрѣтились Царь Калоянъ и Балдуинъ. Здѣсь, гдѣ-то произошло сраженіе, въ которомъ гордый латинскій вождь палъ мертвымъ вмѣстѣ со своими храбрыми рыцарями, составлявшими гордость его войска. Вотъ по правой сторонѣ Черменъ. По всей вѣроятности, недалеко отъ него Хаджи-Илбекъ разбилъ въ 1371 г. огромныя силы Сербовъ. Приближаемся къ Адріанополю. Какія славныя воспоминанія! Какъ будто на яву, я вижу Крума, поражающаго Византійцевъ подъ самыми стѣнами Адріанополя; Симеона, которому Моролеонъ пере-

---

*) Мѣстечко на разстояніи 30-ти верстъ отъ Адріанополя; населено болгарами и турками.

даетъ ключи этого древняго Адріанополя, а теперешняго „Одрина“ или „Едирне“; мрачнаго Самуила, дѣлающаго разныя диверсіи своему страшному противнику Василію II; Святослава, этого сѣвернаго сокола, ведущаго свои дружины мимо античныхъ его воротъ..... Далѣе, около Баба-Ески, гдѣ теряются развалины Болгарофига, произошло ужасное сраженіе между Византіей и Болгаріей, послѣ котораго вся Ѳракія и Македонія пали къ ногамъ Симеона, и границею огромной византійской имперіи сдѣлались цареградскія стѣны. Вотъ Кучюкъ-Чекмеджи, откуда начинается великая Анастасіева стѣна, которая не была въ состояніи спасти столицу отъ могучихъ варваровъ. Вотъ, наконецъ, и стѣны всемірной красавицы — Цареграда. Эти самыя стѣны въ разныя времена бывали свидѣтелями разнообразныхъ событій. Нѣсколько самыхъ славныхъ страницъ нашей исторіи написаны на нихъ. Въ 717 г. Требелъ безжалостнымъ образомъ убиваетъ передъ этими стѣнами Цареграда 22000 сарацинъ, въѣзжаетъ затѣмъ за эти стѣны, лишаетъ одного императора престола, возводитъ другаго на его мѣсто, навьючиваетъ своихъ коней шелкомъ и богатствами, нагружаетъ свохъ воиновъ золотомъ и серебромъ и съ дикимъ презрѣніемъ покидаетъ столицу богатства и разврата. Въ 813 г. Крумъ, этотъ дикій законодатель, преемникъ Аттилы, современникъ Карла Великаго, побѣдитель Обровъ, Франковъ, Никифора, соединитель Тисскаго и Дунайскаго царствъ, исполняетъ свой языческій обрядъ передъ этими же стѣнами, совершаетъ жертвоприношеніе въ честь Перуна, и вонзаетъ свое копіе во Влахернскія ворота; въ 913 г. и затѣмъ въ 917 г. великій Симеонъ въѣзжаетъ въ эти ворота во главѣ побѣдоносныхъ и торжествующихъ легіоновъ и, окруженный всею царскою славою и сіяніемъ, принимаетъ поклоны вселенскаго патріарха и мольбы императора Восточной Римской монархіи!

Какое величественное прошлое! И какое настоящее!

Было уже поздно, когда поѣздъ остановился на станціи при *Сиркеджи-Скелеси*, въ Константинополѣ. Какъ только я вышелъ изъ вагона и вошелъ въ помѣщеніе для пасажировъ, чиновникъ, стоящій на крыльцѣ, попросилъ у меня паспортъ, и, пока онъ внимательно разсматривалъ его при свѣтѣ тускло мерцающаго фонаря, двое солдатъ, самымъ прозаическимъ образомъ, искали, нѣтъ ли у меня чего припрятаннаго въ карманахъ подъ одеждою, ощупывали меня вездѣ и наконецъ отпустили, сказавъ: *бишей іокъ—ничего нѣтъ*!

Я былъ здѣсь чужимъ человѣкомъ; я былъ мало знакомъ съ Константинополемъ. Не помню, кто изъ моихъ знакомыхъ попался мнѣ на вокзалѣ, но онъ былъ такъ добръ ко мнѣ что повезъ меня въ Балъ-Капанъ, гдѣ я пріютился у Г. Т. Я хорошо себѣ припоминаю дружескую любезность этого человѣка. Въ ту же ночь я узналъ объ избіеніи европейскихъ консуловъ въ Солунѣ. Это происшествіе надѣлало много шума въ европейскихъ державахъ и произвело большое волненіе среди населенія Константинополя; сопоставленное съ внезапнымъ бунтомъ во Ѳракіи, оно заставляло всѣхъ вѣрить, что Европа приметъ уже энергическое участіе въ восточныхъ дѣлахъ.

Между тѣмъ, во время своего невольнаго шестидневнаго пребыванія въ Константинополѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о приготовленіяхъ къ возстанію, которыя дѣлались въ продолженіе всей зимы и въ началѣ весны, ни о характерѣ и размѣрахъ самаго движенія. Газеты приносили новости удивительныя и нелѣпыя. Говорили, что число повстанцевъ достигло невѣроятнѣйшихъ размѣровъ—100000 человѣкъ, что въ Балканахъ уже на готовѣ около 20000 сербскаго войска или же еще, что Филиппополь уже превращенъ въ пепелъ.

Немного спустя, новости начали принимать болѣе положительный и правдоподобный характеръ. Сообщали публикѣ, что Панагюрци владѣли еще Панагюрищемъ, что Копривш-

тенцы убили представителя турецкой власти — турка, и что многія села въ Средней-Горѣ подняли оружіе.

Въ Константинополѣ поднялась тревога. Турки были перепуганы и разгнѣваны. Болгаре молча посматривали. Каждое утро отправлялось войско къ *Сиркеджи-Скелеси*—къ вокзалу съ музыкой. Поѣзда перевозили исключительно солдатъ, которые наполняли собою всѣ вагоны, даже товарные и назначенные для скота. На вокзалъ безпрерывно, и днемъ и ночью, везли ящики съ патронами.

Очень жаль, что я не могу въ точности припомнить себѣ всѣ обстоятельства, которыя заставляли меня быть въ постоянномъ возбужденіи! Я помню только, что смущеніе было общее, страхъ передъ неизвѣстностью охватывалъ каждаго, всюду господствовало смятеніе въ виду событій, которыя шли одно за другимъ съ такою скоростью. Въ тоже самое время составлялся Берлинскій меморандумъ, въ Герцеговинѣ возстаніе было въ разгарѣ, въ Солунѣ турецкая чернь безчеловѣчнымъ образомъ произвела избіеніе европейскихъ консуловъ, въ Болгаріи происходилъ ужасный бунтъ, даже въ самомъ Константинополѣ перешептывались о какомъ то возстаніи между турками, о какой то рѣзнѣ, но такой уже, которая должна совершиться не надъ европейскими представителями, а надъ всѣми христіанами въ столицѣ.

Какъ нарочно, къ довершенію этого, молніей разнеслось извѣстіе по городу объ ужасной рѣзнѣ въ Батакѣ! И вѣрили, и не вѣрили...

Но въ самомъ Константинополѣ пахло чѣмъ то не добрымъ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ апрѣльскихъ дней я съ двумя учениками медицинской школы — В. и М. — сидѣлъ на балконѣ, выходящемъ на улицу надъ книжнымъ магазиномъ „Печатарскаго дружества", такъ хорошо управляемымъ моимъ другомъ Г. Противъ насъ были растворены огромныя, желѣзомъ обитыя ворота гостинницы Балкапанъ-Хана, у

которыхъ нѣсколько человѣкъ изъ торговаго люда, сидя на низенькихъ скамеечкахъ, распивали свой кофе изъ маленькихъ чашечекъ и разсуждали, вѣроятно, о политикѣ. Тоже самое дѣлали и мы.

В. держалъ въ рукахъ газету „Напрѣдъкъ" и отъ времени до времени сообщалъ что-нибудь.

Я заговаривалъ съ М. о произшествіяхъ дня. Всѣ мы держали въ рукахъ по чашечкѣ чернаго кофе; ибо въ Константинополѣ, столицѣ магометанскаго міра, непростительно сидѣть гдѣ бы то ни было безъ этой неизбѣжной чашечки кофе въ рукахъ.

Вы, друзья мои, можетъ-быть, удивляетесь, какъ я, бѣглецъ, преслѣдуемый, осмѣливался показываться на самомъ открытомъ мѣстѣ, когда благоразуміе требовало прятаться.

Я вамъ отвѣчу коротко и не сложно: и я самъ удивляюсь теперь.

Но опасность, вѣдь, такая вещь, съ которой наконецъ человѣкъ свыкается. Послѣ того какъ миновала первая паника, я пересталъ трепетать передъ тѣмъ, что мнѣ угрожало. Я пересталъ уже думать о себѣ, о своей микроскопической, ничтожной личности, когда тысячи людей также какъ я, и даже еще больше, несли тяжелый крестъ на Голгоѳу!....

Въ эту минуту В. бросилъ газету и поспѣшно вынулъ изъ кармана какую то желтую бумагу, покрытую печатными турецкими буквами и сказалъ: я забылъ сообщить вамъ любопытную вещь.

— Это что такое? спросили его.

— Прибавленіе къ вчерашнему „Бассарету"—(турецкая газета).

— Ну, что тамъ такое?

— Ужаснѣйшимъ образомъ негодуетъ на Махмудъ-Недима-пашу.

— Негодуетъ? Это почему?

— По „Бассарету“ выходитъ, что онъ виновникъ возстанія болгаръ; возводятъ его даже въ предводители....

— Глупость! турецкая глупость!

— Глупость, но эта статья произвела чудовищный эфектъ среди всего турецкаго населенія.

— Неужели?

— Увѣряютъ, что до вчерашняго вечера продано пять тысячъ этихъ прибавленій.

— Стало-быть ненавидятъ Махмудъ-Недима-пашу!

— Они и прежде его ненавидѣли, но теперь негодованіе противъ него ужасно. Отъ своихъ сотоварищей-турокъ я слыхалъ, что хотѣли убить его, если онъ не покинетъ свой постъ—визиратъ.

— Слѣзайте! крикнуло нѣсколько голосовъ. Мы взглянули сквозь решетку по направленію къ большимъ воротамъ Балъ-Капана, откуда раздался голосъ, и увидѣли, какъ обѣ ея тяжелыя половины съ грохотомъ затворились. Торговцы исчезли.

— Что тамъ такое? спросилъ я растерявшись.

— Не знаю! проговорилъ М. съ безпокойствомъ.

— Посмотрите! Бѣгутъ! Улицы пустѣютъ....

— Лавки и магазины запираютъ!

Лавки наскоро запирались; тамъ, внизу, на другомъ концѣ улицы люди метались взадъ и впередъ, всѣ суетились, бѣгали!...

— Скорѣе! бѣжимъ!..... возстаніе должно быть!.... крикнулъ В., вскочилъ, накинулъ на плечи свою военную шинель и бросился къ лѣстницѣ. Мы послѣдовали за нимъ. Звонкой дробью загремѣли внизъ по лѣстницѣ сабли моихъ товарищей.

Мы вышли на улицу.

Цирульня, кофейня, лавки, которыя минуту тому назадъ оживляли эту улицу Константинополя, были затворены, заперты на ключъ, онѣмѣли!

Никто не повстрѣчался намъ больше на улицѣ.....

Была наводящая страхъ пустота.

Мои товарищи остановились въ нерѣшительности, какое направленіе предпочесть.

— Къ Балыкъ-Базару! крикнулъ В.

— Къ мосту! сказалъ М.

И мы бросились!

Мы прошли одну за другой нѣсколько улицъ кривыхъ, узкихъ, запустѣлыхъ и вышли на Балыкъ-Базаръ. Эта улица, гдѣ обыкновенно бываетъ такое торговое оживленіе, гдѣ шумная толпа съ трудомъ двигается между двумя рядами рыбныхъ лавокъ, заваленныхъ всѣми богатствами разнообразныхъ произведеній Черного моря, Архипелага, Мраморнаго моря и Дуная,—и эта улица была почти пуста, безлюдна! Всѣ спѣшили къ маленькой площадкѣ передъ Ени-Джами (новая мечеть), чтобы скорѣе добраться оттуда до моста, воротъ Перы, такъ какъ эта часть города представляла единственное убѣжище. Спѣшили и мы....

Вышли на площадь и все таки не могли понять, отчего всѣ бѣгутъ, кого преслѣдуютъ, и кто преслѣдуетъ. Никто никого не преслѣдовалъ; каждый спасался! На мосту, по всей его длинѣ чернѣла огромная масса людей въ нѣсколько десятковъ тысячъ головъ: фески, шапки, цилиндры, шляпы, бѣлые платки, еще какія-то конусообразныя головныя покрышки! Боже мой, что это была за смѣсь, за пестрота! люди, нагроможденные одинъ на другаго, двигались, шевелились; изгибались, подавались впередъ, отталкивались назадъ точь въ точь какъ морскія волны, которыя были подъ нами. Громкіе возгласы на всевозможныхъ языкахъ, отчаянные крики поднимались изъ средины столпившейся массы и терялись въ возрастающемъ шумѣ. Съ другихъ улицъ Константинополя (собственнаго Стамбула) безпрестанно появлялись новые бѣглецы и всѣ летѣли къ мосту, сливались съ толпой, увеличивали её собою и напирали на толпу, которая, вмѣсто того чтобы подвигаться впередъ, какъ будто подавалась назадъ, такъ какъ

хвостъ ея, разорванный въ клочки, дѣлался все длиннѣе и длиннѣе отъ присоединенія новыхъ элементовъ!

Мы не двигались, а колыхались между спинами и грудями толпы, подъ ужаснѣйшимъ давленіемъ сзади, спереди, снизу, которое душило, лишало насъ чувствъ!

Здѣсь, уже передъ опасностью ужасъ пропалъ. Возникло опасеніе, какъ бы не быть задушеннымъ, раздавленнымъ; всѣ мы нуждались въ воздухѣ, мы съ трудомъ дышали, у насъ не хватало голосу, а между тѣмъ мы не двигались впередъ по мосту. Каждый кричалъ, каждый былъ въ недоумѣніи отъ этой давки. Никто не отвѣчалъ. Но паника увеличивалась, толпа сплачивалась, давленіе усиливалось.

Вдругъ произошло какое то непонятное движеніе. Спины передъ нами отступили, наши груди подались впередъ, и мы подвинулись немного впередъ. Не успѣлъ я подумать, что теперь толпа пойдетъ свободнѣе, и мнѣ будетъ легче выносить давленіе со всѣхъ сторонъ, какъ вдругъ неожиданно я почувствовалъ ужаснѣйшую боль въ спинѣ. Какое-то твердое тѣло въ родѣ локтя прикасалось къ моей спинѣ и давило на неё очень больно. Я началъ задыхаться отъ боли, въ глазахъ забѣгали темныя пятна, и была минута, когда мнѣ казалось, что я теряю сознаніе: сзади желѣзный локоть надавливалъ мнѣ позвонки, спереди мнѣ уперлись въ грудь такъ, что я былъ рѣшительно въ безпомощномъ состояніи; толпа отъ новаго прилива бѣглецовъ въ эту минуту снова увеличилась и отняла у меня всякую надежду на спасеніе. Но мнѣ не хотѣлось быть задушеннымъ такимъ образомъ, и я рѣшилъ употребить послѣднее, отчаянное усиліе, напряженіе всѣхъ мускуловъ; мнѣ удалось освободить и поднять свою „десницу“ и опустить её съ невыразимой силой на того субъекта, который обладалъ такимъ желѣзнымъ кулакомъ. Ударъ былъ направленъ удачно, даже эхо раздалось, и онъ произвелъ своего рода эфектъ: желѣзный локоть оставилъ мою спину въ покоѣ. Тогда я повернулъ голову посмотрѣть, кто былъ этотъ

счастливый получатель этой спасительной пощечины, и о, ужасъ! то была оскаленная, искривленная физіономія „анатольца“ (изъ Малой Азіи — Анатоліи), настоящаго Голіафа, который, и безъ того уже доведенный до бѣшенства отъ ярости и гнѣва, подносилъ свой кулакъ, чтобы опустить его на мою голову. Голіафъ этотъ былъ свирѣпъ. Онъ имѣлъ преимущество предо мною и въ физическомъ и стратегическомъ отношеніи; но когда онъ уже готовился свалить свой кулакъ на меня, ему сдавили горло 10 пальцевъ, онъ поблѣднѣлъ и оставилъ свой кулакъ въ покоѣ. Онъ увидѣлъ, что у него еще двое противниковъ-военныхъ, съ которыми борьба имѣла бы гибельныя слѣдствія для него. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что заскрежеталъ зубами и отодвинулся не много дальше. Мостъ шатался, гнулся и какъ будто тонулъ подъ тяжестью нѣсколькихъ тысячъ человѣческихъ существъ. Положеніе было опасное. Съ минуты на минуту онъ могъ проломиться или обрушиться, и добрая часть этого народа могла изчезнуть въ зеленыхъ, прозрачныхъ волнахъ Золотаго Рога. Мучительное безпокойство овладѣвало нами, и единственное наше желаніе было добраться поскорѣе до сѣвернаго выхода моста. Только тамъ и можно было ожидать спасенія отъ давки, отъ желѣзныхъ локтей, отъ волнъ морскихъ.

Наконецъ, какъ и всему, пришелъ конецъ этимъ мученіямъ: мы уже достигли желаннаго края моста избитые, помятые; шумная толпа выбросила насъ на свободное пространство, и мы отдыхали, какъ пловцы, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, которыхъ выбрасываетъ на берегъ разгнѣванное море....

По Золотому Рогу сюда, къ этому берегу, плыло безчисленное множество лодокъ съ жителями Стамбула, которые искали спасенія въ Перѣ, гдѣ, думалось каждому, исключительно европейское населеніе и присутствіе европейскихъ посланниковъ будетъ служить защитою отъ всякой опасности со стороны бушующаго магометанскаго фанатизма.

Мы оставили уже широкія, каменныя плиты улицы *Бель-Вю* и повернули въ европейскій ресторанъ. Попросили себѣ прохладительный лимонадъ. Это подѣйствовало благотворнымъ образомъ на стѣсненную грудь. Мы немного ожили.

Между тѣмъ, по улицѣ съ шумомъ неслась въ гору густая толпа. Паника росла.

Многолюдные центры, какъ Константинополь, отъ малѣйшаго происшествія, которое переносится съ быстротою молніи отъ одного къ другому и переходитъ съ одного конца города на другой, принимая все болѣе и болѣе чудовищные размѣры, дѣлаются всегда театрами подобныхъ смятеній.

— Подождите меня здѣсь, я пойду собрать свѣдѣній около моста; я военный, моя личность неприкосновенна, произнесъ В.

Мы ждали его тревожно.

Полъ-часа спустя В. возвратился и разсказалъ намъ обстоятельно обо всемъ происшедшемъ.

Всѣмъ понятна внезапная демонстрація, произведенная противъ Махмудъ-Недимъ-Паши нѣсколькими тысячами софтъ передъ дворцомъ Султана.

— Спасайтесь! спасайтесь! раздался неожиданно для всѣхъ зловѣщій крикъ.

Христіанское населеніе перепугалось, думая, что настаетъ поголовное истребленіе христіанъ, и всѣ, какъ сумасшедшіе, бросились къ мосту съ цѣлью перебраться на европейскую сторону; а мусульманское населеніе съ своей стороны, увидя и понимая, изъ-за чего произошло такое смятеніе и тревога, присоединилось къ спасающейся толпѣ христіанъ. Въ это же самое время мостъ развели, чтобы дать свободный проходъ огромному пароходу, который шелъ по направленію отъ Босфора къ Золотому Рогу; такимъ образомъ вся масса народа столпилась на одной только половинѣ моста.

Послѣ этого мои друзья провели меня по возвышенностямъ и по садамъ Бейоглу (Пера). Я не стану описывать восхитительную панораму этого города, его чудную природу

и мѣстоположеніе. Его описывали извѣстные западные туристы, воспѣвали и превозносили многіе великіе поэты, рисовали талантливые художники, но его очаровательный видъ можетъ представить себѣ вполнѣ только тотъ, кто видѣлъ его самъ въ его настоящей дѣйствительности и восхищался ею, какъ я. Соедините вмѣстѣ все то, что славится красотами природы: Венецію, Неаполь, Лозанну, Ріо-Жанейро, Амстердамъ, Александрію и составьте такимъ образомъ одну группу изъ всего этого въ своемъ воображеніи, и вы будете имѣть хотя далеко не полное, но приблизительное представленіе о градѣ Константина.

Въ одной изъ улицъ мы встрѣтились съ молодымъ Б., который тогда имѣлъ претензію быть публицистомъ, и разговорились съ нимъ; между прочимъ онъ высказалъ мнѣ свое намѣреніе покинуть тайнымъ образомъ Константинополь, какъ уже начали было дѣлать и остальные болгаре, чтобы избѣжать всѣхъ угрожающихъ имъ ежедневно опасностей.

Вдругъ мой товарищъ М. потянулъ меня безъ всякой церемоніи за руку по направленію къ какой-то лавкѣ, и тревожно проговорилъ:

— Войдите туда!

— Шпіонъ! проговорилъ В.

Мы вошли въ лавку.

Немного спустя по другому тротуару улицы, прошелъ человѣкъ, который былъ причиной смущенія моихъ друзей.

Это былъ человѣкъ, низенькаго роста лѣтъ 30—35, брюнетъ со смуглымъ цвѣтомъ лица, съ толстыми сросшимися бровями. Его физіономія, испещренная красными пятнами, представляла какое-то странное смѣшеніе лукавства съ нахальствомъ; онъ глядѣлъ смѣло, не чувствуя всей тяжести того пятна, которымъ заклеймило его общее презрѣніе.

Онъ былъ болгаринъ.

Вечеромъ, когда я возвратился въ Стамбулъ, послѣ смятенія, произведеннаго софтами, и такъ встревожившаго столицу, я

не являлся больше въ Балъ-Капанъ, гдѣ мое присутствіе могло навлечь бѣду дому, гостепріимствомъ котораго я намѣренъ былъ воспользоваться. Я рѣшился укрыться и остановился въ одной простой гостинницѣ, или скорѣе на постояломъ дворѣ, мало или почти совсѣмъ неизвѣстномъ около самой гавани. Въ тоже время мои друзья заботились о томъ, чтобы доставить мнѣ изъ экзархіи паспортъ въ Румынію.

Я подвергалъ себя добровольному аресту уже цѣлые два дня. Единственное зрѣлище, которое представлялось моимъ взорамъ и развлекало меня, это были турецкія войска, состоявшія изъ азіатцевъ, которыя постоянно утромъ и вечеромъ шли на вокзалъ съ музыкой. Разъ вечеромъ я сидѣлъ облокотясь у окна и въ раздумьи бросалъ взгляды на Босфоръ, на цвѣтущія его берега и въ глубь горизонта, гдѣ не ясно обрисовывались азіатскія горы, покрытыя снѣгомъ. Въ это время я увидѣлъ внизу, на улицѣ, одного изъ тѣхъ мальчиковъ, которые обыкновенно продаютъ газеты на мосту, кричащаго громкимъ голосомъ на діалектѣ грековъ съ примѣсью французскаго языка:

— Бъсыретъ! Неологосъ! Новостей много! Сюплеманъ де Куріе де Оріанъ! Фаръ дю Босфоръ! Великое возстаніе въ Болгаріи!!...

Меня разбирала охота узнать хоть какую нибудь новость.

Я позвалъ мальчика, купилъ „Фаръ дю Босфоръ“ и началъ читать не безъ волненія.

И вдругъ, какъ отъ сна пробудили меня слѣдующія строки: вчера вечеромъ полиція обыскала жилище г-на Т. въ Балъ-Капанѣ, гдѣ было пріютилась какая-то подозрительная особа, находившаяся подъ надзоромъ полиціи и недавно пріѣхавшая съ театра бунта. Полиція не нашла преступника, но напала на его слѣдъ“.

Пока я дѣлалъ соображенія о своемъ затруднитель-

номъ положеніи, мнѣ послышались скорые шаги людей, взбирающихся по лѣстницѣ, ведущей къ моей комнатѣ.

Не постучавъ, они вошли.

Это были мои друзья

— Узнали что-нибудь? спросилъ я нетерпѣливо.

— Паспортъ готовъ и мы взяли его.

— А въ Балъ-капанъ?....

— Что случилось?

— Какъ что? Гдѣ теперь Т.?

Они смотрѣли недоумѣвая въ чемъ дѣло?

Я подалъ имъ „Фаръ дю Босфоръ".

Утромъ отходитъ французскій пароходъ въ Галацъ? спросилъ В. товарища своего, перебѣгая на скорую руку указанныя строки.

— Да, очень рано.

— Завтра рано утромъ вы отправляетесь. Пока не выпроводимъ васъ до самаго парохода, мы не разстанемся.

Я поблагодарилъ ихъ. Но всю ночь я не спалъ, въ моемъ умѣ кружились, оживали и принимали образъ пяти жандармовъ эти пять зловѣщихъ газетныхъ строкъ.

На другой день, рано утромъ, я со своими друзьями сѣлъ у Сиркеджи-скелеси въ лодку, и мы поплыли по темнозеленымъ водамъ Босфора. Мы направлялись къ отправляющемуся въ Галацъ пароходу, который бросилъ свой якорь на значительномъ разстояніи отъ берега. Граціозно плыла длинноносая турецкая лодка, управляемая съ большею скоростью. Пароходъ уже былъ готовъ къ отправленію. На палубѣ я попрощался со своими друзьями, какъ съ братьями, и они поѣхали обратно

Въ 9 часовъ утра колеса парохода завертѣлись въ пѣнѣ, труба выпустила нѣсколько густыхъ облаковъ дыму, который разлетѣлся сажей по головамъ пассажировъ, пароходъ тронулся, повернулъ, пошелъ....

Онъ направился къ сѣверу.

Я вздохнулъ свободно.

Въ скоромъ времени мы покинули плѣнительныя окрестности Константинополя. Дворцы, великолѣпныя арки, мечети, зданія—все это обливалось яркимъ свѣтомъ золотыхъ лучей южнаго солнца. Берега Босфора были прелестны! Весна придала имъ всю свою роскошь и очарованіе. Зеленыя, густыя дубравы, въ которыхъ кое гдѣ видны были ровныя, покрытыя травою, прогалины, своеобразнымъ и таинственнымъ образомъ группировались около блестящихъ дворцовъ, отражающихся въ Босфорѣ. Спокойныя и кокетливыя виллы выглядывали изъ долинъ или же красовались по крутизнамъ зеленыхъ и волнообразныхъ горокъ, которыя круто спускались къ морю. Мы прошли мимо острова *Дѣвичьей башни* (Момѝна кула), который имѣетъ свою легенду, минули *Долма-Бахче,* блестѣвшій своимъ бѣлымъ мраморомъ и ослѣпительнымъ отливомъ падавшихъ въ окна лучей утренняго солнца; *Орта-кьей*, этотъ скромный уголокъ, откуда доблестный старикъ Анѳимъ посылалъ свое благословеніѐ возставшей и мученической Болгаріи; *Буюкъ - Дере* со строгою и внушительною архитектурою его дворца, въ которомъ жилъ Игнатьевъ; прошли между древними крѣпостями *Урумъ-Хисаръ* и *Хисаръ-Калеси,* которыя возвышались словно два нѣмыхъ гиганта по обѣимъ сторонамъ выхода изъ пролива, и тогда только представилось удивленнымъ взорамъ въ своемъ полномъ величіи и необъятности Черное море!

Быстро и равномѣрно пароходъ разсѣкалъ воды Чернаго моря, пѣнилъ ихъ, превращалъ изъ темнозеленыхъ въ бѣлыя, заставлялъ шумѣть и на долгое время оставлялъ ихъ переливаться, толкаться, ударяться и гнаться по своими слѣдамъ. Южная половина моря представляла изъ себя какъ будто растопленное золото отъ ослѣпительнаго отраженія сіяющаго солнечнаго диска, который дробился на милліоны другихъ маленькихъ вслѣдствіе постоянно колеблющейся игры тихихъ волнъ. Къ востоку морская ширь все болѣе и болѣе округ-

лядась и наконецъ сливалась съ небесной синевой, и тамъ уже нельзя было ничего больше видѣть.

Долго еще виднѣлись съ южной и западной стороны синіе берега Турціи, которые купались въ небесныхъ и морскихъ волнахъ. Наконецъ мы потеряли и ихъ изъ виду и потонули въ хаосѣ: передъ нами не было ничего, что могло бы напоминать о человѣкѣ, о жизни.

Солнце сѣло.

Нашъ пароходъ плылъ по необъятному простору. Небо постепенно заволакивалось тонкими, прозрачными парами, они превращались въ туманъ, изъ котораго составлялись уже облака. Подулъ легкій вѣтерокъ, вполнѣ, однако, достаточный для того, чтобы привести море въ волненіе. Пароходъ заколыхался, темная даль моря начала то приподниматься, то опускаться въ морскую глубь. Голова у меня закружилась..... Въ глазахъ потемнѣло, мнѣ сдѣлалось дурно, и я впалъ въ безпамятство. У меня открылась морская болѣзнь. . . . .

. . . .

Когда уже разсвѣтало, мы были около береговъ Добруджи. Они шли съ лѣвой стороны съ юга на сѣверъ совершенно по прямой линіи. Нашъ пароходъ двигался параллельно съ ними, и я любовался ихъ пустыннымъ, дикимъ и печальнымъ видомъ. Я мысленно представлялъ себѣ *Овидія*, изгнаннаго Августомъ, прогуливающагося по этимъ вѣчно глухимъ берегамъ, передъ этимъ вѣчно шумящимъ моремъ, которое возбуждало въ немъ страсть и придавало вдохновеніе его пѣснямъ.

Мы приближались къ Кюстендже—древнему Томи.

Около полудня мы вошли въ устье Дуная, при Сулинѣ.

Дунай! Какое болгарское сердце не бьется необъяснимо-пріятнымъ чувствомъ при названіи этой рѣки! Эта рѣка съ древнихъ еще временъ имѣла для насъ большое значеніе, и играла немалую роль въ судьбахъ нашего народа. Она служила ему то преградой противъ враждебныхъ сосѣ-

дей, то мостомъ сближенія. Эта рѣка была зрительницей всѣхъ переворотовъ и грандіозныхъ событій, происходившихъ въ Болгаріи. Начиная съ Симеона, который перешелъ её съ своимъ громаднымъ войскомъ, въ погоню за Венграми, чтобы уничтожить ихъ въ ихъ собственныхъ закарпатскихъ гнѣздахъ, и кончая Ботевымъ, который былъ перенесенъ *Радецкимъ* съ его маленькой четой, чтобы умереть при Вирслецѣ, и генераломъ Драгоміровымъ, бросившимъ первые понтоны при Систовѣ, чтобы устроить переправу своимъ *Волынцамъ*, полку витязей, могила которыхъ теперь находится на берегу, вызывая глубокія думы въ прохожемъ; эта рѣка удержала съ почетомъ свое мѣсто въ нашей исторіи; она тѣсно связана съ нашими преданіями, живетъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ и Стара-Планина: подобно ей, она не отъемлемая часть нашего отечества, не разлучная съ понятіемъ Болгаріи.

Мы прошли мимо порядочно упавшаго въ торговомъ отношеніи *Измаила*, мимо цвѣтущей *Тульчи*, мимо *Исакчи*, видѣли изъ-далека *Мачинъ* и приблизились къ *Галацу*. Румынскій часовой—доробанецъ въ шапкѣ *Михай-Вишяза* спросилъ паспортъ, повелъ меня къ досчатой будочкѣ, гдѣ вѣжливый чиновникъ освидѣтельствовалъ его, за что я его поблагодарилъ, сказавъ:

— Малцумескъ, домнуле, адіё!

— Ку мулта санатате! отвѣтилъ, онъ.

Я поспѣшилъ на мѣстный пароходъ, отправлявшійся въ Браиловъ. Мы прибыли въ Браиловъ уже вечеромъ, и я переночевалъ въ отелѣ „Петербургъ“. Весь слѣдующій день я провелъ въ прогулкахъ и свиданіяхъ съ нѣкоторыми знакомыми. Случайно я встрѣтился въ Браиловѣ съ Г. Н., изъ словъ котораго можно было понять, что Россія была виновницей болгарскаго возстанія, и что она готовилась къ войнѣ съ Турціей. Относительно первой половины высказаннаго мнѣнія, я зналъ, что это ложь, а что касается второй, я уз-

налъ, что и это не было правдой. Въ гавани постоянно садились на пароходъ добровольцы, они отправлялись въ Сербію, чтобы оттуда уже, собравшись четами, перейти черезъ границу въ Болгарію. .Садовники покидали свои сады съ несобранными плодами и зеленью, мелкіе торговцы и лавочники съ убытками распродавали свои товары, чтобы только поскорѣй отправиться. Старики-сподвижники Раковскаго, Хаджи-Димитрія, Тоти, всѣми забытые повстанцы, цѣлые годы погребенные въ какихъ нибудь погребахъ, гдѣ отживали свой вѣкъ, торгуя въ браильскихъ корчмахъ-ресторацiяхъ, теперь встряхнулись, ожили и уже раздаривали свою посуду и били бутылки. Кровь стараго повстанца закипѣла, снова дѣлала его молодымъ, опять давала о себѣ знать. Въ Сербію! Въ Сербію! таковъ былъ общій кликъ. Въ гавани я былъ свидѣтелемъ одной трогательной сцены.

Два брата-лавочника спорили въ присутствіи множества любопытныхъ.

— Ты оставайся здѣсь, братъ, говорилъ старшій, державшій въ рукахъ какой-то узелокъ. Я иду.... не покидай ты лавки..... столько лѣтъ мы трудились.....

— Ты идешь, а меня оставляешь здѣсь беречь твои спички! .....Развѣ только ты болгаринъ?!.... кричалъ настойчиво младшій.

— Не дѣлай этого, прошу, не дѣлай! останься!

— Оставайся если хочешь!..... Почему же тебѣ не оставаться?

— Я уже рѣшилъ ѣхать въ Сербію: Я поѣду въ Сербію. Если я умру, останься хоть ты живъ, у насъ мать старуха.

— Не хочу, не хочу, не хочу! и я ѣду! Всѣ ѣдутъ..... я ни слѣпой, ни хромой...... и я болгаринъ!

У меня глаза уже были полны слезъ: я былъ пораженъ подобнымъ воодушевленіемъ, подобнымъ высокимъ самоотверженіемъ, выражавшимся въ такихъ простыхъ словахъ.

На другой день утромъ я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Бухарештъ; вагонъ, въ которомъ я находился, былъ пеерепол-ненъ добровольцами. Они были веселы и буйны, кричали, смѣялись, насвистывали, пѣли народныя пѣсни.

Большинство изъ нихъ были молодые люди, почти еще дѣти.....

Когда пріѣхали на вокзалъ въ Бухарештъ, я нанялъ извощика и спросилъ его, въ которой гостинницѣ мнѣ будетъ лучше остановиться.

— „Отель Булгарія“ отвѣтилъ онъ, узнавъ, что я болгаринъ.

— Хорошо, въ „Булгарія“ поѣзжай..... имя славное. Это было ,кажется, 3-го мая. Лошади понеслись по широкимъ улицамъ, и черезъ четверть часа мы подъѣхали къ большимъ воротамъ отеля.

На другой день утромъ я распивалъ уже свой кофе въ „Трансильваніи“.

Трансильванія! Какой болгарскій эмигрантъ-повстанецъ, скиталецъ, политикъ незнакомъ съ этой кофейней?

Это былъ центръ, или лучше, постоянное мѣсто свиданій всѣхъ соотечественниковъ, которые желали кого-нибудь отъискать или встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, узнать какую-нибудь новость о Болгаріи, прочитать какую-либо газету или же просто на просто блеснуть своимъ краснорѣчіемъ или патріотизмомъ — на словахъ..... Тамъ встрѣчались знакомились, сближались, понимали другъ друга, сговаривались эти бѣдные бѣглецы, избѣжавшіе веревки, удравшіе изъ тюрьмы изъ Діаръ-Бекира, а потомъ составившіе храбрую чету Ботева, добровольскія четы въ Сербіи, гдѣ подъ командой капитана *Райча Николова* покрыли славою болгарское имя при Гредетинѣ и въ другихъ сраженіяхъ; позже эти же самые борцы за свободу, оборванные, презираемые, голодные въ продолженіе всей зимы, увеличили составленное весной въ Плоещи ополченіе съ тѣмъ, чтобы умереть геройской смертью

подъ Шипкой и Старой-Загорой, въ критическія минуты бѣшенныхъ нападеній полчищъ Сулеймана!

Здѣсь, въ „Трансильваніи", сидѣли рядомъ и пользовались полнымъ равенствомъ всѣ званія и состоянія. Рядомъ съ старымъ ополченцемъ, забытымъ остаткомъ разбитой части какой-нибудь изъ четъ Хаджи-Димитрія, Тоти, Панайота, Ильи, Цеки сидѣлъ молодой учитель, убѣжавшій черезъ Балканы во время апрѣльскаго возстанія; рядомъ съ разорившимся въ народныхъ предпріятіяхъ торговцемъ благодушно стоялъ какой нибудь сельскій попъ съ выбритой бородой; на одинъ и тотъ же столъ облакачивались и агитаторъ и огородникъ; и восточный болгаринъ въ черныхъ суконныхъ домашняго издѣлія брюкахъ, и македонецъ изъ Дибры въ своей бѣлой, длинной по колѣни рубашкѣ; здѣсь богачъ училъ уму-разуму бѣдняка, нуждавшагося въ хлѣбѣ; амбулантъ-газетчикъ разсуждалъ съ непризнаннымъ поэтомъ; не кончившій курса студентъ или гимназистъ, убѣжавшій изъ какой-нибудь русской гимназіи,—съ бѣднымъ сапожникомъ, пришедшимъ изъ какого-нибудь глухаго переулка Бухарешта; чудное смѣшеніе живыхъ существъ, раздѣленныхъ по понятіямъ, по воспитанію, по характеру, по стремленіямъ, но несчастіемъ отечества сближенныхъ, уравненныхъ.

Каждый день пріѣзжали или просто приходили въ Бухарештъ новые бѣглецы, которыхъ опасенія за жизнь или разнаго рода гоненія, или же просто страхъ заставляли искать убѣжища на чужбинѣ.

Являлись они въ Бухарештъ, кто какъ могъ: одни по желѣзной дорогѣ, другіе на лошадяхъ, а третьи, т. е. большинство—прямо пѣшкомъ, оборванные, блѣдные, больные, несчастные. Тяжелое чувство овладѣвало душей, при видѣ этихъ жалкихъ, безпомощныхъ людей, безъ всякихъ знакомствъ, безъ надеждъ; а еще тяжелѣе становилось на душѣ, когда эти самые люди начинали разсказывать о тѣхъ ужасныхъ сценахъ, участниками или свидѣтелями которыхъ они были сами, о

началѣ возстанія, о побоищахъ, о пораженіяхъ, о предательствахъ, о томъ малодушіи, которымъ заражались самые храбрые при видѣ неудачи; когда разсказывали объ уничтоженіи Панагюришта и Клисуры, о паденіи Дряновскаго монастыря, объ опустошеніи баши-бузуками безчисленныхъ цвѣтущихъ селъ, возставшихъ уже или готовыхъ возстать.....

Но не смотря на всѣ эти наводившіе ужасъ разсказы, никто однако не терялъ надежды на успѣхъ болгарскаго движенія; всѣ были убѣждены, что оно принимаетъ все большіе размѣры, что изъ Ѳракіи оно перешло уже за Балканы, переполненные повстанцами, въ Терновскій, Габровскій, Дряновскій, Врачанскій округи, что и было до нѣкоторой степени вѣрно, и вѣрили, конечно, только тому, что было имъ пріятно.

Пусть читатель проститъ мнѣ, что, касаясь такого важнаго событія, я говорю о немъ столь поверхностно. Я распространился больше только о томъ, что самому мнѣ лично удалось увидѣть и узнать. Цѣль моя не излагать исторію апрѣльскихъ дней 1876 года, а только сдѣлать бѣглый очеркъ, насколько могу вѣрно, тѣхъ своихъ впечатлѣній отъ катастрофы, которыя, если будутъ дополнены свѣдѣніями и замѣтками другихъ соотечественниковъ—болѣе близкихъ участниковъ и зрителей этой катастрофы—могутъ, пожалуй, составить матеріалъ для историческаго изложенія этой великой эпохи.

Въ первыхъ числахъ мая я видѣлся и съ Ботевымъ, игравшимъ столь важную роль во время борьбы Болгаръ за независимость.

Я предоставляю другимъ, которые были ближе къ событіямъ, разсказать подробно и послѣдовательно всѣ фазы политической и публицистической дѣятельности Ботева до самой минуты отъѣзда его въ Болгарію и послѣдовавшей затѣмъ смерти...

Теперь же прибавлю нѣсколько строкъ относительно знаменитой минуты и закончу ею.

Около половины мая 1876 г. чета, которую Ботеву съ такимъ усиліемъ, благодаря пожертвованіямъ благородныхъ патріотовъ, удалось собрать, воодушевить, и подготовить къ борьбѣ съ тиранами, была уже готова къ отправленію. Въ это время отъ большихъ напряженій, усиленныхъ трудовъ и волненія по этому великому дѣлу, Ботевъ похудѣлъ и измѣнился. Его щеки сильно впали, и борода, которую онъ отпустилъ, придавала ему видъ еще болѣе мужественный, еще болѣе мрачный. Онъ не садился, не ложился, не доѣдалъ въ эти дни. Онъ бѣгалъ изъ одной кофейни въ другую, изъ кабака въ кабакъ, изъ гостинницы въ гостинницу, изъ дома въ домъ осматривать, побуждать, разжигать своихъ будущихъ товарищей въ этомъ трудномъ предпріятіи. Онъ превратился въ мысль. Смѣлая, завѣтная идея, которая съ давнихъ поръ мучила его духъ, теперь воплотилась въ него. Онъ жилъ для нея; она составляла весь смыслъ его существованія.

Вся молодежь была уже вооружена тяжелыми винчестерами; всѣ имѣли въ своихъ ящикахъ спратанную красивую форму повстанцевъ, которую горѣли нетерпѣніемъ надѣть поскорѣе. Помощь и пожертвованія изобильно шли со всѣхъ сторонъ. Патріотизмъ, въ эти минуты надежды и какого то болѣзненнаго воодушевленія, развязалъ кошельки и сдѣлалъ сердца чувствительнѣе къ благотворительности. Чтобы приготовленіе четы, и самая отправка на пароходъ оставались въ тайнѣ, всѣ молодцы разъѣхались по дунайскимъ городамъ: въ Олтеницу, Журжево, Зимничъ, Турно-Магурели. Военные матеріалы и амуниція были отправлены въ ящикахъ въ Журжево. Всѣ хранили тайну, а гдѣ ужъ нельзя было прикрыть дѣло, тамъ довѣрчиво шептали, что эта чета отправляется въ Сербію. Старались о томъ, чтобы не догадалась какъ-нибудь и не помѣшала дѣлу румынская власть. А сама эта власть знала обо всемъ лучше всѣхъ. Тайныя предписанія были разосланы ко всѣмъ префектамъ, чтобы они притво-

рялись ничего не видящими и незнающими. Братіано былъ главою тогдашней политики.

Самъ Ботевъ былъ вождемъ этой четы. Все уже было готово.

. . . . . . , ...

18-го мая неустрашимая чета входила по частямъ на пароходъ „*Радецкій*“ и черезъ нѣсколько часовъ уже цѣловала святую землю своихъ отцовъ при Козлодуѣ.....,...

Величественная страница!

21-го мая, К......, товарищъ Ботева, получилъ отъ героя письмо съ помѣткой: 18-го мая 1876 г. пароходъ „*Радецкій*“.

Самое письмо содержало всего нѣсколько пламенныхъ строчекъ. Я надѣюсь, что К. сберегъ это драгоцѣнное письмо и до сихъ поръ.

Въ немъ Ботевъ вкратцѣ разсказывалъ о завладѣніи пароходомъ, въ горячихъ выраженіяхъ передалъ прощальный привѣтъ свой женѣ и ребенку и кончалъ примѣчаніемъ, что считаетъ себя теперь счастливымъ, что провидѣніе исполнило его молитву.

И эта молитва свята. Всѣ мы знаемъ ее наизусть.

Это гимнъ страждущаго человѣчества.

Вотъ послѣдпія строфы этой молитвы.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

А ти Бóже на рáзумътъ,
Защитниче на рóбитѣ,
На когóто ще прáзднуватъ
Деньтъ скóро нарóдитѣ.

Вдъхни всекому, о Бóже
Любóвь жива за свобóда

Да се бори, кой какъ мо́же,
Съ душманитѣ на наро́да.

Укрѣпи и менъ ръка́та
Та кога́ въста́не ро́ба
Въ редове́тѣ на борба́та
Да си на́йда и азъ гро́ба.

Не оста́вяй да истине
Буйно сърдце на чужбина
И гласътъ ми да прѣмине
Тихо, като прѣзъ пустиня.......

Да, молитва Ботева исполнилась.

Предложенный вниманію читателей разсказъ принадлежитъ перу одного изъ выдающихся современныхъ болгарскихъ писателей. Въ настоящее время Болгарія еще очень не богата людьми, занимающимися наукой и литературой. Теперь ихъ стало даже меньше, чѣмъ было въ эпоху, предшествовавшую освобожденію. Лучшіе, наиболѣе талантливые представители возрождающагося народа гораздо охотнѣе посвящаютъ свои силы выгодной административной, чиновничей, публицистической дѣятельности, вообще получившей и въ Болгарскомъ княжествѣ, и въ Восточной Румеліи ужъ слишкомъ широкое развитіе, чѣмъ скромнымъ занятіямъ музами. Исканіе хорошо оплачиваемыхъ правительствомъ мѣстъ и должностей, преслѣдованіе узко-практическихъ цѣлей—вотъ что прежде всего характеризуетъ, какъ ни грустно это признать, общее настроеніе нынѣшней болгарской интеллигенціи какъ старой, такъ и молодой. Подъ вліяніемъ такого общаго теченія покидаютъ литературныя занятія даже такіе писатели, которые еще весьма недавно съ успѣхомъ трудились въ этой области. Сами Болгары признаютъ это печальное явленіе за существующій фактъ; въ болгарской печати временами раздаются голоса, призывающіе общество къ серьозной внутренней работѣ, къ поддержанію и развитію въ странѣ литературы и самостоятельныхъ изученій. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ не казаться страннымъ то обстоятельство, что въ то время какъ среди Болгаръ оказывается болѣе чѣмъ достаточное количество публицистовъ, разныхъ политическихъ агитаторовъ, чиновниковъ и т. п., у нихъ чувствуется недостатокъ въ людяхъ для занятія дѣломъ не менѣе важнымъ, чѣмъ администрація и политика, и во всякомъ случаѣ обусло-

вливающимъ внутреннюю силу націи. Вотъ уже шесть лѣтъ прошло со времени освобожденія Болгаріи, а между тѣмъ изученіе страны въ географическомъ, этнографическомъ, историческомъ, филологическомъ и другихъ отношеніяхъ почти не подвинулось впередъ. Немногія, нерѣдко весьма цѣнныя статьи, помѣщаемыя въ двухъ ученo-литературныхъ журналахъ, „Періодическомъ Списаніи" и „Наукѣ" всегда подписанныя одними и тѣми же именами, ясно показываютъ какъ мало въ Болгаріи тружениковъ, жертвующихъ своимъ временемъ и способностями высшимъ интересамъ своего отечества. Достаточно отмѣтить, что доселѣ нѣтъ ни одного сноснаго географическаго описанія Болгаріи, ни одной порядочной грамматики болгарскаго языка; нечего уже говорить о томъ, что естественныя богатства Болгаріи остаются неизслѣдованными, разсѣянныя въ ней памятники старины—не собранными.

Но если въ Болгаріи мало людей склонныхъ къ самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, то столь же немного въ ней и писателей-художниковъ. Отсюда тѣмъ большее значеніе получаютъ произведенія тѣхъ немногихъ тружениковъ, которымъ выпадаетъ на долю представлять собою изящную литературу Болгаріи. Въ этомъ отношеніи въ настоящее время наибольшею славою въ Болгаріи пользуются оригинальные писатели — П. Славейковъ, К. Друмевъ, (нынѣ Епископъ Климентъ), К. Величковъ, И. Вазовъ; и талантливые переводчики лучшихъ произведеній русской и западно-европейскихъ литературъ: Наботковъ, Карафовъ, Гешовъ и др. Въ этой небольшой семьѣ писателей очень видное мѣсто занимаетъ и авторъ выше приведенныхъ „Воспоминаній" г. Иванъ Вазовъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ произведеній разныхъ видовъ беллетристики. Въ Филиппопольскомъ журналѣ „Наука" печатались его весьма недурныя повѣсти и разсказы: „Митрофанъ", „Уголокъ Старой Планины", „Ни милые, ни дорогіе" (Не мили не драги), „Воспоминанія о событіяхъ 1876 г."; въ 1882 г. онъ издалъ комедію „Михалаки Чорбаджи". Но болѣе всего онъ составилъ себѣ извѣстность своими стихотвореніями: Въ настоящее время они представляютъ уже нѣсколько сборниковъ — „Тъгитѣ на България" (Скорби Болгаріи) 1877 г., „Избавленіе" 1878, „Майска Китка" (Майскій букетъ) 1880 г., „Гусла, наинови лирически и епически стихотворенія" 1881 года, „Загорка" 1883 г. Г. Ив. Вазовъ несомнѣнно одаренъ поэтическимъ чутьемъ и значительнымъ художественнымъ талантомъ. Его лира чутко отзывалась на всѣ знаменательныя событія, пережитыя болгарскимъ народомъ въ настоящее десятилѣтіе. Многія изъ его стихотвореній отличаются глубиною чувства, безыскуственностью творчества, изящной формой и сильнымъ, прекраснымъ языкомъ. Поэтъ—горячій патріотъ; онъ безпредѣльно любитъ свою родину, скорбитъ о ея бѣдствіяхъ, съ восторгомъ привѣтствуетъ ея освобожденіе, проникнутъ сознаніемъ силы славянской идеи и глубокимъ чувствомъ благодарности и благоговѣнія къ „Россіи—освободительницѣ". Нѣкоторыя піэсы г. Вазова, не имѣющія такой широкой народно-

патріотической подкладки, а посвященныя изображенію личнаго чувства поэта, по своей задушевности и прелести также заслуживають вниманія читателей. Въ слѣдующемъ выпускѣ „Ежегодника“, мы постараемся ближе познакомить русское общество съ художественными произведеніями г. Вазова, а на этотъ разъ ограничимся сообщеніемъ одного изъ его стихотвореній.

Ред.

Стихотвореніе И. Вазова.

Россия.

I.

Бѣхъ малъкъ азъ, но йоще помня
Във стаята [1]) ни бѣдна, скромна
Висеше образъ завѣхтѣлъ
До сама-та божá икона;
Надъ него имаше корона,
Подъ него пакъ—двуглавъ орелъ.

И често майка ми тогази
Ме вдигаше да вида ази
По-близо тозъ ликъ светъ и старъ
И нѣжно думаше [2]) ми: чадо!
Цалуни тоя хубавъ [3]) дядо,
Това е *българския* царь!

И отъ тогазъ го азъ обикнахъ [4]).
Когá на възрастъ попристигнахъ [5]),

---

[1]) Комната.
[2]) Говорила.
[3]) Добраго (собств. хорошаго),
[4]) Любилъ.
[5]) Когда пришелъ я въ возрастъ.

От҃ моя тейко[1]) азъ узнахъ,
Че русский царъ родѣй се съ нази,
Че турци-тѣ той гани, мрази,
Че той ще ни спаси отъ тѣхъ.

Кога ни мъчеше тиранътъ,
„Московци“ викаше[2]) съ гнявъ.
Разбрахъ, че тейко бѣше правъ.
И вѣрвахъ, че да ни отбранатъ
Ще хвръкнатъ бърже[3]) къмь то насъ,
Се колчимъ плачехме съсъ гласъ.

II.

И тъи отъ рано съ тазъ идея,
Съ тазъ вѣра хванахъ да живѣя;
И чакамъ[4]) азъ за мьсть готовъ,
И цѣлия народъ ми чака,
Кога́ въ тегло-то и во мрака
Ще чуемъ русски силенъ зовъ.

И чакаме .... какъ чака роба
На мъки си послѣднiй часъ;
Тъи както Лазаръ чака въ гроба
Да чуи гласа на своя спасъ!

Навредъ[5]) дѣ чуватъ се въздишки,
Дѣ сълзи ронатъ се вдовишки.
Дѣ тежки желѣза дрънчатъ,
И дѣто кърви-тѣ течатъ,

---

[1]) Отъ моего отца.
[2]) Называлъ.
[3]) Скоро прилетятъ.
[4]) Жду.
[5]) Повсюду.

И дѣто има мъченици,
И обезчестени дѣвици,
И бѣдни, голи сироти,
И окървавени бащи,
И черкви, села развалени,
И пълни съ кокали полени [1]),
При Тунджа, Тимокъ и при Витъ;
Вредъ [2]), дѣто робъ-тъ жаловитъ
Къмъ Сѣверъ горестно поглежда,
Вредъ, дѣто грѣи една надѣжда,
Вредъ, дѣто пълно е съ тъга;
Навредъ по сичка България
Една се дума чуй сегá,
Единъ стонъ! Единъ гласъ: Россія!

III.

Россія! колко ни плѣни
Туй име свято, родно, мило!
То въ мрака бива намъ свѣтило,
Надѣжда—въ наши-тѣ злини!

То спомня ни, че ний кога сме
Забравени [3]) отъ цѣлий свѣтъ,
Любовь, що никога не гасне
За нази бди съ най-сладъкъ свѣтъ!

Россія! Тя земя велика
По ширъ, по брой [4]) по сила! Тя
Съ небе-то има си прилика,
И само съ русската душа!

---

[1]) Полны костями поляны.
[2]) Всюду.
[3]) Забыты.
[4]) По числу.

Тамъ, тамъ молби тѣ ни се чуватъ,
И въ днешния печаленъ часъ,
Сърдца се́ братски се вълнуватъ
Осемдесетъ милиона съ насъ!

IV.

О скоро намъ ще се протегне
Могуща, силна, братска длань,
И кръвь поганска пакъ ще текне,
И пакъ ще грѫмне старъ Балканъ!
Че Царьтъ волята си ясно
Яви въ свещенната Москва,
И прѣзъ уста му едногласно
Россия цѣла хортува́ [1]).
„Рѣшилъ съмъ, каже, да избавя
„Отъ робство братята ни днесъ,
„Това дългътъ ни повѣлява,
„Това го иска русска честь.
„Ще гледимъ съ миренъ начинъ ази
„Да стигна тазъ свещенна цѣль,
„Но не сполуча ли [2])..... тогази
„Ще вдигна стариятъ орелъ.
„Въ такъвя случай се надѣя,
„Че всѣкъ отъ васъ ще бѫде пръвъ
„За тазъ великата идея
„Да жертвува имотъ и кръвъ!“

И отъ далечната Камчатка,
Дори до фински-тѣ моря,
Една свѣткавица засвѣтка,
Единъ разчу се викъ: ура̀!

---

[1]) Сказала.
[2]) Но если не посчастливится.

V.

О! здравствуй ти, Россио мощна!
Свѣта трепна отъ твоя гласъ!
Скокни, царице полунощна,
Зовемъ те ний, ела къмъ насъ!
България сега те вока!
Часътъ настана твой завѣтъ
И твой-та мисия велика
Да ги испълнишь въ тоя свѣтъ!

За туй си ти прочута, славна,
И друга нѣмашъ съ тебе равна;
За туй обѣмашъ полусвѣтъ—
Царства, народи, океани;
И нѣмашъ изглешъ, край и четъ;
За туй те Богъ до днесъ забрани,
Отъ толкосъ напасти, душмани,
За туй можá да съкрушишъ
Мамая-Ханъ и Бонапарта,
За туй врага си ти страшишъ,
Когá те гледа и на карта;
За туй зовешъ се ти *света*,
За туй те любимъ, катъ баща
И чакаме, като месия:
За туй си ти, Россия!

22 ноября 1876. («Тъгитѣ на България»).

---

[1]) Бѣдствій, золъ.

Изъ „Лабиринта свѣта“

Я. А. Коменскаго.

Предлагая читателямъ переводъ десятой главы знаменитаго творенія великаго мыслителя, педагога, религіознаго дѣятеля и чешскаго патріота, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. „Лабиринтъ свѣта“ былъ написанъ въ 1623 году въ Моравіи, въ мѣстечкѣ Брандысѣ на р. Орлицѣ, въ имѣньи пана Карла Жеротина, у котораго Я. А. Коменскій (р. 1592+1671) на нѣкоторое время нашелъ убѣжище отъ преслѣдованій, постигшихъ общину чешскихъ братьевъ. Мысль Коменскаго въ то время занята была вопросомъ, „гдѣ и въ чемъ заключается высшее благо (summum bonum), которымъ удовлетворились бы человѣческія желанія, то есть, достигнувъ котораго, человѣческая мысль могла и должна была бы успокоиться, не имѣя, чего болѣе желать.“ (Предисловіе Коменскаго къ „Лабиринту свѣта“). Отвѣтъ на этотъ старый философскій вопросъ и даетъ „Лабиринтъ свѣта и рай сердца, или—какъ гласитъ полное заглавіе—ясное изображеніе того, какъ въ этомъ свѣтѣ и во всѣхъ его вещахъ нѣтъ ничего, кромѣ смятенія и блужданія, колебаній и заботъ, ослѣпленія и обмана, бѣдъ и тоски, наконецъ пресыщенія всѣмъ и отчаянія,—но тотъ одинъ достигаетъ истиннаго и полнаго успокоенія мысли и радости, кто оставаясь дома въ своемъ сердцѣ, замыкается съ однимъ Господомъ Богомъ“. Путешественникъ, занятый мыслію, гдѣ можно найти истинное благо, обозрѣваетъ лабиринтъ свѣта подъ руководствомъ проводника Всюдыбуда (вездѣсущаго) Всесвѣда (всѣвѣдущаго) и толмача Маменья (ослѣпленія), и изслѣдуетъ различныя человѣческія состоянія и сословія. Но ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ путешественника. Встрѣчая вездѣ одну лишь суету, онъ бѣжитъ наконецъ изъ этого свѣта и, повинуясь тайному голосу, возвращается туда, откуда вышелъ, въ домъ своего сердца и запираетъ за собою двери. Только теперь, принявши въ свой домъ Христа и всецѣло отдавшись ему, онъ обрѣтаетъ во внутренней правдѣ христіанства свѣтъ разума и вѣры и находитъ успокоеніе сердца въ одномъ Богѣ. Первая часть, „Лабиринтъ свѣта“, представляетъ глубокую сатиру, не потерявшую значенія и для современной жизни, вторая, „Рай сердца“, съ глубочайшею вѣрою и искренностію изображаетъ внутреннее христіанство.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ОБОЗРѢВАЕТЪ СОСЛОВІЕ УЧЕНЫХЪ.

1. Проводникъ мой сказалъ мнѣ: „Ужъ я понимаю твои мысли, куда тебя тянетъ. Къ ученымъ, къ ученымъ —вотъ твоя приманка, вотъ самая легкая, самая спокойная, самая полезная для мысли жизнь!"—,,Правда, правда", говоритъ толмачъ. „Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть пріятнѣе для человѣка, какъ не заниматься однимъ только изслѣдованіемъ разнообразныхъ благородныхъ вещей, избавя себя отъ изнуренія своего матеріальнаго тѣла? Это-то поистинѣ и дѣлаетъ смертныхъ людей подобными безсмертному Богу и почти равными: они становятся какъ бы всевѣдущими, все постигая, все зная, что есть или было, или будетъ на небѣ, на землѣ, въ преисподней, хотя, правда, и не всякому дается это въ одинаковой степени".—Ведите же меня туда, что медлите? сказалъ я.

2. Мы пришли къ воротамъ, которыя мнѣ назвали *дисциплиною*. Они были длинны, узки и темны; вооруженные сторожа наполняли ихъ; каждый, желавшій пройти въ улицу ученыхъ, долженъ былъ заявить и ждать пропуска. И я видѣлъ, какъ приходили цѣлыя толпы людей, особенно молодыхъ, и тотчасъ же были подвергаемы различнымъ испытаніямъ. Прежде всего испытывали каждаго, съ какимъ идетъ онъ кошелькомъ, съ какимъ задомъ, съ какой головой, мозгомъ (о чемъ судили по соплямъ) и кожей. Если у приходящаго голова была стальная, а мозгъ въ ней изъ ртути, задъ оловянный, кожа желѣзная и кошелекъ золотой, то хва-

[illegible] же охотно вели далѣе; если же кто не имѣлъ [illegible] ла путь, то или ворочали его назадъ, или же, [illegible] мая, принимали его такъ, здорово живешь. И я сказалъ съ удивленіемъ: „Какое же значеніе имѣютъ для насъ эти пять металловъ, что такъ усердно всѣ ихъ добиваются?"— „Очень большое", говоритъ толмачъ. „Если у кого голова не стальная, то она лопнетъ; если въ ней мозгъ не ртутный, то не выйдетъ изъ него зеркала; если кожа не жестяная, то не вытерпитъ формировки; если у него задъ не оловянный, то онъ ничего не высидитъ, все разсыплетъ; а безъ золотаго кошелька, гдѣ взять времени, гдѣ взять учителей, живыхъ и мертвыхъ? Ужели ты думаешь, что такія великія вещи могутъ доставаться даромъ?" И я понялъ, къ чему все это, понялъ, что въ это сословіе нужно приносить съ собою здоровье, талантъ, усидчивость, выносливость и средства, и сказалъ: „справедливо, значитъ, говорится: Non cuivis contigit adire Corinthum.

3. Вхожу затѣмъ въ ворота и вижу: каждый изъ сторожей, взявши одного или нѣсколькихъ въ дѣло и занимаясь съ ними, нашептываетъ что-то въ уши, протираетъ глаза, выпариваетъ носъ и ноздри, вытягиваетъ и урѣзываетъ языкъ, сгибаетъ и разгибаетъ руки и пальцы, и не знаю, чего еще не дѣлаетъ. Нѣкоторые пробовали даже провертывать головы и вливать что-то. Видя мое изумленіе, толмачъ мой сказалъ: „Не удивляйся: ученые должны имѣть руки, языкъ, глаза, уши, мозгъ и всѣ внѣшнія и внутреннія чувства не такія, какія имѣетъ глупая толпа черни. Потому-то все и передѣлывается тутъ, а безъ труда и препятствій обойтись при этомъ нельзя." Смотрю я далѣе и замѣчаю, какъ много бѣдняги платились при этой передѣлкѣ: Не о кошелькѣ я говорю, а о кожѣ, которую они должны были подставлять. Кулакъ, грифель, линейка, розга ходили по лицу, по лбу, по спинѣ, по сидѣнью; даже кровь пускали, равно какъ вездѣ сажали шишки, синяки, рубцы, мозоли. Видя это, нѣкоторые, прежде чѣмъ

даться имъ въ руки, только заглянувъ въ ворота, обращались въ бѣгство; другіе утекали, вырываясь изъ рукъ этихъ воспитателей. Лишь меньшинство дотягивали до выпуска на свободу; даже и я, имѣя такое сильное расположеніе къ этому сословію, не безъ труда и не безъ терпѣнія перенесъ такую формировку.

4. Выходя изъ воротъ, вижу: каждому отшлифованному даютъ значекъ, по которому можно было-бы узнать, что онъ принадлежитъ къ ученымъ: чернильницу за поясъ, перо за ухо и пустую книгу въ руки для собиранія знаній. И я также получилъ это. Тутъ Всесвѣдъ говоритъ мнѣ: „Вотъ теперь передъ нами четыре дороги: философіи, медицыны, юриспруденціи и теологіи. Куда сначала пойдемъ?“—„Какъ хочешь, сказалъ я. „Пойдемъ сначала на площадь“, сказалъ онъ, „гдѣ всѣ сходятся, посмотримъ на всѣхъ вмѣстѣ, потомъ будемъ обходить аудиторіи порознь“.

5. Привелъ онъ меня на какой то рынокъ, и вотъ тамъ тучи студентовъ, магистровъ, докторовъ, священниковъ, юношей и стариковъ. Нѣкоторые изъ нихъ стояли кучками, разговаривая и диспутируя; другіе прятались по угламъ отъ глазъ прочихъ, нѣкоторые (что я хорошо разглядѣлъ, но напомнить имъ объ этомъ не посмѣлъ тамъ) имѣли глаза и не имѣли языза, другіе имѣли языкъ, но были безъ глазъ; нѣкоторые имѣли только уши безъ глазъ и языка и т. д. И я понялъ, что и тутъ встрѣчаются недостатки. Видя же, что всѣ они откуда-то выходятъ и потомъ опять уходятъ туда же, какъ пчелы изъ улья и въ улей, я предложилъ и намъ войти туда.

6. Входимъ. И вотъ предъ нами обширная палата, которой я и конца не досмотрѣлся, а въ ней по всѣмъ сторонамъ полки, перегородки, шкатулки и коробки, которыхъ и на сотнѣ тысячъ возовъ не увезъ бы, и каждая имѣла свою надпись и титулъ. И я сказалъ: Въ какую же это аптеку пришли мы?—„Въ аптеку“, сказалъ толмачъ, „гдѣ хранятся

лекарства противъ болѣзни мысли; она носитъ особое имя библіотеки. Посмотри, какіе тутъ безконечные склады мудрости!" Продолжая свои наблюденія, я вижу толпы ученыхъ, приходящихъ для разнообразныхъ занятій всѣмъ этимъ. Нѣкоторые, выбирая коробки самыя красивыя и легкія, вытаскивали изъ нихъ по кусочку и принимали въ себя, мало по малу разжевывая и переваривая. Подхожу къ одному и спрашиваю, что онъ дѣлаетъ.—„Пользуюсь", —„Какъ же нравится?" говорю я. „Почавкаешь во рту, отзывается горечью или кислотой, потомъ обращается въ сладость".—„На что же это?" спросилъ я. „Мнѣ становится легче", отвѣчалъ онъ, „когда я ношу это въ себѣ, и я тѣмъ основательнѣе дѣлаюсь. Развѣ ты не замѣчаешь пользы?" Я смотрю на него внимательнѣе и вижу, что онъ толстый, тучный и румяный; глаза горятъ, какъ свѣчи, рѣчь ясная, и все въ немъ отличается свѣжестью. А толмачъ говоритъ мнѣ: „Другіе однако же"....

7. Я смотрю, и вотъ нѣкоторые весьма легкомысленно обращаются съ матеріаломъ, глотаютъ подрядъ все, что попадетъ имъ подъ руку. Глядя на нихъ внимательнѣе, я не вижу, чтобы у нихъ прибавлялось сколько нибудь румянца, или тѣла, или жиру, только одно брюхо вздувалось и распускалось, а все, проглоченное внутрь, не переварившись лѣзло вонъ верхомъ и низомъ. Нѣкоторые приходили въ одуреніе и мѣшались въ умѣ, нѣкоторые чахли, сохли и умирали. Другіе, видя это, указывали на нихъ и выводили заключеніе, какъ опасно заниматься книгами (такъ назывались эти коробочки); нѣкоторые бѣжали прочь, другіе старались только осторожнѣе съ ними обращаться и потому не принимали внутрь, а обвѣшивались спереди и сзади сумками и кошелями, и клали въ нихъ эти коробки (на большей части которыхъ написано было: Вокабуляръ, Дикціонеръ, Лексиконъ, Promtuarium, flori legium, Loci communes, Постиллы, Конкорданціи, Гербарій и т. д. смотря по спеціальности каждаго) и носили съ собой; когда нужно было что нибудь сказать или написать, вытаски-

вали ихъ изъ кармана и брали изъ нихъ въ ротъ и на перо. Замѣтивъ это, я сказалъ: „Они, должно быть, въ карманахъ знанія носятъ? Толмачъ отвѣчалъ: „Это Memoriae subsidia. Ужели не слыхивалъ?“ Я слышалъ, какъ нѣкоторые хвалили этотъ способъ, говоря, что они будто бы извлекаютъ оттуда только порядочныя вещи. Можетъ быть; но я замѣтилъ тутъ другое неудобство. Случилось въ моемъ присутствіи, что одни свои шкатулки затеряли, а у другихъ онѣ сгорѣли, когда были на время отложены. Ахъ, сколько тутъ было бѣганья, ломанья руками, брани, крику о помощи, никто не хотѣлъ послѣ этой минуты ни диспутировать, ни писать, ни проповѣдывать; бродили только, повѣся голову, кланялись, краснѣли, просьбами и деньгами собирая снадобье, отъ кого только знали. тѣже, которые внутри имѣли запасецъ, не такъ боялись подобныхъ случайностей.

8. Между тѣмъ я вижу: нѣкоторые не въ карманы клали эти шкатулки, а носили куда-то въ комнаты. Вхожу за ними и вижу: дѣлаютъ на нихъ красивые футляры, раскрашиваютъ различными красками, нѣкоторые обиваютъ даже серебромъ и золотомъ, ставятъ въ порядкѣ на полки, а потомъ, снявши, любуются ими, сгибаютъ и разгибаютъ, то подходя, то отходя, показываютъ себѣ и другимъ, какъ красиво все это стоитъ,— и все это только снаружи; нѣкоторые впрочемъ по временамъ смотрѣли на заглавія, чтобы умѣть, какъ назвать. И говорю я: „Что они такъ любезничаютъ?“ Толмачъ отвѣчаетъ: „Прекрасная вещь, братецъ, имѣть прекрасную библіотеку.“—„Даже если бы ей и не пользоваться“? говорю я.—„И тѣ, которые библіотеки любятъ, причисляютъ себя къ ученымъ,“ отвѣчаетъ онъ. А я думаю про себя: это все равно, что, имѣя груды молотковъ и клещей, а не умѣя ими пользоваться, считать себѣ кузнецомъ. Но высказать этого я не посмѣлъ, боясь повредить себѣ.

9. Но когда мы снова вышли въ палату, я вижу, что этихъ аптекарскихъ посудинъ прибываетъ все болѣе и болѣе

по всѣмъ сторонамъ, и я смотрю, откуда же ихъ носятъ? И вижу, что изъ за какой-то загородки; вхожу туда и вижу: множество токарей, одинъ другаго старательнѣе и чище приготовляютъ эти шкатулки изъ дерева, кости, камня и другихъ матеріаловъ и, наполнивши мазью и теріакомъ [1]), отдаютъ въ общее пользованіе. А толмачъ говоритъ мнѣ: „Вотъ тѣ достойные хвалы и всякаго почтенія люди, которые самыми полезными вещами служатъ своему потомству: не жалѣя никакого труда, никакихъ усилій для распространенія мудрости и знаній, дѣлятся съ другими своими славными дарами". И у меня явилось желаніе посмотрѣть, изъ чего и какъ дѣлается то, что онъ назвалъ дарами и мудростью. И вижу одного или двоихъ, которые, собирая пахучіе коренья и травы, крошили ихъ, терли, варили, процѣживали, приготовляя превосходные теріакъ, кашки, сиропы и другія полезныя для человѣческой жизни лекарства. Другіе же, напротивъ,—вижу,— только выбираютъ изъ чужихъ посудинъ и перекладываютъ въ свои,—и такихъ были сотни. И я сказалъ: Они только воду переливаютъ.—„И этимъ путемъ распространяются знанія", отвѣтилъ мнѣ толмачъ. „Развѣ, по твоему, нельзя одно и тоже представить въ различныхъ видахъ? Развѣ нельзя къ первоначальнымъ вещамъ всегда что нибудь прибавить и улучшить?" — И испортить также, сказалъ я съ гнѣвомъ, ясно видя, что тутъ идетъ надувательство. И дѣйствительно, залѣзая въ чужія посудины, чтобы наполнить нѣсколько своихъ, они разбавляли чѣмъ только могли, даже просто вливали помои; другіе, прибавляя какой нибудь мѣшанины, даже просто пыли и сору, сгущали ради того только, чтобы казалось новымъ составомъ. Между тѣмъ надписи на-

---

[1]) Теріакъ (θηρίακος т. е. ἀντίδοτος) приготовляли средневѣковые врачи-шарлатаны изъ разныхъ растеній, обращая ихъ въ порошекъ и смѣшивая съ сахаромъ, и выдавали его за панацею, лекарство отъ всѣхъ болѣзней.

вѣшивали пышнѣе прежнихъ, и безстыдно каждый хвалилъ свое, подобно инымъ теріачникамъ (площаднымъ лекарямъ). Мнѣ было и удивительно и досадно, что (какъ я выше замѣтилъ) рѣдко кто изслѣдовалъ внутреннее достоинство, но брали все подрядъ безъ разбора, а если которые и выбирали, то обращали вниманіе только на внѣшній блескъ и надписи. Тутъ-то я понялъ, отъ чего столь немногіе изъ нихъ достигали внутренней крѣпости мысли, а напротивъ чѣмъ болѣе кто принималъ въ себя этихъ лекарствъ, тѣмъ болѣе давился ими, блѣднѣлъ, сохъ и хирѣлъ. Я видѣлъ также огромную часть этихъ милыхъ теріаковъ, которымъ никогда не пришлось быть употребленными для пользованія людей, но они достались на долю мышамъ и червямъ, паукамъ и мухамъ, пыли и плѣсени, наконецъ темнымъ ларямъ и заднимъ угламъ.

Боясь этого, нѣкоторые, окончивъ свой теріакъ (а иные не начавши даже) то бѣгали по сосѣдямъ, прося предисловій, стиховъ, анаграммъ, то искали патроновъ, которые для новыхъ произведеній давали бы свое имя и деньги; то какъ можно роскошнѣе разрисовывали заглавія и титулы, то какъ можно пестрѣе украшали фигурами и заставками; наконецъ сами все это совали въ глаза другимъ, предлагали и, такъ сказать, навязывали противъ воли. Но я видѣлъ, что въ концѣ концевъ и это не помогало, потому что слишкомъ пересаливали. Многихъ пришлось мнѣ пожалѣть, что они, имѣя возможность оставаться въ полномъ покоѣ, безъ всякой нужды и пользы, рискуя даже своимъ именемъ, и со вредомъ для ближнихъ, пускались въ это шарлатанство. Мои замѣчанія на этотъ счетъ вызывали ненависть, какъ будто я вредилъ общему благу. Молчу уже, какъ нѣкоторые приготовляли свои микстуры просто изъ ядовитыхъ веществъ, такъ что предлагалось столько же отравы, сколько и лекарства, и я съ огорченіемъ переносилъ это зло; но некому было исправить его.

10. Выходимъ затѣмъ на площадь ученыхъ, и вотъ идутъ между ними споры, раздоры, драки, преслѣдованія. Рѣдко кто

изъ нихъ не имѣлъ бы тяжбы съ кѣмъ нибудь: препирались всѣ, не только молодые (что можно было бы приписать дерзости незрѣлаго возраста), но и старцы. Чѣмъ ученѣе былъ человѣкъ, по собственному ли мнѣнію или по мнѣнію другихъ, тѣмъ болѣе заводилъ онъ распрей и нападалъ на окружающихъ: рубилъ и сѣкъ, металъ и стрѣлялъ, такъ что даже смотрѣть было страшно. Этимъ онъ надѣялся пріобрѣсти похвалу и извѣстность. — Но чтоже это, Боже мой? сказалъ я. Вѣдь я думалъ, да и вы подтвердили мнѣ, что это самое спокойное сословіе, а между тѣмъ я вижу такъ много раздоровъ! Толмачъ отвѣчалъ: „Ты не понимаешь этого, сынъ мой: вѣдь это они изощряются."—Изощряются? отвѣчалъ я; но я вижу раны и кровь, гнѣвъ и непримиримую ненависть другъ къ другу! Ничего подобнаго я не видалъ даже ни въ одномъ изъ ремесленныхъ сословій.—„Конечно", сказалъ онъ; искусства тѣхъ—ремесленныя, рабскія, а этихъ—свободныя. По сему чего не дозволяется первымъ и не можетъ быть у нихъ терпимо, то вполнѣ дозволяется послѣднимъ".—Но какъ это можетъ считаться порядкомъ, сказалъ я, я не знаю.—Оружіе ихъ съ виду ничего страшнаго не представляло: копья, мечи и кинжалы, которыми они сѣкли и кололи другъ друга, были кожаные; держали ихъ не въ рукахъ, а во рту; стрѣльба производилась изъ тростника и перьевъ, заряжавшихся притомъ порохомъ, разведеннымъ въ водѣ; метательными снарядами служили бумажные куски. Ничего, повторяю, страшнаго повидимому не было; тѣмъ не менѣе я замѣчалъ, что если въ кого нибудь удачно попадали, то онъ метался, кричалъ, вертѣлся, обращался въ бѣгство, и мнѣ не трудно было понять, что это была не шутка, а настоящая битва. Иногда сразу на кого нибудь нападало нѣсколько, такъ что мечи только звенѣли около ушей и градомъ сыпались бумажныя стрѣлы. Иной удачно защищался и отражалъ всѣхъ своихъ противниковъ, другой падалъ въ изнеможеніи отъ полученныхъ ранъ. При этомъ иногда я видѣлъ такую жестокость, что

даже пораженныхъ и мертвыхъ не только не оставляли въ покоѣ, но еще безжалостнѣе сѣкли и рубили, еще съ большимъ рвеніемъ показывая свое геройство надъ тѣмъ, кто уже болѣе не защищался. Нѣкоторые болѣе миролюбиво обходились другъ съ другомъ, однако не были совершенно свободны отъ препирательства и несогласій. Слова нельзя было никому вымолвить, чтобы не вмѣшался другой и не сталъ его оспаривать; спорили даже о снѣгѣ, бѣлый онъ или черный, и объ огнѣ, горячій онъ или холодный.

11. Но вотъ нѣкоторые вмѣшались въ эти споры и стали хлопотать о примиреніи, такъ что я было обрадовался. Стали говорить, что всѣ распри должны покончиться, и поднятъ былъ вопросъ о томъ, кто приведетъ это въ исполненіе. Отвѣчали, что съ дозволенія царицы Мудрости, изъ всѣхъ сословій должны быть выбраны самые разсудительные люди съ полномочіемъ выслушивать противныя стороны, произвести по каждому дѣлу дознаніе, слѣдствіе и объявить, кто правъ, кто виноватъ. Столпилось не мало тѣхъ, которые должны были и хотѣли быть судьями, а еще больше тѣхъ, которые несогласны были въ своихъ сужденіяхъ о разныхъ предметахъ. Между ними я видѣлъ Аристотеля съ Платономъ, Цицерона съ Саллюстіемъ, Скотта съ Аквинатомъ, Бартола съ Бальдомъ, Еразма съ Сорбонистами, Рама и Кампанеллу съ Перипатетиками, Коперника съ Птоломеемъ, Θеофраста съ Галеномъ, Гуса, Лютера и другихъ съ папою и іезуитами, Брентіа съ Безою, Бодина съ Віеромъ, Слейдана съ Суріемъ, Шмидлина съ Кальвинистами, Гомара съ Арминіемъ, Fratres Rosacos съ философастрами и другихъ безъ числа. Выборные предложили собравшимся подать краткое письменное изложеніе своихъ жалобъ и претензій, доводовъ и оправданій. Тогда послѣдніе наклали такіе вороха книгъ, для разсмотрѣнія которыхъ не хватило бы шести тысячъ лѣтъ, и при этомъ еще оговорились, чтобы на первый разъ было принято это краткое изложеніе ихъ мнѣній, на будущее же время, въ случаѣ надобности,

имъ была бы предоставлена полная свобода все это изложить и изъяснить обширнѣе. Выборные стали смотрѣть въ эти книги, но почитавши каждый сталъ тотъ часъ же защищать того, чью книгу читалъ, и возникли между господами судьями и посредниками великія несогласія, такъ какъ одинъ защищалъ одного, а другой другаго. И разбѣжались они ничего не сдѣлавъ, а ученые вернулись къ своимъ спорамъ. Долго мнѣ было жаль этого.

М. С.

Изъ области новой чешской литературы.

Этюдъ

„Зъ глубинъ“

Стихотворенія Ярослава Верхлицкаго.

2-е изданіе.

Нужно думать, судя по появленію 2-го изданія названной книжки, что произведенія такого отвлеченно-поэтическаго характера, какъ эти стихотворенія, принимаются охотно чешской интеллигенціей и находятъ сбытъ. Человѣку, знающему условія книжнаго дѣла въ Россіи и познакомившемуся съ содержаніемъ лирики Вьрхлицкаго, такое явленіе кажется, если не страннымъ, то въ высокой степени характеристичнымъ.

Всмотрѣвшись въ дѣло глубже и шире познакомившись съ новѣйшей литературой чеховъ, изслѣдователь замѣчаетъ удивительную разницу во вкусахъ русской и чешской интеллигенціи. Наша публика такъ мало наклонна къ отвлеченнымъ вопросамъ, къ философствованію въ области таинственнаго и непонятнаго въ природѣ и человѣкѣ, что явиться передъ ней съ книжкой, всецѣло посвященной глубочайшей сути вещей и раскрытію сокровеннѣйшихъ тайниковъ человѣческаго духа,— почти немыслимое дѣло, особенно еще, если въ такія области пускается поэтъ и, соединяя рефлексъ съ причудами фантазіи, облекаетъ результаты своихъ экскурсій по сферамъ трансцендентальнаго въ изящную форму стихотворныхъ картинокъ. О такомъ поэтѣ у насъ, въ Россіи, навѣрно отозвались бы

крайне неблагосклонно и, конечно, едвали стали бы его читать. Между тѣмъ въ Чехіи не тольхо Верхлицкій, но многіе другіе поэты посвящаютъ себя этому роду стихотвореній и пользуются успѣхомъ. Въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ за 1882 г. былъ мною представленъ краткій анализъ „космическихъ пѣсенъ“ Я. Неруды, тоже даровитаго поэта, и читатели могли видѣть, до чего доходила фантазія этого писателя; и въ то время, какъ многіе у насъ отвергали всякое поэтическое достоинство въ этихъ пьесахъ или находили ихъ излишне скучными, въ Чехіи онѣ имѣли довольно большой успѣхъ. Кромѣ многихъ другихъ поэтовъ, писавшихъ въ этомъ духѣ, отдалъ дань общему направленію и даровитѣйшій изъ поэтовъ новой школы, глава новѣйшей чешской поэтической литературы, Витѣзславъ Галекъ, которому, между прочимъ посвящены и разбираемыя нами теперь стихотворенія „Зъ глубинъ“.

Что же это значитъ? Едвали красота формы, изящество языка, доведенное у поэтовъ этого направленія до совершенства, могли имѣть такое вліяніе, помимо содержанія, какъ нерѣдко склонны думать у насъ въ Россіи. (Такое мнѣніе, напримѣръ высказано и г. Пыпинымъ въ его извѣстной книгѣ „Исторія славянскихъ литературъ“). Мнѣ, напротивъ, кажется, что самое развитіе общества, болѣе наторѣлаго въ отвлеченномъ мышленіи и болѣе знакомаго съ такимъ корифеемъ европейской литературы, какъ Викторъ Гюго, чѣмъ общество рус ское,—вотъ что служитъ причиной указаннаго явленія. Мало понятное съ перваго взгляда, это явленіе дѣлается однако вполнѣ яснымъ при сравненіи чешской интеллигенціи съ русской: первая находится подъ большимъ вліяніемъ космополитическаго духа французской поэзіи и легко витаетъ въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ; русская же публика давно уже пошла по болѣе реальному пути и отъ поэзіи требуетъ совершенно иного: прежде всего — трезваго отношенія къ современности или, покрайней мѣрѣ, сюжетовъ легко осязаемыхъ, живыхъ и національныхъ. Мы лично склонны думать, оставляя въ сто-

ронѣ вопросъ о большей или меньшей степени развитія, что русская литература, предлагая публикѣ поэтическое изображеніе дѣйствительно жизненныхъ явленій, стоитъ вообще на болѣе правильной почвѣ, чѣмъ чешская, и что послѣдняя скорѣе оставитъ свой космополитическій характеръ, образовавшійся подъ особенными историческими и общественными вліяніями, и перейдетъ къ національнымъ вопросамъ, чѣмъ русская броситъ свой жизненный характеръ для отвлеченной поэзіи. И дѣйствительно, въ послѣднее время у чеховъ замѣчается стремленіе къ національнымъ сюжетамъ въ поэзіи, и критика настраивается на новый ладъ, неблагопріятный для прежней рефлектирующей, идеально-отвлеченной поэзіи. Названную книжку мы взяли предметомъ нашего анализа, какъ особенно выдающееся явленіе этой поэзіи.

Книжка Я. Верхлицкаго состоитъ изъ 4 отдѣловъ, каждый съ соотвѣтствующимъ эпиграфомъ.

Вотъ эпиграфъ къ первому отдѣлу.

Мнѣ была природа енъ зрцадлемъ мего смутку. Я снажилъ се проникнути еи тае, авшакъ похопилъ йсемъ пузе сласт а грӯзу упльнего зничени, ктере насъ оба очекава. Я миловал іи, яко милуе вѣзень шумъ стромӯ за окны свего жаларе; я млувилъ къ ни, яко онъ говори се стины, мигаицими се по здихъ.

Природа была для меня лишь отраженіемъ моей скорби. Я силился проникнуть въ ея тайны, но постигъ лишь сладость и вмѣстѣ ужасъ полнаго уничтоженія, ожидающаго насъ. Я любилъ ее, какъ узникъ любитъ шумъ дерева за окнами своей темницы; я говорилъ къ ней, кагъ онъ говоритъ съ тѣнями, мелькающими по стѣнамъ.

(Изъ неоконченной новеллы).

Уже изъ этого эпиграфа можно видѣть основный характеръ міровоззрѣнія автора, проникающій всѣ пьесы перваго

отдѣла: это тоска по непрочности бытія, по невозможности познанія таинъ природы, которая сама вмѣстѣ съ человѣкомъ должна подвергнуться небытію. Все, чего можетъ достичь наблюдатель таинственнаго въ мірѣ, сводится къ простому сближенію явленій природы съ сокровеннѣйшими чувствованіями созерцателя-человѣка, къ объясненію ихъ съ помощью этихъ явленій, дающему къ тому же возможность образнаго представленія психическихъ моментовъ. Преобладающее чувство въ названныхъ пьесахъ, да и вообще во всемъ сборникѣ,— это полная неудовлетворенность существованіемъ, непрочнымъ и безцѣльнымъ, и, какъ результатъ ея,—глубокая, безъисходная тоска. Поэзія до болѣзненности тоскливая, до безнадежности грустная! Возьмемъ, напр., хоть стихотвореніе „*В черванцихъ*" (черванки — облака, окрашенныя заходящимъ или восходящимъ солнцемъ), гдѣ постепенно слабѣющій пурпуръ заходящаго солнца напоминаетъ поэту его собственную судьбу, его безъ слѣда прошедшій по земному поприщу духъ. Послѣднія строки положительно прекрасны по силѣ и страстности элегическаго чувства:

Снемъ естъ му животъ, ласкы нени въ нѣмъ,
Не доуфа въ небе а невѣри въ земъ,
Ни силы нема зептатъ се, прочъ жилъ,
Ни одвагы засъ новый гледатъ цилъ,
Ни вůле зпланутъ огнѣмъ послѣднимъ!

т. е. Его (т. е. духа поэта) жизнь—сонъ, въ ней нѣтъ любви.
Нѣтъ надежды на небо, нѣтъ вѣры въ землю,
Нѣтъ силъ спросить, зачѣмъ онъ жилъ,
Нѣтъ отваги искать новой цѣли,
Нѣтъ воли сгорѣть послѣднимъ огнемъ!

Мы попробуемъ коротко передать суть болѣе важныхъ пьесъ, чтобы представитъ читателю нагляднѣе характеръ міросо-

зерцанія автора, его „глубинной" поэзіи. Конечно, эта передача сюжетовъ пьесъ—слишкомъ слаба и ничтожна, сравнительно съ чтеніемъ ихъ въ подлинникѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить его; но за невозможностью для меня представить лучшія стихотворенія въ удовлетворительномъ стихотворномъ переводѣ, приходится довольствоваться и такимъ ознакомленіемъ читателей съ стихотвореніями. Нечего и говорить уже о томъ, что на читающаго въ подлинникѣ особенно сильно дѣйствуетъ прѣкрасный, удивительно выработанный и сильный языкъ г. Верхлицкаго и изящный въ высокой степени стихъ его; (стихомъ Верхлицкій владѣетъ прекрасно, какъ настоящій мастеръ своего дѣла, и не стѣсняется размѣромъ его), но обаяніе отъ языка, какъ извѣстно, пропадаетъ не только въ пересказѣ но и въ самомъ превосходномъ переводѣ. Слѣдовательно эту сторону дѣла приходится оставить совсѣмъ безъ вниманія.

Смыслъ первой половины *первой* пьесы тотъ, что жизнь наша, словно неизвѣстно куда ведущая дорога, невѣрна и темна; во второй половинѣ разсказывается, какъ поэтъ, разведя въ лѣсу огонь для защиты отъ волковъ, забылъ объ ужаснѣйшемъ волкѣ подъ луной, о собственной совѣсти.

Во второмъ стихотвореніи: „Опуштѣный" (покинутый) изображается тоска одинокаго камня на днѣ озера, въ водной пустынѣ: надъ нимъ бѣлѣетъ роза, рѣзвится мотылекъ, свѣтитъ яркое солнце, или же блѣдный мѣсяцъ серебритъ окрестность, а онъ, оставленный всѣми, не можетъ наслаждаться этими чудными красотами природы.

Четвертая пьеса „*У езера*" переноситъ насъ въ такую же сферу одухотворенной природы. Поэтъ находится надъ озеромъ, тишина котораго напоминаетъ ему успокоенную боль сердца. Тростникъ, нагибающійся къ водѣ, тѣни, волнующіяся надъ гладью озера, бѣлыя облачки на синемъ небѣ — все это приводитъ ему на мысль тяжелыя думы, разбереживающія

боль сердца; блѣдный лучъ мѣсяца, ищущаго въ лѣсу спящую лань—это образъ мертвой любви въ сердцѣ поэта.—

Суть слѣдующаго стихотворенія: „*Такъ самъ!*“ такова. Пока спитъ рѣка, и сонъ сковалъ и мельничныя колеса, и весь міръ, — въ сердцѣ поэта царитъ блаженное спокойствіе. Но вотъ проснулся вѣтерокъ, листва запѣла одну пѣсню, рѣка—другую—и поэтъ уже опять почувствовалъ вполнѣ свое одиночество, благодаря такому движенію и жизни въ природѣ.—

Таинственная бесѣда поэтической души съ природой, молчаливой для неумѣющихъ понимать ея языкъ, составляетъ содержаніе стихотворенія „Одповѣдь“ (Отвѣтъ). Въ лѣсной чащѣ при лунномъ свѣтѣ поэтъ задумался о будущей жизни и спрашиваетъ у лѣса, не служитъ ли земная жизнь лишь прелюдіей къ будущей. Но вмѣсто отвѣта на лицо его упалъ лишь влажный листокъ *).

Въ такомъ же родѣ, т. е. съ выраженіемъ таинственнаго сочувствія къ гибнущей природѣ, и пьеса „На мытинѣ“ (на порубкѣ). Срубленный лѣсъ производитъ на поэта угнетающее впечатлѣніе, напоминая собою, при гробовой тишинѣ, поле битвы.... А прежде, пока не пришелъ человѣкъ, и здѣсь цвѣла природа и была полна жизни и красоты... (срв. впечатлѣнія нашего С, Аксакова въ его статьѣ „Лѣсъ“).

„*Зимой*“. Это небольшое стихотвореніе приводится здѣсь цѣликомъ, такъ какъ, при маломъ объемѣ, оно все таки недурно характеризуетъ меланхолическую грусть поэта по малоцѣнности и ничтожествѣ жизни.

Стромъ о вше листи олупены (й),
Якъ жебрал бы тѣ о милост—
Гле, то муй животъ безъ вши цѣны
И надѣе и красы простъ!

---

*) См. 1-е примѣчаніе къ этому стихотворенію въ концѣ статьи.

—

Кдо въ бурныхъ ноцихъ зимы шере
У кръбу на стромъ взпомене?
А преце зъ него дриви бере
До гаснуциго пламене...

т. е. Дерево, лишенное всей листвы, словно молитъ тебя о любви: то моя жизнь, лишенная надежды и красы, жизнь безо всякой цѣны.
И кто въ бурныя ночи сѣдой зимы вспомнитъ у камелька о деревѣ? а все таки изъ него же потомъ беретъ дрова для гаснущаго пламени....

Въ слѣдующей пьесѣ „Таемстві лѣса“ (тайна лѣса) авторъ замѣчаетъ въ природѣ глубокія таинственныя думы и одухотворяетъ ее вообще до того, что въ концѣ концовъ замѣчаетъ:

„Я мльчкы зирамъ коль	Я молча озираюсь вокругъ
А цитимъ въ душе глуби,	И чувствую въ глуби души,
Якъ съ моимъ болемъ снуби	Какъ съ моей болью обручается
Се еи велькы(й) боль!...	Ея (т. е. природы) великая боль!

Въ стихотвореніи „Къ вечернимъ облакамъ“ суть дѣла такова:

Поэту непонятно, зачѣмъ облака несутся съ юга на хладный сѣверъ, и онъ торопитъ ихъ воротиться назадъ и, если можно, взять и его съ собой, чтобы безъ радостей и горя, подобно имъ, безстрастно, онъ могъ плыть надъ землей въ яркомъ блескѣ.

Заходъ солнца напоминаетъ поэту, что и его солнце уже клонится къ западу; въ тоскѣ и пустотѣ сердца онъ старается утѣшиться хотя чужимъ счастіемъ или въ воспоминаніи о быломъ добыть новыя сылы, освѣжиться сладкой надеждой. „О прошедшее, дщерь былаго счастья, домашній очагъ дав

нихъ воспоминаній..... воспламенись опять, чтобы капнула слеза, и сильнѣе забилось мое сердце!"... восклицаетъ поэтъ со всѣмъ жаромъ сильной души.

«Въ туманѣ». Это стихотвореніе состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, психическое содержаніе коихъ имѣетъ то либо другое отношеніе къ туману, какъ физическому явленію. „О если бы сердце", восклицаетъ поэтъ: „хоть на минуту забылось во тьмѣ воспоминаній, какъ мѣсяцъ расплывается въ туманѣ! И далѣе:

Къ модлитбѣ ночни гавранъ въ мраку вола,
Земь облекла се въ рухо смуткове,
Олтар̆емъ еимъ—тато скала гола,
Дымъ зъ обѣти—то слупы мльгове

—

Посватне тихо... пламен шлегне выше
То черванкŷ естъ руда заплава..... и проч.

т. е. Къ ночной молитвѣ взываетъ воронъ во мракѣ,
Земля облеклась въ горестную одежду (*рухо* сравн. рус. рухлядь)
Алтаремъ для нея служитъ та голая скала,
Дымомъ жертвеннымъ—волны (собств. столбы) тумана.

—

Святая тишь...- пламя загорается въ высотѣ:
То багровыя волны облаковъ....

И далѣе опять туманъ представляется фантазіи поэта покровомъ, плащемъ, окутанная которымъ земля стоитъ, словно кающаяся женщина предъ алтаремъ. Вздохи ея—это жалоба вѣтра, слезы—падающія звѣзды....

Измученный неутомимою скорбью, поэтъ желалъ бы остановиться навсегда въ нѣмомъ изумленіи посреди таинствъ природы, пока геній міра, пролетая въ туманѣ, не коснется его звѣзднымъ крыломъ. „Но къ чему лелѣять мнѣ такія грезы

въ своей больной головѣ? Вѣдь, не будучи въ состояніи вырвать безсмертіе у неба, что я болѣе, какъ не осенній туманъ?"

Вообще во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ пьесы „въ туманѣ", авторъ постоянно переплетаетъ одухотворенныя его фантазіей явленія природы съ собственными чувствованіями и мыслями и нерѣдко достигаетъ замѣчательнаго изящества и граціозности въ своихъ образахъ. Такова, напримѣръ, картинка молящейся земли, словно кающейся грѣшницы, и ея жертвоприношенія.... Этимъ стихотвореніемъ и оканчивается первый отдѣлъ.

Эпиграфъ ко второму отдѣлу гласитъ слѣдующее: „Тужиме по правдѣ а налезаме неистоту; гледаме штѣсти а налезаме біду а смьрть" (Паскаль); т. е. мы скорбимъ о правдѣ и находимъ невѣрность; ищемъ счастія и находимъ бѣду и смерть.

И въ этомъ отдѣлѣ мы будемъ держаться прежней системы—говорить объ авторѣ по возможности словами его самого, приводя отрывки цѣликомъ или же лишь излагая суть дѣла въ болѣе цѣнныхъ пьесахъ.

Замѣтимъ, впрочемъ, что для того, чтобы не утомить читателя, мы въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ уже будемъ вообще скупѣе на выписки и строже въ выборѣ пьесъ для передачи ихъ основныхъ идей, картинъ и выраженій, потому что, по нашему мнѣнію, подробный разборъ первыхъ двухъ отдѣловъ почти достаточенъ для характеристики поэтическаго міросозерцанія нашего автора и для эстетической и философской оцѣнки его книжки „Зъ глубинъ".

Кромѣ того, въ послѣднихъ двухъ отдѣлахъ характеръ поэзіи нѣсколько иной и касается болѣе понятныхъ чувствованій. Передавши кратко суть дѣла въ послѣднемъ (четвертомъ) отдѣлѣ, мы прямо обратимся къ заключительному обзору особенностей поэтическаго таланта Верхлицкаго, насколько они обнаруживаются изъ его стихотвореній „Зъ глубинъ".— „*Запоменутымъ*" (забытымъ). Стихотвореніе посвящено забы-

тымъ, непризнанымъ въ свое время, геніямъ, судьба которыхъ приводитъ поэта въ ужасъ:

„О грозны(й) удѣл: мусетъ жити
А безъ паматкы умиратъ,
А търгатъ штѣсти, ласкы квити,
А имъ си еномъ ракевъ стлатъ!
О грозны(й) удѣлъ: съ мысли вр̆елоў
Бытъ мразнымъ свѣта виремъ гнанъ,
До̆мкнутъ се выше души смѣлоў,
А пр̆еце умр̆итъ—непознанъ! и пр.

т. е. О, грозный удѣлъ: быть обязану жить и умирать безъ воспоминаній, срывать цвѣты счастія, любви и устилать ими себѣ лишь гробъ! О, грозный удѣлъ: съ пылкой мыслью—быть гониму морознымъ вихремъ свѣта, коснуться смѣлой душой самой выси и все же умереть неузнаннымъ! и пр.

Изъ послѣдующихъ стиховъ въ этой пьесѣ особенно хороши слѣдующіе, запечатлѣнные чрезвычайно мужественной силой чувства.

Вы вѣштци, божствимъ осълнѣни,
Имжъ осудъ клетбу въ удѣлъ далъ,
Вы пѣвци глухыхъ! Ваше пѣни
Зда нашло тамъ свуй идеалъ?
Вшакъ блазе вамъ! Цо е та слава,
Ежъ намъ пр̆ипада за користъ?
Квѣтъ нерозвитъ, енжъ опадава,
Есенѣ вихремъ гнаный листъ;
Е струна, ктеру часъ пр̆етина,
Бы не знѣлъ нoци еи квилъ.... и пр.

т. е. Вы, пророки, ослѣпленные божественностью, которымъ судьба дала въ удѣлъ проклятіе, вы, пѣвцы глухихъ! ваше пѣнье нашло ли тамъ свой идеалъ? Но благо вамъ! что

эта слава, которая къ намъ попадаетъ за корысть? Цвѣтъ неразвившійся, опадающій, листъ, гонимый вихремъ осени;—струна, которую разрываетъ время, чтобы жалоба ея не раздавалась въ ночи.... и пр.

Поэта утѣшаетъ самая призрачность и мимолетность славы. Что она предъ тѣмъ духомъ непризнанныхъ ґеніевъ, который продолжаетъ жить „на волнахъ минулости". „Я знаю, что приплыву то: е въ вашу пристань, думаетъ поэтъ, „лечъ сила ма а мое *хтѣни*—ты незагину (тъ), якъ муй духъ" т. е. но сила моя и мое *хотѣніе* (воля)—онѣ не изчезнутъ, подобно моему духу.

Далѣе слѣдуетъ прекрасное стихотвореніе: „Къ чиши" (Къ чашѣ). Вся пьеса проникнута глубокой меланхоліей, навѣянной безсиліемъ человѣка въ достиженіи имъ счастья. Есть у поэта прекрасная чаша, наполненная драгоцѣннымъ виномъ (аллегорическое представленіе тѣла и души возлюбленной поэта)—и вдругъ она отнимается и уносится къ небесамъ. Набросился бѣднякъ на „чашу правды", но тайная рука и ее взнесла въ вышину.

Тамъ въ черванцихъ часемъ зирамъ злате еи крае
А гвѣздами місто перелъ вино еи грае.

т. е. Тамъ въ облакахъ временами я вижу ея края, и вино сверкаетъ звѣздами вмѣсто перловъ.

Дармо жеграмъ одъ те добы на тенъ осудъ клеты(й),
Енжъ до небе чиши стави а на земи реты;
Такъ высоко праменъ влагы а такъ низко уста,
Же чимъ вышъ тенъ погаръ правды, тимъ вицъ жизень взруста....

т. е. Напрасно браню я съ той поры свою проклятую судьбу, что ставитъ чашу на небѣ, а на землѣ помѣщаетъ губы; такъ высоко источникъ влаги и такъ низко уста, что, чѣмъ выше эта чаша правды, тѣмъ болѣе возрастаетъ жажда.

Осталось бѣдняку одно: прикоснуться устами къ настоящей, неаллегорической чашѣ и погасить въ ея содержимомъ свою безъисходную тоску....

„Зъ корчмы живота“ (изъ корчмы жизни)—своеобразная пьеса, полная аллегорій, съ „корчмой жизни“ на распутьи (т. е. между молодостью и старостью), съ пиромъ въ ней безтолковымъ и полнымъ всякихъ отравъ и, наконецъ, съ рыцаремъ-смертью, преспокойно убирающимъ вонъ упоенныхъ безобразной оргіей гостей....

Слѣдующее стихотвореніе „Ночни навштѣва“ (ночное посѣщеніе) настолько замѣчательно по глубинѣ мыслей и изяществу отдѣлки, что я постараюсь передать его нѣсколько подробнѣе.

Поэтъ рисуетъ уединенную бѣдную избушку, въ которой однако хранятся слѣдующія сокровища: двѣ статуи: Байрона, этого генія, постигшаго обманчивыя глубины сердца, и Бетховена, магическаго царя музыки, „бога въ человѣческомъ тѣлѣ“. Статуи помѣщены на шкафахъ, гдѣ братски собраны книги всѣхъ вѣковъ. Надъ кроватью виситъ портретъ чудной женщины, „якыхъ нени (нѣтъ) въ свѣтѣ вицъ“ (болѣе), и, казалось, отъ сверкавшихъ блескомъ статуй, владычествовавшихъ въ избѣ, падали на нее два луча. Надъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, виднѣется величавое и хмурое изображеніе Данта. Его строгій взоръ, казалось, покоился на открытой библіи, лежащей на столѣ. Далѣе слѣдуетъ въ пьесѣ характеристика библіи, этой вѣковѣчной книги, на которой каждый вѣкъ оставилъ свой неизгладимый слѣдъ, этого дома безъ дверей, гдѣ миръ и простота смѣшаны съ восточной надменностью и пр.

Долго никого не было въ избѣ, и ничей приходъ не нарушалъ долговременнаго покоя геніевъ. Много лѣтъ прошло, пока ихъ уединеніе не было нарушено въ ночную пору поэтомъ,

возвратившимся домой послѣ долгаго отсутствія. Созерцая задумчиво всю величавую обстановку хижины, перенесъ онъ свой взоръ со статуй на библію; долго смотрѣлъ онъ на эту міровую книгу, и въ головѣ его зароились такія мысли: „о, великій пророкъ! Ныньче иной дорогой пробирается нашъ вѣкъ; тотъ адъ, который ты создалъ своимъ умомъ, падаетъ нынѣ подъ ударами науки; рай, поразившій твое воображеніе, таетъ предъ нами въ красахъ природы; просторъ міровъ и эта звѣздная высь не составляютъ уже для насъ тайны, протопчетъ и туда себѣ дорогу человѣкъ и поставитъ свой новый тронъ на тѣхъ звѣздахъ, гдѣ прежде былъ его рай; весь адъ съ его ужасными муками сокроетъ онъ въ свою ненасытную грудь... О, вѣка, человѣчество, куда стремитесь обратной дорогой? Въ туманѣ ваша цѣль!“ *)

Но строгій поэтъ Дантъ, казалось, еще глубже сталъ всматриваться въ міровую книгу, еще болѣе нахмурился, а на

---

*) О, вѣштче великы!
Тедь иноу цестоу бере се нашъ вѣкъ.
То пекло, ежъ јси духемъ выкленулъ,
Се бори тедь подъ вѣды кладивемъ,
Тенъ рай, ейжъ видѣлъ зракъ твуй жаснуци,
Предъ нами тае въ красахъ природы,
А свѣту просторъ и та гвѣздна выш
Намъ нейсу вице дивнымъ таемствімъ,
И тамъ си чловѣкъ цесту проклести;
А въ звѣздахъ тѣхъ, где дрив был его рай,
Цо нейдривъ новый трунъ си постави,
А целе пекло съ мукоу зуфалоу
То узавре въ сву ненасытну грудь...
О вѣкы, лидство, цестоу завратноу
Камъ женете се? Ве мльзе вашъ циль!“

стѣнѣ, при свѣтѣ мѣсяца, будто-бы заколебались тѣ дивныя слова, смыслъ которыхъ нѣкогда узналъ Даніилъ... *).

Гонимый страшной тоской поэтъ бросается вонъ изъ избы, не вѣдая самъ, куда....

Очевидно, въ этой пьесѣ слѣдуетъ видѣть поэтическое выраженіе сомнѣній, тревожившихъ и тяготившихъ умъ поэта во время его стремленій къ отысканію истины, и постоянныхъ колебаній, сопутствовавшихъ ему на этомъ пути.

Далѣе мы встрѣчаемъ стихотвореніе, такъ сказать, гамлетовскаго характера, посвященное загадкамъ загробнаго міра. Озаглавлено оно: „На костру самоврага“ (Къ скелету самоубійцы).

Созерцая бѣлый костякъ—остовъ когда то мыслившаго существа, поэтъ не интересуется знать, чѣмъ былъ онъ когда-то: мущиной или женщиной; онъ силится лишь угадать, куда залетѣлъ духъ, нѣкогда волновавшій страстями угасшее тѣло. Бросаетъ ли онъ въ морѣ убогій корабль съ волны на волну, сплетаетъ ли изъ звѣздъ золотой нарядъ Богу, направляетъ ли въ горахъ полетъ орловъ или руководитъ хищническими намѣреніями льва; дышетъ ли сладкимъ благовоніемъ жасмина или водитъ рукой поэта и пишетъ, быть можетъ, эти самые стихи? И желалъ бы поэтъ лишь одного: чтобы мгновенно ожили эти бѣлыя кости, заблестѣли гнѣвомъ глаза, и духъ, самъ расторгнувшій оковы жизни, могъ снова прогремѣть въ мірѣ своими словами и дѣлами. Поэтъ повѣрилъ бы ему свою мечту и свои грезы и, по его разсказамъ замогильнымъ, привыкалъ бы самъ жить въ гробу....

Пьеса „Надъ пропасти“ (Надъ пропастью)—довольно суха

---

*) Рѣчь идетъ о словахъ, написанныхъ внезапно появившеюся рукой на стѣнѣ во дворцѣ Валтасара, послѣдняго вавилонскаго царя, во время пира: *мани өекелъ фаресъ*! (смыслъ ихъ, какъ извѣстно, слѣдующій: царь, конецъ твоей власти, ты будешь теперь лишенъ ея)! Книга прор. Даніила, 5-я глава.

Примѣч. А. Степовича.

и слишкомъ отвлеченнаго характера. Поэтъ разсказываетъ въ аллегорической формѣ про свою погибель въ борьбѣ съ грозной дѣйствительностью: къ нему явилось какое то таинственное существо и вызвало его на бой смертельный надъ пропастью; погибая въ этой борьбѣ, онъ спрашиваетъ у побѣдоноснаго врага, кто онъ, этотъ страшный таинственный гость, на что полученъ былъ отвѣтъ: „Я демонъ дѣйствительности!"

Въ стихотвореніи „Зпустлы(й) грбитовъ" (Покинутое кладбище), поэтъ сравниваетъ оставленное кладбище, запущенное и лишенное присмотра и порядка, съ своимъ сердцемъ, которое „безъ миленкы, безъ прителе было грбитовъ опуштѣный, пълный смутку, пълный желе" (т. е. безъ милой, безъ друга (пріятеля) было—кладбище покинутое, полное тоски и жалости), и гдѣ надеждой были—пустые гробы, а печалью—кости.

И въ своей поэзіи поэтъ видитъ лишь тѣ же вербы, что тихо склоняются къ могиламъ, надгробные камни, возгласы Прометея да факелы, освѣщающіе поэту путь къ его собственной гибели.

„Morituri" (Долженствующіе умереть).

Пьеса, на нашъ взглядъ, довольно слабая: въ ней почти нѣтъ поэтическихъ образовъ и картинъ, отвлеченные же возгласы и предположенія, конечно, не могутъ замѣнить поэзіи. Къ тому же это стихотвореніе и довольно скучно: слишкомъ ужъ назойливо звучитъ въ немъ отчаянный вопль о неизбѣжности погибели всей природы и всего живущаго, о роковой и неотвратимой катастрофѣ въ будущемъ. „Енъ пій! Енъ пій! то нейлѣпшій естъ лѣкъ въ томъ умирані лінемъ!" восклицаетъ въ концѣ концовъ поэтъ, (т. е. лишь пей, лишь пей! Это наилучшее лѣкарство въ этомъ лѣнивомъ умираніи).

Въ слѣдующемъ стихотвореніи „Свему духу" (къ духу своему), поэтъ опять обращается къ темѣ, видно, очень его занимающей и уже затронутой имъ прежде. Его снова интересуетъ вѣчно мучительный, хотя и праздный, вопросъ о томъ,

откуда къ нему явился его духъ, что онъ прежде дѣлалъ, и что съ нимъ станется дальше. Въ числѣ разныхъ предположеній высказывается, между прочимъ, такое: не былъ ли этотъ духъ раньше въ тѣлѣ жаворонка, послѣ чего, по велѣнію Бога, онъ уже занялъ тѣло поэта? „Божье ли ты дыханіе и сынъ свободы, или такъ же истлѣешь, какъ и послѣдній древесный листокъ? Блуждающимъ ли огонькомъ погаснешь ты во тьмѣ на кладбищѣ или снова возвратишься въ тяготу прежнихъ оковъ и будешь жить въ иномъ тѣлѣ?“

> Си бога дехемъ, сынемъ свободы?....
> Зда спрахнивішъ, якъ листи на стромех?...
> . . . .
> Чи згаснеш блудичкоў въ тмахъ ґрбитовў?
> Чи навратиш се зас въ тіж старыхъ оковў
> А въ инемъ тѣлѣ будеш засе жит....?

Въ концѣ концовъ поэтъ обращается съ просьбой къ своему духу, чтобы онъ воротился хотя бы къ его трупу и возвѣстилъ бы наконецъ, кому служитъ міръ подножіемъ: Богу иль демону (Кдо въ подножі ма свѣтъ, зда бўгъ чи дяс?!

Этимъ стихотвореніемъ замыкается второй отдѣлъ.

Эпиграфъ къ третьему отдѣлу взятъ изъ Ад. де-Мюссе и, подобно прежнимъ двумъ, характеризуетъ содержаніе слѣдующихъ за нимъ стихотвореній. Вотъ онъ: „Нени такъ бідне ласкы, бы немѣла упоминекъ“, т. е. „нѣтъ столь несчастной (собственно „бѣдной“) любви, которая не имѣла бы хоть воспоминаній“. Дѣйствительно, всѣ пьесы этого отдѣла однѣ болѣе, другія менѣе, отмѣчены однимъ общимъ характеромъ воспоминанія, болѣе или менѣе пріятнаго, о былой любви и того состоянія, въ которомъ находится сердце, обратившееся, вслѣдствіе угасшей любви, въ пустыню. Уже изъ этого видно, что затрогиваемая здѣсь сфера чувствованій далеко не въ такой степени непонятна и отвлеченна, какъ та, съ которой мы имѣли дѣло въ первыхъ двухъ отдѣлахъ. Несомнѣнно,

что такая тема, какъ состояніе души, охладѣвшей въ любви, но заполоненной живучими воспоминаніями былаго,—очень жизненная тема, представляетъ общій интересъ и должна быть доступна каждому. Однако нашъ авторъ, по своему обыкновенію, и здѣсь не оставилъ своего таинственнаго, туманно выраженнаго тона и съумѣлъ такую простую вещь, какъ вышеупомянутое чувство, облечь въ браню черезчуръ уже отвлеченно идеальнаго выраженія и слишкомъ возвышеннаго изложенія. Какъ бы то ни было, лично намъ эти стихотворенія понравились гораздо менѣе, чѣмъ предыдущія. Излагать сюжеты ихъ еще труднѣе уже потому, что отъ иныхъ изъ нихъ по прочтеніи не остается почти никакого реальнаго содержанія. Читаешь превыспреннія фразы, отвлеченныя выраженія душевнаго состоянія, изъ которыхъ, напр., узнаешь только, что прошедшая любовь оставила въ душѣ поэта неизгладимые слѣды тоски (2, 3, 4 стихотвореніе *), или его постоянство въ привязанности къ дорогой особѣ (1-я пьеса **) „Отрывки изъ дневника"), или что нибудь другое въ этомъ родѣ.

---

*) Напр. Ты невиш, невиш ани, душе мое драга,
Якъ въ струны сьрдце мего днес ми болест сага!
Такъ дивоце а тескнѣ цос тамъ заквилило...
О бы енъ попраскалы!—Снадъ бы лѣпе было!

(Ты и не вѣдаешь даже, моя душа дорогая, какъ скорбь сегодня касается глубочайшихъ струнъ моего сердца! Такъ дико и тоскливо подняло что то тамъ жалобный вопль... О, хоть бы лопнули эти струны! Все же вѣдь было бы лучше!)

**) Напр. О сладке кузло штястне минулости!
Тыс слунцемъ ноци мыхъ! мыхъ болю тѣха!
А нехть мне осудъ вѣчнѣ гынутъ неха,
Кдыжъ тебе мамъ... я богатый йсемь дости!
(О, сладкое волшебство счастливаго прошлаго! Ты—солнце

Особенной, такъ сказать, страстной тоской, если можно такъ выразиться, дышетъ однако же стихотвореніе „*У твоихъ ногъ*“, полное дѣйствительно сильной, реальной скорби, не выдуманной. Чуть не падая подъ бременемъ житейской борьбы и невзгодъ, поэтъ вспоминаетъ минувшее свое блаженство и теперь „Богъ знаетъ чего бы не далъ только за счастье выплакаться у ея (т. е. своей возлюбленной) бѣлой шеи“. „Вѣрь, говоритъ онъ: теперь я не разстегивалъ бы твоей одежды, какъ дѣлывалъ прежде въ сладкомъ упоеніи любви, когда твои бѣлыя руки защищались, въ то время какъ очи пылали огнемъ страсти. Мой палецъ не игралъ бы болѣе твоими волосами и не блуждалъ бы въ ихъ темныхъ волнахъ, какъ въ тѣ (прежнія) минуты, когда пряди твоихъ волосъ, какъ море, падали на мою голову. Я бы не прикладывалъ болѣе своего уха къ твоему сердцу, чтобы слышать его біеніе, какъ, бывало, въ тѣ ночи, когда знавалъ о нашемъ блаженствѣ лишь мѣсяцъ, выходившій изъ-за горъ *).

ночей моихъ! Утѣшеніе въ моихъ скорбяхъ (собственно: *боляхъ*)! И пусть судьба оставляетъ меня на вѣчную гибель: пока я съ тобой... я достаточно богатъ!).

*) „Вѣр̊, вице быхъ твӱй не розпиналъ шатъ,
Якъ чинивалъ йсемъ въ ласкы сладкемъ снѣні,
Кды бранили се рӱце твое біле,
Ачъ око плало огнѣмъ розтужені.

—

Вѣр̊, вицъ бы неигралъ пьрстъ мӱй съ власемъ твымъ
А неблудилъ вицъ его вьлноӱ тмавоӱ
Якъ въ хвилихъ тѣхъ, кды вьркочӱ твыхъ пруды
Се валилы якъ море надъ моӱ главоӱ.

—

Вѣр̊, я быхъ вице не клад ухо све

Мой духъ уже чуждъ этимъ снамъ и ласкамъ! Ныньче въ твоихъ объятіяхъ я лишь горько бы плакалъ, что вовлекъ тебя, бѣлую голубку, въ эту пропасть тяжкаго, нѣмаго горя“ и проч.

Трагизмъ стихотворенія „ты ҏекнеш“ (ты скажешь) заключается въ признаніи, которое дѣлаетъ поэтъ, утѣшая свою милую въ ея подозрѣніяхъ относительно прочности ихъ любви: онъ доказываетъ невозможность постоянной юной страсти. Такъ онъ съ горестью сознается въ той непріятной истинѣ, что „въ жизни иначе все происходитъ, чѣмъ въ пѣснѣ“ (инакъ е то въ животѣ, нежъ въ пісні).

„Ты скажешь“ говорится въ пьесѣ: онъ меня забылъ;
И съ нимъ такъ будетъ какъ всегда бываетъ.
Вечеромъ въ лиліи блестѣлъ мотыль,
А утромъ сѣрый паукъ себя въ ней скрываетъ....
. . . .
О, чтобы такъ рано забыть онъ смѣлъ *),
Чтобы, какъ пѣсни, истратилъ чувства!-...
. . . .

На твое сърдце, быхъ тлукъ его слышелъ,
Якъ въ ноцихъ тѣхъ, кды знавалъ благо наше
Енъ мѣсицъ, ктеры надъ горамы вышелъ.

—

Тѣмъ снůмъ а грамъ южъ цизи ест мůй духъ
Тедь въ объети твемъ быхъ енъ горче плакалъ,
Же йсемъ въ ту пропаст тѣжкыхъ, нѣмыхъ жалю
Тву души, білу голубици, влакалъ.........

*) Ты истѣ ҏекнешъ: онъ мне запомнѣлъ;
И съ нимъ такъ буде, якъ то вждыцкы бывa,
На вечеръ мотыль въ лиліи се сквѣлъ,
А зъ рана се въ ни шеды(й) павукъ скрыва....

Вложивши такія слова въ уста своей милой, поэтъ изображаетъ состояніе духа свое и ея:

„Вижу тебя, какъ печальнымъ взоромъ ты смотришь на мирту, которую садили мы вмѣстѣ“ *).

„Но я и. самъ мысленно содрогаюсь отъ горя“ говоритъ онъ и совѣтуетъ милой въ пору такихъ тоскливыхъ мыслей прижать руку къ тому сердцу, которое не можетъ никогда забыть былаго счастья, „потому что, гдѣ удѣломъ любви служитъ скорбь, тамъ можно страдать, но отнюдь не забыть **)!

Разумѣется, отъ этихъ истинъ обыкновенной любящей женщинѣ едвали сдѣлается легче, особенно если, какъ это часто бываетъ, ея любовь болѣе непосредственна и постоянна, чѣмъ это чувство съ другой стороны. Поэтъ однако же высказалъ въ поэтической формѣ довольно мѣткое психологическое замѣчаніе, имѣющее приложеніе особенно тамъ, гдѣ дѣло касается такой женщины, которая въ состояніи различить внутреннюю суть дѣла отъ внѣшняго выраженія его....

Тоска по былой любви, по минувшему счастью недурно выражена и въ стихотвореніи „кдыси“ (когда-то). Страдалецъ забрелъ осенью въ густой боръ и, лежа во мху, невольно вырѣзалъ на корѣ древеснаго пня дорогое когда то сердцу имя. Теперь онъ проливаетъ обильныя слезы въ лѣсу, чего, конечно, не сдѣлалъ бы въ водоворотѣ свѣтскаго бала, среди бархата, танцевъ и ликованій.

О, же такъ загы запоменут смѣлъ,
Же, яко писнѣ, промъргалъ све циты!....
. . . .

*) Видимъ тѣ, якъ зракемъ трухливымъ
Зриш на мирту, ижъ сазели исме сполу.

**) Небъ, где е болест ласкы дѣдицтвімъ,
Тамъ търпѣт льзе—вшакъ никды запоменут!“

Тутъ же, въ этомъ лѣсу, къ чему удерживать свои чувства?... вѣдь тутъ всякій свободенъ отъ стѣснительныхъ свѣтскихъ условій и приличій, заставляющихъ его скрывать свои чувства, лукавить предъ собой и предъ другими! Но здѣсь, въ лѣсу,

ты можешь вспоминать, ты можешь быть дитятей,
Здѣсь можешь ты любить и можешь ненавидѣть!
(Зде му̊жеш вспоминат, зде можеш дѣцкемъ быть,
Зде му̊жешь миловат и ненавидѣт)!

Съ такими мыслями мученикъ любви рѣшается не уничтожать вырѣзаннаго на пнѣ имени, дорогаго, обоготвореннаго: можетъ быть, оно не изчезнетъ и до весны, и тогда голубой колокольчикъ, быть можетъ, покажется подъ нимъ во мху, прилетитъ въ маѣ мотылекъ, птичка и золотая пчелка, а съ ними и вся поэзія лѣса! О, пусть уже остаются дорогія эти черты!

Можетъ быть, придетъ нѣкогда путникъ усталый
И здѣсь же во мху увидитъ сладкій сонъ,
Какъ онъ любилъ и какъ былъ счастливъ когда-то*)!

---

*) О, нехъ южъ въ кмену покацене брызы
Стат еи йменó драге, збожнёване,
Снадъ, еще яремъ.зъ него не вымизи,
Снадъ, модры(й) звонекъ въ меху подъ нимъ встане,
. . . . Снадъ, тежъ въ маи
Семъ слетне мотыль, птакъ и злата вчела
А съ ними лѣса поэзіе цѣла!
О, нехъ южъ стати драге тыто рисы!
Снадъ, п̊риде нѣкды путникъ унавевъ
А въ меху зде снит буде сладкій сенъ,
Якъ миловалъ а якъ былъ штястнымъ—кдыси!...
. . . .

Изъ прочихъ пьесъ этого отдѣла болѣе другихъ по глубинѣ мысли и тонкости выраженія обращаетъ на себя вниманіе послѣдняя, подъ заглавіемъ „Беллядонна“; эпиграфомъ къ ней служитъ извѣстный стихъ нашего знаменитаго поэта Лермонтова, переданный по чешски слѣдующимъ образомъ:

А миловат—на часъ—то невдѣчны трудъ,
А миловат вѣчнѣ льзе нени!
(Любить.... но кого-же? На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Изъ стихотворенія „И скучно и грустно“).

Это стихотвореніе достойнымъ образомъ завершаетъ собой третій отдѣлъ, потому что содержитъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всю безъисходную горесть, всю скорбь, накопляющуюся въ душѣ человѣка отъ сознанія невозможности счастія на землѣ, непрочности любви, непостоянства привязанностей: на часъ любить—не стоитъ, вѣчно нельзя; притворяться въ постоянствѣ любви — пошлая и безполезная ложь. Что же другое, кромѣ озлобленія и презрѣнія къ этой бѣдной жизни, можетъ въ концѣ концовъ занять умъ и чувство впечатлительнаго человѣка? Все, что осталось недосказаннымъ въ прежнихъ пьесахъ или же подразумѣваемымъ, вся неудовлетворенность, стушевывшаяся въ нихъ нерѣдко предъ выраженіемъ болѣе спокойныхъ чувствованій, болѣе отрадныхъ мыслей, въ „Беллядоннѣ“ прорвалась со всей силой, со всей страстью и выдала нашего поэта цѣликомъ: Верхлицкій такъ и виденъ весь со своей тоскливой и туманной поэзіей, со своимъ горькимъ чувствомъ неудовлетворенности.

„Голова моя уже устала отъ поцѣлуевъ,
Эта чаша лжи давно допита до дна,
А смятенный жаръ, пылающій въ моей груди
Твоя слеза легко угаситъ!

—

Себя я не виню, ни времени, ни свѣта,

Богъ знаетъ, нынѣ я бы ужаснулся блага!
И упрекъ не сорвется съ моихъ устъ,
И вѣрить отказывается душа.

—

Скажи сама, начто же намъ любить,
Когда въ любовь мы ужъ не вѣримъ?
Начто искать пріюта тамъ, гдѣ натискъ и буря,
Гдѣ счастливъ тотъ, кто въ гробѣ спитъ?

—

Начто . . . .
Эта скучная жизнь, что бѣдный пиръ,
Гдѣ чувствуешь лишь голодъ и жажду,
Гдѣ угасающее пламя чувствъ
Для вѣчности никогда не раздуешь;

—

Гдѣ щитъ найдешь—въ концѣ борьбѣ,
Когда изъ слабыхъ рукъ твоихъ ужъ выпалъ мечъ;
Гдѣ цвѣты, что хотѣлъ бы имѣть въ волосахъ,
На смѣхъ выростаютъ на твоей могилѣ.

—

Зачѣмъ же твоя рука вкругъ моей головы
Возноситъ кровавую розу любви?
Зачѣмъ этотъ восторгъ? Съ меня довольно слезы—
Я успокоюсь съ иммортелемъ! *).

---

*) Ма глава естъ јіжъ одъ полибкў мьдла,
Тенъ погаръ кламў давно допитъ на дно;
А матный жаръ, енжъ въ груди моїі пла—
Тва сльза угаси ей снадно!

—

Я себе не винимъ, ни часъ, ни свѣтъ,
Бўгъ ві, я быхъ се дѣсилъ нынп блага!

Не правда ли, читатель, Лермонтовская канва разработана здѣсь съ новой силой, яркостью и энергіей чувства? Впрочемъ, это вѣчно юная и вѣчно новая тема!—

„Ден ведле дне, цо глухы(й) квѣтъ,

Квѣтъ дивокего (дикаго) маку! (I. Неруда)“—гласитъ эпиграфъ къ четвертому отдѣлу, заранѣе указывая намъ поэтическія воззрѣнія нашего автора на категорію времени въ жизни природы и человѣка. Между отдѣльными моментами этой жизни онъ не видитъ живой, органической связи, гармоническаго сосласія. Что можетъ быть противоположнѣе невинной, поэти-

---

Ни вычиткоу̊ се непогне му̊й ретъ,
Му̊й духъ и дуфати се здрага!

—

О сама рци, начъ маме миловатъ,
Кдыжъ въ ласку ани сами не вѣ̊риме
Начъ гледатъ азиль тамъ, где бу̊р а хватъ,
Где штястнымъ, кдо енъ въ гробѣ д̊риме?

—

Начъ . . . .
Тенъ нудны животъ—праздна гостина,
П̊ри ктере еномъ гладъ а жизень цитиш,
Где циту̊ пламен, кторый згасина,
Про вѣчност никды не рознитишъ;

—

Где найдеш штитъ на konцi запасу,
Кдыжъ зъ рукы слабе выпаднулъ мечъ тобѣ;
Где квѣты, ежъ жи хтѣлъ митъ до власу̊,
Выросту въ посмѣхъ на твемъ гробѣ.

—

Начъ теды коль ме скранѣ отачи
Тва рука ласкы ру̊жи зкрвавѣлу?
Начъ запалъ тенъ?—Мнѣ сльза достачи—
Я спокоимъ се съ иммортелоу̊!

ческой поры въ жизни человѣка—юности, поры, полной идеальныхъ мечтаній и свѣжаго, бурнаго вдохновенія,—со старостью, даже зрѣлостью—временемъ, когда теряется все, что было благороднѣйшаго и чистѣйшаго въ человѣкѣ, и замѣняется горькой опытностью, разочарованіемъ, удаленіемъ отъ идеала и неодолимой тоской по далекой, чистой юности?

Естественно, что при такихъ условіяхъ мысль о смерти, какъ освобожденіи человѣка отъ жалкихъ и скучныхъ узъ тѣлесной жизни—дѣлается часто излюбленной мечтой впечатлительной натуры.

Наблюденію надъ теченіемъ и складомъ человѣческой жизни, надъ взаимнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ ея моментовъ, надъ результатами стремленія человѣка къ познанію, надъ средствами, помощью которыхъ онъ и въ здѣшней жизни можетъ добиться полной свободы нравственной и чистоты (таково, напр., какъ увидимъ ниже, удаленіе изъ среды людей въ сферу жизни природы и поэтическаго творчества)—всему этому большею частію посвящены стихотворенія, открываемыя вышеуказаннымъ эпиграфомъ такого безотраднаго характера.

Первая пьеса этого отдѣла называется „Удеř въ струну" (Ударь въ струну) и по мысли особенно близка къ эпиграфу: „Проходятъ волнами дни за недѣлями среди смѣха, среди плача, такъ что струна пѣсни не въ состояніи связать ихъ въ одинъ букетъ" *). И при такой, такъ сказать, хаотичности времени, безсвязной быстротѣ его полета, производящей на поэта удручающее впечатлѣніе, вслѣдствіе невозможности для него связать всѣ мчащіеся моменты въ одно цѣлое, все, однако, въ природѣ взываетъ къ нему: ударь въ струны, воспой

---

*) А вльнами дни за тыдни
Мину въ смиху, мину въ плачі
Же е свазатъ до кытице
Струна зпѣву непостачи.

въ сладкихъ звукахъ живущее. „Усталое око на небесномъ щитѣ схватываетъ тайныя руны молній; воздухъ колеблется отъ дикаго шума: ударь въ струну, ударь въ струну!“ . . . .

А тутъ опять блескъ обольстительныхъ очей, отъ ужасной тоски по которымъ могъ бы умереть: для нихъ какъ не измѣнишь свою задумчивую пѣсню на восторгъ любви!

И вотъ уже прелестныя руки плетутъ для меня вѣнокъ изъ розъ, и сквозь дѣвичій смѣхъ раздается, словно громъ: ударь въ струну, ударь въ струну!“ *).

Слѣдующее стихотвореніе „Выкупені“ (освобожденіе, искупленіе) интересно со стороны энергическаго провозглашенія того аскетизма, въ которомъ поэтъ находитъ единственно возможное освобожденіе отъ всѣхъ горестей и видитъ чуть ли даже не самое безсмертіе (?!)

Въ первыхъ трехъ строфахъ излагаются льстивыя рѣчи,

---

*) Око мьдле на штиту небесъ
Стига блеску̊ тайну руну,
Въздухъ се хвѣе шумемъ дивымъ:
Удеꙋ въ струну! Удеꙋ въ струну!

—

. . . .

—

А засъ лескемъ свꙋ̊дныхъ очи,
По нихъжъ мрелъ бысъ тугоꙋ̊ дивоу,
Имжъ бысъ въ ясотъ ласкы змѣнилъ
Писень свои задумчиву.

—

А гле, южъ ми краснѐ руце
Рꙋ̊же плету на коруну,
А въ сміхъ дівчі зни то громемъ:
Удеꙋ въ струну! удеꙋ въ струну!

которыми поэта стараются завлечь къ шумной жизни среди людей и ихъ вседневной суетѣ. „Зачѣмъ тебѣ жить въ тьмѣ и томленіи, зачѣмъ безъ друзей, безъ любви хочешь ты идти, все одинъ и одинъ? Посмотри, близится старость, снѣга падаютъ на сердце, и жизнь скоро раскрошитъ берега твоихъ сновъ и раевъ“ *) и пр. Въ остальныхъ девяти строфахъ мы видимъ гордый отвѣтъ поэта на всѣ эти угрозы и обольщенія, изъ котораго обнаруживается, что природа и поэзія—вотъ сферы, въ которыхъ желаетъ остаться поэтъ; все же прочее отвергается имъ съ презрѣніемъ: Мнѣ ваша дружба—что вампиръ въ затылкѣ, а ваше гнусное сочувствіе—что слезы крокодила“ . . . .

Мое счастье въ природѣ! Съ той поры, когда западъ горитъ въ золотѣ, когда въ чудесномъ смѣшеніи роятся тѣни, локоны на челѣ вечера, повязанномъ діадемой мѣсяца, когда таинственная рука пробирается въ сумракѣ лѣса—и до той поры, пока дерево поетъ въ шелестѣ листьевъ свои гимны, а мохъ чародѣйственно повѣствуетъ, пока княжна ночь возсядетъ на блестящемъ тронѣ изъ звѣздъ! (Далѣе указывается наслажденіе днемъ среди живущей и блещущей сіяніемъ природы).

А въ звѣздныя ночи, когда все движеніе на землѣ притаилось—потонуть мыслью въ той величайшей поэмѣ, которую

---

*) . . . . . Начъ жити тмоу а стескемъ,
Безъ přатель, безъ ласкы хцешъ ити самъ а самъ?
О, погледь, старî иде, на сьрдце падну снѣгы,
А животъ пôдмеле твыхъ снůвъ а рајů брегы.....
и проч.

**) Мнѣ ваше přательстві—якъ упиръ седи въ тылу,
Мнѣ гнусный суцітъ вашъ—и сльзы крокодилů...
. . . .
Ме штѣсті въ přироде! Кдыжъ запад гоřи златем,
На челѣ вечера мѣсице спонкоў спятемъ

сложилъ геній міра, въ этомъ вихрѣ золотыхъ міровъ погрузиться, какъ изчезаетъ капля въ морѣ, увидѣть спящую природу, поцѣловать край ея ризы и искать вдохновенія и новаго довѣрія: вотъ единственная жизнь! Здѣсь пѣнится бокалъ счастія! Въ этомъ превыспреннемъ полетѣ—освобожденіе отъ страданій, само безсмертіе, въ которомъ и я имѣю вѣчную долю! И я восклицаю восторженно среди скорбей: Моя кипучая душа живетъ лишь для тебя, природа, и для тебя, поэзія! Все прочее я презираю!“

Нѣкоторыя стихотворенія этого отдѣла слишкомъ ужъ отвлеченны. Таково напримѣръ, пятое*)—чисто философскаго характера, сухое и реторическое (вотъ основная въ немъ идея: стремящійся къ познанію міра духъ не въ силахъ удовлетворить своей жажды, будучи угнетенъ безконечностью су-

---

Кдыжъ стины, кадеҏе се рои въ смѣсиці,
Кдыжъ рука таемна се луди шеремъ гае,
Ажъ гымны шуми стром а мех кузельнe бае,
Ажъ вступи кнѣжна ноц на гвѣздъ трȗнъ заҏици!
. . . .
А въ ноцихъ гвѣзднатыхъ кдыж мѣста рухъ се зтаилъ,
Въ ту басень нейвѣтші, јіжъ свѣта вель духъзбаилъ,
Въ тенъ златыхъ свѣтȗ віръ, въ ту пропаст ееру
Се зтратитъ мышленкоў, якъ въ морі капка мизи,
Зҏит спици пҏироду, лемъ злибат еи ҏизы
А гледат надшені а нову дȗвѣру:
То животъ едины! Зде блага чішъ се пѣни!
Въ томъ взлету къ вышинамъ естъ зъ болјȗ выкупені,
То несмьртельност е, въ нижъ вѣчны удѣлъ мамъ!
И я—самъ въ болестехъ: Ма вруці душе жіе
Енъ тобѣ, пҏиродо, а тебѣ, поэзіе!—
Вшимъ другымъ погърдамъ!“

*) Оно называется „Естъ длоугоў плавбоў цеста къ умѣні („т. е. путь къ знанію—это долгое плаваніе“).

ществующаго въ мірѣ содержимаго); или же третье, гдѣ указывается, какъ горькій житейскій опытъ, сопровождающій превращеніе невиннаго дитяти въ мужа, больше всего способствуетъ появленію и развитію въ человѣкѣ презрѣнія къ жизни и побуждаетъ цѣнить лишь смерть.

Изъ прочихъ пьесъ остановимся нѣсколько лишь на двухъ—трехъ, болѣе интересныхъ въ томъ либо другомъ отношеніи.

Стихотвореніе „Надъ езеремъ" (Надъ озеромъ) замѣчательно тѣмъ, что въ немъ поэтъ невольно обнаруживаетъ чисто стихійную привязанность къ жизни, преодолѣвающую обратное стремленіе къ самоуничтоженію.

„Страшная сушь господствуетъ въ природѣ; земля трескается, птицы повѣсили свои головки въ кустахъ, деревья сожжены небывалымъ зноемъ. Въ жаркій день поэтъ очутился въ лѣсу. Тишина въ немъ, словно все вымерло; лишь изрѣдка гадъ лѣниво проползетъ въ желтой травѣ. Сквозь рѣдѣющую стѣну ольхъ виднѣется озеро, тоже словно заснувшее. Надъ нимъ свѣсились яворъ и букъ, само же оно среди густой растительности является какой-то слезой.... Машинально садится поэтъ на камень и всматривается въ водную равнину. Вдругъ онъ слышитъ словно какой зовъ изъ воды... А, „сегодня тотъ день, когда водная глубь требуетъ своей жертвы" подумалъ поэтъ: (это народное повѣрье вспало ему на умъ) хочешь ли, мое сердце, быть ею? И вотъ вѣтеръ, спавшій въ папоротникѣ, шепчетъ: О, иди, ты и не знаешь, какъ прохладны эти воды. Вотъ волна шумитъ къ волнѣ: это—нашъ новый другъ; какъ я упаду въ его объятія! И тростникъ застоналъ, береза во снѣ киваетъ головой такъ тихо, такъ таинственно!....

„И мнѣ показалось, говоритъ поэтъ, что съ жизнью изчезнетъ для меня все, такъ горестно, такъ рано! Въ эту минуту я чувствую, что моя жизнь, душная, какъ лѣтній день, однообразная, какъ пустыня,—слишкомъ однакожъ для меня дорога!

Уже ночныя тѣни тянутся въ лѣсномъ сумракѣ, а я все сижу въ думахъ надъ озеромъ и надъ цѣлымъ потокомъ мыслей; лишь мѣсяцъ во мглѣ бодрствуетъ надъ пустой загородой, и кроткія лани смотрятъ изъ подлѣска своими большими, влажными глазами... *)

„Свѣтло!“ (Свѣта!) Въ этомъ стихотвореніи изображается, какъ въ яркій знойный день поэтъ увидѣлъ на углу улицы

---

*) Днес е тенъ ден, кды тӯнь сву обѣтъ жада,
—Такъ ліду бай се въ моjі мысль вкрада—
Хцешь іи, ме сърдце, быти?

—

Ту вітьръ шепче, енжъ спалъ ве капраді:
„О, пойдь, ты не віш, якъ та вода хладі!“
Ту вльна шуми вльнѣ:
„Нашъ новый другъ, якъ въ объеті му клесну!“
А ракосъ стена, бриза кыва ве сну
Такъ тише, таюпьлнѣ!...

—

А сьрдце мое свира кузло цизи,
Мнѣ зда се, съ житімъ вшецко же мнѣ змизі,
Такъ болестнѣ! такъ загы!
Я цитимъ въ хвилі те, мӯй животъ парны(й),
Якъ лѣтні денъ, а, якъ пушть, еднотварны(й)
Же ми ажъ прилиш драгы(й)!..

—

Южъ ночні стіны тагну лѣснимъ шеремъ,
Я посудъ сѣдимъ въ думахъ надъ езеремъ
И надъ мышленекъ токемъ.
Енъ мѣсицъ въ мьлзѣ бди надъ пустоӯ гразі
А тихе ланѣ диваи се зъ млазі
Свымъ велькымъ, велькымъ окемъ...

огромную толпу народа, среди которой слышны крики удивленія и смѣхъ: „А, вотъ онъ! *) Опять въ полдень съ лампой ищетъ свѣта!“—Кто это?—„Да этотъ полоумный живописецъ!“ Толпа разступилась—печальный взглядъ! Это изорванное платье и лицо, такъ ужасно блѣдное!..

Подхожу ближе. Жаръ дикихъ страстей такъ и пышетъ изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ по благороднымъ чертамъ лица. На морщинистомъ лбу—гнетъ страданія! Слышишь! „Свѣта, свѣта!“ кричатъ блѣдныя уста, и въ рукѣ дрожитъ горящій свѣтильникъ. О, здѣсь скрыто великое значеніе! И онъ былъ счастливъ, и въ его жизни былъ день, когда въ груди его цвѣло солнце духа. Оно теперь погасло, лишь пу-

---

*) Крикъ подиву а сміхъ: „Гле то ест онъ!
Засъ о поледні съ лампоу свѣтло гледа!“
Кдо е то?—„Ну, тенъ малиř блазнивы(й)!“
Давъ розступилъ се—погледъ трухливы(й)!
Тенъ сдраны(й) шатъ и тваř такъ дѣснѣ бледа!

—

Гľе, крачі ближъ! Жаръ вашні дивокыхъ
Му шлега зъ дůлькů очі глубокыхъ
Přесъ ушлехтиле тагы обличее;
На врасковите скрані страсти гнѣтъ!
Слышъ! „Свѣтло, Свѣтло!“ вола блѣдый ретъ,
А въ руце каганъ гořиці се хвѣе.

—

О, велькы вызнамъ спи въ томъ утаенъ!
И онъ былъ штястнымъ, онъ тежъ мівалъ ден,
Кдыжъ сълнце духа въ груди ему квѣтло.
То згасло нынi, пуштъ енъ до—кола,
Онъ види тму, кдыжъ слунце плапола,
А о поледнахъ муси гледат свѣтло!“

стыня кругомъ; онъ видитъ тьму при яркомъ свѣтѣ солнца и въ полдень долженъ искать свѣта!“

Въ заключеніе поэтъ бросаетъ жалкой, смѣющейся толпѣ горькій упрекъ: „Смѣйтесь, кричите болѣе! На этомъ челѣ, излюбленномъ музами, геній утвердилъ свой тронъ. О зачѣмъ онъ вознесъ свою душу за предѣлы міра! Вѣдь это второй Прометей, Діогенъ, геній, которому міръ все далъ въ удѣлъ! О, смѣйтесь! Это—проклятіе надъ человѣкомъ, который, сердцемъ богъ, не боится боговъ и имъ въ лицо бросаетъ звенья своихъ оковъ! *) и пр.

Очевидно, здѣсь авторъ беретъ подъ свою защиту отъ насмѣшекъ близорукой толпы человѣка, поплатившагося умственнымъ свѣтомъ своимъ за смѣлыя попытки переступить заповѣдные предѣлы познанія.

„На пустемъ брегу“ (На пустынномъ берегу). Въ этомъ небольшомъ стихотвореніи поэтъ сравниваетъ плывущее въ бурю по морю судно со своей пѣснью, тоже будто бы плывущей въ широкую даль и, въ предчувствіи бури, разумѣется, жизненной, молящей и стенающей о возвратѣ домой.

„У зді грбитовни“ (у кладбищенской стѣны). Въ этой пьесѣ мы опять встрѣчаемся съ любимымъ у нашего автора мотивомъ. Именно, задумавшись надъ дѣтски наивнымъ обы-

---

*) Та скрань се хвѣе одъ либані музъ,
На челѣ томъто трӳнилъ геніусъ....
О прочъ надъ лемы свѣта души взнес?

—

О смѣйтесе! О кричте productsномъ даль!
Вше тото генію свѣтъ въ уделъ дал.
Гле, Прометеусъ, Діогенесъ другы(й)!
О смѣйтесе! То клетба чловѣка,
Енжъ, въ сьрдці бӳгъ, се богу не лека,
А въ твар имъ годі окову свыхъ кругы! и проч.

чаемъ людей ставить надгробные памятники, мраморные, да еще и исписанные золотыми буквами, поэтъ обращается къ мучительному, вѣчно интригующему его вопросу „Куда же дѣвается духъ, оставившій умершее тѣло?“

Не*) плыветъ ли онъ въ гордомъ теченіи блестящей волной? А можетъ быть, изчезаетъ въ таинственную пропасть Эѳира, или же дѣйствительно находитъ исполненіе всѣхъ надеждъ и думъ? Не скрытый ли онъ самъ въ себѣ-цѣлый міръ, находящійся въ состояніи постояннаго измѣненія? Или же онъ и другія души—суть служебные чины въ неизвѣстномъ царствѣ, управляемомъ самимъ Богомъ? Или онъ вмѣстѣ съ тѣломъ распадается въ прахъ, а можетъ быть съ высоты небесъ созерцаетъ могилу своего тѣла и ждетъ воскресенія? Сдѣлавши эти глубокомысленныя предположенія, поэтъ въ концѣ концовъ успокаивается на христіанскомъ вѣрованіи о воскресеніи изъ небытія и самыхъ тѣлъ. Богъ обратитъ ихъ въ стройные лики ангельскіе, которые воспоютъ славу его въ гигантской міровой эпопеѣ.

Не останавливаясь долго на *эпилогѣ*, скажемъ только, что въ немъ можно отмѣтить возраженіе поэта на укоры толпы, зачѣмъ онъ творитъ все тоскливыя, безотрадныя произведенія и пѣсни, и на требованія вмѣсто ихъ воспѣть веселье, вино, женщинъ, и лунную ночь, и восторги любви, и гнѣвныя страсти и пр. Указывая на бренность всего живущаго, поэтъ спрашиваетъ, можетъ

---

*) Зда въ лету надгернемъ духъ плуе лесклоў вьлноў,
Зда зтраці въ этеру се пропаст таюпълну,
Зда найде спълнѣні вшехъ надѣи а тухъ?
Естъ въ сталемъ přеходу свѣтъ въ собѣ узавřены(й)?
Чи ине душе съ нимъ йсу служебными члены
Кдес въ řиші незнаме, ижъ владцемъ естъ самъ бŭгъ?
и проч.

ли онъ не воспѣвать ее, когда кругомъ тьма, и вся природа, и вся жизнь—что они, какъ не жалкій обманъ, пустой сонъ?

—

Мы закончили обозрѣніе поэтическаго содержимаго „Зъ глубинъ" сдѣлавши это по возможности тщательно и цѣлесообразно, такъ что русскому читателю долженъ стать совершенно яснымъ характеръ этой странной для него поэзіи, тѣмъ болѣе, что изложеніе выдающихся пьесъ сопровождалось подходившими къ дѣлу объясненіями. Теперь намъ остается сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ лирики Верхлицкаго и указать на связь ея съ ходячими въ Европѣ философскими теоріями. Тогда представленный нами историко-литературный фактъ получитъ и достаточное для дѣла освѣщеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ явится болѣе данныхъ и для оцѣнки его читателемъ.

Читатели имѣли уже много случаевъ замѣтить, что преобладающая черта лирики Верхлицкаго—это глубокій, *болѣзненно ѣдкій анализъ явленій духовнаго міра* человѣка, философскаго „я", анализъ, проникающій въ самую глубь тайниковъ души и продѣлываемый поэтомъ со всѣмъ пыломъ его страстной души подъ вліяніемъ тѣхъ либо другихъ впечатлѣній отъ явленій внѣшнаго міра, природы, философскаго не —я. Отсюда и сходство темъ почти во всѣхъ стихотвореніяхъ въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ основаны на сближеніи, сравненіи внѣшняго міра и внутренняго, при чемъ первыя играютъ служебную роль; онѣ являются для объясненія вторыхъ помощію образной формы. Отсюда же и значительный субъективизмъ, царящій въ поэзіи Верхлицкаго. Тутъ сказывается довольно рѣзкая разница у него съ І. Нерудой; этотъ послѣдній—скорѣе, такъ сказать, эпикъ въ лирикѣ. Его занимаетъ, положимъ жизнь космическая, движеніе и дѣятельность міровъ *), и онъ ведетъ объ нихъ рѣчь, для ясности

*) См. 2-е примѣчаніе въ концѣ статьи.

лишь прибѣгая къ объясненію ихъ при посредствѣ явленій человѣческой жизни. Лиризмъ сказывается здѣсь болѣе въ восторженномъ чувствѣ, иногда въ юморѣ.

Не то у Верхлицкаго. У него Я на первомъ планѣ, и всѣ движенія и стремленія этого Я, тоску его и силу страсти поэтъ силится объяснить съ помощью явленій природы. У него меньше восторга и силы души, но больше мелкаго, кропотливаго анализа и вдумчивости въ суть психической жизни, надъ отправленіями которой онъ останавливается такъ любовно.

Выше уже было замѣчено, что въ основаніе сборника „Зъ глубинъ" положено тоскливое размышленіе о непрочности всего здѣшняго, о тягости одиночества, о скорби, остающейся въ душѣ послѣ умершей любви, о гнетѣ тягостныхъ и докучливыхъ думъ о смерти и проч. Русскому читателю не можетъ не бить въ глаза что то болѣзненное въ этой поэзіи, ультраидеальное, чуждое здоровыхъ потребностей правильно настроенной натуры, цѣнящей все человѣческое и живо интересующейся имъ; что то навѣянное безнадежными положеніями философіи безсознательнаго. Такая поэзія требуетъ для своего пониманія извѣстнаго философскаго образованія и интереса, философской настроенности; всего этого напрасно стали бы мы искать въ русскомъ обществѣ, для котораго, естественно, такая поэзія кажется и будетъ казаться непривычно-странной и непонятной *). И, повторяю, едвали не право здѣсь наше общество: ибо кто же не согласится, что поэзія, пускающаяся въ глубины непостижимаго, которыя долго еще, если не навсегда, такъ и останутся недоступными ограниченному человѣческому познанію, выходитъ уже за предѣлы своей области и вторгается въ чужую, конечно, съ ущербомъ для себя? Ущербъ этотъ выразится прежде всего

*) См. 3-е примѣчаніе въ концѣ статьи.

въ употребленіи прихотливыхъ и слишкомъ изысканныхъ и вычурныхъ средствъ къ поэтической образности: сравненій, метафоръ и проч.

Читатель произведеній Верхлицкаго сплошь да рядомъ встрѣчается въ нихъ съ формами выраженія, подобными слѣдующему сравненію: жизнь человѣка—это усохшая вѣтвь, на которой онъ усѣлся, словно усталая птица. Ломается эта вѣтвь, и птица, снабженная крыльями, спокойно летитъ на другое, болѣе уютное мѣсто; такъ и духъ человѣка: одаренный отъ Бога тоже крыльями, онъ улетаетъ на небо *). Приводить другихъ, еще болѣе рѣзкихъ примѣровъ, я не стану, такъ какъ ихъ достаточно въ любой пьесѣ Верхлицкаго.

Затѣмъ тотъ крайній и отвлечённый идеализмъ, туманный и безплотный, которымъ запечатлѣна поэзія В—аго, зачастую лишаетъ ее пластичности и рельефности.

Поэзія В—аго и другихъ поэтовъ новой чешской школы родилась несомнѣнно подъ вліяніемъ философскихъ идей, господствовавшихъ въ Европѣ, особенно въ Германіи въ послѣднія двадцать пять—тридцать лѣтъ. Извѣстно, что, рядомъ съ всесокрушающимъ скептицизмомъ французской позитивной школы, легко уживались и трансцендентныя умствованія Шопенгауера**), Леопарди, Гартмана и ихъ многочисленныхъ послѣдователей, такъ успѣшно расплодившихъ въ Европѣ и даже у насъ, въ Россіи шопенгауеризмъ.

---

*) Стихотвореніе „Въ Есені" (Осенью)—четвертаго отдѣла.
Тенъ хмурный животъ нашъ будь тобѣ усхлоў снѣті,
На ніжъ си уседл якъ птаче земдлене. . . . . . .
А кдыжъ тва праскне снѣть въ послѣднімъ застенані,
Начъ даль ти křидла бўгъ? Нужъ, къ небі дей се въ спѣхъ!
и проч.

**) См. 4-е примѣчаніе въ концѣ статьи.

Приведенныхъ нами примѣровъ совершенно достаточно для обосновки этого мнѣнія, и останавливаться долго на этомъ мы не будемъ, чтобы не утомить читателя.

Несомнѣнно, что мода на философію не могла не будить мысли, не внушать въ ней наклонности къ метафизическимъ вопросамъ и къ стремленію узнать сущность психическихъ процессовъ. Отсюда и для поэзіи открылась новая, дотолѣ дѣвственная область, въ которую она и ринулась со всѣмъ пыломъ ново-обращеннаго прозелита. А такъ какъ означенныя явленія носятъ непремѣнно общечеловѣческій, космополитическій характеръ, то и такая поэзія невольно потеряла всякую національную окраску, покинула родную почву и, занявшись превыспренними вопросами крайне идеальнаго характера, окончательно оторвалась отъ самыхъ жизненныхъ потребностей общества, перестала ему служить.

Кто говоритъ, вопросы о сущности вещей, того, что у Канта и другихъ нѣмецкихъ философовъ названо „Ding an Sich", т. е. вещь о себѣ, основная природа вещей, стали интересовать человѣка уже съ тѣхъ поръ, какъ только онъ дошелъ до самопознанія, интересуютъ его и теперь; но поэзія *обязательно должна избѣгать* этой области, если не желаетъ удариться въ рефлексъ, реторику и перестать быть собой, что и встрѣчается, къ сожалѣнію весьма часто.

Вотъ почему нельзя не порадоваться отъ всей души новому движенію, проявившемуся въ чешкой литературѣ, стремящемуся сблизить поэзію съ жизнью и такимъ образомъ устранить вредный разладъ между ними.

Заканчивая настоящую статью, которую я писалъ съ пламеннымъ желаніемъ хотя сколько нибудь освѣтить для нашей публики мало извѣстную ей область родственной литературы, я имѣю ввиду представить вниманію общества въ скоромъ времени анализъ и другихъ сочиненій В—аго, напр., его извѣстнаго сборника „*Духъ и міръ*" (Духъ а Свѣтъ), такъ какъ эти сочиненія представляютъ собой одно изъ любопытнѣйшихъ явленій литературы родственнаго намъ племени.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчаніе 1-е.

Къ стихотворенію № 6, 1-го отдѣла „Одповѣдь“ (180 стр.).

Это стихотвореніе, по нашему мнѣнію, очень напоминаетъ извѣстную пьеску Гейне „Вопросы“ (см. русское изданіе сочиненій Генриха Гейне, подъ ред. П. Вейнберга 1866 г., XI-й т., 214 стр), гдѣ юноша, стоя у пустыннаго моря, вопрошаетъ его о томъ, что такое человѣкъ, откуда пришелъ онъ и куда пойдетъ, и кто тамъ на звѣздахъ живетъ?

Тысячи тысячъ всевозможныхъ человѣческихъ головъ въ парикахъ и безъ париковъ, въ чалмахъ и чорныхъ, съ перьями, шапкахъ трудились надъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ и оказались жалкими и безсильными.. Но и

„Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ журчаніемъ;
Вѣетъ вѣтеръ, бѣгутъ облака;
Блещутъ звѣзды безучастно—холодныя.....
И дуракъ ожидаетъ отвѣта! (перев. М. Михайлова).

Разница по содержанію между обѣими пьесами лишь въ характерѣ вопросовъ. Результатъ же для вопрошающаго человѣка въ нихъ, какъ видитъ читатель, оказался одинаковъ.

Примѣчаніе 2-е (къ стр. 208-й).

Любопытно, что эта космическая поэзія І. Неруды при ближайшемъ ознакомленіи съ ней, выросла, какъ кажется, тоже подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ отчасти нѣмецкой натурфилософіи, а отчасти предположеній и воззрѣній нѣмецкихъ натуралистовъ. Его понятія, напр., о будущности земли и человѣка и вообще о ходѣ процессовъ космической жизни,

выраженныя въ разныхъ пьесахъ, совершенно сходны съ мыслями, высказанными хотя бы извѣстнымъ *Фольгеромъ* (Die natürliche Geschichte der Erde...); между міросозерцаніемъ I. Неруды съ одной стороны и воззрѣніями Молешотта, Бюхнера и пр. съ другой существуетъ прямая связь и, такъ сказать, духовное родство, преемство, невольно бьющее въ глаза читателю. Читая стихотворенія I. Неруды, онъ сплошь да рядомъ будетъ припоминать, что тѣ либо другія мысли въ научной формѣ онъ встрѣчалъ, напр., у Бюхнера (Сила и Матерія, Природа и Наука и пр.), Баумгертнера (Schöpfungsgedanken) и др.

Что касается отношенія нѣмецкихъ натуралистовъ къ Шопенгауеру, то это можно видѣть хотя бы изъ статьи Бюхнера: Шопенгауеръ и его ученіе (*Природа и Наука*, русское изд. Л. Ильницкаго. Кіевъ 1881 г.). Знаменитый физіологъ относится къ этому мыслителю довольно благосклонно и даже любовно.

Примѣчаніе 3-е (къ стр. 209-й).

Изъ первостепенныхъ русскихъ писателей, у которыхъ мы стали бы отыскивать мысли и поэтическіе образы, напоминающіе поэзію Верхлицкаго, можно указать развѣ Тургенева, высокое философское образованіе котораго давало ему возможность нерѣдко пускаться въ лирикофилософскія размышленія изъ области „глубинъ" человѣческаго духовнаго начала и углубляться въ таинственный смыслъ непостижимыхъ для обыкновеннаго пониманія явленій. Но вѣдь эти экскурсіи въ область „глубинъ" и у Тургенева не часты и вовсе не составляютъ всей сути его поэзіи: „глубинамъ" онъ никогда не отдавался такъ цѣликомъ, какъ чешскіе поэты, и мы не можетъ назвать ни одного его произведенія, которое было бы исключительно наполнено такимъ ультраидеальнымъ содержаніемъ, какъ напр. „Глубины" Верхлицкаго. Даже извѣстныя „стихотворенія въ прозѣ"—и тѣ болѣе осязательны и реаль-

ны, чѣмъ произведенія разобранной нами натурфилософской поэзіи.

И смѣемъ думать, что публикѣ нашей, ищущей отъ поэзіи трезвости взглядовъ и реальности изображеній, тѣ пьесы Тургенева или части ихъ, въ которыхъ встрѣчаются превыспреннія умствованія указаннаго выше характера, приходятся гораздо меньше по вкусу, чѣмъ другія, гдѣ рѣшаются понятные всѣмъ вопросы чисто земнаго характера и повседневныхъ междучеловѣческихъ отношеній. Думаемъ это на основаніи своего ежедневнаго опыта, а также и исходя изъ того общаго положенія, что въ русскомъ интеллигентомъ обществѣ вообще найдется весьма немного лицъ, способныхъ заинтересоваться вопросами натурфилософской поэзіи, слишкомъ отвлеченными, не имѣющими прямаго отношенія къ человѣческой злобѣ дня. Выписываемъ для желающихъ нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Тургенева, гдѣ авторъ отрывается отъ живой дѣйствительности въ отвлеченныя сферы и пытается поэтически рѣшать мучащіе его вопросы, чрезвычайно важные съ точки зрѣнія философіи, но мало привлекательные для обыкновеннаго читателя, не привыкшаго останавливаться надъ ними.

Вотъ, напр., превосходныя строки изъ „Поѣздки въ Полѣсье", гдѣ вы слышите все страшное отчаяніе мощной души, раздирающій вопль неудовлетвореннаго собою генія, жизнь котораго „какъ свитокъ развивается передъ его глазами".

„О, что я сдѣлалъ! невольно шептали горькимъ шепотомъ мои губы. О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли не умѣлъ воспользоваться твоими дарами? Возможно ли? Эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла—вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто—это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полнаго, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное, она ждала: вотъ-вотъ нахлынетъ счастье потокомъ—и ни одной

каплей не смочило алкавшихъ губъ? О, золотыя мои струны! вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія когда-то—я такъ и не услышалъ вашего пѣнья.... вы звучали, только когда рвались. Или, можетъ быть, счастье...... проходило близко, мило, улыбалось лучезарной улыбкой—да я не умѣлъ признать его божественнаго лица? Или оно точно посѣщало меня и сидѣло у моего изголовья, да позабылось мною, какъ сонъ?.... О, неужели нѣтъ надежды, нѣтъ возврата? Зачѣмъ полились вы изъ глазъ скупыя, позднія капли? О, сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть? *Старайся забыть, если хочешь покоя*, пріучайся..... къ горькимъ словамъ: „прости" и „навсегда". Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ *голубка радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роза на зарѣ, сіяетъ слезами восторга;* не смотри туда, гдѣ, блаженство, и вѣра, и сила—тамъ не наше мѣсто!" Или же: „....Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, *безучастно устремленный* на него взоръ *вѣчной* Изиды;..... вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ изчезнуть съ лица земли, и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свою слабость, свою случайность—и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ: здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое назначеніе и свою силу" („Поѣздка въ Полѣсье", начальныя строки).

Внимательный читатель не можетъ не замѣтить въ этихъ дышащихъ міровой скорбью строкахъ, въ этихъ образахъ отвлеченно-поэтическаго характера—того же ноющаго, заставляющаго сердце щемѣть, духа, которымъ проникнуты всѣ указанныя нами стихотворенія Верхлицкаго.

Вотъ и еще нѣсколько примѣровъ того же характера:

.....„Смерть, какъ рыбакъ, который поймалъ рыбу въ свою сѣть и оставляетъ ее на время въ водѣ; рыба еще плаваетъ, но сѣть на ней, и рыбакъ выхватитъ ее, когда захочетъ“ (Заключеніе повѣсти „Накунѣ“).

....Вотъ и я... на что я надѣялся, чего я ожидалъ, какую богатую будущность предвидѣлъ, когда едва проводилъ однимъ вздохомъ, однимъ унылымъ ощущеніемъ на мигъ возникшій призракъ моей первой любви? А что сбылось изо всего того, на что я надѣялся? И теперь, когда уже на *жизнь мою начинаютъ набѣгать вечернія тѣни,* что у меня осталось болѣе свѣжаго болѣе дорогаго, чѣмъ *воспоминаніе* о той, быстро пролетѣвшей, утренней, весенней грозѣ?“ („Первая любовь“). Эти послѣднія строки даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ до того напоминаютъ намъ Верхлицкаго, что кажется, будто онѣ взяты изъ какого нибудь его стихотворенія.

Вотъ еще весьма любопытныя строки изъ заключенія къ „Отцамъ и дѣтямъ“: „Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами; не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ *великомъ спокойствіи „равнодушной“ природы:* они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной“.

А нѣсколько позже художникъ, возмущенный роковой силою слѣпой судьбы, восклицаетъ съ отчаяніемъ слѣдующимъ, полнымъ глубокаго трагизма, образомъ: „Гдѣ же намъ, бѣднымъ людямъ, бѣднымъ художникамъ, сладить съ этой глухонѣмой слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своей побѣды, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая?... Какъ устоять противъ этихъ тяжелыхъ, грубыхъ, безконечно и безустанно повторяющихся волнъ, какъ повѣрить, нако-

нецъ, въ значеніе и достоинство тѣхъ бренныхъ образовъ, которые мы, въ темнотѣ, на краю бездны, лѣпимъ изъ праха и на мигъ? .....Строго и безучастно ведетъ каждаго изъ насъ судьба—и только на первыхъ порахъ мы.... не чувствуемъ ея черствой руки.... Истина—не полная истина, но даже та малость, которая намъ доступна—замыкаетъ тотчасъ намъ уста, связываетъ намъ руки, сводитъ насъ на „нѣтъ". Тогда одно остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не разрушиться въ прахъ, и не погрязнуть въ тинѣ забвенія... самопрезрѣнія: спокойно отвернуться отъ всего, сказать: довольно!—и, скрестя на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство, *достоинство сознанія собственнаго ничтожества*" („Довольно") Подчеркнутыя нами строки, конечно, выражаютъ не что иное, какъ ту же тяжкую міровую скорбь по оскорбительному ничтожеству во вселенной, человѣка связаннаго вѣчными, незыблемыми, независящими отъ него законами равнодушной и безстрастной природы и навсегда лишеннаго возможности познать истину во всей ея полнотѣ, ту же скорбь, повторяю, какая чуть ли не на каждомъ шагу прорывается въ „Глубинахъ" Верхлицкаго.

Кромѣ того, многія изъ „Стихотвореній въ прозѣ" тоже отличаются такими же чертами идеальныхъ міровыхъ вопросовъ; и въ нихъ нерѣдко вы чувствуете всю огромность и невозмутимость вѣчности, тяжкое безстрастіе природы. Вспомнимъ эти великолѣпныя строки изъ „Разговора" между Юнгфрау и Финстерааргорномъ, гдѣ выражается полное презрительнаго равнодушія отношеніе вѣчной природы къ пигмею человѣку, напр, выраженіе: „а, ты пока, защищайся и не мѣшай мнѣ!" Тоже величіе силы природы и ничтожество муравья—человѣка предъ незыблемыми законами смерти и бытія видно и въ другихъ „стихотворвніяхъ" напримѣръ, *Старуха*, *Черепья*, *Конецъ свѣта*, къ которымъ я и отсылаю читателей. За всѣмъ тѣмъ, повторяю, такіе вопросы далеко не постоян-

но занимали Тургенева; весь онъ никогда имъ не отдавался, и настроеніе душевное, подобное выше указанному и такъ свойственное его глубокообразованной и философски настроенной натурѣ, рѣдко овладѣвало имъ надолго: другое, болѣе трезвое, отношеніе къ жизни и людямъ гораздо чаще занимало и двигало его мысль.

Вслѣдъ за подобными признаніями являлись все таки произведенія, полныя трезвой реальной правды (какъ, въ данномъ случаѣ, *Дымъ*, *Новь* и пр.) всецѣло принадлежащія той мелкой муравьиной дѣятельности людей, которая вводитъ ихъ въ самообманъ, удерживаетъ отъ тяжкаго и горестнаго размышленія о своемъ ничтожествѣ въ природѣ, и надъ которою Тургеневъ подчасъ такъ горько иронизировалъ....

У другихъ первостепенныхъ русскихъ писателей новой (натуральной) школы мы еще меньше или, пожалуй, и совсѣмъ не встрѣтимъ такой идеально отвлеченной поэзіи міроваго характера: такъ строго стоятъ они на трезвой почвѣ дѣйствительныхъ потребностей и вопросовъ повседневной человѣческой жизни. Между тѣмъ у Чеховъ такіе писатели— звѣзды первой величины, какъ Галекъ, Верхлицкій и друг. въ своей поэтической дѣятельности далеко не стоятъ въ такой близкой связи съ дѣйствительности, какъ русскіе писатели, и въ своихъ произведеніяхъ болѣе задаются темами указаннаго нами, такъ сказать, міроваго и вообще общечеловѣческаго значенія; отсюда происходитъ замѣченный нами недостатокъ жизненности и пластичности въ ихъ поэзіи и значительная искусственность средствъ поэтическаго творчества.

Изъ выдающихся нашихъ поэтовъ — стихотворцевъ тоже нельзя указать ни одного, который предавался бы въ такой мѣрѣ крайней идеалистической поэзіи, какъ упомянутые чешскіе поэты.

Если наши первостепенные поэты новой эпохи иногда и затрогиваютъ вопросы міровой важности, то лишь изрѣдка,

въ соотвѣтствующіе моменты душевнаго настроенія, и то потому, что этихъ вопросовъ не можетъ окончательно обойти мыслящій человѣкъ. Въ примѣръ возьмемъ хоть графа Алексѣя Константиновича Толстаго, философская настроенность котораго и мучительные „высшіе“ вопросы отразились, какъ въ фокусѣ, въ его лебединой пѣснѣ „Земля цвѣла“. Въ этомъ замѣчательномъ стихотвореніи, написанномъ во Флоренціи въ 1875, предъ концомъ жизни нашего поэта, высказанъ и тотъ посильный отвѣтъ на эти вопросы, къ какому пришелъ онъ путемъ своей плодотворной поэтической дѣятельности и долгой, мучительной работы ума.

Вотъ нѣкоторыя, подходящія къ данному случаю, мѣста этой прекрасной пьесы.

Среди цвѣтущей природы, въ покоѣ ея могучихъ силъ предался поэтъ слѣдующимъ помысламъ и грезамъ:

. . . .

„И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ:
Куда меня такъ манитъ и влечетъ?

. . . .

И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, *подъятъ природой всею,*
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею.

—

Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ.
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто жъ мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости *хотѣнья?*
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья;
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я
И ожилъ вновь въ *сознаньи бытія...*

—

Тутъ пронеслось, какъ въ листьяхъ дуновенье,

И, какъ отвѣтъ, послышалося мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То *творчества съ покоемъ соглашенье*,
То мысли пылъ вѣ душевной тишинѣ...
Лови жъ сей мигъ, пока къ нему ты чутокъ—
Межъ сномъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ.

—

Въ подчеркнутыхъ нами мѣстахъ внимательный читатель увидитъ замѣчательное сходство съ идеями и поэтическими помыслами, высказанными въ разныхъ мѣстахъ указанныхъ выше произведеній Верхлицкаго (см., напр., его стихотвореніе „Таемстві лѣса", приведенное на 181 стр. нашего этюда, или же „Выкунені", анализированное нами на 200—202 страницахъ) Сходство это, разумѣется, обусловливается общностью тѣхъ основныхъ, кардинальныхъ вопросовъ человѣчества, которые занимали въ данную минуту обоихъ поэтовъ.

Примѣчаніе 4-е (къ стр. 210-й).

Довольно рѣзкій примѣръ вліянія Шопенгауеровой философіи можно видѣть въ стихотвореніи „Запоменутымъ" (забвеннымъ) (см. выше, 183 стр.), въ томъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ говоритъ: „Я знаю, что приплыву тоже въ вашу пристань, но сила моя и *мое хотѣніе* (воля)—онѣ не изчезнутъ, подобно моему духу". Извѣстно, что вся суть ученія знаменитаго нѣмецкаго пессимиста сводится къ двумъ основнымъ положеніямъ: 1) *міръ* со всѣмъ, что ни находится въ немъ, *есть только представленіе* нашего Я и 2) *Міръ есть* въ своемъ существѣ *воля* (хотѣніе), *единая* (т. е. нераздробимая по существу, а многообразная только въ *явленіяхъ*, слѣдоват., подъ условіями: времени и пространства) и *безпричинная* (т. е. не имѣющая никакого внѣшняго происхожденія, никакого основанія). А если міръ есть воля, то и существо человѣка есть

тоже не болѣе, какъ одно изъ проявленій этой міровой воли, міроваго хотѣнія.

Интересно сравнить это стихотвореніе съ пьесой А. С. Пушкина „Полководецъ", сходною съ нимъ по идеѣ.

По содержанію она можетъ служить, такъ сказать, фактическимъ подтвержденіемъ мысли, высказанной у Верхлицкаго. Вотъ для примѣра нѣсколько стиховъ этой пьесы:

. . . .
О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой.
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ.
И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,—
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!— . . . .
О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,

Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье! (1835 г.)

Взаключеніе полагаю необходимымъ присовокупить бѣглый очеркъ жизни и литературной дѣятельности Я. Верхлицкаго.

Эмиль Богушъ Фрида, извѣстный въ литературѣ болѣе подъ псевдонимомъ Ярослава Верхлицкаго, родился въ 1853 лоду въ Лунахъ, гдѣ отецъ его занимался торговлею и откуда послѣ переселился въ Сланое. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ домѣ своего дяди Антонина Коляра, священника въ Овчарахъ, близъ г. Колина, куда мальчикъ, часто прихварывавшій, былъ отправленъ для поправленія здоровья. Домъ дяди, гдѣ хозяйничала достопочтенная матушка его, бабушка нашего мальчика, вполнѣ замѣнилъ для этого послѣдняго отцовскій домъ.

Подъ руководствомъ дяди мальчикъ получилъ и первое литературное развитіе, а также былъ подготовленъ въ гимназію, куда и поступилъ десяти лѣтъ отъ роду. Гимназическій курсъ онъ проходилъ послѣдовательно въ Сланомъ, Прагѣ и Клатовахъ.

Въ свободные часы молодой гимназистъ старался знакомиться съ великими европейскими литературами и еще въ среднихъ классахъ началъ упражняться въ сочиненіи трагедій и другихъ поэтическихъ произведеній, но эти опыты постигла печальная участь: они были отобраны практикомъ-отцемъ, не одобрявшимъ сыновнихъ глупостей, и изорваны въ клочки.

Университетскій курсъ пришлось ему проходить съ обыкновенными для недостаточнаго студента затрудненіями въ

дѣлѣ и выбора любимыхъ занятій и болѣе или менѣе законченнаго ихъ выполненія. Такъ, ему пришлось сразу же почти поступить въ богословскую семинарію для приготовленія къ духовному званію, откуда, впрочемъ, скоро по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ ему пришлось выйти. По окончаніи философскаго курса молодой Фрида принялъ мѣсто воспитателя въ семействѣ графа Монтекукулли-Ладерки и пробылъ годъ на родинѣ графа, въ Италіи. Это пребываніе въ прекрасной, чудной странѣ не могло не отразиться на поэзіи Верхлицкаго, и многіе изъ его дивныхъ стиховъ навѣяны именно всей роскошью природы этой поэтической страны *). Возвратившись въ началѣ 1876 года въ Прагу, Верхлицкій сначала былъ помощникомъ учителя въ одномъ заведеніи, а послѣ секретаремъ въ чешской политехнической школѣ. Въ настоящее время онъ состоитъ редакторомъ одного изъ лучшихъ чешскихъ иллюстрированныхъ изданій „Свѣтозоръ“.

Печатать началъ Верхлицкій очень рано. Уже въ 1870 году въ „Свѣтозорѣ“ явились два стихотворенія его: „Опуштѣны“ (покинутый) и „Въ бьрнѣні“ (въ бронѣ), написанныя имъ еще въ седьмомъ классѣ гимназіи. Эти первыя произведенія молодой поэтъ—гимназистъ долженъ былъ скрыть подъ псевдонимомъ и, выбравши себѣ прозвище Верхлицкаго, постоянно уже подписывался имъ. Скрыться подъ псевдонимомъ было для него необходимо въ силу гимназическихъ порядковъ и требованій. Съ этихъ поръ произведенія съ именемъ Ярослава Верхлицкаго являются въ разныхъ журналахъ все чаще и чаще; скоро изъ нихъ составилось нѣсколько довольно большихъ сборниковъ, состоящихъ какъ изъ оригинальнаго матеріала, такъ и изъ переводнаго. Раньше всего явился сборникъ „Зъ глубинъ“,

---

*) Спеціально изображенію картинъ итальянской природы и впечатлѣніямъ, производимымъ ими, посвящено его произведеніе „*Рокъ на югу*“ (Годъ на югѣ).

анализъ котораго представленъ нами теперь; затѣмъ „Сны о штѣсти“, „Баснѣ эписке“ (Эпическія стихотворенія); „Витторія Колонна“ произведеніе съ содержаніемъ изъ жизни, знаменитаго художника Микель-Анджелло; „Духъ и свѣтъ“ (въ концѣ 1877 года), „Симфоніи“ (въ 1878 году) и затѣмъ еще цѣлая масса другихъ произведеній. (Напр., „Миѳы“, вышедшіе въ 1879 году въ двухъ частяхъ). Какъ переводчикъ, Верхлицкій извѣстенъ тѣмъ, что ознакомилъ чешскую публику съ множествомъ превосходныхъ стихотвореній и новеллъ французскихъ и итальянскихъ; особеннымъ уваженіемъ пользуется его сборникъ избранныхъ произведеній Виктора Гюго и Леопарди (знаменитаго итальянскаго поэта—пессимиста), а также антологія новаго періода французской поэзіи. Извѣстно также, что въ его портфелѣ хранится переводъ „Божественной комедіи“ Данта.

Такая плодовитость, почти необыкновенная для тридцатилѣтняго возраста, тѣмъ еще удивительнѣе, что она идетъ вовсе не въ ущербъ превосходному качеству его произведеній, въ чемъ сознаются почти всѣ чешскіе критики, не исключая и рецензентовъ ученаго журнала „Часописъ“. Быстрота творчества и сила его и напряженность, казалось, росли параллельно и нисколько не мѣшали другъ другу. Вотъ причина того необыкновеннаго вниманія, какимъ пользуется въ чешской литературѣ имя Верхлицкаго и того превознесенія его, даже, можно сказать, преклоненія, какое обнаруживается зачастую въ чешской критикѣ, по отношенію къ этому писателю. Очень многіе изъ критиковъ признали его не только главою новой чешской поэзіи, но даже поэтомъ обще европейскаго, слѣдовательно, всемірнаго значенія. Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, отвергается нѣкоторыми болѣе осторожными и компетентными знатоками дѣла (въ русской литературѣ, напр., отрицателемъ такого значенія Верхлицкаго выступилъ извѣстный нашъ авторъ „Исторіи славянскихъ ли-

тературъ" А. Пыпинъ); тѣмъ не менѣе необычайная сила и яркость таланта Верхлицкаго не подлежатъ никакому сомнѣнію. Богатая фантазія, глубина воззрѣній, яркость образовъ (впрочемъ, какъ мы уже указывали выше, значительно теряющаяся иногда, благодаря черезчуръ отвлеченному содержанію) и, наконецъ, не подлежащее никакому сомнѣнію удивительное совершенство формы — все это дѣлаетъ чешскаго поэта—писателемъ дѣйствительно первостепеннымъ, заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія со стороны русской публики. Мы счастливы тѣмъ, что намъ удалось познакомить ее хотя съ однимъ изъ произведеній этого замѣчательнаго поэта.

Считаю необходимымъ сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія относительно того правописанія, которое я употреблялъ, переписывая чешскій текстъ кирилловскими буквами. Кириллица употреблена мною исключительно съ цѣлью доставить больше удобствъ тѣмъ изъ читателей, которые пожелали бы воспользоваться приводимыми мною чешскими выдержками. Скажу, что такое переписываніе западнославянскихъ текстовъ — дѣло весьма нелегкое и допускаетъ массу самыхъ разнообразныхъ взглядовъ. Я предпочелъ употребить правописаніе историко-этимологическое просто всилу довольно большихъ удобствъ, которыя оно предлагало мнѣ лично, а затѣмъ также и вслѣдствіе невозможности передать всѣ оттѣнки чешскаго выговора кирилловскими буквами. Конечно, при извѣстной настойчивости, можно было бы найти способы цѣлесообразной фонетической передачи чешскаго и другихъ западнославянскихъ текстовъ и кириллицей, для чего, разумѣется, пришлось бы сдѣлатъ немало новыхъ приспособленій и прибавокъ къ существующимъ знакамъ кирилловской азбуки; но, мнѣ кажется, едва ли въ этомъ можетъ быть надобность.

Сами чехи, напр., въ огромномъ количествѣ случаевъ придерживаются историко-этимологическаго правописанія, которое такъ же мало выражаетъ живой выговоръ народной устной рѣчи, какъ и наше, русское свою живую рѣчь.

Возьмемъ, напр., хотя бы такіе чисто археологическіе знаки, какъ у (ы), ě (ѣ), и мы увидимъ, что между произношеніемъ ихъ и отвѣчающихъ имъ буквъ *і* и је разницы нѣтъ; обыкновенный знакъ *е* выражаетъ у чеховъ выговоръ, соотвѣтствующій тому русскому звуку, который обозначается оборотнымъ е, т. е. э. Въ нашихъ чешскихъ выдержкахъ буква *е* обыкновенно и обозначаетъ этотъ твердый звукъ и лишь въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ должна быть произнесена мягко (енъ=йэнъ, мое=мойэ и пр.) ясно, что знаки *у* и *ě*— чисто историко-этимологическаго характера. Почему же бы и намъ, при переписываніи чешскихъ словъ кирилловскими буквами, не держаться такой же историко-этимологической системы?

Наша цѣль—вовсе не обученіе читателей чешскому выговору, а лишь доставленіе имъ возможности сличенія, сравненія двухъ родственныхъ языковъ, провѣрки русскаго изложенія чешскими выдержками и пр.,—и для *этой* цѣли, мнѣ кажется, принятое мною правописаніе совершенно достаточно. Читатели прочтутъ чешскія слова, пожалуй, не такъ, какъ онѣ дѣйствительно произносятся (но это случилось бы и при латинскомъ написаніи чешскаго текста); зато возможность понять ихъ, сравнить съ русскими словами и такимъ образомъ составить себѣ извѣстное самостоятельное мнѣніе относительно степени близости двухъ языковъ хотя бы съ точки зрѣнія этимологіи, — эта *возможность* всецѣло останется за читателями, т. е. достигнется то, чего я собственно и добиваюсь. Вотъ, приблизительно, суть моихъ воззрѣній на это дѣло.

Разумѣется, я не могу ручаться за полную правильность и послѣдовательность примѣненія принятаго мною правописанія: ошибки въ этомъ, и для меня новомъ, дѣлѣ весьма возможны и совершенно естественны, и я могу надѣяться лишь со временемъ прійти къ совершенно точнымъ и опредѣленнымъ способамъ кирилловской передачи западнославянскихъ словъ. Вотъ почему заранѣе прошу у читателей снисходительнаго отношенія къ моей попыткѣ и даже, если можно, поправокъ и справедливыхъ указаній, которыя будутъ приняты мною съ особеннымъ удовольствіемъ. *Errare humanum est*, а я къ тому же далеко не считаю себя вполнѣ компетентнымъ знатокомъ дѣла и немало нуждаюсь въ стороннихъ указаніяхъ ученой и просвѣщенной критики.

При чтеніи приводимыхъ мною чешскихъ выдержекъ читатели должны помнить, что буква *ы*, которою я передаю чешскую y, — есть знакъ чисто историческій и въ выговорѣ чеховъ совсѣмъ почти не различается отъ буквы *i*; иногда, впрочемъ, особенно въ горныхъ мѣстностяхъ, она произносится, какъ *ей*.

Буквой *ѣ* передана у меня чешская буква ě, тоже почти неразличающаяся въ выговорѣ отъ обыкновеннаго *je*

р̌ должно быть произнесено почти какъ *рж* (ср. польск. rz); этой буквою обозначена у меня чешская ř.

ў (чешск. ů) знакъ для звука, средняго между *у* и *о*, хотя въ живомъ выговорѣ болѣе близкаго къ долгому *у*

оў—знакъ для двоегласнаго звука, вторая часть котораго представляетъ нѣчто среднее между *у* и *в* (по чешски изображается *ou*).

Что касается до звука l, *л*, произносимаго чехами особеннымъ образомъ (нѣчто среднее между твердымъ и мягкимъ *л*), то я оставилъ пока для него обыкновенное кирилловское начертаніе этого звука (л), разсчитывая съ временемъ найти возможность передавать чешскій звукъ *l* какъ нибудь точнѣе.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя я хотѣлъ сообщить читателямъ для болѣе или менѣе цѣлесообразнаго пользованія чешскими выдержками моей статьи.

А. Степовичъ.

Ф. КУХАЧЪ

и его

„СБОРНИКЪ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХЪ ПѢСЕНЪ".

Имя Фр. Кухача, хорватскаго композитора и музыкальнаго критика, весьма извѣстно на славянскомъ западѣ и югѣ: къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи о немъ, какъ и о многихъ другихъ западно и южно-славянскихъ дѣятеляхъ на поприщѣ искусства, знаютъ весьма немногіе, а большинство публики и ничего не знаетъ. Вотъ почему считаю нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о его трудахъ въ области музыки, какъ композитора и какъ теоретика. Впродолженіе своей двадцатилѣтней чрезвычайно плодотворной дѣятельности этотъ замѣчательно даровитый и трудолюбивый музыкантъ напечаталъ въ разныхъ изданіяхъ и отдѣльно до двадцати болѣе или менѣе крупныхъ музыкальныхъ монографій, изслѣдованій, критическихъ статей, замѣтокъ и пр., кромѣ множества мелкихъ работъ и рецензій, помѣщенныхъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ.

Композиціи г. Кухача—числомъ до 50—принадлежатъ главнымъ образомъ къ области разработокъ народной славянской музыки и въ этомъ отношеніи имѣютъ большое значеніе въ славянской музыкальной литературѣ.

Изъ теоретическихъ трудовъ появлявшихся большею частію на хорватскомъ языкѣ, но иногда и на нѣмецкомъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе о народныхъ

инструментахъ южныхъ славянъ съ приложеніемъ ихъ изображеній и тоновъ, напечатанное въ 38, 39 и 41 книгахъ журнала „Радъ югословенской академіи знаности и умѣтности“ за 1877—8 г. (Труды югославянской академіи наукъ и художествъ). Планъ изслѣдованія слѣдующій: за общимъ *введеніемъ* слѣдуетъ описаніе каждаго инструмента (*гусли*, *віяла*, *тамбуры*, *цимбалы*, *циндры*, *арфы*; *свирѣли* и проч. тростниковые инструменты, *фрулы* и пр.); затѣмъ приводятся пословицы и поговорки, относящіяся къ данному инструменту, а если нужно, то и мѣста изъ разныхъ старинныхъ пѣсенъ. Послѣ того, наконецъ, сообщаются свѣдѣнія о жизни гусляровъ, тамбурашей и др. категорій музыкантовъ, историческія справки объ ихъ инструментахъ. Такимъ образомъ въ этомъ трудѣ охватывается и изображается вся область народно-инструментальной музыки южныхъ славянъ, какъ въ ея современномъ состояніи, такъ и въ ея исторіи; вотъ почему изслѣдованіе по важности своего содержанія выходитъ изъ предѣловъ чисто славянской области и получаетъ общеевропейскій научный интересъ. Къ тому же эта работа—по широтѣ замысла едва ли не единственная въ своемъ родѣ не только у славянъ, но и вообще въ Европѣ.

Изъ другихъ теоретико-музыкальныхъ работъ г. Кухача любопытны по своему содержанію слѣдующія: „Осврт на славенску гласбу“ (т. е. Взглядъ на славянскую музыку), состоящій изъ 4 отдѣловъ: 1) руске опере 2) польске опере 3) ческе опере и 4) южнословѣнске опере. Напечатанъ былъ этотъ трудъ въ журналѣ „Хорватскій Свѣтозоръ“ за 1878 г. въ 28, 29, 32, 33 и 35 №№.

Не имѣвъ подъ руками этого труда, мы не можемъ сказать, насколько вѣренъ, безпристрастенъ и удаченъ этотъ „взглядъ“, эта любопытная попытка опредѣлить общее и относительное значеніе музыки разныхъ славянскихъ школъ.

Вообще сфера идей г. Кухача отличается замѣчательной широтой, что въ свою очередь выражается въ чрезвычайномъ

разнообразіи и разносторонности его теоретико-музыкальныхъ изученій: онъ занимается и изданіемъ памятниковъ народно-музыкальнаго творчества, и теоретическимъ изученіемъ, и практической разработкой, и рѣшеніемъ такихъ вопросовъ общаго характера, какъ, напр., о мировомъ значеніи національной музыки (Ueber die nationale Musik und ihre Bedeutung in der Weltmusik" 1869 г. есть и хорватскій переводъ въ „Народныхъ Новинахъ" того же года, 148, 149 и 150 №№), и общей теоріей музыки (переводъ „Музыкальнаго катехизиса" соч. Лобе: „Катекізам гласбе" съ объяснительными примѣчаніями переводчика), и историческими работами (о напѣвахъ Рибареня и о мистеріи—драмѣ Петра Гекторовича о св. Лаврентіи (о напѣвих Р. и о приказанью драме св. Ловринца од П. Гекторов. (род. 1487 г.), напечат. въ 1874 г. въ 6-й книгѣ изданія югославянской академіи наукъ и художествъ: „Старі писці Хрватскі"); къ этой же категоріи работъ можно отнести и біографію хорватскаго композитора Ферда Ливадича (Ф. Л., хорв. гласботворац, вѣкописна црта), напечатанную г. Кухачемъ въ 1874 г. въ журналѣ „Вѣнац" въ №№: 32—37).

Изъ критическихъ статей Кухача отмѣтимъ „Оцѣну збірника украинских пісень" напечатанную въ 1875 г. въ чешскомъ журналѣ „Гудебні листы" (Музыкальная газета) № 7, 8 и 9 и имѣющую особенный интересъ для насъ, русскихъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что дѣятельность даровитаго хорватскаго композитора заслуживаетъ бóльшаго вниманія со стороны русской публики, чѣмъ то, какимъ онъ пользовался доселѣ, и что есть настоятельная необходимость въ русскомъ переводѣ нѣкоторыхъ изъ его работъ и въ ознакомленіи нашей публики съ его композиціями путемъ концертнаго исполненія.

На этотъ разъ мы хотимъ дать отчетъ о капитальнѣйшемъ трудѣ композитора, его гигантскомъ собраніи южнославянскихъ пѣсенъ. Это прекрасное изданіе, чрезвычайно изящ-

ное съ внѣшней стороны и необыкновенно богатое по содержанію, было принято критикой весьма сочувственно и притомъ съ рѣдкимъ единодушіемъ: всѣ журналы, помѣстившіе отзывы о сборникѣ, безъ различія національностей, („Вѣнац“, „Kroatische Post“, „Хорватскій Свѣтозоръ“, „Хорватскій учитель“, „Обзоръ“, „Der Osten“, „Agramer Zeitung“, „Српска Зора“ и пр.) признали въ трудѣ г. Кухача выдающіяся достоинства и въ болѣе или менѣе лестныхъ выраженіяхъ сочли этотъ трудъ однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій музыкальной литературы.

Такъ какъ „Сборникъ“ г. Кухача представляетъ собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ по собиранію народно-музыкальнаго творчества славянъ, то считаю необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о важности такого собиранія для нашего времени.

Искони у каждаго народа музыка, рядомъ съ поэзіей, наиболѣе глубоко и разносторонне охватывала весь его бытъ, мирный и военный; прочія искусства уступаютъ далеко въ этомъ отношеніи двумъ названнымъ сестрамъ въ благородной семьѣ искусствъ, такъ какъ ни одно изъ нихъ не обнимаетъ въ такой мѣрѣ всѣхъ сторонъ народной жизни. Торжество религіознаго обряда безъ музыки было не торжество, и праздникъ выходилъ не въ праздникъ. И легкая шутка, и ѣдкая насмѣшка, и безшабашное веселье, и тяжкій лиризмъ скорби, и военная удаль, и пылъ въ сраженіи—все находило себѣ выраженіе и ободрѐніе въ музыкѣ; народныя игры такъ же не обходились безъ нея, какъ и важныя повѣствованія о подвигахъ народныхъ героевъ; величавая строгость роковыхъ обстоятельствъ въ трагедіи такъ же нуждалась въ поддержкѣ музыки, какъ и легкій фарсъ—продуктъ обыденной веселости и комизма. Если о музыкѣ отжившихъ народовъ мы зачастую не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, то вѣдь это произошло не вслѣдствіе отсутствія этого могущественнаго искусства у народа, а лишь отъ недостатка средствъ для такого же увѣко-

вѣченія его въ исторіи, какое выпало на долю другихъ искусствъ (напр., поэзіи. благодаря письменности, зодчеству и ваянію. благодаря прочности ихъ матеріаловъ; даже живопись— и та, по самой сути дѣла, была и есть долговѣчнѣй музыки, для которой, кажется, лишь въ новомъ, христіанскомъ мірѣ нашли болѣе или менѣе прочную и цѣлесообразную форму сохраненія въ вѣчности); зато у живыхъ народовъ устная передача для музыки, какъ и для поэзіи, является лучшимъ и вѣрнѣйшимъ хранилищемъ, ковчегомъ, въ которомъ сберегаются драгоцѣннѣйшіе перлы народнаго творчества и выражается вся мощь и прелесть присущаго народу художественнаго начала.

Вотъ почему музыка можетъ служить однимъ изъ весьма цѣнныхъ мѣрилъ эстетической силы народа, его задатковъ изящнаго. Теперь понятна вся важность собиранія произведеній музыкальнаго творчества народа и заключенія ихъ въ прочныя, постоянныя формы выраженія, способныя увѣковѣчить эти произведенія. Относительно чисто народной музыки, подлежащей законамъ массоваго творчества, эта важность усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что почти вездѣ уже въ Европѣ безыскусственное народное творчество закончилось или уже заканчивается, вслѣдствіе желѣзныхъ условій прогресса, и народъ, по причинѣ большаго развитія образованности въ массахъ, переходитъ къ сознательному, личному творчеству. Ясно, что, если не принять соотвѣтствующихъ мѣръ, многіе памятники народно-музыкальнаго творчества такъ же могутъ пропасть безслѣдно для любознательности потомковъ или исказиться, какъ это произошло и доселѣ еще происходитъ съ произведеніями безыскусственной поэзіи.

Славяне, особенно южные и восточные, нынче едвали не единственный народъ въ Европѣ, обладающій замѣчательными памятниками безыскусственнаго творчества въ области какъ музыки, такъ и поэзіи. Кромѣ того,—общепризнанный

фактъ, что, въ отношеніи силы, яркости и красоты народной музыки, они едвали имѣютъ себѣ соперниковъ въ Европѣ. Сила безсознательнаго творчества у нихъ по мѣстамъ не изсякла еще и доселѣ, хотя, какъ говорится, доживаетъ свои послѣдніе дни, тѣснимая и убиваемая успѣхами гражданственности и образованія. Вотъ почему нельзя достаточно нарадоваться всѣмъ попыткамъ и стараніямъ увѣковѣчить на бумагѣ тотъ огромный запасъ народно-музыкальнаго творчества, которымъ такъ богаты славяне, и который уже начинаетъ изчезать съ ужасающею быстротою. Читатели „Славянскаго Ежегодника", надѣюсь, не посѣтуютъ на меня за намѣреніе познакомить ихъ съ выше указаннымъ любопытнымъ трудомъ Фр. Кухача, явившимся въ самое послѣднее время на славянскомъ югѣ, именно въ Загребѣ. Вышелъ онъ въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Южнословѣнске народне попѣвке,

Сакупіо те изворни им текст приподао Фр. Ш. Кухачъ (собралъ и подлинный текстъ присовокупилъ). Загребъ 1878—81 г.

Между разными явленіями художественной литературы славянъ, ознаменовавшими послѣдніе годы, этотъ замѣчательный сборникъ южнославянскихъ пѣсенъ, составляетъ положительно выдающееся явленіе, и мы считаемъ долгомъ обратить на него серьезное вниманіе нашихъ читателей. Онъ началъ выходить въ свѣтъ съ конца марта 1878 года и окончился лишь въ 1881 годъ. Такимъ образомъ изданіе тянулось три года, и неудивительно: „Южнословѣнске народне попѣвке"— исполинское собраніе пѣсенъ (ихъ въ сборникъ 1600!), да какое! Каждая пѣсня снабжена во 1-хъ весьма цѣлесообразно подобраннымъ аккомпаниментомъ фортепьяно, во 2-хъ текстомъ, возможно полнымъ; кромѣ того, очень многія пѣсни и цѣлые отдѣлы ихъ потребовали разныхъ объясненій и примѣчаній, нерѣдко довольно обстоятельныхъ и всегда толковыхъ.

Таково напр., объясненіе „Кола“ и „Ора“ (3-я книга 222 стр.) или же предисловіе къ шутливымъ пѣснямъ (4-я книга 174 стр.); любопытно также предисловіе къ былинамъ (4-я кн. 268 стр.). Сборникъ долженъ былъ имѣть два параллельныхъ изданія: кирилловскими буквами и латинскими, причемъ, исключая буквъ, оба изданія предполагались совершенно тождественными. Къ сожалѣнію, уже на 2-й книгѣ (т. е. на 5 выпускѣ) за недостаткомъ подписчиковъ кирилловское изданіе прекратилось, что приходится, кажется, объяснить между прочимъ разными партіозными счетами въ средѣ Сербо-Хорватовъ *).

*) *Примѣчаніе:* Не можемъ воздержаться здѣсь отъ слѣдующаго справедливаго, по нашему мнѣнію, упрека, обращеннаго по адресу русскаго общества. Трудно представить себѣ большую степень равнодушія, чѣмъ ту, какую проявляетъ наше общество по отношенію къ явленіямъ славянской жизни, особенно. если это— явленія не политическія, а бытовыя, относящіяся всецѣло къ скромной сферѣ мирнаго общественнаго развитія! Чѣмъ, какъ не этимъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ равнодушіемъ, можно объяснить, напр., хотя бы почти полное отсутствіе у насъ правильныхъ книгопродавческихъ сношеній со славянами, междуславянскихъ читаленъ и библіотекъ и пр. учрежденій, которые служили бы ко взаимному обмѣну мыслей и чувствованій между славянами и, слѣдовательно также, ко взаимному ихъ ознакомленію? Вотъ почему, напр., у насъ возможны такія явленія: выходитъ прекрасное цѣнное изданіе по славянской этнографіи (на которое, кстати сказать, объявлена была и предварительная подписка, съ обычной въ такихъ случаяхъ сбавкой въ цѣнѣ), а у насъ объ этомъ почти никто въ обществѣ не знаетъ (я не говорю о спеціалистахъ славяновѣдахъ, которые у насъ, какъ извѣстно,—капля въ морѣ).

Изданіе предполагалось въ двухъ транскрипціяхъ текста: кирилловской и латинской, именно въ виду желанія автора доставить удобства при пользованіи изданіемъ тѣмъ славянамъ, которые употребляютъ кирилловское письмо. Русское общество могло бы очень поддержать такую полезную мысль и посодѣйствовать распространенію цѣннаго изданія; но оно не знало о немъ (по своей же, впрочемъ, винѣ!), и изданіе въ кирилловской транскрипціи лопнуло и прекратилось на пятомъ же выпускѣ! Вотъ и предпринимайте послѣ этого что нибудь подобное, въ разсчетѣ на поддержку русскаго общества! Пріими русская публика въ подпискѣ ревностное участіе, и изданіе, не взирая ни на какіе счеты между Сербо-Хорватами, все таки вышло бы и сослужило бы тѣмъ хорошую службу самому же русскому обществу.

Аккомпаниментъ съ пѣснями, между прочимъ, подобранъ такъ, что въ правой рукѣ проводится мелодія пѣсни, что даетъ возможность, по мысли композитора, пѣть пѣсню даже лицу, хотя и не знакомому съ нотами, но обладающему болѣе или менѣе тонкимъ музыкальнымъ слухомъ. Кромѣ того, мелодія находится и въ отдѣльной строкѣ, что даетъ возможность играть ее на скрипкѣ либо флейтѣ или же пѣть лицу, знающему ноты; этимъ облегчается дѣло для скрипача и флейтиста, которымъ иначе приходилось бы извлекать мелодію изъ аккомпанимента.

Пѣсни раздѣлены по содержанію на слѣдующіе разряды: 1) *любовныя* (тутъ же женскія, колыбельныя и пр.), составляющія самый обширный отдѣлъ—именно 1000 пѣсенъ, заключенныхъ въ 10 выпускахъ. Въ первыхъ шести выпускахъ помѣщены любовныя пѣсни новаго времени (послѣ 1880 года; ихъ всѣхъ 600); въ седьмомъ и восьмомъ любовныя пѣсни средней поры (до 1880 года) и въ девятомъ и десятомъ—древнія любовныя пѣсни; такое дѣленіе пѣсенъ по тремъ періодамъ авторъ дѣлаетъ, гдѣ возможно, и въ другихъ отдѣлахъ. 2) пѣсни и забавы молодежи на посидѣлкахъ 3) пѣсни при „*колѣ*“ (хороводѣ) и „*орѣ*“ или „хорѣ“, 4) *плясовыя*; всѣ эти 3 отдѣла пѣсенъ молодежи помѣщены въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ выпускахъ (3-я книга, 3-й и 4-й выпуски), 5) *сватовскія* пѣсни (свадебныя и пѣсни сватовъ) и 6) *напитницы* (здравицы, заздравныя пѣсни); эти два отдѣла находятся въ 13-мъ и 14-мъ выпускахъ (т. е. въ 1-мъ и 2-мъ выпускахъ 4-й книги), 7) *шальиве* пѣсни (т. е. шаловливыя, шутливыя), 8) пѣсни, *слѣпачке*, т. е. слѣпцовъ, преимущественно духовно религіознаго характера (срв. наши русскіе „духовные“ стихи и пѣснопѣнія „лирниковъ“ въ Малой Руси) и 9) *юнацкія* пѣсни (т. е. богатырскія, или героическія), распадающіяся въ свою очередь на два разряда: А) „причалице“ (былины, или, точнѣе, древнія историческія пѣсни) и Б) „даворіе“, т. е. собственно боевыя пѣсни новаго времени. Эти

три послѣдніе отдѣла помѣщены въ 2-хъ послѣднихъ выпускахъ (3-й 4-й выпуски 4-й книги).

Изъ этого обозрѣнія пѣсенъ, содержащихся въ сборникѣ, видно все богатство его и разнообразіе: охвачена почти вся сфера народномузыкальнаго быта, древняго и новаго; недостающія стороны этой жизни (напр., сфера чисто дѣтскихъ пѣсенъ и игръ) будутъ, вѣроятно, вскорѣ пополнены авторомъ, судя по его обѣщанію (см. заявленіе его на 194 стран. 3 й книги по поводу игръ и пѣсенъ взрослой молодежи (на посидѣлкахъ, „сигре" по словенски, „игры" по сербохорватски); такимъ образомъ и для записнаго этнографа и для музыканта чистой воды сборникъ г. Кухача представляетъ огромный, выдающійся интересъ. Предъ вами стройно проходятъ всѣ художественныя стороны народной жизни отъ выраженія нѣжной любовной тоски до изображенія могучаго боеваго пыла народныхъ героевъ-борцовъ за свободу. И празднично-обрядовая сторона представлена удовлетворительно, такъ что всѣ эти „кола" и „хора" живо встаютъ въ вашемъ воображеніи подъ звуки ихъ оригинальной музыки, отъ которой весьма часто несетъ далекой, сѣдой древностью.

Разнообразіе и красота мелодій, сообразно выражаемому ими содержанію, замѣчательны; нѣкоторые напѣвы боевыхъ пѣсенъ даже поражаютъ своей силой и оригинальной суровой красотой; косовскія пѣсни зачастую тоже отличаются въ высшей степени чудными по своей простотѣ и вмѣстѣ своеобразной древней красотѣ мелодіями.

Такова, напр., превосходнѣйшая былина о Косовской дѣвушкѣ, № 1496, отъ которой вѣетъ духомъ далекой старины. Изъ этого отдѣла рекомендуемъ вниманію любителей также слѣдущія пѣсни: № 1502 (Марко и Филипъ Мадьяръ), № 1535 (Македонецъ), № 1570 (сербска даворія)—произведеніе весьма мелодичное № 1554 (таваовско востаніе) и др.

Но особенно много весьма красивыхъ и нѣжныхъ напѣвовъ между такъ называемыми „любовными пѣснями", изъ

которыхъ многія обнаруживаютъ довольно большое сходство съ русскими пѣснями, особенно съ южно-русскими. Въ первомъ выпускѣ первой книги уже начальная пѣсня останавливаетъ на себѣ вниманіе любителя своимъ музыкальнымъ и поэтическимъ изяществомъ (Мируй, мируй (т. е. будь спокойна, срьдце мое!) она прелестна и по напѣву и по содержанію, чрезвычайно простодушному и вмѣстѣ нѣжнолюбовному; пѣсня № 5 (Гдѣ е драги, лѣпо е, т. е., гдѣ дорогой, тамъ хорошо) такъ и просится на бумагу, такъ и хочется подѣлиться ею съ читателемъ. Надѣясь на снисходительность послѣдняго, я позволяю себѣ выписать это небольшую, но чрезвычайно изящную пѣсенку, отсылая за напѣвомъ къ самому сборнику (5 стр.).

1) О Петриньско равно поле,
Гдѣ мой драги плугом оре,
Нит онъ оре(тъ), нит онъ плужи(тъ), (онъ ни пашетъ, ни управляетъ плугомъ)
Веть(=но) за драгом (за дорогой дѣвушкой) мило тужи(тъ).

—

2) Лѣпе мое бѣле хиже,(мои прекрасныя бѣлыя хижины)
Гдѣ мой драги листе (письма, листы) пише(тъ),
Нити пише(тъ) ни ть списуе(тъ), (сочиняетъ)
Веть за драгом уздисуе(=но за дорогой вздыхаетъ)!

—

3) Лѣпе мое оштаріе (гостинница, трактиръ)
Гдѣ мой драги вино піе(тъ),
Ни-т онъ піе, ни-т напія (пьетъ здоровье),
Веть за драгомъ уздисуе(тъ)

—

4) Лѣпе мое сѣнокоше,
Гдѣ ми (мнѣ) росту(тъ) бѣле роже (розы),

Бѣле роже, фіолице (фіалки)
Кое беру(тъ) дѣвойчице (дѣвушки)

(Хорватская пѣсня, взятая для настоящаго сборника изъ собранія пѣсенныхъ текстовъ, Ф. Кухача). Изъ пѣсенъ, обличающихъ довольно замѣтное сходство съ русскими по напѣву, можно указать, напр., на № 29, 35 („Ой чучица, чучица" (птичка ряполовъ) Дѣвочица прстен изгубила (потеряла), 68 „Савила се бѣла лоза" № 70, 71 и проч. По сходству въ пріемахъ творчества съ русскими пѣснями любопытна, напр., пѣсня № 22 (а также 23): Гей, мѣсечино, доведи ми драгог, ой! (срв. извѣстную малорусскую пѣсню: „Ой місяцю, місяченьку, не світи нікому, тілько жъ мойму миленькому, якъ иде до дому и пр., см. сборникъ пѣсенъ г. Лисенка, 2-й вып.)

Не посвящая своей замѣтки собственно сравнительному обзору пѣсенъ южно-славянскихъ и русскихъ (что могло бы и со временемъ должно, конечно, составить предметъ особаго изслѣдованія), я этими примѣрами, хочу лишь указать не только на музыкальную, но и на сравнительно-этнографическую важность пѣсеннаго матеріала, заключающагося въ сборникѣ г. Кухача, и обратить на это вниманіе интересующихся дѣломъ читателей.

Любопытна также пѣсня № 10 (вар. № 11-я и 12-я)
1) Дика плава, лане мое, на сьрдцу ми спава, (Милочка (соб. гордость, слава) русая, мой козленочекъ, спитъ у меня на груди),
2) Дика смедья (смуглая) лане мое, у сьрдце ми вредьа! (сломилась, повредила сердце).
3) Дика бѣла, лане мое, сердце ми однела.
4) Дика црна, лане мое, ал'е мило крвна,
5) Граораста (пестрая), лане мое, ал'е дьяволаста (рѣзвая).

(Послѣ каждаго стиха припѣвъ: А я ю! Я би ту полюбно Тасику!). Эта пѣсня—одна изъ тѣхъ сербскихъ и вообще славянскихъ пѣсенъ, съ которыми была одно время въ началѣ семидесятыхъ годовъ знакома и кіевская публика, по

концертнымъ исполненіямъ студентовъ—любителей изъ хора г. Лисенка *)

Эту пѣсню по содержанію можно сблизить хотя бы съ общеизвѣстной малорусской пѣсней: „Ой ходила дівчина бережкомъ, загоняла селезня батожкомъ", гдѣ напр., во второй половинѣ находятся слѣдующіе стихи, подъ стать вышеуказаннымъ сербскимъ:

---

*) *Примѣчаніе:* Таковы, напр., пѣсни: чешскія: 1) Вльтаво! 2) Тѣшме се благоу надѣи, же се врáті злате часы! (Гуситская пѣсня, прекрасная по напѣву и содержанію), и сербскія: 1) Сви шайкаши одоше лако (т. е. Всѣ корабельщики ушли легко) 2) Я подьо снудьенъ край дола (Я пошелъ опечаленный около долины) и хорватская: Напрей, застава славе, на бой юнашка кри! (т. е. Впередъ, знамя славы, въ бой, молодецкая кровь!) Всѣ эти пѣсни были весьма любимы публикой, нынѣ же почему то мало исполняются. Не можемъ не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ путь публичнаго концертнаго исполненія — самый вѣрный для взаимнаго ознакомленія славянъ съ своими драгоцѣнными произведеніями музыкально народнаго творчества. Лучшее средство для популяризаціи у насъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ—это, повторяю, публичное ихъ исполненіе въ концертахъ хорошо организованными хорами, каковъ былъ, напр., еще въ недавнее время въ Кіевѣ хоръ г. Лисенка.

Ныньче, напр., при отсутствіи такого рода исполненія славянскихъ пѣсенъ, онѣ опять перестали быть знакомы нашей публикѣ, и такимъ образомъ придется теперь, пожалуй, начинать сызнова въ дѣлѣ ознакомленія ея съ родственной славянской музыкой. Разумѣется, прямая обязанность такого ознакомленія лежитъ на нашихъ музыкальныхъ обществахъ и ихъ учебныхъ учрежденіяхъ, каковы консерваторіи и музыкальныя училища; но то отсутствіе живаго славянскаго сознанія, та, можно сказать, мертвенность ихъ существованія, которыя такъ непріятно поражаютъ въ нихъ всякаго болѣе или менѣе живаго наблюдателя, долго еще будутъ тормозить это неотложное дѣло. Посмотрите, напр., какъ стоитъ дѣло хотя бы въ г. Кіевѣ, гдѣ существуетъ музыкальное училище Русскаго Музыкальнаго Общества и при немъ, разумѣется, цѣлый штатъ преподавателей Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что это училище со времени своего существованія почти ничего не сдѣлало не только для ознакомленія русской публики съ музыкой, особенно народной, южныхъ и западныхъ славянъ, но и для толковаго и основательнаго усвоенія этой публикой своей же родной музыки, какъ народной, такъ и искусственной Во всемъ, что сдѣлано въ этомъ отно-

. . . .

Ой хто тобі кучери звивае?

—

Була ў мене дівчина Маруся (2),
При ій ў мене кучери вилися.

—

Була ў мене дівчина Татьяна (2),
Вона мені кучери звивала.

—

Була ў мене дівчина Варвара (2),
Вона мені кучери порвала и пр.

Примѣровъ сходства пѣсенъ южно-славянскихъ съ русскими (особенно малорусскими) либо по содержанію, либо по напѣву можно было бы привести гораздо больше, если бы это входило въ мою задачу. Теперь же ограничусь пока еще однимъ любопытнымъ примѣромъ. Пѣсня подъ № 100 (2-й вып. озаглавлена „Скупац", т. е. Скупецъ) поразительно сходна

шеніи (очень немногомъ, впрочемъ) наше музыкальное общество и училище почти нисколько неповинны: все принадлежитъ частнымъ усиліямъ и почину.

Многіе ли изъ кіевлянъ основательно знакомы съ великими мастерами русской національной музыки: Глинкой, Даргомыжскимъ, Сѣровымъ и съ такими представителями новой русской музыкальной школы, какъ Балакиревъ, Мусоргскій, Римскій Корсаковъ и пр.? Сдѣлано ли хоть что нибудь по части распространенія въ обществѣ дешевыхъ изданій нашихъ классическихъ композиторовъ или хоть небольшихъ сборниковъ и христоматій музыкальныхъ, возможно болѣе дешевыхъ? Вотъ хоть такой даже случай, какъ недавнее торжество (16-го сентября 1883 г.) закладки памятника въ Смоленскѣ геніальному нашему М. И. Глинкѣ,—развѣ это торжество не прошло въ Кіевѣ совершенно незамѣтнымъ фактомъ? Ни концерта изъ произведеній великаго композитора, ни стипендіи его имени въ музыкальномъ училищѣ, ни фонда для распространенія въ обществѣ дешевыхъ изданій произведеній какъ Глинки, такъ и другихъ русскихъ композиторовъ—ни одного изъ этихъ общеевропейскихъ способовъ увѣковѣченія памяти великаго человѣка не было предложено въ Кіевѣ. Обнаружено было такимъ образомъ постыднѣйшее равнодушіе къ драгоцѣнному для всѣхъ Русскихъ и Славянъ

по содержанію и способу исполненія въ пѣніи съ малорусской пѣсней „Да куди ідешъ, Явтуше?“ (№ 37 третьяго выпуска „Збірника українськихъ пісень“ Н. Лисенка). Даже въ напѣвѣ обѣихъ пѣсенъ (обѣ поются *andante*), трогательномъ и вмѣстѣ слегка игривомъ, есть что то общее. Малорусская пѣсня лично мнѣ кажется изящнѣе по напѣву; по содержанію же она отличается главнымъ образомъ окончаніемъ: въ ней дѣвушка добивается таки своего и укрощаетъ суроваго и скупаго Явтуха, между тѣмъ какъ въ сербской пѣснѣ парень (Мартинъ) остается до конца непреклоннымъ и на всѣ просьбы дѣвушки отвѣчаетъ отказомъ, быть можетъ, потому что и самыя просьбы эти далеко не сопровождаются такими энергичными и завлекательными для парня предложеніями, какъ въ малорусской пѣснѣ. Приводимъ для желающихъ провѣрить мои слова текстъ обѣихъ пѣсенъ:

Женщина: Одкуд идеш, мой Мартине?
припѣвъ: Све подъ вѣнцем куд идеш,
Ко подъ вѣнцем куд идеш,
Одкуд идеш, мой Мартине?
Парень: Изъ Оточца, госпе моя (моя госпожа, хозяйка).
припѣвъ: Све (т. е. все) подъ вѣнцем куд госпе (къ госпожѣ),
Ко (т. е. као=какъ) подъ вѣнцем куд госпе.

имени, и наша общественная недоразвитость сказалась слишкомъ ясно въ этомъ печальномъ фактѣ! Вотъ результаты существованія въ Кіевѣ музыкальнаго общества и его училища! Они не избѣгли того бюрократизма и мертвеннаго, формальнаго отношенія къ дѣлу, какимъ доселѣ еще отличаются многія учрежденія на Руси. Кромѣ всего этого, да не удивится читатель, если я скажу, что въ Кіевѣ, этомъ центрѣ пѣвучей южной Руси, нѣтъ ни одного русскаго пѣвческаго кружка, хоть въ родѣ того, какой существуетъ, напр., въ Петербургѣ, и что, вслѣдствіе неразвитости музыкальнаго вкуса кіевлянъ (въ чемъ, повторяю, они неповинны), оперетка всецѣло царитъ въ этомъ богоспасаемомъ градѣ!

Женщина: Штó ми носиш, мой Мартине? (припѣвъ).
Парень: Свилен рубац (шелковый платокъ) госпе моя (припѣвъ).
Женщина: Даруй ми га (его), мой Мартине! (припѣвъ).
Парень: Не дам, бог-ме (ей-богу), госпе моя (прип.)

—

Женщина: Одкуд идеш, мой Мартине?
Парень: Изъ Шабаца, госпе моя.
Женщина: Што ми носиш, мой Мартине?
Парень: Бѣли шешир (шляпа), госпе моя.
Женщина: Даруй ми га, мой М.
Парень: Бог-ме не тьу (нé хочу) госпе моя.

—

Женщина: Одкудъ идеш, мой Мартине?
Парень: Изъ Смильяна, госпе моя.
Женщина: Што ми носиш, мой М.
Парень. Ситан (мелкій) бисер, госпе моя.
Жѐнщина: Дару ми га мой М.
Парень: Не тьу, бог-ме, госпе моя.

Послѣ каждаго стиха слѣдуютъ вышеуказанные припѣвы. (Изъ Брлога, въ отоцкомъ полку).

—

Малорусская пѣсня:
Дѣв. Да куди ïдешъ, Явтуше
« « « мiй душе?
Парень (говоркомъ): Не скажу.
Дѣв. Да коли же твоя та добрая ласка,
То й скажешъ.
Парень: На базаръ.
Дѣв. Пiдвези жъ мене Явтушѐ,
» « « мiй душе!
Парень: Не хочу!
Дѣк. Да коли жъ твоя та добрая ласка и пр.
Парень: Сiдай та̀ зъ краечку.

Дѣв. Ой що везешъ, Я.
« » « мій душе?
Парень: Не скажу.
Дѣв. Да коли жъ твоя и пр.
Парень: Груши.
Дѣв. Ой, дай мені, Я.
» » « мій душе.
Парень: Не дамъ!
Дѣв. Да коли жъ твоя и пр.
Парень: Візьми та гниленьку.
Дѣв. Обниму жъ тебе, Я.
» » « мій душе.
Парень: Не хочу.
Дѣв. Да коли жъ и пр.
Парень: Обніми, та не задуши.
Дѣв. Поцілую тебе, Явтуше,
« « мій душе.
Парень: Не хочу!
Дѣв. Да коли жъ твоя та добрая ласка,
То й схочешъ.
Парень: Поцілуй, та не вкуси!
(Изъ с. Будіщъ, Черниговъ. губ.).

Затѣмъ въ этомъ отдѣлѣ отмѣтимъ еще слѣдующіе №№ пѣсенъ, болѣе выдающихся по оригинальности или красотѣ напѣва: 13) („Баш не тьу", т. е. совсѣмъ не хочу), 15) (Узет тьу те, т. е. возьму тебя), 31) („Пойдемъ на Горенско"), то же 31) („Все мине"), 37) („Ой дѣвойко, душо моя"), 38) („Катаринка, малка мома, дѣка спавашъ ты?" т. е. Катериночка, малая дѣвушка, гдѣ ты спишь? болгарская пѣсня), 32) („Коницъ ми е ожедніо" т. е. коникъ у меня захотѣлъ пить") 40) („Синочь е сланца падла" т. е. ночью (соб вчера вечеромъ) пала изморозь (вар. № 39-го), 41 („Три туге", т. е. три скорби), №№ 42, 43 и 44 вар., 47) („Ой, дѣвойко!"),

48) („Од сад више, драга, тебе любить не тьу“ т. е. отнынѣ болѣе не буду тебя любить, дорогая!), 50) Дубровницкая пѣсня: („Почекай, ма дивойко, Ивана код воде“, т. е. подожди, моя дѣвушка, Ивана у воды), 55) („Тавна ночи, тавна ночи, пуна ти си мрака!“, т. е. темная ночь, ты полна мрака), 64) („Ой андьеле љепоте“, т. е. ой, ангелъ, прелесть моя! Пѣсня съ весьма изящнымъ напѣвомъ), 65 и 66 („Смртна болест“); эта пѣсня (въ обоихъ изводахъ) отличается замѣчательной выразительностью и весьма тонкимъ и отчетливымъ изображеніемъ безвыходной тоски сердца, доходящей до боли. Она едвали не лучшая во всѣхъ отношеніяхъ пѣсня 1-го выпуска. Затѣмъ весьма недурны и пѣсни подъ №№ 78 („Плач и смѣх“), 75 (напѣвъ довольно своеобразный и красивый; называется она: „Любит тьу те два дана“, т. е. буду любить тебя два дня), 104, 112, 165 (весьма красива по напѣву пѣсня „Пун любави“ т. е. полный любви) и мн. др.

Здѣсь мы останавливаемся въ перечисленіи выдающихся пѣсенъ, весьма трудномъ, вслѣдствіе ихъ обилія, и утомительномъ и для читателя и для автора. Вмѣсто продолженія этого неблагодарнаго труда я могу лишь совѣтовать читателямъ самимъ по возможности познакомиться съ указаннымъ мною превосходнымъ сборникомъ; я вполнѣ увѣренъ, что это знакомство будетъ вознаграждено тѣмъ удовольствіемъ, которое будетъ доставлено прекрасными и изящными мелодіями многихъ пѣсенъ сборника. Разумѣется, для читателей было бы удобнѣе имѣть дѣло съ кирилловской транскрипціей текста пѣсенъ, но, по указаннымъ мною выше причинамъ, изданіе этихъ пѣсенъ кирилловскими буквами не состоялось, и потому волей-неволей приходится имѣть дѣло съ латинской передачей пѣсеннаго текста.

Выписка сборника можетъ, правду сказать, затруднить тѣхъ изъ читателей, которые пожелали бы пріобрѣсть его, вслѣдствіе отсутствія у насъ прямыхъ книгопродавческихъ сношеній со славянами (нынче эта выписка всего удобнѣе

могла бы быть сдѣлана чрезъ мѣстный университетъ); нужно надѣяться, что скоро возьмутся за это дѣло наши славянскія общества и приложатъ всѣ усилія облегчить славянамъ взаимныя книжныя сношенія.

—

Для играющихъ на фортепьяно могу также рекомендовать и сборникъ хорватскихъ напѣвовъ, изд. Литольфа (Collection Litolff № 1289 Album hrvatskih napjeva (Album national Croate), 100 hrvatskih narodnih napjeva za glasovir udesio (для фортепьяно устроилъ) Slavoljuv Lžičař Braunschveig).

Въ этомъ альбомѣ играющій встрѣтитъ цѣлесообразное указаніе пальцевъ, что̀ значительно облегчаетъ пользованіе альбомомъ для невполнѣ сильныхъ пьянистовъ. Подборъ пѣсенъ довольно удаченъ, и многія изъ нихъ взяты изъ собраній Фр. Кухача и Ив. Зайца.

Весьма недурно переложены, между прочимъ, пѣсни № 34 (Я сам Хрват, т. е. Я Хорватъ), и 52 (Напрей, т. е. Впередъ, Хорв. маршъ, столь извѣстный русской публикѣ въ исполненіи хора г. Славянскаго), чрезвычайно своеобразныя и красивыя по напѣву. Обращаемъ, напр., вниманіе читателей на прекрасное „*dolce e legato*“ въ пѣснѣ „Напрей“ и на удивительный переходъ къ этой части пьесы отъ предыдущаго огненнаго *allegro*.

А. Степовичъ.

Нынѣшнее положеніе Словаковъ

Свѣтозара Гурбана-Ваянскаго.

Настоящая статья написана по нашей просьбѣ спеціально для „Славянскаго Ежегодника“ Свѣтозаромъ Гурбаномъ-Ваянскимъ, талантливѣйшимъ словенскимъ писателемъ, поэтомъ и публицистомъ. Нашъ авторъ, сынъ извѣстнаго политическаго вождя словаковъ д-ра Іосифа Гурбана—безспорно одна изъ выдающихся по дарованію личностей въ современномъ западно-славянскомъ литературномъ мірѣ. Онъ—горячій славянинъ и ревностный защитникъ своей родной униженной и оскорбленной словенской народности. Дѣятельно сотрудничая въ лучшей словенской газетѣ „Народне Новины“, издающейся въ Турчанскомъ св. Мартинѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ редакторомъ единственнаго словенскаго литературнаго журнала „Словенске Погляды“. Объ его огромномъ поэтическомъ дарованіи свидѣтельствуютъ, кромѣ множества мелкихъ пьесъ, изданные имъ два сборника стихотвореній и повѣстей: „Татры и море“ (1880) и „Бесѣды и думы“ (1882 г.). Въ 1881 г. г. Свѣтозаръ Гурбанъ совершилъ путешествіе по Россіи между прочимъ посѣтилъ Варшаву, Петербургъ, Москву, Кіевъ, и по возвращеніи на родину въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ очерковъ и статей по дѣлился съ своими земляками впечатлѣніями вынесенными изъ знакомства съ нашимъ отечествомъ и нашимъ народомъ.

Въ слѣдующемъ выпускѣ „Слав. Ежегодника“ мы намѣрены познакомить читателей съ художественными произведеніями г. Гурбана, а теперь останавливаемъ ихъ вниманіе на вышедшемъ изъ подъ его пера правдивомъ и живомъ изображеніи бѣдственнаго положенія симпатичнѣйшаго, но, къ сожалѣнію, всѣми забытаго славянскаго народа.

Ред.

I.

Возрожденіе словенской народности *).

Въ русской литературѣ очень мало сочиненій о словакахъ, этой несчастнѣйшей вѣтви славянскаго племени.

Кромѣ нѣкоторыхъ трудовъ В. И. Ламанскаго, (имя это дорого всякому словенскому сердцу) и краткихъ замѣтокъ въ Одесскомъ славянскомъ сборникѣ (1880 г.) можно назвать одно большое сочиненіе, изъ котораго русскій читатель прежде всего можетъ познакомиться съ нашимъ народомъ и его судьбами. Это—трудъ И. Л. Пича „Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія сто лѣтъ“, напечатанный въ „Славянскомъ сборникѣ“, издававшемся Петербургскимъ славянскимъ благотворительнымъ Обществомъ (Т. I. 1875. стр. 89., Т. II, 1877. стр. 101.). „Очеркъ“, къ сожалѣнію, остался неоконченнымъ, тѣмъ не менѣе имъ г. Пичь оказалъ намъ неоцѣнимую заслугу. Отсылаемъ почтенныхъ читателей къ этому важному труду. Безъ него русскимъ трудно было бы понять нынѣшнее положеніе словенскаго народа **).

Если мой настоящій краткій очеркъ будетъ отличаться грустнымъ тономъ—пусть не подумаетъ кто нибудь, что онъ есть плодъ отчаянія, мрачнаго настроенія мысли. Отнюдь нѣтъ! Мы далеки отъ пессимизма и живемъ надеждой на освобожденіе, хотя намъ и неясны способы окончательнаго выхода изъ духовнаго рабства.

---

*) Словаки называютъ свою страну „Словенско“. Прилагательное отъ словакъ *словенскій*, а не словацкій.

**) Мы можемъ отмѣтить въ русской литературѣ еще слѣдующіе труды о словакахъ: 1) М. Д. „Словаки“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1868. Августъ. 2) Г. А. Де-Волланъ Мадьяры и національная борьба въ Венгріи. Спб. 1877.

Ред.

Сочиненіе Пича прекращается на томъ моментѣ, когда дѣла словаковъ были довольно хороши въ сравненіи съ нынѣшнимъ ихъ положеніемъ. Онъ вспоминаетъ нашихъ дѣятелей и писателей, труды и старанія которыхъ привели къ нѣкоторымъ практическимъ результатомъ. Публицистическая и литературная дѣятельность Коллара, Сладковича, Гурбана, Штура, Кузмани, Паулини и др. имѣла своимъ послѣдствіемъ:

1. *Народное собраніе въ Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ.* Это былъ свободный съѣздъ естественныхъ вождей народа (1861), на которомъ былъ выработанъ и принятъ „меморандумъ", т. е. документъ, содержавшій изложеніе желаній словенскаго народа. Главное изъ нихъ состояло въ томъ, чтобы языкъ словенскій въ земляхъ, населенныхъ словаками былъ признанъ языкомъ официальнымъ въ мѣстной администраціи, судахъ, школахъ и церквахъ. Границы языка слѣдовало опредѣлить и въ этихъ границахъ основать особое „околье", политическую область, въ цѣломъ однакожъ не отдѣлимую отъ Угріи. Словаки живутъ болѣе или менѣе сплошною массой въ 15 стóлицахъ (комитатахъ); а именно чисто словенскія стóлицы суть: Турецкая, Тренчинская, Оравская, Липтовская; огромное большинство (70—96%) составляютъ словаки въ стóлицахъ: Нитранской, Гемерской, Гонской, Баршской, Шпишской, Шаришской, Земплинской и Абавской; до 50% ихъ живетъ въ стóлицахъ: Пресбургской и Новоградской. Всего въ этихъ стóлицахъ живетъ 2½ мильона словаковъ. Кромѣ того отдѣльными поселеніями словаки встрѣчаются на югѣ Угріи— числомъ до 500,000. Въ самомъ Пештѣ оказалось по послѣдней переписи 25,000 словаковъ, но эта цифра показываетъ лишь одно, что она должна быть удвоена, ибо прямо въ интересѣ мадьярскаго, нынѣ господствующаго элемента было уменьшить число словаковъ. И такъ, Словаковъ, живущихъ подъ короною св. Стефана, добрыхъ три мильона. Нужно замѣтить, что въ это число не вошли словаки на Моравѣ и небольшая часть нашего народа, живущая въ Австріи.

Очевидно, такая масса народа, говорящая одною рѣчью, отличающаяся одними и тѣми же нравами и обычаями, въ правѣ была желать, чтобы ея языкъ былъ уважаемъ въ странѣ. „Меморандумъ" рѣшительно признавалъ нераздѣльность Угорской земли. Выраженныя въ немъ желанія словаковъ были самыя скромныя и справедливыя, но Деакъ и его партія на угорскомъ сеймѣ объявили ихъ *незаконными*.

Хотя „меморандумъ" не имѣлъ практическаго успѣха передъ пештскимъ законодательнымъ сеймомъ, тѣмъ не менѣе служа напоминаніемъ о „народномъ собраніи", какъ первомъ проявленіи словенскаго самосознанія и народной воли, онъ въ значительной степени поднялъ духъ словаковъ. Другимъ важнымъ фактомъ возрожденія было:

2. *Основаніе словенской матицы.* Мадьярскій шованизмъ тогда еще не былъ настолько силенъ, чтобы помѣшать основанію литературнаго и научнаго учрежденія—словенской матицы. Самъ императоръ и король Францъ Іосифъ вступилъ въ число членовъ учредителей, при чемъ внесъ на предпріятіе 1000 гульденовъ. Учрежденіе это начало развиваться, въ скоромъ времени оно было обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, его средства доходили до 100,000 гульденовъ, составившихся изъ мелкихъ крохъ, которыя спѣшили принести въ даръ матицѣ небогатые словенскіе люди. Сверхъ того выстроенъ былъ въ Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ великолѣпный двухэтажный домъ „Словенской матицы" съ большой залой для собраній и помѣщеніями для музея и библіотеки.

Жертвамъ не было границъ: умирающіе отказывали свое имущество матицѣ — (Червень, Томашковичъ и др.), ученые люди разставались со своими библіотеками, нумизматическими и археологическими собраніями въ пользу матицы. Даже дротари, странствующіе по Россіи, Америкѣ и Германіи слали въ Мартинъ свои сбереженные гривенники. Такая готовность къ жертвамъ—рѣдкое явленіе въ наше время. Нужно замѣтить, что весь капиталъ матицы составился изъ самыхъ

мелкихъ пожертвованій, ни одинъ магнатъ или богачъ не участвовалъ въ немъ взносомъ сколько-нибудь значительной суммы. Низшій классъ, евангелическіе священники, учителя, ремесленники, мелкіе землевладѣльцы были главными вкладчиками. Такимъ способомъ увеличивался капиталъ, умножалась библіотека (30,000 сочиненій) и богатѣлъ музей.

Менѣе удачно дѣйствовала матица на литературномъ полѣ: основана она была на высокихъ принципахъ—а силъ не хватало. Издала она всего 30 сочиненій различнаго содержанія и значенія. Но въ теченіе 12 лѣтъ и трудно было широко развить литературную дѣятельность. Только 12 лѣтъ существовала словенская матица.

3. *Учрежденіе школъ.* Словенскій духъ не успокоился на устройствѣ матицы. Такъ какъ всѣ существующія среднія школы были мадьярскія, и ни въ одной изъ нихъ не преподовался словенскій языкъ, хотя словенскій воздухъ, словенскій людъ, словенскій языкъ наполняли и окружали зданія гимназій и реальныхъ училищъ, и такъ какъ правительство не хотѣло открыть ни одной словенской школы, то словаки на свои народныя деньги основали слѣдующія школы: гимназію въ Великой Ревуцѣ (Гемерская столица), гимназію въ Турчанскомъ св. Мартинѣ, гимназію въ Кляшторѣ подъ Знѣвомъ, препарандію (учительскую семинарію) въ Великой Ревуцѣ. И тутъ обнаружилась щедрость словенской народности: всѣ эти школы *устроены и содержались на народныя пожертвованія.* Ни одинъ магнатъ, ни одинъ чиновникъ, ни одинъ высокопоставленный клирикъ не далъ ни крейцера на эти школы. Готовность къ жертвамъ шла такъ далеко, что не было свадьбы, вечеринки, крестинъ, гдѣ бы не производился сборъ на эти школы. Издалека шли ученики въ словенскія школы. Учителя словаки, получавшіе въ мадьярскихъ школахъ или на священническихъ мѣстахъ по 800—1000 гульденовъ жалованья, бросали это выгодное положеніе и шли учить въ словенскую гимназію за 300—400 гульденовъ въ

годъ. При постройкѣ гимназическаго зданія въ Великой Ревуцѣ сами учителя прикладывали свои руки къ дѣлу, играли роль маляровъ, надзирали за рабочими и т. п. и все это безвозмездно. Гимназіи процвѣтали: свидѣтель тому — Вѣнскій университетъ! Питомцевъ изъ словенскихъ гимназій тамъ принимали радушно безъ повѣрочныхъ испытаній, между тѣмъ какъ университетскія власти жаловались на неподготовленность пришельцевъ изъ мадьярскихъ школъ.

4. *Въ литературѣ* возрожденіе болѣе всего выразилось въ повременныхъ изданіяхъ. Въ Турчанскомъ св. Мартинѣ словаки учредили на акціяхъ типографію, которая возбудила великія надежды. Въ началѣ всѣ вѣрили въ возможность ихъ исполненія. Стали издавать сочиненія лучшихъ словенскихъ писателей (Калинчака, Халупки и др.); вообще по началу можно было думать, что Мартинъ со своими учрежденіями станетъ покрайней мѣрѣ культурнымъ центромъ словенской земли, если далека отъ него политическая роль. Впрочемъ, о политическомъ положеніи поговоримъ ниже.

Изъ повременныхъ изданій словенскихъ припомнимъ: политическую газету „Народне Новины" (редакторъ—Вильямъ Паулини-Тотъ (†), затѣмъ Ференчикъ (†), и нынѣшній Амбро Петоръ) беллетристическій журналъ „Орал" (редакторъ Янъ Калинчакъ (†), Трухлый, Ференчикъ (†), сельско-хозяйственный „Обзор" (ред. Даніель Лихардъ (†), народный „Гласник" (ред. Ференчикъ) и др.

Изъ этого видно, что въ словенскомъ народѣ при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ живо сохранялось стремленіе къ культурному народному развитію, при томъ на своихъ самобытныхъ основахъ. Между тѣмъ дани и поборы, взимаемыя со словаковъ никогда не шли на народныя нужды, на поддержку этого высшаго духовнаго стремленія народа. На мадьярскій театръ въ Пештѣ ежегодно отпускалось и отпускается 50,000 гульденовъ, равнымъ образомъ и на другія спеціально мадьярскія, часто мѣстныя пештскія учрежденія

сеймъ ежегодно вотируетъ огромныя суммы, на словенскія же образовательныя учрежденія правительство никогда не давало ни гроша.

Но такое пассивное сопротивленіе стремленіямъ словаковъ не удовлетворяло мадьяръ. Вскорѣ, какъ извѣстно, они пріобрѣли весьма вліятельное положеніе въ Австрійской, нынѣ Австро-угорской монархіи: извѣстно, какъ народился дуализмъ, сдѣлавшій Мадьяръ весьма важнымъ факторомъ въ судьбахъ нашей имперіи. Многіе изъ нашихъ патріотовъ ожидали, что вмѣстѣ съ силой у первенствующаго племени Угріи будетъ рости великодушіе и свободомысліе. Но какъ они ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ, это увидимъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Всеобщій разгромъ.

Всего пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ народилась идея мадъяризаціи Угорщины. Мадьяры, племя численностью не болѣе 4½ мильоновъ, приняли на себя задачу обезличить всѣ 15 мильоновъ остальныхъ народовъ, населяющихъ Угрію, и такимъ образомъ добиться единства языка въ государствѣ.

Такой противоестественный опытъ, когда маленькая, притомъ въ культурномъ отношеніи неразвитая народность стремится ассимилировать себѣ огромное большинство иноплеменнаго населенія, очевидно, долженъ соединяться съ насиліемъ.

И дѣйствительно мадьярскіе государственные люди не замедлили прибѣгнуть къ насилію: никогда еще и нигдѣ въ мірѣ не бывало того, что въ послѣднее время совершалось въ Угріи.

Съ нами словаками не церемонились. Вышеуказанныя четыре словенскія школы одна за другой были заподозрѣны въ „панславизмѣ", силой закрыты, а ученики и учителя разогнаны на всѣ четыре стороны. Одно сохранили за собой господа либеральные мадьяры: фонды, деньги и гимназическія

зданія. Зданіе послѣдней гимназіи въ Великой Ревуцѣ было обращено въ корчму. Въ томъ случаѣ, когда обвиненіе въ „панславизмѣ“ нельзя было доказать, какъ напр, это было въ Кляшторѣ, закрывали школу „по причинѣ сырости стѣнъ зданія“, слѣдовательно изъ санитарныхъ (!?) соображеній. Стѣны въ теченіе восьми лѣтъ, т. е. до сихъ поръ не высохли и такимъ образомъ гимназія остается закрытой.

Подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ поднято было гоненіе и на словенскую матицу (1874—1875 г.). 6 Апрѣля 1875 г. по предписанію угорскаго министра Тисы она была закрыта, а все ея движимое имущество конфисковано. Домъ словенской матицы сперва превращенъ въ казарму для войска, а потомъ служилъ и для другихъ государственныхъ цѣлей. Въ настояще время въ немъ помѣщается *окружной судъ,* и въ той большой залѣ, гдѣ прежде обсуждались вопросы о словенской культурѣ, теперь кормитъ гусей супруга г. судьи. Библіотека и музей, находящіеся въ помѣщеніяхъ, никогда не открываемыхъ и не провѣтриваемыхъ, давно стали достояніемъ мышей, пыли и сырости. А между тѣмъ королевскій комисаръ, обязанный надзирать за имуществомъ матицы, получаетъ изъ фонда матицы по 600 гульденовъ въ годъ.

Всѣ эти словенскія учрежденія были уничтожены за „панславизмъ“. Для уразумѣнія всей возмутительности безправія, постигшаго нашъ народъ, нужно знать, что у насъ называютъ панславизмомъ. Кто заявитъ о себѣ: „я словакъ“, тотъ немилосердно объявляется за панслависта. Та же участь постигаетъ и того, кто подпишется на словенскую газету, купитъ словенскую книгу. Не только тотъ, кто говоритъ литературнымъ словенскимъ языкомъ, но даже тотъ, кто на улицѣ поздоровается съ пріятелемъ по словенски, произнесетъ въ общественномъ мѣстѣ хоть одно словенское слово —уже по тому самому есть панславистъ и измѣнникъ государству. Патріотизмъ безусловно связанъ съ отреченіемъ отъ словенскаго языка и происхожденія. Кто пропуститъ сквозь

зубы хоть одно словенское слово, если онъ принадлежитъ къ интеллигенціи, совершаетъ преступленіе противъ цѣлости угорскаго государства. А между тѣмъ самъ угорскій сеймъ установилъ законъ „о равноправности народностей въ Угорщинѣ!

Теперь легко понять, почему „панславизмъ“ былъ грѣхомъ словенскихъ учрежденій. Смертный грѣхъ былъ не въ самомъ „панславизмѣ“, а въ томъ, что онѣ были *словенскія*, что въ нихъ жилъ духъ словенскаго народа.

Но, отчего же вы не жалуетесь угорскому сейму? Вѣдь у васъ есть конституція, вы выбираете представителей на сеймъ! быть можетъ, спроситъ русскій человѣкъ, имѣющій идеальное представленіе объ угорской конституціи.

Да, у насъ есть конституція, но она служитъ орудіемъ господствующей народности. Объяснимъ это.

Какъ нѣкогда малорусская шляхта увлекалась полонизмомъ, ибо за нимъ была сила, власть, значеніе, такъ и наша словенская аристократія отдалилась отъ народа и ради временныхъ выгодъ стала сильнѣйшимъ орудіемъ мадьяризаціи. За дворанствомъ, какъ вездѣ, идетъ такъ называемая интеллигенція.

Но одинъ этотъ фактъ самъ по себѣ не достаточенъ для объясненія того печальнаго явленія, что три мильона словаковъ не имѣютъ ни одного представителя въ угорскомъ сеймѣ. Какъ же это возможно? Очень просто: не позволяютъ выбирать словенскихъ патріотовъ. Такъ напримѣръ, 9 апрѣля 1879 г. словенскій патріотъ адвокатъ Павелъ Мудронь выступилъ кандидатомъ на народное представительство въ Сучанахъ (Турчанск. стол.). У него было 800 голосовъ, а у его противника всего 30; тѣмъ не менѣе Мудронь не былъ выбранъ. Предсѣдатель избирательнаго комитета не гласовалъ его.

Три года спустя Мудронь опять имѣлъ огромное большинство. Когда приближалась его побѣда, власти приказали бить въ барабаны, и войско со штыками на перевѣсъ бросилось на толпу словенскихъ избирателей; стоявшіе впереди

были избиты, кровь потекла,—остальные должны были уступить грубому насилію, и кандидатура Мудрони снова провалилась.

Въ Вербовѣ, при выборахъ, гдѣ одержалъ побѣду народный кандидатъ Іосифъ Боръ, солдаты стрѣляли въ нашихъ избирателей.

Это, впрочемъ, ужь самыя крайнія мѣры. Обыкновенно правительство добивается цѣли болѣе скромными путями: терроромъ чиновниковъ, водкой и разными постыдными махинаціями при самомъ процессѣ выборовъ. Особенно излюбленъ тотъ способъ, что голоса нашихъ избирателей власти совсѣмъ не принимаютъ для счета, а своимъ позволяютъ подавать голоса *два—три раза*. Затѣмъ, когда уже ни водка, ни застращиванья, ни избирательные подлоги не помогаютъ дѣлу, тогда обращаются къ штыкамъ (При выборахъ всегда присутствуетъ одинъ или два батальона войска подъ командой предсѣдателя избирательной коммисіи, который непремѣнно мадьяризаторъ и политическій врагъ словенскаго народа). Могутъ ли словаки при такихъ условіяхъ имѣть своихъ представителей въ сеймѣ? Тоже самое происходитъ при выборахъ въ представительство стóлицъ (комитатовъ). Живой примѣръ: въ Щавницкомъ округѣ выбирали представителя въ стóличное собраніе. Народъ огромнымъ большинствомъ выбралъ словенскаго патріота Андрея Галашу. Выборы эти были сорваны. На вторыхъ выборахъ тогъ же самый результатъ и тоже самое попраніе закона. Такъ Галаша одержалъ побѣду въ третій, четвертый и пятый разъ, и всѣ пять избраній были сорваны потому, что Галаша словакъ! Спрашивается, что можетъ сдѣлать нашъ народъ, когда видитъ, что его воля, его законное право не имѣютъ никакого значенія?

Вотъ вамъ внутренній смыслъ конституціи! Право на бумагѣ, законъ въ кодексѣ, а въ дѣйствительной жизни угнетеніе народности.

А что подумаетъ образованый педагогъ, если ему ска-

жутъ, что въ чисто словенскихъ мѣстечкахъ, въ начальныхъ народныхъ школахъ языкъ преподаванія мадьярскій? Такимъ образомъ дѣти, отъ рожденія усвоившія словенскую рѣчь, проходятъ всѣ науки, начиная съ азбуки на языкѣ совершенно чужемъ, не принадлежащемъ къ семьѣ индоевропейскихъ языковъ. Что скажетъ юристъ или вообще справедливый человѣкъ, если узнаетъ, что всѣ судебные акты, повѣстки дѣловыя оффиціальныя бумаги, довѣренности и проч. допускаются исключительно на мадьярскомъ языкѣ? Поселянину въ деревнѣ приносятъ мадьярскую повѣстку въ судъ! Въ селѣ никто незнаетъ по мадьярски. Вызываемый пропускаетъ судебный срокъ и подвергается взысканію ex contumacia. Всѣ распоряженія властей, всѣ торговыя, нотаріальныя бумаги, однимъ словомъ, все что имѣетъ официальный характеръ, составляется и пишется по мадьярски.

Законы угорскіе признаютъ широкую свободу печати. Пользуясь этой свободой, патріоты словенскіе стараются поддержать въ своемъ народѣ надежду на лучшую будущность. Но и здѣсь выпадаетъ тяжелая борьба. Не только самое чтеніе словенскихъ газетъ бросаетъ на читающаго подозрѣніе въ измѣнѣ, въ панславизмѣ, но власти открыто запрещаютъ чтеніе словенскихъ изданій. На почтахъ ведутся формальные списки подписчиковъ, представляемые въ высшія правительственныя учрежденія. Такимъ образомъ борьба за словенскую народность переходитъ въ борьбу личную. Дѣло идетъ о хлѣбѣ, о чести, о семьѣ. Такъ, на практикѣ стремятся провести правило, что чтеніе словенскихъ газетъ священникомъ есть *проступокъ, недопускаемый канономъ.* Преслѣдованіе литературы, скромной, лояльной, принадлежитъ къ темнымъ, позорнымъ явленіямъ въ жизни культурнаго государства. Мы живемъ въ свободной, конституціонной странѣ, гдѣ дѣйствуетъ самый либеральный законъ о печати и однако эта свобода недоступна для насъ, мы можемъ добиваться ея только путемъ жестокой борьбы и великихъ жертвъ. Отсюда не удивительно, что теперь нельзя

и думать объ успѣшномъ развитіи литературы. Незавидная, тяжелая доля ожидаетъ каждаго человѣка въ Угріи, который родясь словакомъ любитъ свой материнскій языкъ и не соглашается на обезличеніе своего народа.

Въ настоящее время все, что было *словенскаго*, уничтожено! Народные капиталы ушли въ государственную казну, школы не существуютъ, литературное общество умерло, въ сеймѣ угорскомъ нѣтъ словенскаго представителя. Думалось бы, что дѣло уже кончено, что мадьяризаторы могли бы спокойно пользоваться плодами своихъ разрушительныхъ стремленій. Но нѣтъ, бой продолжается. Должна быть заглушена всякая искорка словенскаго сознанія! Бѣда народному учителю, если онъ—словакъ: онъ подвергается особому надзору, преслѣдованіямъ и въ концѣ концовъ лишается мѣста. Горе ученику гимназіи, если узнали что онъ говоритъ по словенски или читаетъ словенскую книгу. Его уволятъ изъ гимназіи; такъ въ прошломъ году изъ угорскихъ школъ было уволено 10 словенскихъ юношей исключительно за чтеніе книгъ на родномъ языкѣ. Да, страшно подумать, языкъ, которымъ говорятъ три мильона народа, во всей странѣ не преподается ни въ одной средней школѣ! О высшихъ школахъ нечего уже и думать. А что сдѣлалъ этотъ языкъ и его приверженцы? Быть можетъ они повинны въ государственной измѣнѣ, заговорахъ, тайныхъ замыслахъ? Отнюдь нѣтъ! Во всей Угріи не найдется другаго народа болѣе вѣрнаго, тихаго, преданнаго порядку, какъ нашъ словенскій народъ. Никогда онъ не возставалъ ни противъ государства, ни противъ закона, ни противъ короля. Даже когда онъ потребовалъ себѣ того, что было установлено закономъ на угорскомъ сеймѣ 1868 г. т. е. *равноправности языка*; и тогда онъ подвергся преслѣдованію и гоненію, а его друзья лишены хлѣба и повергнуты въ крайнее униженіе. И такъ, общественная свобода, установленная конституціей, сводится къ нулю всилу систематическаго притѣсненія народности, и служитъ для словенскаго народа не

болѣе какъ фразой, формулой, не имѣющей никакого значенія въ дѣйствительной жизни.

Отъ насъ словаковъ требуютъ отреченія отъ нашего языка и народности, и это отреченіе называютъ патріотизмомъ. Но за какую цѣну? Что предлагаютъ намъ за утрату драгоцѣннѣйшаго нашего достоянія? Быть можетъ намъ хотятъ дать благосостояніе, культуру, цивилизацію?

Мы вообще не сочувствуемъ обезличенію народностей даже въ томъ случаѣ, когда за утрату народныхъ началъ предлагается благо высшей образованности, ибо убѣждены, что истинная образованность неотдѣлима отъ развитія народности. Но у насъ нѣтъ и этого смягчающаго условія. Мадьяризація словенскаго народа соединяется съ жестокостью, невѣжествомъ, дикостью нравовъ и интеллектуальнымъ упадкомъ. У насъ въ словенской землѣ были знаменитыя школы, слава которыхъ шла далеко за-границу. Такъ напр. Пресбургскій лицей славился своими профессорами. Баньско-Щавницкая горная и лѣсная академія пользовалась извѣстностью въ Европѣ, считала въ своихъ стѣнахъ по 900 студентовъ, собиравшхся не только изъ Угріи, но изъ Германіи, Польши, Италіи и даже изъ Америки. Нынѣ Пресбургскій лицей—на послѣдней ступени, а горная академія въ Баньской Щавницѣ имѣетъ едва 200 студентовъ, и все это со времени мадьяризаціи этихъ учрежденій. Точно также опустилась агрономическая академія въ Старыхъ Гродахъ, такъ пали гимназіи въ Левочѣ, Прешовѣ, Кежмаркѣ и другихъ мѣстахъ. Мадьяризація знаменуетъ собою полный застой въ культурномъ и интеллектуальномъ отношеніи, въ нравственномъ и этическомъ смыслѣ она есть насиліе и тиранія одной расы надъ другой, одного народа надъ другимъ, притомъ болѣе даровитымъ, болѣе талантливымъ, болѣе способнымъ къ культурному развитію,

III.

Нынѣшнее положеніе.

Какъ извѣстно, Австрія преобразилась въ Австро-Венгрію. Насъ въ этой статьѣ перемѣна эта занимаетъ лишь настолько, насколько въ силу ея словаки и ихъ народность отданы были на произволъ мадьяръ. Пока мадьяры находились въ борьбѣ съ Вѣной, словакамъ было легче. Нѣмцы пользовались ими какъ картой противъ мадьяръ, и мадьяры боялись сильно выступать противъ насъ, такъ какъ имѣли достаточно дѣла съ Вѣной. Можно безошибочно сказать, что дуализмъ никому такъ не повредилъ, какъ намъ.

Еще хуже стало словакамъ съ той поры, когда въ Цислейтаніи наступила эра политики Таафе. Пока словенскіе народы за Лейтой оставались въ сильной оппозиціи, они дѣйствовали въ споразумѣніи съ нами и косвенно помогали намъ противостоять мадьярамъ. Наши бѣдствія и несчастія находили себѣ въ Чехіи и на Моравѣ сочувствіе, а наши стремленія—поддержку, хотя обыкновено платоническую. Но случалось, что намъ и дѣйствительно помогали; такъ самъ Палацкій пожертвовалъ значительную сумму на постройку зданія для гимназіи въ Великой Ревуцѣ. Чешскія газеты постоянно были для насъ поддержкой, если не матеріальной, то нравственной.

Какъ дуализмъ отнялъ у насъ проблематическую поддержку правителтственнюхъ вѣнскихъ круговъ, такъ нынѣшняя эра „уравненія" правъ народностей въ Цислейтаніи лишила насъ этой болѣе или менѣе идеальной поддержки нашихъ славянскихъ братьевъ въ Чехіи и на Моравѣ. Чехи или собственно ихъ вожди Ригеръ, Цейтгаммеръ и др. заискиваютъ расположенія у мадьяръ съ тѣмъ, чтобы тѣ поддерживали ихъ, или по крайней мѣрѣ не мѣшали имъ въ ихъ тяжелой борьбѣ съ нѣмцами. Конечно въ такомъ образѣ дѣйствій Чеховъ есть сторона, заслуживающая извиненія: борьба Чеховъ

съ нѣмцами соединена съ величайшими трудностями и опасностями, а Мадьяры въ настоящее время имѣютъ весьма важное значенiе въ Вѣнѣ. Но какъ бы то ни было, и съ этой стороны мы остались жертвою отпущенiя....

Мы однако не сомнѣваемся въ искреннемъ расположенiи къ намъ самого чешскаго народа и ни въ чемъ не обвиняемъ своихъ чешскихъ братьевъ, хотя намъ, конечно, тяжело быть въ положенiи овцы, обреченной на жертву. Судьба такъ сложилась, что мы оставлены теперь безъ всякой помощи и поддержки и вполнѣ выданы нашему страшному врагу, имѣющему мнимый или дѣйствительный интересъ искоренить словенскую народность.

Это полное одиночество, забвенiе всѣмъ мiромъ—страшно; тревожно-мучительно бьется сердце каждаго честнаго словака, но онъ не впадаетъ въ отчаянiе. Словакъ по природѣ своей всегда мягкiй и слабый, незнаетъ однако одной слабости—отчаянiя. О томъ, какими способами могло бы измѣниться наше тяжелое положенiе, мы не имѣемъ никакого понятiя, но мы носимъ въ себѣ твердую вѣру, что истребленiе трехмиллiоннаго духовно-развитаго и здороваго народа не мыслимо въ концѣ XIX в. Эта мысль утѣшаетъ нашихъ стариковъ, вынужденныхъ видѣть на склонѣ дней своихъ народное рабство, и укрѣпляетъ насъ молодыхъ къ энергической, упорной дѣятельности.

Какъ же поступаетъ съ нами торжествующая, никѣмъ необуздываемая мадьярская народность? А вотъ какъ: всѣ высшiя правительственныя должности, всѣ чиновничьи мѣста она захватила въ свои руки при дѣятельной помощи словенскихъ ренегатовъ. Въ стóлицахъ (комитатахъ) сидятъ „главные жупаны", назначаемые правительствомъ, само собою разумѣется, изъ явныхъ враговъ словенскаго языка. Остальныя должностныя лица избираются „стóличнымъ собранiемъ"; („стóличный выборъ") указанiе кандидатовъ однако зависитъ исключительно отъ главнаго жупана, такъ что если бъ даже стó

личное собраніе въ большинствѣ своемъ состояло изъ народныхъ представителей, оно всетаки не могло бы выбрать своего человѣка. Но и само „стóличное собраніе“ обыкновенно состоитъ изъ людей безхарактерныхъ или даже открытыхъ враговъ нашей народности. Обо всемъ этомъ долго было бы писать. Однимъ словомъ, вопреки конституціи и автономнымъ правамъ, тысячи и десятки тысячъ словенскаго народа не имѣютъ въ „стóличныхъ собраніяхъ“ ни одного представителя, ни одного словенскаго чиновника. Эти послѣдніе суть обыкновенно разорившіеся мелкіе помѣщики, думающіе поправить свои дѣла на государственной службѣ. Такіе люди способны ко всему, но только не къ добросовѣстному исполненію своихъ административныхъ обязанностей.

Равнымъ образомъ, въ отношеніи поднятія образованности ничего не дѣлается для нашего народа, между тѣмъ какъ ежегодно тратятся мильоны на омадьяреніе словенскаго народа. Случается, что устраиваютъ великолѣпныя школы, нанимаютъ для нихъ по 6—7 учителей; а учениковъ въ нихъ оказывается не болѣе 10—15 христіанъ; остальные же—дѣти евреевъ, обыкновенно сочувствующихъ мадьяризаціи въ видахъ лучшей эксплоатаціи простого словенскаго народа.

Если припомнимъ, что словенскій языкъ изгнанъ изъ администраціи, судовъ, высшихъ, среднихъ, даже низшихъ народныхъ, (основанныхъ государствомъ) школъ, то трудно будетъ вамъ, дорогой читатель, повѣрить, что у насъ въ словенскомъ народѣ всетаки еще существуетъ нѣкоторое умственное и духовное движеніе. Еще болѣе загадочнымъ покажется вамъ это явленіе, когда вы узнаете, что чтеніе словенской газеты, словенской книги считается у насъ измѣной отечеству („зрада власти“—Vaterlandsverrath“); что мадьярскій языкъ уже протискивается въ храмы, притомъ въ храмы евангелическаго исповѣданія, какъ извѣстно, признающаго аксіомой проповѣданіе словъ Божьяго на общедоступномъ народномъ языкѣ. Когда вспомните, что въ католическомъ духовенствѣ $^{7}/_{10}$ со-

чувствуютъ политикѣ правительства, высшій же клиръ безъ исключенія пропагандируетъ мадьяризацію; когда подумаете, что сознаніе себя словакомъ означаетъ отреченіе отъ всякихъ матеріальныхъ выгодъ, отъ всякой возможности получить мѣсто, государственную должность, насущный хлѣбъ, мало того означаетъ добровольное обреченіе на всевозможныя гнусныя преслѣдованія не только самого себя, но и своей семьи (ибо разъ вы—словакъ, никогда вашъ сынъ не получитъ стипендіи и можетъ благодарить Бога, если его примутъ въ школу или по принятіи не выгонятъ изъ нея за то, что его родитель—„панславлистъ“); когда все это вы сообразите, то необходимо спросите самихъ себя—да откуда тутъ взяться словенскому умственному движенію? Мыслимо ли оно послѣ уничтоженія всѣхъ образовательныхъ учрежденій, при полномъ отдѣленіи словаковъ отъ остального славянскаго міра? Возможно ли оно подъ такимъ страшнымъ гнетомъ, идущимъ со стороны высшаго правительства, еврейства, чиновничества, общества.

Но умственное движеніе тѣмъ не менѣе существуетъ. Правда, оно идетъ въ скромныхъ размѣрахъ. Нужно замѣтить, что это движеніе лишено всякихъ политическихъ стремленій: гдѣ ужь намъ, не имѣющимъ ни откуда поддержки, заниматься политикой! И дѣйствительно о политическомъ движеніи у словаковъ ничего не слыхать. Когда пишутъ о насъ, обыкновенно уже a priori рисуютъ призракъ „панславизма“ и помѣщаютъ насъ подъ его скипетръ, но факты говорятъ совершенно противное. Словаки не знаютъ какъ добиться осуществленія своихъ, закономъ имъ обезпеченныхъ правъ (законъ 1868 г.—о народностяхъ), и тѣмъ менѣе могутъ помышлять объ измѣненіи законовъ въ свою пользу. Наша газета, сотрудникомъ которой состоитъ авторъ этой статьи, не *занимается* политикой ни въ какомъ смыслѣ, и если въ ней *пишется* о политикѣ, то это собственно не политика, а только наставленіе, поученіе для нашего всѣми забытаго, бѣднаго народа. А выставленіе кандидатовъ можетъ ли быть названо политикой?!

Если и да, то политика эта—не успѣшна, обманчива, ибо до сихъ поръ еще не удалось провести ни одного кандидата словенской партіи.

Но если такъ, то къ чему же такая канонада съ круповскихъ пушекъ? Богъ знаетъ! При всей нашей политической слабости и ничтожествѣ мы словаки болѣе всего подвергаемся нападенію и подозрѣніямъ.

Но мы должны отмѣтить одно важное обстоятельство: въ словакѣ живо сохраняется славянское чувство, сознаніе тѣснаго племеннаго родства съ другими славянскими народами. Быть можетъ ни въ какомъ другомъ народѣ не развито такъ сильно это чувство славянскаго самосознанія какъ у насъ словаковъ. Почему это такъ—это загадка нашихъ святыхъ Татръ (Карпатъ). Мы духовные представители словенскаго народа не скрываемъ этого факта, мы не смѣемъ забыть, что изъ нашей крови, изъ нашихъ карпатскихъ горъ ведутъ свое происхожденіе *Павелъ Шафарикъ*—создатель исторіи славянства и *Янъ Колларъ*—пророкъ его будущности. Этотъ фактъ наполняетъ гордостью грудь каждаго вѣрнаго себѣ и своему народу словака. Никогда не было, нѣтъ и не будетъ у словаковъ партіи, которая не съумѣла бы правильно отнестись къ всеславянской идеѣ, имѣющей высокое культурное и міровое значеніе. О политическомъ ея значеніи намъ не приходится толковать.

Борьба словаковъ за существованіе вмѣстѣ съ тѣмъ есть дѣйствительно борьба за культуру, за образованность. Гдѣ *словенское симосознаніе*,—тамъ обработка языка, литературы, искуства; гдѣ духъ мадьяризаціи и народнаго обезличенія, тамъ языкъ необработанный, книга рѣдкость, объ искуствѣ нѣтъ и помину. Гдѣ во главѣ городка или мѣстечка (напр. въ Дольномъ Кубинѣ или въ Мартинѣ)—стоитъ словакъ, тамъ значительные успѣхи цивилизованнаго быта: проводятся хорошія дороги, строятся дома, разводятся сады, учреждаются кассы для мелкихъ землевладѣльцевъ, устраиваются читальни,

любительскіе спектакли и проч. Напротивъ, гдѣ во главѣ городскаго управленія стоитъ мадьяризаторъ, тамъ обманы, расхищеніе общественнаго имущества, тамъ одна грубость, неопрятность, нравственный упадокъ. Къ сожалѣнію городовъ и мѣстечекъ первой категоріи—очень немного. Впрочемъ, главная культурная дѣятельность наша въ настоящее время сводится къ литературѣ; всякая иная едва ли и возможна.

Политическая газета „Народне Новины" (Narodnie Noviny) издается товариществомъ, во главѣ котораго стоитъ адвокатъ *Павелъ Мудронъ*; редакторъ газеты Амбро Петоръ, старѣйшій изъ дѣятелей на журнальномъ поприщѣ. Онъ же состоитъ издателемъ и редакторомъ народной газеты „Народни Гласник" (Narodní Hlásnik—вых. 1 разъ въ мѣсяцъ) имѣющей болѣе 3000 подписчиковъ при весьма дешевой цѣнѣ (1 гульденъ въ годъ). Главные сотрудники „Новинъ"—Іосифъ Шкультеты, даровитый фельетонистъ и новеллистъ, Георгій Чайда и пишущій эти строки. Г. Чайда—вмѣстѣ съ тѣмъ редакторъ юмористическо-сатирическаго листка „Чернокняжник" (Černoknáznik), служащаго утѣхой и забавой въ отчаянной борьбѣ. Главный его сотрудникъ Андрей Чернянскій, лучшій словенскій юмористъ. Подъ моей редакціей выходятъ „Словенске Погляды" (Slovenské Pohlády) беллетристическій журналъ, о которомъ мнѣ не приходится судить. Замѣчу только, что это единственное періодическое изданіе, посвященное изящной словенской литературѣ. Для сельскихъ хозяевъ издаетъ Ром. Заимусъ (Rom. Zaymus)—„Обзор" (Obzor). Журналъ для дѣтей „Вчелка" (Včelka) издается Андреемъ Соколикомъ, знаменитымъ у насъ педагогомъ, который сперва былъ учителемъ гимназіи въ В. Ревуцѣ, но по закрытіи ея не хотѣлъ разстаться съ роднымъ народомъ и принялъ мѣсто народнаго учителя въ Мартинѣ. Этимъ перечнемъ мы исчерпали періодическую печать словаковъ.

Объ остальной литературѣ нужно замѣтить, что она не можетъ заявлять о себѣ особенно крупными фактами. Свято-

Мартинская типографія почти ничего не издаетъ на свой счетъ, а издательскихъ фирмъ нѣтъ. Нѣкто Горовичь въ Тернавѣ издаетъ маленькія книжки для дѣтей и грамматики для народныхъ школъ. Въ области школьной литературы особенно много работаютъ писатели Андрей Соколикъ (изд. „Робинзона“), Владиславъ Ризнеръ и Янъ Бежо.

Первый словенскій поэтъ въ настояшее время — *Павелъ Орсагъ* (Pavel Orszagh) пишущій подъ псевдонимомъ „Гвѣздославъ“ (Hoiezdoslav). Это глубокій, умственно-развитой, нравственный и чисто славянскій талантъ. Оригинальность его поэтическихъ произведеній — стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Самое большое его произведеніе „Агарь“ обнаружило въ немъ весьма значительный эпическій талантъ. Но особенно замѣчательны его „рефлексивныя поэмы“, исполненныя необыкновенныхъ поэтическихъ красотъ и проникнутыя горячею любовью къ бѣдному словенскому народу, Изъ молодыхъ новеллистовъ нужно припомнить Іосифа Шкультеты (напис. до 14 новеллъ и повѣстей), Антона Бѣлека, весьма умного разсказчика и Мартина Кукучина (псевдон.), обнаруживающаго недюжинный новеллистическій талантъ. Въ сельской, простонародной новеллѣ заявили себя хорошими созданіями Елена Шолтесова и Само Бодицкій. Историческую повѣсть обработываетъ Подтатранскій (псевдон.).

Научная литература, конечно, не можетъ процвѣтать при указанныхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ находится народная жизнь; тѣмъ не менѣе и тутъ есть дѣятельная силы: въ исторіи—Сасинекъ, Павелъ Крижко, въ критикѣ и филологіи—знаменитый Ярославъ Влчекъ и Жиронскій (†); въ миѳологіи и археологіи—Л. Реиссъ, молодой Милославъ Гробонь и Павелъ Добшинскій. Естественными науками занимается І. Л. Голубый, какъ ботаникъ пользующійся европейскою извѣстностью.

Изъ старыхъ нашихъ писателей, продолжающихъ служитъ литературѣ, остался одинъ докторъ Іосифъ Милославъ

Гурбанъ, въ настоящее время воздвигающій великолѣпный памятникъ Людевиту Штуру составленіемъ его біографіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ и воспоминанія о знаменитой порѣ словенскаго возрожденія.

Пусть эти немногія, краткія черты послужатъ нѣкоторымъ напоминаніемъ о существованіи несчастнаго славянскаго народа подъ Карпатами. Кто знаетъ, быть можетъ и для насъ наступитъ часъ народнаго освобожденія, какъ онъ уже наступилъ для другихъ нашихъ братьевъ и какъ онъ, повидимому, наступаетъ для цислейтанскихъ славянъ.

Покушенія Австріи ввести въ Далмаціи унію съ Римомъ при содѣйствіи Галичанъ.

(ВЪ 20-ХЪ ГОДАХЪ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ)

Якова Головацкаго.

Распространеніе католичества было всегда правиломъ въ Габсбургской династіи. Австрійскіе государи, какъ короли Угорщины, усвоили себѣ титулъ апостольскаго короля или апостолическаго величества. Этотъ титулъ сталъ нынѣ ничего незначущимъ словомъ, безъ внутренняго значенія и безъ дѣйствительной силы, но было время когда австрійскимъ владѣтелямъ, такъ сказать, ставилось въ обязанность апостолованіе, т. е. распространеніе католичества между православными и иновѣрцами; было время когда политическая и административная власти соединялись къ тому, чтобы подавить, попрать, уничтожить всѣ иновѣрческія общины и на развалинахъ иновѣрческихъ храмовъ воздвигнуть католическіе костелы и кляшторы, подчинить иновѣрцевъ главѣ единоспасительной будтобы римской экклезіи. Австрійскіе владѣтели въ своемъ апостольскомъ ревніи не очень были разборчивы въ пріисканіи способовъ и мѣропріятій къ осуществленію своихъ замысловъ. Австрійское правительство не брезгало никакими средствами для достиженія своей цѣли. Мечъ и огонь, тюрьма и изгнаніе, всякаго рода пытки и хитрыя козни и уловки пускаемы были въ ходъ, чтобы удовлетворить прихотямъ фанатизма и ханжеству католичества. Сколько крови пролито во время гуситскихъ войнъ и въ борьбѣ съ протестантами въ Угріи, или во время драгонады послѣ битвы на Бѣлой Горѣ!

Толпы беззащитнаго народа, немощные старцы, слабыя женщины съ невинными дѣтьми бѣжали заграницу, точно такъ какъ нынѣ босняки и герцеговинцы бѣгутъ предъ жестокимъ насиліемъ остервенѣвшихъ солдатъ, ища пріюта въ чужихъ земляхъ. Но оставляя эти событія въ сторонѣ, разсмотримъ отношенія австрійскаго правительства къ православнымъ славянамъ, которыхъ Австрія обыкновенно ласкала до тѣхъ поръ, пока не приручила и не подчинила ихъ своей власти, а послѣ закрѣпивъ ихъ за собою, начала по обыкновенію своему лишать пожалованныхъ привилегій, стѣснять въ вѣрѣ и обращать въ католичество. Не упоминая о насильственномъ обращеніи православныхъ сербовъ Людовикомъ, апостольскимъ королемъ Угріи (1360—1379 гг.) и др. королями угорскими, уже въ XVIII столѣтіи сербскіе поселенцы въ Угріи, переманенные австрійскими обѣщаніями, до того были угнетены въ своемъ вѣроисповѣданіи, что въ 1751 году многіе сербы изъ Угріи и Славоніи съ своими семействами перешли въ Россію и поселились на плодородныхъ малороссійскихъ степяхъ между р. Днѣпромъ и Синюхою. Тутъ только они нашли отеческое покровительство правительства, совершенную свободу вѣроисповѣданія, полную равноправность съ мѣстными жителями, привольную жизнь на хлѣбородныхъ земляхъ Малороссіи, пріобрѣли такое искренное, сердечно-дружеское сожительство съ гостепріимными, откровенными Малороссами, что эти пришлые поселенцы такъ называемой Ново-Сербіи, принятые въ семейные круги малороссійскіе какъ свои родные, совершенно слились съ мѣстнымъ населеніемъ и сдѣлались въ третьемъ поколѣніи настоящими украинцами-малороссами. Между тѣмъ ихъ братья оставшіеся въ Угріи подвергались разнымъ лишеніямъ. Пока въ нихъ нуждались, имъ обѣщали все, а послѣ—напр. послѣ 1848 годовъ—долой съ ними еретиками. Во время семилѣтней войны доблестные сыны Хорватіи и Славоніи проливали свою кровь за австрійскую императрицу Марію Терезію, между тѣмъ уже въ 1741

году былъ обнародованъ декретъ, въ силу котораго дворяне православнаго вѣроисповѣданія въ Кроаціи и Славоніи лишались права владѣть недвижимыми имуществами. Вслѣдствіе этого закона, нарушавшаго право собственности, многія фамиліи, чтобы не лишиться имущества, переходили въ католичество, другія выселялись изъ края.

Такъ какъ дѣло обращенія православныхъ въ католичество, шло неуспѣшно, то старались прежде завести унію и тѣмъ проложить дорогу для обращенія въ католичество. Такъ сманили нашихъ закарпатскихъ братій русиновъ, румынъ и друг. православныхъ въ унію, такъ императоръ Францъ I старался обуніатить православное населеніе въ Далмаціи и въ Буковинѣ, не жалѣя на то ни труда ни расходовъ.

Чтобы наши русскіе не увлекались благодушіемъ, а смотря какъ слѣдуетъ за ходомъ дѣлъ, умѣли судить настоящимъ образомъ о своихъ дѣлахъ по части вѣроисповѣданія и политики, я хочу имъ открыть закулисную сторону введенія уніи въ Далмаціи, въ каковомъ темномъ дѣлѣ въ силу обстоятельствъ должны были принять участіе наши галичане, проведеные лестными обѣщаніями духовной и свѣтской власти. Держась своего завѣтнаго divide et impera, Австрія подущала одну народность на другую, одно вѣроисповѣданіе на другое, чтобы располагая чужими силами тѣмъ удобнѣе достичь хитро устроенныхъ затѣй, къ которымъ она стремилась съ желѣзною послѣдовательностью. Обласканные милостями Маріи Терезіи Галицкіе Русскіе, пока она въ нихъ находила противувѣсъ противъ спесивыхъ поляковъ, въ своемъ простодушіи сами не поняли, какимъ способомъ они сдѣлались орудіемъ австрійско-католической политики для окатоличенія южныхъ братій славянъ. Отцы наши разсказывали съ восторгомъ, что наши галичане Дръ Веровскій, Честынскій, Ступницкій удостоены были особенной цѣсарской милости и посылаемы были высшею властію на миссію въ Далмацію для обращенія въ унію какихъ-то закоренѣлыхъ схизматиковъ,

о которыхъ они имѣли самое неясное понятіе. Между тѣмъ нынѣшніе буковинскіе православные, войдя въ близкія іерархическія сношенія съ Далматинцами, находятъ въ нихъ своихъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братій, дружески относящихся къ нимъ и желающихъ имъ самаго лучшаго преуспѣянія. Политическая зрѣлость народовъ требуетъ отъ всякаго гражданина точнаго уясненія своего положенія и понуждаетъ руководствоваться безъ всякаго увлеченія, наставленіемъ апостола: Вся испытуйте, а еже добро держите.

Галицкая миссія не удалась, миссіонерская семинарія въ Шибеникѣ закрыта, Геровскій и Честынскій возвратились въ Галицію, оставивъ по себѣ только нѣмую могилу собрата Ступницкаго. Нечистое, неблагословенное Богомъ дѣло затерлось, замялось въ канцелярскихъ бумагахъ, и никто не могъ узнать настоящей правды. Главныя пружины темнаго дѣла покрылись офиціальной тайной, могилы невольныхъ миссіонеровъ поросли травою и сгладились почти до уровня земли—однакоже: Nichts ist so fein gesponnen
Es kommt einmal an die Sonnen.

Нашлись люди близкіе къ самымъ главнымъ кознодѣямъ, посвященные во всѣ тайны оборотовъ дѣла, которые собрали и за писали всѣ главныя данныя, и нашелся другой человѣкъ, который пустилъ ихъ посредствомъ печати въ свѣтъ, на попраніе лжи и возстановленіе истины *). Но объ этомъ скажемъ ниже, а теперь начнемъ эту исторію сначала.

Сейчасъ же послѣ принятія во владѣніе Далмаціи 1797 году Австрійское правительство пыталось ввести унію между православными Сербами въ Далмаціи, но безъ всякаго успѣха. Въ 1805 г. по пресбургскому миру эта область перешла во власть французовъ, которые провозгласили свободу

---

*) Л. Березины Краткій очеркъ исторіи уніи въ Далмаціи, въ Христіанскомъ чтеніи за 1875 г. IV—V стр. 368.

вѣроисповѣданій, и православные сербы отдохнули отъ религіозныхъ гоненій; только въ 1814 г. въ слѣдствіе рѣшенія Вѣнскаго конгреса Далмація окончательно присоединена къ Австрійской монархіи, и апостолованіе апостольскаго величества опять возобновилось. Какъ разъ у австрійскаго правительства нашелся пройдоха, который вызвался помогать ему въ этомъ дѣлѣ. Нѣкто Венедиктъ Кральевичъ—бѣглый епископъ изъ Босніи хитростію и интригами съумѣлъ добиться епископской митры Далмаціи и Боки Которской. Этотъ ловкій грекъ или Цынцаръ (котораго собственное названіе было Патіавура) увлеченный амбиціей и корыстолюбіемъ, предложилъ правительству планъ введенія уніи а послѣ и католичества въ своей православной епархіи и былъ главнымъ агитаторомъ введенія уніи. Епископу Кральевичу пособствовали и давали поддержку министръ австрійскій графъ Соврау и губернаторъ Далмаціи баронъ Томашичь, его помощникъ баронъ Крутвицкій и другіе господа католики Хорваты. Императоръ Францъ I (какъ апостольскій король) самъ пламенно желалъ подчинитъ своихъ православныхъ подданныхъ жителей Далмаціи, Албаніи и Истріи главенству папы и не жалѣлъ издержекъ для осуществленія затѣяннаго Кральевичемъ плана. Кральевичъ успѣлъ хитрыми увертками снискать себѣ въ нѣкоторой степени довѣріе паствы. Онъ заявилъ правительству, что весь народъ послѣдуетъ его призыву, что все „зависитъ отъ воспитанія духовенства, которое заручившись силою знанія въ извѣстномъ направленіи, начнетъ энергично проповѣдывать взлѣлѣенную нами мысль (унію) и своимъ краснорѣчіемъ *навѣрно* увлечетъ малообразованную толпу народа". Поэтому, предлагалъ онъ, необходимо устроить семинарію, чтобы дать молодымъ Далматамъ возможность получать высшее духовное образованіе въ католическомъ духѣ, кромѣ того онъ предлагалъ, на казенный счетъ открыть гимназію въ Шибеникѣ (Sibenico) съ лицеемъ философскихъ наукъ, съ особыми стипендіями для православныхъ. Но такъ какъ сербскій народъ не будетъ пи-

тать довѣрія къ своимъ пастырамъ, если бы они окончили курсъ въ римско-католическихъ семинаріяхъ (а это довѣріе необходимо), то въ новоучреждаемую семинарію нельзя поставлять католиковъ, а всего лучше и удобнѣе вызвать нѣсколько лицъ въ качествѣ учителей и наставниковъ изъ высшаго греко-уніатскаго духовенства Галиціи! Такъ какъ православные сербы давно хлопочутъ объ открытіи семинаріи, которую учредить обѣщалъ имъ Наполеонъ I, во время владѣнія своего Далмаціей, то австрійское правительство угождая этимъ желаніямъ народа, можетъ воспользоваться самымъ лучшимъ образомъ для введенія уніи. По плану Кральевича окончившіе курсъ въ этой семинаріи воспитанники должны получать приходскія мѣста, и для привлеченія къ дѣлу желательно было бы увеличить и годовой окладъ на 100 гульденовъ. Эту плату слѣдуетъ увеличить тѣмъ священникамъ, которые будутъ ревностно содѣйствовать осуществленію уніи. Кральевичъ совѣтовалъ лучшихъ воспитанниковъ семинаріи отправлять для окончательнаго образованія и утвержденія въ католическихъ догматахъ въ Вѣнскій конвиктъ, въ которомъ воспитываются католики и уніаты. Эти молодые люди, получивши тамъ высшее богословское образованіе и степень докторовъ богословія (въ католическомъ факультетѣ Вѣнскаго университета) могли бы вернуться на родину и занять важнѣйшія должности. Всѣ эти мѣры необходимы для сліянія подданныхъ его апостольскаго величества подъ покровомъ католицизма; но эти мѣры (говорилъ Кральевичъ *) не слѣдуетъ проводить рѣзко, нагло; а напротивъ онѣ должны носить на себѣ характеръ привлекательности, должны возбуждать къ себѣ народную симпатію и будучи проведены постепенно, навѣрно достигнутъ желанной цѣли, не вызвавъ со стороны народа никакой оппозиціи или сопротивленія.

---

*) См. переписка о уніи Далматинскаго епископа Венедикта Кральевича съ австрійскимъ правительствомъ. Бѣлградъ 1863.

Весь проэктъ Кральевича былъ принятъ и одобренъ императоромъ Францомъ I. Въ 1819 г. императоръ нашелъ предложенные способы и средства цѣлесобразными и согласился съ тѣмъ, что при помощи этихъ средствъ возможно будетъ съ наибольшею легкостію осуществить соединеніе православныхъ далматовъ съ римско-католическими. Онъ положилъ свою резолюцію, что въ Далмацію имѣютъ быть присланы три греко-уніатскихъ священника изъ Галиціи съ цѣлію въ новоучрежденной въ Шибеникѣ для православныхъ семинаріи обучать православный юный клиръ различнымъ богословскимъ наукамъ по образцу католическихъ учебныхъ заведеній. Австрійскій императоръ (противъ своего обыкновенія) сталъ щедрымъ для славянъ и не пожалѣлъ денегъ для скорѣйшаго осуществленія дѣла уніи. Не только Шибеницкая семинарія и богословскій лицей при ней должны быть содержимы на казенный счетъ, но австрійское правительство обѣщало: а) назначить денежныя пособія ученикамъ гимназіи и слушателямъ философіи въ Далмаціи, б) содержать на счетъ казны наиболѣе способныхъ учениковъ въ Вѣнскомъ конвиктѣ (разумѣется вмѣстѣ съ католиками и уніатами), в) увеличить жалованье приходскимъ священникамъ, которые окажутся вполнѣ преданными цѣлямъ уніи.

Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ далматинскіе сербы хлопотали объ учрежденіи православной семинаріи, но австрійское правительство было нѣмо и глухо къ ихъ просьбамъ пока дѣло шло о православномъ заведеніи, но лишь только возникла мысль посредствомъ семинаріи и школъ обуніатить православную епархію, то правительство само вышло на встрѣчу какому-то епископу пройдохѣ, предложившему проектъ обуніатить Далмацію *) и не жалѣло 2000 гульд. епископу Кралье-

*) Не столь-ли щедрымъ оказалось тоже правительство въ 1859 году при учрежденіи Лугошской епархіи въ Банатѣ! Три благочинія, населенныя румынами не хотѣли подчиниться сербской православной іерархіи—правительство воспользовалось этимъ племеннымъ раздоромъ, дало упорствующимъ особаго (уніатскаго)

вичу на проѣздъ въ Вѣну и 5000 гульденовъ на расходы въ томъ же городѣ.

Епископъ Кральевичь увѣдомилъ свою паству, что императоръ Францъ I, уваживъ его ходатайство согласился на учрежденіе семинаріи, при томъ епископъ предписалъ во всѣхъ церквахъ ввѣренной ему епархіи совершить молебствіе за здравіе и благоденствіе императора, который соблаговолилъ оказать такую милость своимъ православнымъ подданнымъ. Не подозрѣвая разставленныхъ сѣтей уніатской пропаганды, народъ, обманутый своимъ негоднымъ епископомъ и австрійскимъ правительствомъ, горячо молился о благоденствіи австрійскаго императора, мнимаго защитника и покровителя православной церкви, и за своего мнимаго ходатая епископа измѣнника, который обманувъ свой народъ употреблялъ его довѣріе для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Но Всевышній сердцевѣдецъ услышалъ искреннія молитвы православныхъ христіанъ и спасъ люди своя отъ приготовленной имъ врагами душевной погибели!

Пока Кральевичь ѣздилъ въ Вѣну для совѣщанія по затѣянному дѣлу, императоръ назначилъ преподавателей въ новоучреждаемый въ Шибеникѣ лицей и наставниковъ семинаріи. Каноникъ Львовскаго митрополичьяго капитула *Ступницкій* назначенъ ректоромъ основываемой семинаріи и профессоромъ нравственнаго и пастырскаго богословія. На должность профессора исторіи и каноническаго права опредѣленъ Яковъ *Честинскій*, а профессоромъ герменевтики и догматики Яковъ *Гировскій* *); въ помощь имъ прибавленъ еще четвертый

епископа, учредило капитулъ, построило великолѣпный храмъ и епископскую палату, дало блистательное содержаніе епископу и каноникамъ, и православные румыны ради мамоны измѣнили вѣрѣ своихъ отцевъ...

*) Въ статьѣ г. Березина ошибочно напечатано Жировскій; авторъ читалъ по италіански Girowski, но нужно читать Чировскій отъ русскаго слова чира.

(фамилія его не показывается въ запискахъ) преподаватель нѣмецкаго языка.—Сколько предупредительнымъ былъ императоръ учреждая семинарію, столько щедрымъ оказался онъ при вознагражденіи дѣятелей уніи: Ступницкому назначено 1500 гульденювъ годоваго оклада, остальнымъ по 1000 гульд. Всѣ они должны получать безплатно столъ и квартиру (по тогдашнимъ цѣнамъ это значило весьма высокій окладъ).

Все это дѣлалось хитро и тайно; между прочимъ, генералъ губернаторъ Томашичь писалъ Кральевичу 25 апрѣля 1819 г. вовсе не стѣсняясь: „Его Величество желаетъ, чтобы всѣ означенные профессора получили бы приказаніе чрезъ Львовскаго митрополита пріѣхать немедленно въ Задаръ (Зару) и тамъ прожить нѣкоторое время*, пока не отростетъ у нихъ борода**) и пока они не научатся свободно говорить и писать по сербски и по италіански, *что бы отклонивъ всякое подозрѣніе о тайной агитаціи, достигнуть желаннаго успѣха въ томъ дѣлѣ, къ которому они призваны*" (т. е. чтобы удобнѣе обмануть православныхъ). Хороши апостолы и ихъ глава, мнимый намѣстникъ Христовъ—папа!

Въ началѣ 1820 г. прибыли въ Шибеникъ четыре уніатскіе священника изъ Галиціи на должности преподавателей богословскихъ наукъ въ новооткрытомъ тамъ духовно-учебномъ заведеніи для православной молодежи. Послѣ ихъ прибытія въ Шибеникъ была открыта семинарія, но православные Далматы были крайне поражены тѣмъ, что ихъ семинарія была ввѣрена непосредственному надзору уніатскихъ священ-

---

*) Канонникъ Лаврецкій, въ 1820 г. посланый миссіонеромъ въ среду православныхъ въ Буковину, также носилъ бороду. Подобнымъ способомъ въ 60-ыхъ годахъ папа приказалъ суфраганному епископу *Сембратовичу*, нынѣшнему митрополиту Львовскому, отростить бороду и переодѣться по православному, когда дѣло шло о приведеніи болгаръ въ унію и посвященіи для нихъ епископа Сокольскаго. Послѣ возвращенія своего Сембратовичь сбрилъ бороду и теперь ходитъ безъ бороды—по католически.

никовъ и что профессора начали въ ней преподавать по латыни. Впрочемъ сами уніатскіе священники, познакомившись съ характеромъ и желаніями мѣстныхъ жителей, стали безпокоиться и сомнѣваться въ успѣхѣ предстоящей имъ дѣятельности; они скоро убѣдились, что дѣла уніи не находятся въ томъ положеніи, въ какомъ они думали его найти. До отъѣзда ихъ изъ Вѣны министръ и нунцій увѣряли ихъ, что епископъ, все духовенство и весь народъ жаждутъ быть принятыми на лоно единоспасительной римской церкви, что Далматы примутъ ихъ какъ своихъ вожделѣнныхъ просвѣтителей и благодѣтелей. Самъ императоръ Францъ (какъ разсказывали мнѣ покойные Честинскій и докторъ Чировскій) внушалъ молодымъ священникамъ, что имъ предстоитъ совершить великій подвигъ для католической церкви, государства и человѣчества. а нунцій благословилъ своихъ миссіонеровъ обѣщая, что ихъ ожидаетъ честь и слава апостоловъ Христовыхъ и добрая память въ его церкви, а между тѣмъ они встрѣтили вездѣ негодованіе и крайнее отвращеніе. Кромѣ епископа Кральевича, который принялъ ихъ съ любезною предупредительностію, никто изъ духовенства не сообщался съ ними, народъ косо и недовѣрчиво смотрѣлъ на пришельцевъ. Они увидѣли въ разочарованіи своемъ, что они обмануты и остались только жертвой интриги превратнаго Кральевича. Они были командированы разъѣзжать по православнымъ селамъ, служить обѣдню въ своей миссіонерской палаткѣ и увѣщевать народъ къ единенію съ римскою церковью. Народъ съ недовѣрчивымъ любопытствомъ смотрѣлъ на ихъ будтобы православное богослуженіе, и находилъ что-то не такъ, но когда дѣло дошло до проповѣди объ единеніи церквей, то слушатели съ ропотомъ и негодованіемъ отворачивались прочь, а изъ толпы раздавались голоса: чего зазѣвались, это не служители Божіи, это волки въ овчиныхъ кожахъ, это переряженные католическіе дьяволы. Не слушайте ихъ!

Въ Шибеникской семинаріи ежедневно убывало по нѣ-

скольку воспитанниковъ, осталось еще съ десятокъ круглыхъ сиротъ, набранныхъ прямо съ улицъ города. Между тѣмъ негодованіе народа возрастало со дня на день, народъ съ ненавистью и презрѣніемъ относился къ новоприбывшимъ профессорамъ. Напрасно генералъ-губернаторъ баронъ Томашичь (онѣмеченный хорватъ католикъ) старался заглушить всеобщій ропотъ, приказавъ строго наказывать всякаго, кто дерзнетъ заявить открытое выраженіе недовольства противъ высочайшей цѣсарской воли—учрежденія давно желанной семинаріи для православнаго юношества.

Подозрѣніе далматинцевъ о неблагонамѣренности епископа Кральевича и намѣреніи его подчинить православную Далмацію папѣ стало наконецъ ясно и явно всѣмъ. Протодіаконъ Андрей Личиничь, тотъ самый, который послѣ издалъ: „Переписку объ уніи епископа Венедикта Кральевича съ австрійскимъ правительствомъ", сообщилъ своимъ друзьямъ всѣ свои свѣдѣнія и наблюденія надъ дѣйствіями епископа. Православные Далматы, собравшись на совѣщаніе, единодушно постановили признать епископа Кральевича измѣнникомъ и отступникомъ отъ православія. Они составили письменный актъ на будущее время не признавать Венедикта Кральевича своимъ архипастыремъ. Копію этого рѣшенія они передали офиціально генералъ-губернатору Томашичу, прося его сообщить объ этомъ самому императору. При томъ они выразили письменно свое негодованіе присланнымъ уніатскимъ священникамъ и просили генералъ-губернатора заявить его величеству, чтобы онъ удалилъ уніатовъ изъ Далмаціи, такъ какъ жители не будутъ отдавать своихъ дѣтей въ семинарію. Наконецъ они просили императора дозволить имъ свободно исповѣдывать свою вѣру, обращая вниманіе Его Величества на всѣ указы, начиная отъ декрета императора Леопольда I и ссылаясь на декретъ прочихъ австрійскихъ императоровъ, которые обезпечили неприкосновенность православнаго вѣроисповѣданія славянамъ, населяющимъ австрійскую имперію. Но всѣ эти за-

явленія, ходатайства и просьбы не имѣли желаннагб успѣха; австрійскій дворъ не обратилъ на нихъ должнаго вниманія, и дѣло не подвинулось ни на одинъ шагъ впередъ.

Между тѣмъ Кральевичь неугомонно предпринималъ новыя мѣры для сліянія православныхъ съ католиками. Онъ началъ сближаться съ католическими ксендзами, посѣщалъ римско-католическіе церкви для слушанія тамъ проповѣдей, желая тѣмъ подать примѣръ своей паствѣ. При посѣщеніи римско-католическихъ костеловъ онъ, по обычаю латинянъ, совершалъ колѣнопрѣклоненія и кропилъ себя водою при входѣ въ костелъ и при выходѣ оттуда *). Частная жизнь его далеко не была согласна съ достоинствомъ епископскаго сана: пиршества, днемъ и ночью имъ устраиваемыя, были осуждаемы даже самими католиками, которые, повидимому, должны были бы торжествовать, видя такое нравственное паденіе главы православія въ Далмаціи. Но все это касалось собственно епископа и не задѣвало интересовъ его паствы. Впрочемъ въ скоромъ времени замѣтя, что его католическія выходки не вызываютъ протеста со стороны православныхъ, а въ тоже время все болѣе и болѣе располагаютъ къ нему представителей австрійской администраціи, онъ сталъ вторгаться въ область отношеній православныхъ къ католикамъ и явно покровительствуя послѣднимъ, затрогивалъ самыя завѣтныя убѣжденія своей паствы. Такъ епископъ Кральевичь исходатайствовалъ у административной власти приказаніе, чтобы въ случаѣ брака между православнымъ и католичкою или католикомъ и православною, бракъ былъ совершаемъ по обрядамъ римско-католической церкви; онъ дозволялъ католическому ксендзу отпѣвать и хоронить умершихъ православныхъ.

Эти послѣднія мѣры, прямо направленныя къ поколебанію

---

*) Это поведеніе какъ разъ напоминаетъ намъ латинствующихъ іерарховъ Литвиновича и Панковича.

религіозныхъ убѣжденій въ православномъ населеніи Далмаціи, вызвали громогласный протестъ. Православные Сербы взволновались. „Какъ!"—говорили они, „въ послѣднее время владычества Венеціанской республики въ Далмаціи было дозволено нашимъ православнымъ священникамъ совершать смѣшанные браки, а теперъ самъ православный епископъ возстаетъ противъ этихъ правъ, дарованныхъ намъ Венеціанскимъ правительствомъ и правительство уничтожаетъ ихъ?" Въ то же время съ быстротою молніи пронесся по Далмаціи слухъ, что только тѣ православные будутъ получать мѣста на государственной службѣ, которые дадутъ формальное обѣщаніе сдѣлаться впослѣдствіи уніатами; неисполненіе этого обѣщанія влечетъ за собою лишеніе мѣста, т. е. въ большинствѣ случаевъ лишеніе средствъ къ существованію. Открытіе уніатской семинаріи въ городѣ Шибеникѣ и вообще дѣятельность епископа Кральевича, въ духѣ католичества, снискавшая ему благоволеніе самого правительства—все это послужило народу подтвержденіемъ правильности распущеннаго слуха. И православные, видя, что на ихъ письмо, адрессованное на имя барона Томашича, не было обращено никакого вниманія, и думая, что причина этого лежитъ въ хорошихъ отношеніяхъ генералъ-губернатора Далмаціи къ епископу, рѣшились избрать другой путь для подачи просьбы, а именно обратились съ слѣдующимъ письмомъ къ Карловицкому митрополиту Стефану Стратимировичу:

„Высокопреосвященнѣйшій господинъ Архіепископъ и Митрополитъ:

Часть православнаго стада Христова, населяющая Далмацію, Боку Которскую, Дубровникъ и Истрію въ числѣ 70,000 душъ, вслѣдствіе отсутствія у нея въ теченіи многихъ лѣтъ достойнаго архипастыря, претерпѣла... всевозможныя угнетенія въ дѣлахъ вѣры и была даже вынуждена (чему другаго примѣра нельзя встрѣтить во всемірной исторіи) сохранять въ своихъ церквахъ римско-католическіе алтари и видѣть еже-

дневно отправляемыя на нихъ мессы. Промыслу Божію было угодно, чтобы мы, по примѣру единовѣрной намъ братіи въ Турціи, получили своего епископа въ лицѣ г. Венедикта Кральевича. Наша радость была безпредѣльна и вполнѣ понятна въ нашемъ положеніи, такъ какъ наша пямять глубоко сохранила въ себѣ исторію перенесенныхъ нами горестей. Но увы! наша свѣтлая радость, подобно ростку растенія, подъѣденному червемъ и начавшему вянуть, превратилась скоро въ глубокую жалость. Съ уязвленнымъ сердцемъ, съ смущеннымъ духомъ и съ глазами, полными слезъ, мы пишемъ эти строки къ вашему высокопреосвященству и обращаемся къ вамъ съ тѣми же словами, съ какими обращались къ Богу: „Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ твоею благодатью". Епископъ Кральевичъ и по настоящее время не устроилъ епархіи, какъ устроены другія епархіи; не основалъ предписанной указомъ консисторіи, не постарался устроить школъ, въ которыхъ чувствовалась громадная потребность въ нашей запустѣвшей епархіи; а напротивъ онъ оказываетъ явное покровительство римско-католикамъ, давая денежныя вспоможенія ихъ проповѣдникамъ и органистамъ; самъ ходитъ ихъ слушать; совершаетъ колѣнопреклоненія *) и, по обычаю римскому, кропитъ себя при входѣ водою. Онъ исходатайствовалъ то, что здѣшній генералъ-губернаторъ издалъ приказаніе, что если православный женится на р.-католичкѣ или же православная выходитъ замужъ за р.-католика, обрядъ вѣнчанія долженъ быть совершонъ не иначе, какъ р.-католическимъ священникомъ. Противъ этого приказанія, появившагося по инииціативѣ нашего православнаго епископа, возстало какъ духовенство, такъ и народъ и, основываясь на правахъ, данныхъ намъ еще Венеціанскимъ правительствомъ, мы заявили

*) Помните, что и Литвиновичъ, пріѣхавъ во Львовъ суффраганомъ, преклонялъ колѣно, но увидѣвъ что никто не послѣдовалъ ему, онъ самъ перестал по латински „мачати свѣчку".

свое удивленіе епископу, собравшись у него на совѣщаніе. Православный епископъ, сдѣлавшій такой противузаконный поступокъ, можетъ ли еще послѣ того нами управлять? и кому слѣдуетъ подать жалобу?—вотъ вопросы, которые мы задали епископу. Онъ строго отвѣтилъ намъ, что никто не можетъ ослушаться императорскаго приказанія и никто не долженъ осмѣливаться оказать сопротивленіе противъ того выраженія высшей воли, слѣдовательно мы должны спокойно возвратиться къ тѣмъ временамъ Венеціанскаго владычества, когда р.-католическіе священники сопровождали нашихъ покойниковъ и совершали напутственную молитву по обрядамъ своей церкви; но это время минуло въ 1797 году, австрійское правительство, упрочившись въ нашей странѣ, приняло подъ свою сѣнь православныхъ Далматовъ, и вдругъ епископъ Кральевичъ, присвоивъ себѣ власть, сталъ противодѣйствовать этой свободѣ, дозволивъ недавно римско-католическимъ священникамъ г. Шибеника отпѣвать и участвовать при погребеніи Владиміра сына Конта Марка Марковича, принадлежащаго къ православному, не уніатскому вѣроисповѣданію. Епископъ посовѣтовалъ закрыть монастыри, которые до того времени являлись главными хранилищами благочестія въ нашихъ странахъ. Онъ навлекъ на себя по справедливости отвращеніе всей своей паствы, вслѣдствіе дурнаго къ ней отношенія: онъ позволялъ себѣ многократно, даже въ церкви съ архіерейскаго мѣста, называть своихъ прихожанъ псами и безсловесными скотами; причина отвращенія, которое питали къ нему его прихожане, кроется въ тѣхъ его дружественныхъ отношеніяхъ къ лицамъ западной церкви, въ обществѣ которыхъ онъ проводилъ дни и ночи, а большинство изъ нихъ, какъ извѣстно, крайне враждебно относится къ нашей церкви. Въ своемъ архіерейскомъ домѣ онъ также являлся затѣйливымъ соблазнителемъ, устраивая днемъ и ночью пиршества, балы и концерты, что, разумѣется, бросалось въ глаза, какъ православнымъ, такъ и р.-католикамъ. Вслѣдствіе такого поведенія,

епископъ, съ одной стороны усилилъ себя, нашедши друзей, дружба которыхъ минуетъ съ перемѣной его счастья, а съ другой причинилъ намъ или старался причинить много золъ и тѣмъ вооружилъ насъ противъ себя. Епископъ поѣхалъ въ Вѣну и, посредствомъ переговоровъ, веденыхъ имъ съ высшимъ правительствомъ и съ самимъ императоромъ, онъ навелъ страхъ на свою паству и поставилъ ее въ безпомощное положеніе. Справедливый Боже! Неужели возможно, чтобы нашъ императоръ или кто-либо ему подвластный, въ то время, какъ во всѣхъ частяхъ имперіи дарована нашимъ единовѣрцамъ терпимость и оказывается имъ покровительство, началъ насъ угнетать и притѣснять въ дѣлахъ вѣры, тогда какъ мы, съ своей стороны, не подали ни малѣйшаго повода къ нареканіямъ*). Начинаютъ притѣснять насъ, которые всегда были привязаны къ имперіи, а въ 1809 г., во время французскаго владычества, многіе изъ насъ поплатились за эту привязанность и жизнью и имуществомъ, что конечно, хорошо извѣстно императору. Между тѣмъ епископъ Кральевичь получилъ за свою поѣздку въ Вѣну прибавки къ жалованію 2000 гульд. звонкой монетой, кромѣ того на путевыя издержки 5000 гульд. бумажками и 2000 гульд. звонкой монетой. Въ дѣйствительности, онъ сковалъ гибельныя для себя, а не для насъ оковы съ цѣлью обуніатить свою паству. У насъ подъ рукою всѣ доказательства, разоблачающія предъ нами его коварное предпріятіе, и самымъ очевиднымъ фактомъ является то обстоятельство, что уже пріѣхали сюда изъ Галиціи четыре уніатскихъ священника, въ качествѣ профессоровъ богословскихъ наукъ въ семинаріи, пріисканные имъ чрезъ посредство Львовскаго митрополита (Левицкаго). Означенные профессора, по своемъ назначеніи въ Шибеникскую семинарію, оставались

---

*) Не тоже-ли дѣлалось и дѣлается съ преданными всегда австрійскому правительству русинами въ Галиціи и Угріи? Не отданы ли они на жертву мятежникамъ ляхамъ и мадьярамъ въ оплату за свою вѣрность и преданность правительству?

еще нѣкоторое время во Львовѣ и въ Вѣнѣ, выжидая, пока у нихъ выростутъ бороды и желая ознакомиться хоть немного съ сербскимъ языкомъ, разумѣется, съ цѣлью добиться скорѣйшаго успѣха въ дѣлѣ совращенія насъ съ пути истины; уніаты, призванные къ такому дѣлу принесли съ собой, кромѣ церковнаго облаченія и церковной утвари, и порядочную сумму денегъ, до 12,000 талеровъ. Обученіе въ семинаріи происходитъ на языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, которыхъ народъ не хочетъ знать. Только въ этомъ духовно-учебномъ заведеніи окончившіе курсъ будутъ пріобрѣтать права на посвященіе ихъ въ саны діаконовъ и священниковъ; въ этомъ случаѣ—цѣль его понятна, точно также, какъ понятно намѣреніе епископа Кральевича устроить въ здѣшнихъ мѣстностяхъ консисторію. Онъ забралъ въ свои руки большой капиталъ, пожертвованный бывшимъ французскимъ правительствомъ не ему, а намъ 70,000 православнымъ душамъ. Вслѣдствіе нашего ходатайства, нашъ августѣйшій монархъ утвердилъ епископа Кральевича въ санѣ епископа Далматинскаго, заявилъ свою волю на устройство семинаріи, ассигновалъ суммы на содержаніе какъ епископа такъ и семинаріи. По этому, если бы означенный епископъ честно поступалъ, то бы дозволилъ имѣть семинарію—намъ, а не уніатамъ, не имѣющимъ покуда притона въ нашей епархіи, но могущимъ въ ней расплодиться. Мы не можемъ никакимъ образомъ повѣрить тому, что всѣ эти козни и интриги извѣстны императору. Онъ, Кральевичь, съумѣлъ исходатайствовать, чтобы по прошествіи нѣкотораго времени, когда достаточно обуніатится край, всякій, ищущій коронной службы, могъ получить мѣсто только подъ условіемъ сдѣлаться уніатомъ, и если бы кто, принявъ это обязательство, впослѣдствіи раскаялся въ своей ошибкѣ, то долженъ былъ бы въ примѣръ прочимъ понести законное наказаніе со стороны мѣстныхъ политическихъ властей. Хотя вся эта политика ведется, какъ говорятъ, при содѣйствіи великихъ особъ какъ мѣстной администраціи, такъ и министер-

ства графа Соврау, но мы не вѣримъ, чтобы эти, облеченные властью и довѣріемъ императора, мужи могли достойно подвизаться въ той дѣятельности, которая противна настоящему духу австрійской монархіи, гдѣ, благодаря Богу и нынѣшнему императору, мы видимъ нашихъ единовѣрцевъ въ большомъ количествѣ на различныхъ ступеняхъ чиновничества. Нашъ епископъ въ состояніи сдѣлать то, чего мы особенно боимся, а именно, когда настанетъ время, что мы не будемъ отдавать своихъ дѣтей въ его семинарію, то онъ въ состояніи употребить насиліе, къ которому онъ привыкъ еще во время своего пребыванія въ Турціи (за что и долженъ былъ оттуда бѣжать) найдетъ способъ наловить беззащитныхъ сиротъ столько, сколько нужно учениковъ для его семинаріи и также для того, чтобы выполнить свое обѣщаніе, относительно Вѣнскаго конвикта. Дѣйствительно надлежитъ опасаться этого человѣка, который въ настоящее время пользуется почетомъ въ странѣ, гдѣ недавно съ церковнаго престола предавалъ проклятію австрійскаго императора Франца и гдѣ нѣкоторымъ образомъ носилъ водруженный крестъ противъ австрійскаго войска, пока не былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ г. Осѣкъ. И теперь онъ заигрываетъ съ тѣми, противъ которыхъ онъ нѣкогда пѣлъ (стоя на сторонѣ французовъ). И если бы когда либо узналъ объ этомъ императоръ. ахъ! императоръ, да узнаетъ онъ, ради Бога, сколь возможно скорѣе! *) Мы, ваше высокопраосвященство, скорѣе готовы потерять все наше имущество и погубить свои головы, чѣмъ себя обуніатить и измѣнить религіи. До сихъ поръ никогда не было между нами уніатовъ, и теперь не хотимъ сносить ихъ, не хотимъ, чтобы они укоренились. Мы должны терпѣть оскорбленія нашей вѣры ради интересовъ и честолюбія одной особы, бѣжав-

---

*) Бѣдные славяне, они не могли себѣ и представить такой низкой подлости, съ какою поступало съ ними высшее правительство!

шей къ намъ изъ чужаго царства и пожелавшей продать насъ, въ количествѣ 70,000 душъ, — насъ, которые спасли его отъ турецкаго насилія, возвели въ высокій санъ, помѣстили въ прекрасныя палаты и окружили особами, близкими императору и онъ, облагодѣтельствованный нами, пожелалъ опутать народъ коварными и тайными сѣтями уніатства, Ахъ! пусть императоръ подумаетъ, можетъ ли онъ въ угоду Венедикту Кральевичу заставлять страдать столь многочисленный народъ! Наивысшій архипастырь монархіи и превеликій и милостивый отецъ нашъ, утѣшьте насъ и вашимъ скорымъ посредничествомъ прекратите ту междуусобную брань, которая ведется во имя религіи. Нашъ Далматинскій народъ находится въ такомъ положеніи, какъ будто бы испытываетъ на себѣ дѣйствіе землетрясенія; но прежде чѣмъ ему поднять свой голосъ и начать метать огонь, народъ проситъ содѣйствія милостивѣйшаго архипастыря, чтобы снизошло на насъ тихое и радостное облако монаршей милости и роса свободы освѣжила бы наши уязвленныя страданіями за вѣру сердца, потушивъ въ насъ пламя ненависти. Верховнѣйшій пастырь всей остальной единовѣрной нашей братіи, живущей въ предѣлахъ монархіи! Всенижайше просимъ умилосердиться надъ нами; вода потекла изъ душъ нашихъ и мы, какъ апостолъ Петръ ко Христу, вопіемъ тебѣ: „спаси ны, да не погибнемъ“ —всенижайше и колѣнопреклоненно передъ святымъ евангеліемъ просимъ мы пастыря добраго: бывшій нашъ пастырь теперь волкъ. Ваше высокопреосвященство! на васъ мы возлагаемъ всю нашу надежду и расчитываемъ на вашу милость“.

Этотъ отчаянный вопль растерзаннаго сердца не принесъ никакой пользы дѣлу и только повредилъ тѣмъ лицамъ, которыя подписались подъ адресомъ: Многіе изъ нихъ— представители мѣстнаго духовенства и купечества, сильно пострадали; такъ они были подвергнуты властями заточенію, а другіе высланы изъ своего отечества *), какъ бунтовщики

*) Всѣми уважаемый, заслуженный старецъ архимандритъ Герасимъ Зе-

и государственные преступники. Епископъ Кральевичь всюду видѣлъ заговоры, измѣны и т. д.; ловко дѣйствуя, онъ съумѣлъ передать свой образъ мыслей представителямъ высшаго австрійскаго правительства, самъ императоръ Францъ увлекшись теоріею религіознаго объединенія своихъ подданныхъ, позабывъ о божественномъ полномъ глубокаго смысла изреченіи, гласъ народа, — гласъ божій! Онъ не прислушался къ народному ропоту, не обратилъ вниманія на ту ненависть, которую питали православные къ уніатамъ и сталъ слѣдовать политикѣ Діоклетіана, по отношенію къ христіанамъ православнаго вѣроисповѣданія. И такъ православные далматы были вынуждены скрывать свои заповѣдныя мысли въ глубинѣ своего сердца, отъ этого онѣ сдѣлались для нихъ вдвое дороже. Австрійское правительство, вступивши разъ на дорогу насилія, сдѣлало тѣмъ самымъ сомнительнымъ успѣхъ уніи.

Далматы православнаго вѣроисповѣданія, не видя ниоткуда помощи и находя, что причина ихъ страданій кроется въ вѣроотступничествѣ епископа Кральевича, раздраженные до крайности рѣшились освободиться отъ его козней. Въ 1822 г. былъ составленъ заговоръ на помянутаго Кральевича. Обыкновенно онъ ѣздилъ ежедневно кататься въ своемъ экипажѣ по окрестностямъ г. Шибеника. Это время заговорщики избрали, какъ самое удобное для исполненія своего намѣренія: они засѣли въ кустахъ виноградныхъ садовъ за городомъ

личь, бывшій генеральный викарій Далмаціи, былъ вынужденъ оставить свое отечество и прожить остатокъ своихъ дней въ Вѣнѣ, подъ надзоромъ полиціи. Твердость его въ вѣрѣ и популярность, которою онъ пользовался, были главными причинами того, что онъ впалъ въ немилость какъ у епископа, такъ и у мѣстныхъ свѣтскихъ властей. Онъ извѣстенъ какъ писатель въ сербской литературѣ сочиненіемъ своихъ записокъ: Житіе сирѣчь рожденіе, воспитаніе, странствованіе и различны по свѣту и у отечествѣ приключенія и страданія Герасима Зелича въ Будимѣ 1823.

и съ нетерпѣніемъ выжидали экипажа епископа. Неизвѣстно, зналъ ли епископъ Кральевичь объ этомъ заговорѣ или нѣтъ, но только извѣстно, что въ тотъ день, когда хотѣли покуситься на его жизнь, онъ не отправился на обычную свою прогулку, сказавъ: „мнѣ нехорошо, сегодня я не могу ѣхать". И такъ знаніе-ли дѣла, инстинктъ-ли, или дѣйствительно нездоровье, пришедшее какъ разъ вовремя, спасли епископа отъ вѣрной погибели. Поѣхавшіе вмѣсто епископа на прогулку въ его каретѣ ректоръ семинаріи, каноникъ Ступницкій (въ статьѣ ошибочно напечатано Стипіутскій) въ сопровожденіи своего помощника уніатскаго священника *) и плацъ-маіора г. Шибеника—всѣ трое были убиты изъ ружей на поваль! Этотъ фактъ, смерть трехъ приближенныхъ къ епископу лицъ, навелъ панику на Венедикта Кральевича: онъ сталъ бояться за свою собственную жизнь и въ скоромъ времени порѣшилъ за лучшее, ради своей безопасности, бѣжать въ г. Задаръ, но и тамъ онъ не могъ успокоиться, страхъ убійцъ всюду преслѣдовалъ его; чувство самосохраненія заставило его оставить территорію Далмаціи, и онъ тайно отправился въ г. Винченцу, а оттуда въ Венецію. Здѣсь онъ жилъ вполнѣ incognito: изрѣдка приходилъ онъ въ тамошнюю православную церковь читать „Вѣрую" и „Отче нашъ", иногда по гречески, иногда по сербски. Такъ какъ онъ не вполнѣ хорошо владѣлъ ни тѣмъ ни другимъ языкомъ, то греки принимали его за серба, а сербы—за грека; но кто онъ былъ? откуда онъ пріѣхалъ? оставалось никому не извѣстнымъ. Правда говорили, что онъ когда-то былъ другомъ австрійскаго министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ тѣснилъ сербовъ и возставалъ противъ православной вѣры; но это были одни слухи, не имѣвшіе прочныхъ основаній. Мучимый совѣстію, заговорившей въ немъ подъ старость, не имѣющій ни родины, ни друзей, онъ

---

*) Имя этого четвертаго преподавателя не извѣстно.

скромно прожилъ остальные дни своей жизни въ Венеціи, получая отъ австрійскаго правительства пенсію въ 3000 гульд. серебрянной монетой.

Обратимся теперь къ ходу уніи въ Далмаціи, послѣ бѣгства епископа Кральевича. Дѣятели уніи, лишившись главнаго вожака, поспѣшили убраться восвояси; уніатскіе священники уѣхали изъ Шибеника обратно въ Галицію, семинарія была закрыта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уніатская пропаганда, на которую было затрачено столько денегъ*), на время прекратила свои дѣйствія. Съ своей стороны, австрійское правительство, будучи недовольно тѣмъ, что всѣ его тайные планы были открыты, прибѣгло къ самымъ крутымъ мѣрамъ: наивліятельнѣйшія и наипопулярнѣйшія лица Далмаціи были арестованы и посажены въ тюрьмы. Начались строгіе допросы

---

*) Изъ Далмаціи возвратились Честинскій и Чировскій, первый получилъ въ награду хорошій приходъ въ Городенкѣ, второй назначенъ профессоромъ во Львовскомъ университетѣ. Они принесли вѣсть о смерти своихъ собратій нашедшихъ на чужей землѣ преждевременную могилу. Они раскaзывали разныя подробности о заговорѣ и о смерти. Между прочимъ мнѣ разсказывали, что одинъ выстрѣлъ далматинца былъ столь мѣткій, что пуля пронзила насквозь Ступницкаго и рядомъ съ нимъ сидящаго маіора, другой священникъ (я не помню его фамиліи) убитъ отъ другаго стольже мѣткаго выстрѣла. Кучеръ возвратился съ убитыми назадъ въ городъ—но убійцы скрылись безслѣдно. Начатыя разысканія, слѣдствія, аресты не привели ни къ чему. У одного знатнаго далматинца нашли письмо отъ его сродника, состоящаго на службѣ въ императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ. Онъ писалъ: „Неподдавайтесь ухищреніямъ католиковъ, держитесь крѣпко своей вѣры. Не унывайте. Всѣ сербы возстанутъ—православные граничары съ оружіемъ въ рукахъ присоединятся къ намъ, стотысячная русская армія стоитъ на границѣ и ждетъ царскаго указа, чтобы идти намъ на помощь. Смерть католикамъ, побѣда православію! Не бойтесь—съ нами богъ!“ Авторъ письма преданъ суду и заключенъ въ Мукачевскую крѣпость. Но правительство увидѣло, что изъ этой незначительной искры можетъ вспыхнуть пожаръ и разразиться религіозно-національная война. Желательно было бы собрать болѣе свѣдѣній объ этомъ событіи между знакомыми покойныхъ далматинскихъ миссіонеровъ въ Галиціи и сообщить ихъ въ печати.

съ цѣлью открыть зачинщиковъ заговора противъ жизни преосвященнаго Венедикта, хотя и было хорошо извѣстно австрійскому правительству, что главные вожаки этого заговора уже успѣли бѣжать въ Турцію. Въ числѣ арестованныхъ была всѣми уважаемая личность—протосингелъ православнаго монастыря св. Саввы (въ Далмаціи) Кирилъ Цвѣтковичь, къ которому епископъ Кральевичь питалъ нѣкогда столь большое довѣріе, что рекомендовалъ его императору какъ лицо вполнѣ достойное занять мѣсто викарія Которскаго края и получилъ на свое ходатайство императорское согласіе. Причина, вслѣдствіе которой означенный протосингелъ впалъ въ немилость своего архіерея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поселилъ къ себѣ полное недовѣріе мѣстныхъ бюрократовъ, была та, что Кириллъ Цвѣтковичь, будучи предупрежденъ однимъ изъ своихъ пріятелей, хорошо знавшимъ весь ходъ дѣла уніи и цѣль его назначенія на такой высокій постъ, отказался отъ предложеннаго ему епископскаго викаріатства, находя безчестнымъ сдѣлаться сотрудникомъ такого позорнаго дѣла, какимъ являлась далматинская унія. Поэтому когда началось дѣло о заговорѣ, то въ числѣ первыхъ арестованныхъ лицъ находился и Кирилъ Цвѣтковичь.... какъ первый ослушникъ воли императора. Его посадили въ Задарскую тюрьму, гдѣ онъ пробылъ четыре года; затѣмъ снявъ съ него духовное званіе, его приговорили въ каторжную работу на двадцать лѣтъ. Но и по истеченіи 20-ти лѣтъ каторги, этотъ честный мученикъ не получилъ желанной свободы: остальные 14 лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ Бездинскомъ монастырѣ (вблизи г. Темешвара въ Банатѣ), сильно грустя о томъ, что онъ долженъ кончить дни своей жизни вдали отъ своей родины. Онъ померъ въ 1860 году. Многіе представители православной интеллигенціи погибли въ казематахъ; другіе же лишившись своего имущества и пробывъ извѣстное число лѣтъ въ каторгѣ, возвратились на родину съ грустной думой о давно минувшемъ времени, времени борьбы за вѣру. Нѣкоторые изъ страха избѣ-

жать преслѣдованій за свою твердость въ православіи, нашли нужнымъ искать себѣ спасенія въ Турціи, ясно доказывая тѣмъ, что даже у магометанъ могутъ себѣ найти зашиту въ дѣлахъ вѣры православные подданные австрійской имперіи. Такимъ образомъ попытка введенія уніи въ Далмаціи на этотъ разъ потерпѣла полную неудачу; напрасно правительство выбросило столько денегъ, напрасно австрійско-италіянскія власти жертвовали свои услуги нечистому дѣлу, напрасно расчитывали католическіе ксендзы и іезуиты, что имъ удалось подставить ничего незнающихъ галичанъ для выгребанія изъ горящихъ углей каштановъ и преждевременно потирали руки, что дѣло пойдетъ по ихъ желанію. Одинъ выстрѣлъ изъ Далматинскаго ружья разбилъ всѣ хитросплетенныя затѣи! Лучше удалась пропаганда въ Буковинѣ, куда правительство въ тоже время выслало на миссію Лаврецкаго и другихъ священниковъ. Лаврецкій отростилъ бороду и волосы, переодѣлся въ рясу, служилъ совсѣмъ по православному и, пользуясь поддержками правительства, получая деньги на разъѣзды успѣлъ обратить нѣкоторое число къ уніи, по большей части выходцевъ изъ сосѣдней Галиціи. Тогда правительство приказало построить церкви и учредить 10—12 уніатскихъ приходовъ, и высылаемые туда священники явились обритые и въ узенькихъ католическихъ сутанахъ. Вслѣдъ за уніатами уже смѣлымъ шагомъ ширится католичество.

Первая неудача, испытанная австрійскимъ правительствомъ въ дѣлѣ уніи въ Далмаціи, не заставила его однако отказаться отъ своей завѣтной мысли обуніатить православное населеніе Далмаціи. И дѣйствительно мы видимъ, что спустя 13 лѣтъ вторично началась тамъ уніатская пропаганда. Въ 1835 г. сталъ проповѣдывать соединеніе православныхъ съ католиками какой-то православный священникъ, лишенный сана за порочное свое поведеніе Далматинскимъ епископомъ Іосифомъ Раячичемъ. Уволенный отъ должности, онъ сталъ искать себѣ защиты у Задарскаго римско-католическаго архіе-

пископа, который и обѣщалъ ему оказать свое покровительство, въ случаѣ если этотъ священникъ признаетъ главенство папы *). Это предложеніе, разумѣется, было принято съ большимъ удовольствіемъ. И вотъ явился въ Далмаціи новый проповѣдникъ уніи. Австрійское правительство, узнавъ о появленіи въ Далмаціи новаго апостола уніи, начало всевозможными средствами его поддерживать: оно стало щедро раздавать денежныя субсидіи тѣмъ изъ православныхъ, которые изъявляли желаніе принять унію, кромѣ того, оно вскорѣ затѣмъ предписало Далматскому генералъ-губернатору Лиліенбергу построить въ трехъ селахъ: Бальки, Кришки и Верлика въ Задарскомъ уѣздѣ по одной уніатской церкви, въ послѣдней мѣстности только на три семейства принявшихъ уніатство. И такъ въ то время все уніатское населеніе Далмаціи простиралось до 175 душъ.

Для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о тѣхъ средствахъ, съ помощію которыхъ вводилась въ это время унія, и чтобы показать отношеніе къ ней православнаго населенія, мы разскажемъ одинъ эпизодъ изъ ея исторіи. Въ 1844 году православный далматинскій епископъ Іероѳей Мутибаричь возъимѣлъ намѣреніе осмотрѣть ввѣренную ему епархію. Австрійское правительство поспѣшило сдѣлать распоряженіе, чтобы уніатскій Крижевацкій епископъ Гавріилъ Смичикласъ изъ Кроаціи немедленно отправился въ Далмацію, для освященія церкви въ селѣ Верликѣ. Это освященіе должно было отличаться особенной торжественностью. Самъ губернаторъ сопровождалъ уніатскаго епископа, во время его поѣздки по Далмаціи. Случайно или нарочно, въ одно и тоже

---

*) Подобнымъ способомъ митрополитъ Литвиновичъ принялъ лишеннаго сана православнаго священника Николая Георгію, приказавъ ему торжественно признать главенство папы—но Георгія по своему поведенію оказался вовсе не способнымъ къ дѣлу пропаганды.

время, въ село Верлику пріѣхали оба епископа: православный и уніатскій. На слѣдующій день ихъ пріѣзда, уніатская церковь, съ большимъ торжествомъ, была освящена епископомъ Смичикласомъ: при богослуженіи присутствовалъ губернаторъ и многія лица изъ мѣстной администраціи; народу было въ церкви много; но какъ только окончилось ея освященіе, то всѣ гурьбой направились въ близь лежащую православную церковь, такъ что уніатская—осталась праздной. Съ такимъ торжествомъ были освящены и остальныя уніатскія церкви. Такимъ образомъ на скорую руку образовались въ Далмаціи три уніатскихъ прихода.

Главнымъ руководящимъ мотивомъ въ дѣлѣ принятія уніи служилъ далматамъ личный расчетъ. Поэтому не прошло 4-хъ лѣтъ, какъ уніаты-далматы уже хорошо поняли свою ошибку, голосъ совѣсти заговорилъ въ нихъ, семейный раздоръ сталъ имъ противенъ. Въ 1848 году 1 октября они подали прошеніе за подписью 256 лицъ на имя австрійскаго министра графа Стадіона, прося разрѣшенія на свободный переходъ назадъ въ православную вѣру. 17 февр. 1849 г. послѣдовало императорское рѣшеніе относительно перехода далматовъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, т. е. уніатовъ въ православіе и на оборотъ. Многіе уніаты поспѣшили возвратиться на лоно православной церкви.

Нынѣ въ Далмаціи находится 3 уніатскихъ прихода, 3 церкви, 5 священнослужителей, 584 прихожанина, разбросаныхъ въ 24 селахъ.

Изъ настоящаго очерка видно, что унія пустила въ Далмаціи весьма слабые корни, изъ которыхъ никогда не выростетъ того великолѣпнаго дерева, о которомъ мечталъ епископъ Кральевичъ и прочіе далматинскіе дѣятели двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

В. В. МАКУШЕВЪ *).

(1837—1883 г.)

Мм. Гг.! Пользуясь установившимся въ нашемъ Обществѣ прекраснымъ обычаемъ отмѣчать крупныя утраты, постигающія отечественную науку и литературу, долгомъ считаю занять ваше благосклонное вниманіе краткой поминкой по недавно сошедшемъ со сцены весьма видномъ дѣятелѣ въ области славянской исторіи и филологіи. 2-го Марта скончался профессоръ Варшавскаго университета, докторъ славянской филологіи, Викентій Васильевичъ Макушевъ. Потеря — безспорно тяжелая и тѣмъ болѣе чувствительная, что покойный профессоръ былъ еще далеко не старый человѣкъ и могъ съ успѣхомъ трудиться на пользу излюбленной имъ славянской науки.

Чудны судьбы славистики на Руси! Какъ относительно юна у насъ эта наука, а между тѣмъ сколько славныхъ именъ внесла она въ лѣтопись русскихъ ученыхъ и писателей! Сколькими цѣнными трудами обогатила она отечественную литературу! Какъ велико ея воздѣйствіе на другія науки, занимающіяся непосредственно изученіемъ своего, роднаго русскаго! Насколько сильно отразилось ея вліяніе на общемъ подъемѣ нашего національнаго самосознанія!

Но наступаютъ, повидимому, и черные дни для этой молодой науки. За послѣднее время одинъ за другимъ пере-

*) Поминка, читанная *Т. Д. Флоринскимъ* въ засѣданіи Историческаго общества Нестора лѣтописца 17 марта 1883 г.

ходятъ въ лучшую жизнь эти почтенные труженники, носители славныхъ именъ, авторы цѣнныхъ трудовъ. Давно ли сошли въ могилу четыре первые слависта, насадители славянской науки въ нашихъ университетахъ и проповѣдники славянской идеи въ нашемъ обществѣ? Всего три года назадъ бесѣдующій съ вами, мм. гг., въ настоящую минуту, несъ гробъ одного изъ этихъ четырехъ, извѣстнаго профессора Петербургскаго университета и академика, незабвеннаго Измаила Ивановича Срезневскаго. А вотъ безжалостная смерть коситъ уже второе поколѣніе славистовъ! Преждевременно погибъ А. Ѳ. Гильфердингъ. Всего годъ съ небольшимъ наше Общество оплакивало смерть своего предсѣдателя, профессора нашего университета А. А. Котляревскаго, горячаго послѣдователя и почитателя И. И. Срезневскаго. А теперь передъ нами еще свѣжая могила уже непосредственнаго ученика Измаила Ивановича....

Ученыя заслуги почившаго Викентія Васильевича весьма велики и разнообразны. Постараюсь очертить ихъ здѣсь въ немногихъ словахъ.

Макушевъ былъ прежде всего славянскимъ историкомъ. Каѳедра славянской филологіи, по которой онъ спеціально занимался, какъ извѣстно, обнимаетъ въ нашихъ университетахъ самые разнородные предметы: языки, литературу и исторію славянскихъ народовъ. В. В—у пришлась по вкусу исторія; ей были посвящены главные его труды; она постоянно и болѣе всего занимала его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ прекрасную филологическую подготовку, онъ работалъ и въ области славянскихъ языковъ и литературъ. Исторія вязалась у него, какъ то вполнѣ понятно, съ филологіей.

Воспитанникъ Петербургскаго университета, В. В. своими дарованіями рано обратилъ на себя вниманіе своего знаменитаго учителя. Еще на студенческой скамьѣ, онъ написалъ по предложенію Измаила Ивановича сочиненіе подъ заглавіемъ: „Сказанія иностранцевъ о нравахъ и бытѣ Славянъ“.

Сочиненіе это было удостоено награды золотой медалью и въ 1861 г. напечатано на университетскій счетъ. По своему содержанію оно относилось къ наукѣ славянскихъ древностей, которая въ то время въ Петербургскомъ университетѣ замѣняла исторію славянъ. И. И. Срезневскій интересовался по преимуществу древнѣйшимъ періодомъ жизни славянъ, и заданная имъ работа должна была служить дополненіемъ къ знаменитымъ „Славянскимъ древностамъ" Шафарика. Этотъ достославный ученый въ своемъ обширномъ трудѣ, какъ извѣстно остановился на выясненіи важнѣйшихъ вопросовъ древней этнографіи и исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ. Внутренняя же жизнь славянства, его бытъ и образованность остались у него необработанными для печати. Макушевъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи былъ какъ бы продолжателемъ Шафарика. Чрезвычайно умѣло онъ скомпановалъ въ одно стройное цѣлое извѣстія иностранныхъ писателей, восточныхъ и западныхъ, о нравахъ и бытѣ славянъ, причемъ самыя извѣстія подвергнуты критической провѣркѣ. Эта книга Макушева, составляющая нынѣ библіографическую рѣдкость, доселѣ не утратила своего значенія; не смотря на новую монографическую разработку частныхъво просовъ, которые въ ней затронуты, она всетаки остается единственнымъ цѣльнымъ воспроизведеніемъ картины быта славянъ въ древнѣйшую, дохристіанскую эпоху ихъ жизни.

Но В. В. не остановился на „славянскихъ древностяхъ" въ своимъ дальнѣйшихъ занятіяхъ. Ему думалось, что нельзя ограничивать исторію славянства однимъ древнимъ періодомъ. Его тянуло къ изученію и другихъ эпохъ его исторической жизни, къ уясненію всего прошлаго, пережитато славянскимъ племенемъ. Обстоятельства благопріятствовали ему. Вскорѣ по окончаніи курса онъ получилъ возможность прожить нѣсколько лѣтъ въ южнославянскихъ земляхъ. Этотъ случай навелъ его на спеціальныя занятія южнославянской исторіей, которая и оставалась до конца его жизни излюбленнымъ пред-

метомъ его работъ. Труды его въ этомъ направленіи выразились во-первыхъ въ собраніи и изданіи огромнаго количества историческихъ матеріаловъ, а во-вторыхъ въ напечатаніи цѣлаго ряда капитальныхъ сочиненій и монографій.

Въ 1862 г., вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, судьба бросила юнаго ученаго на славянскій берегъ чуднаго Адріатическаго моря, въ Дубровникъ (Рагуза), гдѣ онъ прожилъ четыре года, занимая должность секретаря русскаго консульства. Продолжительное пребываніе въ этомъ славянскомъ уголкѣ не могло не вызвать В. В. къ южно-славянскимъ занятіямъ. Кому не извѣстна славная и поучительная исторія Дубровника? Въ настоящее время изображая собой бѣдный, полуразвалившійся городъ Австрійской Далмаціи, Дубровникъ въ теченіе двѣнадцати вѣковъ представлялъ оригинальное полуславянское и полуиталіянское государство, игравшее важную политическую и культурную роль на Адріатикѣ и Балканскомъ полуостровѣ. Во все время столь продолжительнаго существованія онъ умѣло отстаивалъ свою независимость отъ массы внѣшнихъ враговъ (главнѣйшее—Венеціи, Угріи, Турціи), нерѣдко достигалъ значительнаго внѣшняго могущества, принималъ участіе во многихъ крупныхъ событіяхъ европейской исторіи. Дубровчане славились своимъ мореходствомъ и торговлей; въ этомъ отношеніи они соперничали съ Венеціанцами. Дубровницкія колоніи были разсѣяны по всей южной и западной Европѣ. Онѣ были и въ передней Азіи, и на берегахъ Африки и, быть можетъ, даже по ту сторону Океана, въ Новомъ Свѣтѣ, въ открытіи котораго участвовали Дубровчане. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Дубровникѣ процвѣтали науки и искуства. Онъ выставилъ цѣлый рядъ ученыхъ, писателей, художниковъ, занимающихъ болѣе или менѣе видное мѣсто въ исторіи европейскаго просвѣщенія. Съ теченіемъ времени, когда славянская стихія въ Дубровникѣ возобладала надъ итальянской, онъ сдѣлался средочіемъ югославянской образованности. Сюда стекались молодые сербы

учиться наукамъ и политической мудрости; здѣсь развивается богатая сербская литература; здѣсь въ XV ст. живо сознавалась и находила себѣ выраженіе славянская идея, сдѣлавшаяся лозунгомъ Дубровчанъ два столѣтія спустя. Наконецъ не мало Дубровчанъ посвятили свою дѣятельность братьямъ Сербамъ и Русскимъ.

Сознавая столь важное значеніе исторіи Дубровника Макушевъ вполнѣ отдался ея изученію, тѣмъ болѣе, что она была очень мало обработана. Онъ усердно и съ большимъ успѣхомъ работалъ въ монастырскихъ и частныхъ библіотекахъ знаменитаго города; но къ сожалѣнію не былъ допущенъ въ государственный архивъ, драгоцѣнные матеріалы котораго стали обнародываться только въ недавнее время въ изданіяхъ Загребской академіи наукъ *). Тѣмъ не менѣе имъ былъ собранъ большой запасъ матеріаловъ по исторіи внѣшнихъ сношеній Дубровницкой республики и не мало памятниковъ литературныхъ и юридическихъ. Результатомъ этихъ занятій было напечатаніе, уже по возвращеніи въ Россію, обширнаго труда въ 450 стр. подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника". Это сочиненіе, по плану автора, должно было представлять лишь введеніе къ полной исторіи Дубровника. Оно заключаетъ въ себѣ критическій разборъ источниковъ для исторіи Дубровника, причемъ рѣшаются многіе вопросы и самой исторіи. Приведенныя авторомъ большія извлеченія изъ собранныхъ имъ матеріаловъ увеличивали цѣнность книги. Еще ранѣе изданія этого сочиненія В. В. составилъ на основаніи отысканныхъ имъ новыхъ документовъ весьма важный „Очеркъ дипломатическихъ сношеній России съ Дубровницкою республикой", напечатанный въ Чтеніяхъ въ Импер. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московск. унив. (1865 г. кн. 3).

---

*) См. мою статью „Новые матеріалы для исторіи Дубровника" въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1870 г. Сент. стр. 221—261.

По защитѣ упомянутаго труда о Дубровникѣ какъ диссертаціи на степень магистра, Макушевъ командированъ былъ за границу на два года для приготовленія къ профессорскому званію; но въ командировкѣ онъ пробылъ дольше, именно до 1-го марта 1871 г. Онъ объѣхалъ многія славянскія земли, но имѣя въ виду отысканіе новыхъ источниковъ для славянской исторіи посвятилъ не мало времени на посѣщеніе разныхъ городовъ Италіи и на изученіе хранящихся въ нихъ архивныхъ матеріаловъ. Для этой цѣли онъ долго жилъ въ Венеціи, гдѣ неутомимо работалъ въ большомъ архивѣ, библіотекѣ Св. Марка и музеѣ Коррера; затѣмъ онъ ѣздилъ въ Миланъ, въ Туринъ, въ Генуя, во Флоренцію, въ Неаполь, въ Палермо, въ славянскія колоніи въ графствѣ Молизскомъ, въ Бари, въ Анкону, въ Мантую, въ Болонью, всюду разыскивая матеріалы для славянской исторіи. Поиски его оказались не напрасными. Въ архивахъ указанныхъ городовъ нашлось немало цѣнныхъ документовъ, освѣщающихъ преимущественно исторію южныхъ славянъ, вообще не богатую своими мѣстными источниками. Отчеты о своихъ занятіяхъ въ Италіи Макушевъ печаталъ въ приложеніяхъ къ Запискамъ Имп. академіи наукъ (т. XVI и XIX) подъ заглавіемъ: „Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для Славянской исторіи. Результатъ этихъ трехлѣтнихъ занятій за границей выразился въ собраніи до 20,000 документовъ, изъ которыхъ древнѣйшіе восходятъ къ XII в. Памятники эти относятся къ исторіи не однихъ славянъ, но и другихъ народовъ, судьбы которыхъ близко связаны съ судьбами славянъ, т. е. Грековъ, Албанцевъ, Турокъ и Мадьяръ. За систематическое изданіе собраннаго цѣннаго матеріала В. В. могъ приняться только позже, по занятіи каѳедры въ Варшавскомъ университетѣ. Первый томъ документовъ вышелъ въ Варшавѣ въ 1874 г. подъ заглавіемъ: Историческіе памятники южныхъ славянъ и сосѣднихъ имъ народовъ, извлеченные изъ итальянскихъ архивовъ и библіотекъ (Monumenta historica Slavorum

meridionalium); второй—черезъ восемь лѣтъ въ Бѣлградѣ, въ 1882 г., подъ заглавіемъ: Monuments historiques des Slaves meridionaux et des leurs voisins, tirés des archives et des bibliothèques d'italie (оттиски и въ „Гласнику Српског ученог Друштва *). Этими двумя томами однако далеко не исчерпано богатство матеріаловъ, собранныхъ Макушевымъ. По приблизительному разсчету ихъ должно хватить по крайней мѣрѣ еще на 8 томовъ. Во имя интересовъ славянской науки нельзя не пожелать, чтобы друзья покойнаго позаботились о продолженіи изданія „Памятниковъ".

Гораздо раньше тѣ же самые архивные матеріалы стали предметомъ спеціальнаго изученія для самаго В. В. На основаніи ихъ написанъ имъ цѣлый рядъ весьма любопытныхъ и важныхъ монографій и статей, каковы, напримѣръ: „Самозванецъ Степанъ Малый" (выдавшій себя въ Черногоріи за импер. Петра III и воевавшій съ Турками)—въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1869 г. „О славянахъ Молизскаго графства въ южной Италіи—въ запискахъ Имп. академіи наукъ 1870 г.; о проніи въ древней Сербіи" въ Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія 1874 г. ч. 175; „Болгарія подъ Турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI вѣкѣ. Тамъ же 1872 г. ч. 163; „Восточный вопросъ въ XVI и XVII ст. по неизданнымъ итальянскимъ памятникамъ" въ Славянскомъ сборникѣ т. III. 1876 г. Въ значительной степени воспользовался Макушевъ собраннымъ имъ архивнымъ матеріаломъ и въ другомъ своемъ большомъ сочиненіи: „Историческія розысканія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка" (Варшава. 1871 г.), доставившемъ ему докторскую степень. Дополненіемъ къ этому важному труду, въ которомъ авторъ изслѣдуетъ судьбы славанскаго элемента въ Албаніи, служитъ

---

*) О второмъ томѣ см. мою критическую замѣтку въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ. 1883 г. Апрѣль.

статья В. В. „Славянская стихія въ языкѣ, бытѣ и нравахъ Албанцевъ“, помѣщенная въ Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ 1871 г. № 3.

Въ 1871 г. Макушевъ получилъ каѳедру славянской филологіи въ Варшавскомъ Университетѣ. Теперь ученыя занятія его разбились, и новые труды его отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ по содержанію. Южнославянская исторія по прежному остается его излюбленнымъ предметомъ. Онъ издаетъ документы (кромѣ указаннаго сборника, нужно отмѣтить его „Прилози к српској историји XIV и XV в. в Гласникѣ 1871 г. кн. 32), пишетъ монографіи о „Болгаріи въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII в.“ (Варшавск. Унив. Извѣстія 1872 г. № 3.) о „Болгаріи подъ турецкимъ владычествомъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872.), печатаетъ строгую, но вполнѣ справедливую критику на знаменитый трудъ К. Иречка „Исторія Болгаръ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 мартъ и апрѣль) и цѣлый рядъ мелкихъ замѣтокъ о важнѣйшихъ новыхъ сочиненіяхъ по южнославянской исторіи и литературѣ.

Но одновраменно съ этими южнославянскими занятіями Макушевъ, въ силу разносторонности своего ума и требованій занимаемой имъ каѳедры, весьма охотно и много трудился въ области исторіи и литературъ сѣверо-западныхъ славянъ. Какъ строгій ученый онъ относился критически къ фактамъ современной славянской жизни и къ постановкѣ славянскаго вопроса. По мѣсту своей службы онъ хорошо понималъ всю жгучесть одного изъ проявленій славянскаго вопроса—польско-русскихъ отношеній и лучшее средство къ рѣшенію этой стороны вопроса усматривалъ во взаимномъ близкомъ ознакомленіи обоихъ враждующихъ народовъ. „Ни одно изъ славянскихъ племенъ, говоритъ онъ въ одномъ своемъ трудѣ, не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древ-

нѣйшихъ временъ и понынѣ. Поляковъ же мы знали и знаемъ меньше, чѣмъ другихъ славянъ и потому при всякомъ столкновеніи съ ними дѣлаемъ непростительные промахи и ошибки. Равнымъ образомъ и Поляки незнали или вѣрнѣе не хотѣли знать Россію и Русскихъ въ настоящемъ видѣ...... Но, Поляки уже начинаютъ сознавать свою ошибку, нужно же и намъ стараться поближе ознакомиться съ польскимъ народомъ, въ его прошломъ и настоящемъ". Желая посильно служить этому важному дѣлу „сближенія", В. В. посвятилъ цѣлый рядъ трудовъ польской исторіи и литературѣ. Таковы его: 1) Россія и Польша въ XVIII в. по неизданнымъ реляціямъ Венеціанца Даніила Дольфина и Генуэзца Стефана Ривалоры (Русскій Вѣстникъ, 1869 г.) 2) Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в. (Славянскій сборникъ т. III. 1877) 3) Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность (Слав. сб. 1876) 4) Станиславъ Трембецкій, замѣчательнѣйшій сторонникъ Россіи въ польской поэзіи конца XVIII в. (Древняя и Новая Россія 1878 г. № 8) 5) Забытый польскій поэтъ—Занъ (Славянскій Ежегодникъ 1878 г.); 6) Андрей Товіанскій, его жизнь, ученіе и послѣдователи (Русскій Вѣстникъ 1879 г. и Славянскій Ежегодникъ, вып. V. 1881 г.) 7) Чтенія о старопольской письменности (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879 г.) и другія болѣе мелкія статьи.

Занимался покойный В. В. и Чешской литературой. Весьма важное научное значеніе имѣютъ его „Чтенія о старочешской письменности", печатавшіяся въ Воронежскомъ журналѣ „Филологическія записки" за 1877 и 1879 гг. и вышедшія потомъ отдѣльной книжкой. Чисто филологическимъ занятіямъ Макушевъ вообще охотно посвящалъ свои силы. Его критическія и библіографическія статьи и замѣтки этого рода помѣщались обыкновенно въ Русскомъ филологическомъ Вѣстникѣ. Послѣдней крупной филологической работой его было описаніе рукописей Бѣлградской народной библіотеки, состав-

ленное имъ во время послѣдней его поѣздки за границу въ 1881 г. (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1881 г.).

Такъ общирна и разнообразна ученая дѣятельность Макушева. Но покойный не былъ только сухимъ, кабинетнымъ ученымъ. Напротивъ онъ живо интересовался современнымъ положеніемъ славянства, заботился о распространеніи въ нашемъ обществѣ свѣдѣній о Славянахъ и въ этомъ отношеніи, какъ знатокъ дѣла, вполнѣ заслуженно пользовался славой талантливаго публициста. Онъ читалъ публичныя лекціи, много писалъ о славянскихъ дѣлахъ въ большія газеты (С.-Петербургскія Вѣдомости, Сѣверную Пчелу, Русскій Инвалидъ, Голосъ, Берегъ и др.) составлялъ живые и интересные очерки и статьи для лучшихъ нашихъ журналовъ (Русскаго Вѣстника, Литературной библіотеки, Вѣстника Европы и др.). Здѣсь достаточно припомнить его нынѣ уже рѣдкую, но прекрасную книжку: Задунайскіе и Адріатическіе Славяне (С.-пб. 1867), Путевыя воспоминанія о Словенцахъ (Русскій Вѣстникъ 1872 г.), Публичныя лекціи объ исторіи и современномъ положеніи Задунайскихъ Славянъ (Русск. Вѣстникъ 1876 г.), Письма о Галиціи (Русь 1881 г.) и мн. др. Какъ мы видѣли, В. В. принималъ участіе и въ нашемъ Кіевскомъ Славянскомъ Ежегодникѣ.

Заслуги Макушева по изученію славянства высоко цѣнились въ Россіи и въ южно-славянскихъ земляхъ. Онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ С.-Петербургской Императарской Академіи наукъ и членомъ С.-Петербургскаго Историко-филологическаго общества, Болгарскаго литературнаго общества и Сербскаго ученаго общества.

Мы мало знаемъ о дѣятельности В. В—а какъ профессора, но въ ней, по словамъ учениковъ почившаго, отражались тѣ же черты, которыми характеризуется бо́льшая часть его ученыхъ работъ и въ настойчивомъ обнаруженіи которыхъ онъ остался вѣренъ своему знаменитому учителю. Именно въ своихъ чтеніяхъ онъ на первомъ планѣ ставилъ сообщеніе

слушателямъ положительныхъ точныхъ знаній, развитіе въ нихъ научнаго духа, любви къ серьезнымъ занятіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріученіе ихъ къ критическому отношенію ко всякому факту, ко всякой теоріи, будутъ ли они входить въ область науки или жизни. А не въ такомъ ли широкомъ усвоеніи положительныхъ фактовъ науки и пріемовъ строгой, неумолимой критики заключается наиболѣе вѣрный путь къ отысканію истины? Не въ такомъ ли именно направленіи преподаванія въ высшей школѣ прежде всего лежитъ успѣхъ умственнаго прогресса страны и народа?

Умеръ Макушевъ на 46 году отъ рожденія. Неблагопріятныя условія житейской обстановки рано подкосили его силы. Послѣднія 12 лѣтъ ему пришлось провести въ краѣ, гдѣ русскому человѣку вообще живется трудно. Къ этому присоединились постороннія обстоятельства. Какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, всей душей отдающимися наукѣ и потому мало знакомыми съ практической жизнью, В. В—ъ не сумѣлъ устроить своего личнаго счастья и благополучія. Мучимый тажелой долей, одиночествомъ, непосильнымъ трудомъ, онъ подорвалъ свое здоровье и такимъ образомъ преждевременно сошелъ въ могилу.....

Славянская наука никогда не можетъ забыть трудовъ, подъятыхъ на ея пользу и процвѣтаніе В. В. Макушевымъ.

Да будетъ же легка земля многопотрудившемуся, даровитому, честному дѣлателю на родной славянской нивѣ! *)

---

*) Некрологъ В. В. Макушева и полный списокъ его трудовъ см. между прочимъ, въ Варшавскомъ журналѣ „Русскій филологическій Вѣстникъ 1883 г. кн. I. Весьма теплая статья „Памяти Макушева“ напечатана извѣстнымъ ученымъ, профессоромъ М. Дриновымъ въ болгарскомъ журналѣ „Периодическо Списание на Българско-то книжовно дружество. 1883 кн. VI.

Юрій Даничичъ *).

(1825—1882 г.).

Славянская наука недавно понесла весьма тяжкую утрату. 4 Ноября скончался въ Загребѣ знаменитѣйшій сербскій ученый д—ръ Юрій Даничичъ. Имя этого почтеннаго дѣятеля никогда не будетъ забыто въ сербо-хорватскомъ народѣ, но оно должно быть дорого и для насъ русскихъ, близко принимающихъ къ сердцу успѣхи научнаго движенія у единоплеменныхъ намъ славянскихъ народовъ.

Въ исторіи развитія новой сербской литературы и изученія сербскаго языка рѣзко выдѣляются два имени—знаменитаго Вука Стефановича Караджича и только что сошедшаго въ могилу Юрія Даничича. Имена этихъ двухъ славныхъ мужей должны быть поставлены рядомъ: одинъ былъ учителемъ, другой ученикомъ; одинъ начинателемъ, другой продолжателемъ одного и того же великаго дѣла. Услуги, оказанныя ими изученію роднаго языка и развитію родной литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возрожденію національнаго самосознанія Сербовъ одинаково велики, поучительны и незабвенны для потомства.

Кому изъ насъ не извѣстна, хотя бы въ общихъ чертахъ, симпатичная дѣятельность достославнаго Вука Караджича? Поселянинъ-самоучка, не пошедшій въ своемъ образованіи

*) Поминка, читанная *Т. Д. Флоринскимъ* въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора лѣтописца 21 ноября 1882 г.

далѣе начальной школы, но одаренный отъ природы необыкновеннымъ умомъ, онъ является прекраснымъ знатокомъ своего народа и языка, полагаетъ первое, но весьма прочное основаніе научному изученію того и другаго, окончательно устанавливаетъ типъ сербскаго литературнаго языка, вырабатываетъ систему правописанія. Его драгоцѣнные сборники сербскихъ пѣсенъ впервые раскрыли все богатство сербскаго народнаго творчества, почти единственнаго въ мірѣ по его необыкновенной живучести и разнообразію, по неуловимой прелести и задушевности сюжетовъ, по удивительному сочетанію простоты и ясности изложенія съ изяществомъ формы и мелодичностью языка. Его „Живот и обичаи Сербскаго народа“, „Сказки“, „Пословицы“, и другія работы положили начало сербской этнографіи. Его грамматика и словарь стали основаніемъ изученія живаго сербскаго языка, который имъ же въ цѣломъ рядѣ произведеній, рѣшительно возведенъ на степень языка литературнаго вмѣсто господствовавшаго дотолѣ въ сербскихъ земляхъ языка славяно-сербскаго.

Вотъ такой-то человѣкъ былъ до нѣкоторой степени учителемъ Юрія Даничича. Знакомство съ Вукомъ и участіе въ нѣкоторыхъ его трудахъ естественно навело Даничича на мысль—посвятить себя тому великому дѣлу, которому столь ревностно служилъ Караджичь. Выступая его послѣдователемъ и продолжателемъ, онъ всецѣло отдается всестороннему изученію роднаго языка и его прошлыхъ судебъ. Не уступая своему учителю въ дарованіяхъ, онъ очутился въ сравненіи съ нимъ въ лучшихъ условіяхъ для успѣха научныхъ занятій. Почерпая изъ бесѣдъ съ Вукомъ основательное знакомство съ богатыми сокровищами роднаго языка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ могъ приступить къ работѣ, уже запасшись предварительно прекраснымъ образованіемъ, полученнымъ имъ въ Парижѣ, Пештѣ и Вѣнѣ, главнѣйше подъ руководствомъ знаменитаго слависта д—ра Франца Миклошича. Имъ хорошо усвоены были данныя и методы, добытые современной филологической

наукой, что̀ конечно сдѣлало и его дѣятельность на пользу сербскаго языка и литературы особенно цѣнною и плодотворною.

Скромна служебная карьера Даничича. По окончаніи университетскаго курса, онъ оставался въ Вѣнѣ до 1856 г., гдѣ, между прочимъ, обучалъ сербскому языку княгиню Юлію. Въ 1856 онъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ и прожилъ здѣсь 10 л., сперва исполняя должность библіотекаря Народной библіотеки, а потомъ (съ 1861 г.) занимая постъ профессора славянской филологіи и всеобщей литературы въ лицеѣ, впослѣдствіи преобразованномъ въ Великую школу. Въ тоже время онъ состоялъ секретаремъ или просто членомъ Общества сербской словесности и нѣсколько лѣтъ редактировалъ изданіе Общества „Гласникъ". Въ 1866 г. была открыта въ Загребѣ Югославянская Академія наукъ, и Даничичъ, по приглашенію епископа Штросмайера, занялъ мѣсто секретаря Академіи. Здѣсь онъ оставался до 1873 г., когда по приглашенію Министра Народнаго Просвѣщенія г. Ст. Новаковича возвратился въ Бѣлградъ на прежнюю свою каѳедру. Кромѣ исполненія своихъ профессорскихъ обязанностей въ Великой школѣ Даничичъ занимался также обученіемъ сербскому языку княгини, а нынѣ королевы, Наталіи. Однако въ 1879 г. онъ опять перебрался въ Загребъ, гдѣ принялъ на себя редакцію обширнаго академическаго словаря „Хорватскаго или сербскаго языка". Въ Загребѣ онъ и кончилъ дни свои.

Біографія Даничича есть длинный списокъ его ученыхъ работъ. Они распадаются главнымъ образомъ на два отдѣла: изслѣдованія по языку и изданія памятниковъ языка и литературы. Свою дѣятельность Даничичъ началъ въ 1847 г. сочиненіемъ „Рат за српски језик и правопис". Въ то время въ Сербіи шла ожесточенная борьба за введенную Вукомъ литературную реформу. Филологическія доказательства, собранныя Даничичемъ въ означенномъ сочиненіи, отстояли эту реформу, не смотря на всѣ нападки на нее со стороны про-

тивниковъ новаго направленія. Съ 50-хъ годовъ начинаются его грамматическія работы. Въ 1850 г. вышла его „Мала српска граматика“, впослѣдствіи передѣланная и выдержавшая подъ заглавіемъ: „Облици српског језика“ семь изданій. Въ 1858 г. напечатана „Српска синтакса“. Одновременно съ этимъ и позже Даничичъ помѣщалъ въ „Гласникѣ“ и Rad'ѣ (изданіе Югославянской Академіи) частныя филологическія изслѣдованія, напр. „Српски акценти, Разлика између српскога и хрватскога језика, Српска деминуација и аугментација, (в Гласникѣ) ђ и ћ u istoriji slovenskih jezika и др. (въ Rad'ѣ). Эти и другія статьи служили Даничичу подготовительными работами для обширныхъ изслѣдованій въ области сербскаго языка. Въ семидесятыхъ годахъ вышли въ свѣтъ одно за другимъ слѣдующія три его большія сочиненія: 1) Историја облика (формъ) српскога или хрватскога језика — 1874 г.; 2) Основе српскога или хрватскога језика 1876; 3) Коријени српскога или хрватскога језика 1879 г. Всѣ эти труды Даничича исполнены по строго выдержанному филологическому методу и стоятъ на высотѣ требованій современной науки о языкѣ. По словамъ такихъ авторитетныхъ судей какъ покойный И. И. Срезоевскій и его преемникъ по Петербургскому Университету и Академіи Наукъ И. В. Ягичъ, лингвистическіе труды Ю. Даничича отличаются такими высокими достоинствами, что ни одинъ изъ славянскихъ языковъ не былъ разработанъ съ такою глубиною, такого обстоятельностью какъ сербскій въ изслѣдованіяхъ покойнаго южно-славянскаго ученаго.

Одновременно съ изученіемъ сербскаго языка, Даничичъ много работалъ надъ изданіемъ памятниковъ старо-сербской письменности. Имъ изданы: Живот св. Саве 1860 г., Никольское Евангеліе — 1864 г. Живот св. Симеуна и св. Саве (трудъ Доментіана) — 1865 г., Животи српских краљева и архиепископа 1866 г. и цѣлый рядъ другихъ памятниковъ сербскаго языка и сербской литературы, печатавшихся частью

въ Гласникѣ, частью въ загребскомъ изданіи Starine. Обширное и глубокое знакомство съ памятниками сербской старины дало возможность Ю. Даничичу составить неоцѣнимо важный трудъ—Рјечник из книжевних старина српских (1862—64 г.) т. е. историческій словарь сербскаго языка—необходимое пособіе для всякаго занимающагося старосербскою письменностью и внутреннею исторіей древней Сербіи.

Какъ продолжатель разныхъ предпріятій Вука Караджича, Ю. Даничичъ принималъ участіе въ переводѣ на сербскій языкъ Ветхаго Завѣта, издалъ Сборникъ сербскихъ пословицъ (1870 г.) и пр. Но особенно его занимала мысль о раскрытіи всего богатства сербо-хорватскаго языка. Словарь Вука, при всѣхъ его достоинствахъ, былъ весьма не полонъ. Даничичъ задумалъ составленіе самаго полнаго, обстоятельнаго, научнаго словаря сербскаго языка. Издавна уже онъ принялся за собираніе матеріаловъ. Осуществленіе этого важнаго предпріятія взяла на себя Югославянская Академія. Съ 1879 г. Даничичъ принялся за систематическую работу и успѣлъ издать въ свѣтъ 4 выпуска, которые обнимаютъ всего первыя двѣ буквы. По своимъ средствамъ, по задачамъ и исполненію это изданіе Юго-Славянской Академіи должно превзойти всѣ существующіе доселѣ словари другихъ славянскихъ языковъ. Къ сожалѣнію, за смертью Даничича, трудно подыскать для редакціи словаря другаго столь опытнаго и свѣдующаго въ филологіи ученаго.

Такова въ главныхъ чертахъ многоплодная ученая дѣятельность Ю. Даничича. Но значеніе его въ исторіи образованности роднаго народа не ограничивается одной ученой стороной. За нимъ остается важная заслуга ревностнаго проповѣдника единства и согласія въ сербохорватскомъ народѣ, какъ извѣстно раздѣленномъ историческими обстоятельствами на двѣ половины: православныхъ Сербовъ и католиковъ Хор-

ватовъ. Подобно Вуку онъ стоялъ за принятіе одного сербскаго говора (южнаго) за литературный языкъ всѣхъ Сербо-Хорватовъ, а равно и за установленіе однообразнаго правописаніе. Къ этому были направлены всѣ его труды. Самый языкъ Сербовъ и Хорватовъ онъ безусловно и вполнѣ справедливо принималъ за одинъ и тотъ-же, что и отличалъ, какъ мы видѣли, въ заглавіяхъ своихъ сочиненій постоянно именуя его языкомъ „сербскимъ или хорватскимъ". Оттого то, въ интересахъ національнаго единства онъ охотно дѣлилъ свои научныя занятія между двумя литературными центрами Сербо-Хорватовъ—Бѣлградомъ и Загребомъ. Эта черта ученой дѣятельности Даничича безспорно должна отразиться благотворно на взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ половинъ сербо-хорватскаго народа.

Личная жизнь Ю. Даничича прошла среди разныхъ лишеній и тяжелыхъ обстоятельствъ. Здоровье его отчасти было надломлено и постояннымъ непосильнымъ трудомъ. Умеръ онъ имѣя всего 57 лѣтъ отъ роду.

Проѣзжая нынѣшнимъ лѣтомъ черизъ Бѣлградъ, я имѣлъ возможность познакомиться съ Ю. Даничичемъ. Страдая горловой чахоткой, едва переводя дыханіе, онъ указывалъ мнѣ на послѣдній свой трудъ, четвертый выпускъ академическаго словаря, и при этомъ выразилъ опасеніе, что ему не удастся довести до конца это изданіе. Черезъ нѣсколько дней мы снова встрѣтились на обѣдѣ у одного изъ сербскихъ ученыхъ, архимандрита Дучича. Даничичъ чувствовалъ себя какъ бы лучше, съ восторгомъ говорилъ объ успѣхахъ сербской науки, о необходимости болѣе тѣсныхъ литературныхъ связей между Сербіей и Россіей; но въ голосѣ его уже были слышны зловѣщія предзнаменованія: вскорѣ они сбылись.....

Смерть даровитаго ученаго, неутомимаго труженика, горячаго патріота была оплакана во всѣхъ уголкахъ сербо-

хорватскихъ земель. Тѣло его было перевезено въ Бѣлградъ на государственный счетъ и погребено здѣсь съ большимъ почетомъ.

Почтенная дѣятельность Ю. Даничича была оцѣнена и русской наукой: онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи наукъ и былъ въ самыхъ живыхъ сношеніяхъ со многими нашими славистами.

Юбилей ФРАНЦА МИКЛОШИЧА.

8 (20) Ноября нынѣшняго года въ Вѣнѣ происходило великое славянское торжество. Представители науки и литературы изо всѣхъ земель обширнаго славянскаго міра, при участіи многочисленной славянской молодежи, чествовали семидесятую годовщину рожденія и сорокалѣтній юбилей ученой дѣятельности профессора Вѣнскаго университета, знаменитаго слависта, д—ра Франца Миклошича. Мы считаемъ своимъ долгомъ сказать нашимъ читателямъ нѣсколько словъ объ ученыхъ заслугахъ почтеннаго юбиляра.

Небольшому племени Словинцевъ принадлежитъ честь дарованія славянской наукѣ двухъ дѣятелей, имена которыхъ на-всегда останутся незабвенными въ исторіи славистики. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстный Копитаръ, другой—его ученикъ и послѣдователь Миклошичъ. Значеніе научной дѣятельности перваго лучше всего характеризуется надписью стоящею на его надгробномъ памятникѣ: „magni Dobrovii ingeniosus aemulator". Въ этихъ немногихъ словахъ сказано почти все. Копитаръ, подобно Добровскому, оказалъ неоцѣнимыя заслуги изученію старославянскаго языка, старославянской письменности, и не уступалъ знаменитому патріарху славянской филологіи въ глубинѣ и критичности ума, въ богатствѣ и разносторонности познаній. Миклошичъ, въ значительной степени обладающій тѣми же качествами и сверхъ того необычайнымъ трудолюбіемъ, естественно пошелъ дальше своего учителя. Онъ нетолько много потрудился для уясненія судебъ старославянскаго языка, но и съ большою тщательностью

и глубиною изучилъ всѣ славянскіе языки, положивъ въ своихъ сочиненіяхъ прочное основаніе сравнительной славянской грамматикѣ. Согласно требованіямъ современной науки о языкѣ онъ распространяетъ свои изученія и за предѣлы славянской семьи языковъ, обращаясь къ другимъ индогерманскимъ семьямъ, главнѣйше къ тѣмъ языкамъ, которыя исторія поставила въ близкую связь и взаимодѣйствіе съ языками славянскими. Въ лицѣ Миклошича славянская филологія обладаетъ лингвистомъ всестороннимъ, глубокимъ, какимъ напримѣръ для германской филологіи былъ Яковъ Гримъ, а для романской—Дитцъ. Сверхъ того у Миклошича часто лингвистическія занятія соединяются съ историческими и литературными. Кромѣ цѣлаго ряда статей и замѣтокъ, относящихся къ этой области, ему принадлежитъ заслуга изданія многихъ цѣнныхъ памятниковъ языка, исторіи и литературы.

Число сочиненій Миклошича весьма велико. Среди ихъ мы видимъ значительное количество огромныхъ, монументальныхъ трудовъ и массу частныхъ изслѣдованій и монографій. Перечислимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Ученая извѣстность Миклошича начинается съ 1844 г., со времени появленія въ Wiener Jahrbüchern его превосходной рецензіи на „Сравнительную грамматику". Боппа. Въ томъ же ученомъ журналѣ въ 1847 г. былъ помѣщенъ его важный разборъ востоковскаго изданія Остромирова евангелія; а нѣсколько раньше въ 1845 г. вышелъ въ свѣтъ его первый цѣльный трудъ, Radices linguae slovenicae veteris dialecti. Всѣми этими работами молодой ученый не могъ не обратить на себя вниманіе и уже въ 1848 году избранъ въ экстроординарные, а въ 1850 г. въ ординарные профессора Вѣнскаго университета. Съ этого времени ученая дѣятельность Миклошича получаетъ необычайно быстрое развитіе, и славянская филолологія начинаетъ обогащаться его монументальными трудами.

„Radices“ послужили нашему ученому только подготовительной работой для изданнаго имъ въ 1852 г. Словаря старо-славянскаго языка (Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti). Второе совершенно переработанное и дополненное изданіе (1832—1866 г.) этого словаря, подъ заглавіемъ „Lexicon palaeoslovenico-latino-graecum“ доселѣ остается необходимѣйшимъ пособіемъ при занятіяхъ старославянскимъ языкомъ. Въ 1851 г. явился первый томъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ—„ученіе о звукахъ“ (Lautlehre), награжденный преміей Вѣнской академіей наукъ, которая годъ спустя избрала славянскаго ученаго въ свои члены. Второй томъ (1854 г.) обнималъ ученіе о формахъ. Эти два тома составляли такъ сказать основаніе, канву задуманной авторомъ обширной сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. Болѣе двадцати лѣтъ изумительнаго труда употребилъ почтенный ученый для осуществленія этой огромной задачи. Многочисленныя статьи его и монографіи, печатавшіеся въ изданіяхъ Вѣнской академіи, „Denkschriften“ и „Sitzungsberichten“, въ журналѣ Куна Beiträge zur Vergleichende Sprachforschung, въ его собственномъ изданіи „Slavische Bibliothek“, въ Rad'ѣ Jugoslovenskej academiji,—служили подготовительными работами къ монументальному сочиненію. Наконецъ въ 1879 г. трудъ былъ конченъ. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen въ своемъ передѣланномъ и распространенномъ видѣ представляетъ четыре огромныхъ тома: I. Lautlehre—ученіе о звукахъ 1879, стр. 598, II. Stammbildungslehre—ученіе объ основахъ 1875, стр. 504, III. Wortbildungslehre—ученіе о словахъ 1876, стр. 650, IV. Syntax—Синтаксисъ 1874 и 1884 (2-е изданіе) стр. 895. Чтобы характеризовать въ двухъ словахъ все огромное значеніе этого замѣчательнаго сочиненія, достаточно сказать, что оно надолго останется настольною книгой всякаго занимающагося славянскими языками, служа исходнымъ пунктомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ новыхъ изслѣдованій въ области славянскаго языковѣдѣнія.

Меньшія сочиненія Миклошича весьма многочисленны и разнообразны по содержанію. Особенно занимали и занимаютъ его разные вопросы по исторіи старославянскаго языка и судьбы элементовъ славянской рѣчи въ другихъ, неславянскихъ языкахъ,—какъ въ греческомъ, румынскомъ, албанскомъ, мадьярскомъ. Такъ здѣсь достаточно вспомнить его Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, при которомъ находится извѣстное „Введеніе", представляющее весьма важное и живое разсмотрѣніе вопроса о народности старославянскаго языка и о разныхъ рецензіяхъ старославянскихъ памятниковъ. Весьма замѣчательны его изслѣдованія: 1) „Объ образованіи славянскихъ собственныхъ именъ" 1860 г.; 2) „О славянскихъ мѣстныхъ именахъ, образовавшихся изъ личныхъ" 1864 г.; 3) „О славянскихъ мѣстныхъ именахъ изъ нарицательныхъ" 1872—74 г.; 4) „Христіанская терминологія въ славянскихъ языкахъ" 1875 г.; 5) Славянскія наименованія мѣсяцевъ" 1867 г.; 6) „Чужія слова въ славянскихъ языкахъ" 1867 г.; 7) „О языкѣ Болгаръ въ Седмиградіи" 1856 г.; 8) „О славянскихъ элементахъ въ новогреческомъ", 1870 г.; 9) „О славянскихъ элементахъ въ Румынскомъ" 1661 г.; 10) „О славянскихъ элементахъ въ Албанскомъ"; 11) „О славянскихъ элементахъ въ Мадьярскомъ"; 12) „Исторія обозначенія звуковъ въ Болгарскомъ" 1883 г. и др. Всѣ эти монографіи печатались въ изданіяхъ Вѣнской академіи. О характерѣ и достоинствахъ ихъ одинъ русскій ученый вполнѣ вѣрно отозвался слѣдующимъ образомъ: „Если не всегда рѣшенія Миклошича въ концѣ концовъ могутъ удовлетворить изслѣдователя, то богатства собраннаго матеріала, остроуміе и основательность многихъ объясненій и соображеній даютъ трудамъ его высокое ученое значеніе... Даже и тамъ, гдѣ мысль невольно устремляется по другой дорогѣ и приходитъ къ совершенно инымъ заключеніямъ—нельзя бываетъ отказать во вниманіи къ его, отвергаемымъ или оспариваемымъ, положеніямъ, потому что они—плодъ серьезнаго и общирнаго изученія".

Что касается до работъ Миклошича по изданію памятниковъ историческихъ и литературныхъ, то ограничимся здѣсь указаніемъ самаго главнаго. Почтенный ученый хорошо понимаетъ связь исторіи большей части славянскаго племени съ исторіей Византіи, и при своихъ спеціальныхъ лингвистическихъ занятіяхъ, успѣлъ, обогатить исторію Греко-славянскаго міра изданіемъ значительнаго количества драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Таковы его собранія Сербскихъ грамотъ—Monumenta Serbica 1858 г., матеріалы къ исторіи уніи Греческой и Римской церкви—Monumenta spectantia ad unionem eccelesiarum graecae et romanae edita ab A. Theiner et Fr. Miklosich 1872; и особенно важные документы для исторіи Византіи, изданные имъ вмѣстѣ съ Миллеромъ Acta et diplomata graeca medii aevi Vol. I—IV. Много прекрасныхъ матеріаловъ и изслѣдованій заключаетъ въ себѣ изданная Миклошичемъ „Славянская Библіотека“—Slavische Bibliothek. 1851 1858 г.

Мы отмѣтили здѣсь только самыя крупныя черты ученой дѣятельности знаменитаго слависта. Но изъ сказаннаго видно, насколько велики его заслуги. Отсюда понятно, что и чествованіе его юбилея встрѣтило самые живые сочувственные отклики какъ въ европейскомъ, такъ и въ славянскомъ ученомъ мірѣ. По отношенію къ Россіи замѣтимъ, что Миклошичъ былъ пожалованъ Высочайшей Монаршей наградой и избранъ въ почетные члены почти всѣми нашими университетами.

Т. Флоринскій.

Юбилей В. И. ЛАМАНСКАГО.

Въ маѣ 1883 г. въ Петербургѣ происходило чествованіе 25-лѣтія ученой и профессорской дѣятельности В. И. Ламанскаго. Это чествованіе, смѣемъ думать, представляло по своему внутреннему значенію весьма видное событіе въ нашей учено-литературной жизни. При томъ оно касалось одного изъ славнѣйшихъ представителей славянской науки въ Россіи. Поэтому считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей „Славянскаго Ежегодника" съ обстоятельствами этого торжества, заимствуя описаніе его изъ газеты „Новое Время".

9-го мая ученики и почитатели профессора Петербургскаго университета В. И. Ламанскаго чествовали его самымъ искреннимъ, задушевнымъ образомъ. Починъ въ устройствѣ этого мирнаго торжества принадлежитъ его ближайшимъ ученикамъ, спеціалистамъ славянской филологіи. Въ средѣ ихъ возникла мысль почтить своего славнаго учителя поднесеніемъ ему сборника ученыхъ статей по разнымъ отдѣламъ славяновѣдѣнія, нарочно для этой цѣли ими написанныхъ. Въ составленіи и изданіи сборника приняли участіе 21 ученикъ В. И. Ламанскаго, изъ которыхъ многіе занимаютъ нынѣ каѳедры въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Къ ученикамъ-славистамъ примкнули и бывшіе слушатели профессора Ламанскаго, окончившіе курсъ по филологическому факультету въ Петербургскомъ университетѣ; приняли участіе

въ чествованіи и профессора историко-филологическаго факультета и нѣкоторыя другія лица—почитатели юбиляра. Всѣ эти лица собрались къ часу дня въ квартиру Владиміра Ивановича. Первыми привѣтствовали его авторы сборника. Старшій изъ нихъ, Ю. С. Анненковъ, поднося книгу, прочелъ слѣдующее посвященіе, предпосланное статьямъ сборника:

Высокоуважаемый
Владиміръ Ивановичъ!

„Сравнивая послѣднее двадцатипятилѣтіе русской жизни съ предшествовавшими эпохами, мы замѣчаемъ, въ числѣ многихъ другихъ отличій, одно особенно рѣзкое и знаменательное: быстрое и широкое развитіе славянскаго самосознанія въ области нашей современной науки, литературы и общественной мысли. Правда, самосознаніе это ярко отражается и въ явленіяхъ древне-русской жизни; но впослѣдствіи оно затемнилось настолько, что пробужденіе его въ новѣйшее время можетъ быть названо эпохою славянскаго возрожденія Россіи.

Въ числѣ дѣятелей этого возрожденія одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ безспорно Вамъ, нашъ высокочтимый юбиляръ.

Велико число, разнообразно и важно содержаніе Вашихъ ученыхъ трудовъ, появившихся въ теченіе истекшаго 25-лѣтія вашей писательской дѣятельности. Славянская исторія, литература, археологія, этнографія, языковѣдѣніе,—словомъ, всѣ отдѣлы историко-филологическихъ знаній о Славянствѣ, получили цѣнные вклады отъ вашего дѣятельнаго и высокодаровитаго пера. Изучая ихъ, часто не знаешь, чему болѣе удивляться: обширности ли Вашихъ знаній, неутомимости разысканій, разнообразію пріемовъ, независимости сужденій, глубинѣ и широтѣ обобщеній, или какой-то сердечности отношенія къ самымъ даже отдаленнымъ по пространству и времени вопросамъ!

Съ равной свободой и основательностью вращаетесь Вы въ областяхъ и древнеклассической этнологіи, и христіанской патристики, и средневѣковой анналистики, и новоевропейской исторіографіи, вездѣ пользуясь и первыми источниками, и ихъ разработкой въ научныхъ школахъ стараго и новаго времени.

Матеріалъ печатный не удовлетворяетъ Вашей научной пытливости. Вы проникаете въ архивы и древнехранилища и съ рѣдкой быстротой оріентируетесь въ такихъ громадныхъ собраніяхъ рукописей, какъ петербургскія, вѣнскія, венеціанскія, полной горстью черпая оттуда данныя по самымъ темнымъ и важнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія и сопредѣльныхъ отдѣловъ европейской исторіи.

Авторитеты стараго и новаго времени ни на минуту не порабощаютъ себѣ Вашей свободной мысли. Отъ остраго ножа вашей критики не спасетъ фальсификата ни давній возрастъ, ни патріотизмъ авторовъ, ни мнѣніе предковъ, ни желанія современниковъ. Историческіе факты не дробятся въ Вашей головѣ какъ звенья разорванной цѣпи; наоборотъ, они смыкаются въ стройные ряды логическихъ преемствъ, до самыхъ отдаленныхъ и незамѣтныхъ развѣтвленій.

Съ особенной любовью носится Ваша мысль на тѣхъ высотахъ созерцанія, съ которыхъ жизнь народовъ европейскаго Востока и Запада представляется въ видѣ двухъ океановъ, раздѣленныхъ природою и судьбами, но связанныхъ единствомъ конечныхъ задачъ христіанской образованности.

Съ рѣдкой гармоніей совмѣщаются въ Вашемъ сознаніи процессы разрушительной критики и смѣлаго творчества, свидѣтельствуя о взаимодѣйствіи и силѣ какъ индуктивныхъ, такъ и дедуктивныхъ пріемовъ Вашего мышленія.

Но въ этомъ взаимодѣйствіи двухъ полюсовъ испытующей мысли въ Васъ всегда торжествуетъ въ концѣ-концовъ процессъ положительный надъ отрицательнымъ, зиждущій надъ разрушающимъ, вслѣдствіе чего общій строй Вашего мышленія

носить отпечатокъ какого-то возвышеннаго идеализма, столь понятнаго впрочемъ въ истинномъ Славянинѣ и христіанинѣ.

Удивительно ли, что сочетаніе столь благопріятныхъ условій духовнаго развитія и настроенія подготовило Васъ къ самому плодотворному прохожденію и педагогическаго поприща въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ русской столицы!

Рѣдко встрѣчается учитель, который имѣлъ бы силу и волю дѣйствовать на учениковъ столь разнообразными сторонами: и въ академическихъ чтеніяхъ, и въ домашней бесѣдѣ, и собственнымъ примѣромъ, — обаяніемъ своей личности. Оттого-то Петербургскій университетъ сталъ въ послѣднія десятилѣтія разсадникомъ славяновѣдѣнія на всю Россію; оттого-то удалось Вамъ въ короткое сравнительно время положить основаніе русской школѣ славяновѣдовъ. Пусть школа эта не имѣетъ еще въ своей средѣ именъ общеизвѣстныхъ; достаточно, что она существуетъ, растетъ, развивается.

Но не наука лишь и каѳедра служили поприщемъ Вашей 25-лѣтней дѣятельности: Вы принимали самое теплое и близкое участіе и въ явленіяхъ жизни общественной не одного только Петербурга или Россіи, но и всего Славянскаго міра. Достаточно здѣсь вспомнить о Вашихъ заслугахъ при устройствѣ славянскаго съѣзда 1867 года, а также въ организаціи и дѣятельности Славянскаго Комитета, особенно его петербургскаго отдѣленія.

Изъ другихъ общественныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ Вы принимали ближайшее участіе, особенную важность имѣетъ вопросъ о преобразованіи въ народномъ духѣ нашей Академіи наукъ, которой посвященъ рядъ Вашихъ статей истинно-ломоносовскаго характера. Статьи эти упрочатъ за Вами славу настоящаго русскаго академика, хотя бы по существу лишь, а не по формѣ.

Такъ смотримъ мы, ваши ученики и почитатели, на характеръ и итоги 25-лѣтней учено-педагогическій и обществен-

ной Вашей дѣятельности. Посвящая Вашему имени сборникъ составленныхъ нами статей по разнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія, мы просимъ васъ принять его какъ слабую дань благодарности и уваженія отъ учениковъ учителю".

Затѣмъ былъ поднесенъ юбиляру альбомъ съ фотографическими карточками учениковъ-славистовъ (составителей сборника). Изъ нихъ иногородные прислали привѣтственныя телеграммы. Прочитанъ былъ г. Павловскимъ адресъ отъ бывшихъ слушателей В. И—ча, въ которомъ выражаются ими благодарныя чувства къ своему бывшему профессору и высоко ставятся его ученыя и профессорскія заслуги. Адресъ подписанъ 48 лицами, большею частью преподавателями гимназій, петербургскими и иногородными. Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ прочелъ дипломъ Новороссійскаго университета, избравшаго В. И. Ламанскаго своимъ почетнымъ членомъ „во вниманіе къ его педагогической дѣятельности, оживившей славянскія и византійскія занятія въ Россіи, и въ уваженіе его заслугъ, какъ образователя школы ученыхъ и профессоровъ". Кіевское Славянское Общество и Общество Нестора-Лѣтописца привѣтствовали юбиляра телеграммами, извѣщая объ избраніи его въ свои почетные члены. Затѣмъ привѣтствовали В. Ивановича профессора, его сотоварищи, и нѣкоторые другіе ученые и почитатели. Отсутствовавшіе профессора поздравили юбиляра письменно, напримѣръ, В. В. Бауеръ, В. Г. Васильевскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, приславшій изъ Рима глубоко сочувственное и тепло написанное привѣтствіе, прочитанное г. Филевичемъ. Въ письмѣ своемъ профессоръ Бестужевъ, между прочимъ, говоритъ: „Популярности вы не искали, потому что вамъ, какъ С. М. Соловьеву, некогда было ее искать, но вы нашли нѣчто болѣе прочное: вы создали свою школу. Теперь уже многіе ученики ваши занимаютъ каѳедры по славяновѣдѣнію, средне-вѣковой и русской исторіи. Для нихъ, вашихъ учениковъ, открытъ новый міръ греко-славянскій, поле, на

которомъ преимущественно слѣдуетъ работать русскимъ ученымъ... Вы еще въ цвѣтѣ силъ. Да дастъ вамъ Господь Богъ долгую жизнь, да пошлетъ онъ вамъ возможность возрастать изъ силы въ силу, изъ славы въ славу, да сподобитесь вы увидать хотя бы зарю того, что составляло предметъ вашихъ чаяній—міродержавной роли нашего Славянскаго племени". Личныя привѣтствія учителя учениками были самыя искреннія и горячія. Растроганный и взволнованный, юбиляръ отвѣчалъ на всѣ эти сердечныя выраженія слѣдующими приблизительно словами: „Мм. гг.! Вы меня осыпали такими похвалами, почтили знаками такого вниманія и уваженія, о какихъ я, слишкомъ хорошо сознавая всѣ мои недостатки, мои слабыя и дурныя стороны, никогда въ жизни и не помышлялъ. Все это я приписываю не моимъ заслугамъ, никакихъ такихъ заслугъ я за собою и не признаю. Все это я приписываю вашему доброму ко мнѣ расположенію, вашей сердечной привязанности къ вашему бывшему профессору. Какъ профессоръ, въ исполненіе моего долга и обязанности, можетъ-быть я иногда и оказывалъ знакомой мнѣ части университетской молодежи нѣкоторыя услуги. Если эти услуги приносили ей пользу, то это потому, что онѣ вытекали изъ искренняго желанія ей добра, потому что я привязывался къ ней и любилъ ее. Но вѣдь грѣшно бы было и не привязаться къ ней и не полюбить такой молодежи, когда изъ нея вышли такіе полезные дѣятели, честные труженики, хорошіе люди съ такимъ чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ, съ такою нѣжною и памятливою признательностью за всякую когда-либо ей оказанную услугу. Ваши сочувственныя заявленія, ваши теплыя пожеланія, вашъ драгоцѣнный подарокъ, сборникъ вашихъ статей, мнѣ посвященныхъ, представляются мнѣ самою лучшею и высшею наградою, какую только можетъ получить нашъ братъ, профессоръ; писателю, ученому, профессору естественно и позволительно, особенно въ минуту душевныхъ житейскихъ невзгодъ, себѣ въ утѣшеніе, предаваться иногда честолюби-

вымъ мечтамъ о томъ, что его трудъ быть-можетъ не напрасенъ, что онъ оставитъ по себѣ извѣстный слѣдъ въ литературѣ, въ наукѣ, въ исторіи образованности, оставитъ учениковъ, послѣдователей. Провозглашая себя громко моими учениками, вы утѣшаете и ласкаете меня отрадною надеждою, что ученики ваши и ученики ихъ учениковъ, вспоминая о вашей благотворной дѣятельности, быть-можетъ когда-нибудь и меня какъ вашего дядьку помянутъ съ благодарностью за то уже одно, что вы меня такъ любили. Растроганному, осчастливленному, позвольте мнѣ поблагодарить васъ еще разъ отъ глубины души и пожелать вамъ всѣмъ имѣть такихъ же признательныхъ учениковъ". Эти отвѣтныя слова любимаго учителя не могли не растрогать его учениковъ и не вызвать проявленія неподдѣльной сердечной привязанности. Тутъ же Владиміръ Ивановичъ былъ приглашенъ къ 6-ти часамъ на дружескій обѣдъ, къ которому собралось около сорока лицъ, профессоровъ и писателей, учениковъ и друзей юбиляра. Обѣдъ отличался непринужденностью и отсутствіемъ оффиціальности. Юбиляръ первый провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора. Нужно ли прибавлять, съ какимъ единодушнымъ восторгомъ принятъ былъ этотъ дорогой каждому Русскому тостъ! Послѣ тоста за юбиляра послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ—за присутствовавшихъ за обѣдомъ ученыхъ, причемъ ученики В. И. Ламанскаго выражали имъ свою признательность за разнообразное содѣйствіе въ ихъ ученыхъ начинаніяхъ. Особенно живо и сочувственно приняты были тосты за историко-филологическій факультетъ (провозглашенъ академикомъ Я. К. Гротомъ), за старѣйшаго изъ присутствующихъ ученыхъ, достопочтеннаго академика Я. К. Грота (провозглашенъ Вл. И. Ламанскимъ), за профессора В. Г. Васильевскаго, извѣстнаго византиниста, ученому руководству и разнообразной помощи котораго такъ много обязаны слависты Петербургскаго университета, за И. В. Ягича, профессора славянскихъ языковъ и литературъ, за А. Н. Пыпина, универси-

тетскаго товарища В. И. Ламанскаго, извѣстнаго историка славянскихъ литературъ, за Л. Н. Майкова, съ чрезвычайною готовностью всегда открывавшаго страницы редижируемаго имъ ученаго журнала министерства народнаго просвѣщенія для трудовъ начинающихъ ученыхъ, за старѣйшаго изъ славистовъ-учениковъ В. И-ча, профессора А. С. Будиловича и нѣкоторыхъ другихъ. Профессоръ М. И. Владиславлевъ провозгласилъ тостъ за молодежь, чтущую своего учителя. Читаны были за обѣдомъ подоспѣвшія поздравительныя телеграммы: изъ Варшавы—отъ проф. Будиловича и Зигеля, изъ Одессы—отъ профессора Успенскаго, изъ Нѣжина—отъ профессоровъ института и преподавателей гимназіи, изъ Кронштадта —отъ учителей гимназіи, бывшихъ учениковъ В. И. Ламанскаго, отъ Серба Николы Іовановича (на сербскомъ языкѣ), изъ Кіева—отъ доцента университета Флоринскаго, отъ студентовъ-филологовъ 2-го курса, отъ А. И. Савельева. Послѣ пришли привѣтственныя телеграммы: изъ Бѣлграда—отъ Сербскаго Ученаго Дружества, подписанная пятнадцатью учеными и профессорами, и отъ „Словенской Матицы" въ Люблянѣ. Въ 11 часовъ участники торжества разошлись, унося самыя пріятныя и свѣтлыя впечатлѣнія. Нельзя не отмѣтить для характеристики празднества, что оно совершенно лишено было оффиціальнаго характера, никто не былъ формально извѣщенъ и предупрежденъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не отдать справедливости той отзывчивости и сочувствію, съ какими приняли участіе въ скромномъ торжествѣ многочисленные почитатели юбиляра.

Содержаніе Сборника статей по Славяновѣдѣнію, составленнаго и изданнаго учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности:

1) Посвященіе; 2) Перечень сочиненій и изданій В. И. Ламанскаго (163 названія); 3) *Ѳедора Успенскаго,* Значеніе

византійской и южнославянской проніи; 4) *Тимофея Флоринскаго*, Къ вопросу о Богомилахъ; 5) *Ивана Пальмова*, Памятники кирилло-меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи; 6) *Константина Грота*, Новые труды по исторіи Венгріи; 7) *Ѳедора Зигеля*, Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ; 8) *Юрія Анненкова*, Мистръ Протива, „новый" чешскій писатель XV вѣка; 9) *Станислава Пташицкаго*, Новыя данныя для біографіи Николая Рея; 10) *Григорія Воскресенскаго*, Валентинъ Водникъ. Очеркъ изъ исторіи Словинской литературы; 11) *Антона Будиловича*, Іеронимъ Каваньинъ, полузабытый стародалматинскій панславистъ начала XVIII в.; 12) *Василія Малинина*, Грамматика Іоанна, Экзарха болгарскаго; 13) *Иннокентія Анненскаго*, Изъ наблюденій надъ языкомъ и поэзіей русскаго сѣвера; 14) *Антона Семеновича*, Объ особенностяхъ угрорусскаго говора; 15) *Алексѣя Петрова*, Князь Константинъ Бодинъ, очеркъ изъ исторіи Сербовъ XI в.; 16) *Василія Регеля*, Учредительныя грамоты пражской епархіи; 17) *Василія Кракау*, Данническая и ленная зависимость Восточныхъ окраинъ германской имперіи въ X и XI в.; 18) *Полихронія Сырку*, Нѣсколько замѣтокъ о двухъ произведеніяхъ търновскаго патріарха Евѳимія; 19) *Матвѣя Соколова*, Стихотворенія Яна Ботто; 20) *Гавріила Князева*, Мавръ Ветраничь, дубровницкій поэтъ XVI столѣтія; 21) *Ивана Соколова*, Мукачевская псалтырь XV вѣка; 22) *Романа Брандта*, Объ аористѣ „бимь"; 23) *Ѳедора Истомина*, Тоническая теорія въ славянскомъ народномъ творчествѣ.

Только что вышелъ въ свѣтъ многолѣтній обширный трудъ В. И. Ламанскаго Les secrets d'Etat de Venise. Documents, extraits, notices, et études servant á eclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et au XVI siècle. S.-Pétersbourg 1884.

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ ЗА 1879—1881 ГОДЫ. *)

Составилъ А. О. Поспишилъ.

а) Польскій отдѣлъ.

1. Исторія и ея вспомогательныя науки.

1879.

1. **Astruc,** *E. A.* Historya Żydów i ich wierzeń, tłómaczona przez Jak. Rotwanda. Варшава, 179 стр., ц. 75 к.
2. **Bobrzyński,** *Michal,* Dzieje Polski w zarysie. Варш., 8°, 495 стр., ц. 2 р. 25 к.

   — Dzieje ojczyste z szczególném uwzględnieniem Galicyi. Краковъ, 8°, VII+358 стр., ц. 1 г. 50 кр.

   — W imię prawdy dziejowéj, rzecz o zadaniu historyi i dzisiejszym jéj stanowisku. В., 8°, 40 стр., 25 к.
3. **Bobrzyński** *Prof. i Prof.* **Liske,** O Zygmuncie I. Краковъ, 8°, 41 стр., 30 кр.
4. **Bontzek,** *Kc. N.*, Stary Kościol Miechowski, obrazek obyczajów wiéjskich w narzeczy górnoszlązkiém. Bytom, 16°, 200 стр.

---

*) Настоящая статья есть продолженіе „Славянской библіографіи", которую для Славянскаго Ежегодника составлялъ бывшій редакторъ его, покойный Николай Петровичъ Ѳадерацкій. См. Слав. Ежегодникъ I. (1876), стр. 167 сл. II. (1877), стр. 295 сл. III. (1878), стр. 400—431 IV. (1880), стр. 406—437. Срв. также Слав. Ежег., V. (1882), стр. 232—241.

5. **Buliński**, *Kc. M.*, Monografia miasta Sandomierza. Варшава, 8°, XXIV+448 стр., съ портретомъ автора и видомъ города съ 1656 г. и съ 18 др. карт., ц. 2 р. 60 к.

6. **Dzieduszycki**, *Izydor*, Polityka brandenburska podczas wojny polsko-szwedskiéj w latach 1655—1657. Краковъ, 8°, II+95 стр., 3 г.

7. **Eliasz**, *Walery*, Ubiory w Polsce i u sąsiadów, tom I. od IX do końca XVIII w., część I do końca XI wieku. Краковъ, 4°, 19 стр. и 11 таблицъ, 3 г.

8. **Estreicher**, *dr. Karol*, Teatra w Polsce (изд. въ 100 экз.). Краковъ, 741 стр., ц. 4 р. 50 к. (5 г.).

9. **Finkel**, *Ludwik*, Poselstwa Jana Dantyszka. Льв. 58 стр.

10. **Gindeli**, *Dr. Prof. Ant.*, Dzieje powszechne dla wyższych klas szkół średnich, przełożył *Mich. Markiewicz.* tom I: Dzieje starożytne. Rzeszów, 8°, 346 стр., 2 г.

11. **Gorczak**, *Bron.*. Kilka uwag nad Mową Jana Kazimierza, w której przepowiada upadek Polski. Львовъ, 8°, 23 стр.

12. **Gorzkowski**, *Marian*, Bitwa pod Grunnwaldem, wskazówki do obrazů Jana Matejki. Краковъ, 8°, 29 стр., 30 к.

13. **Holzwarth**, *F. J.*, Historya powszechna, przekład polski licznemi uzupełnieniami rozszerzony; tom I: Dzieje starożytne, wschód. Варшава, XVI+483 стр., 1 р. 20 к.

14. **Kalinka**, *Kc. C. R.*, O książce prof. M. Bobrzyńskiego: Dzieje Polski w zarysie. Краковъ, 16°, 80 стр.

15. **Krzyżanowski**, *Kc. Felix*, Wiadomość historyczna o zjawieniu się cudownego obrazu Chrystusa Pana w mieście Boremli na Wołyniu blisko Łucka 30 marca 1773 r. Самборъ, 8°, 47 стр.

16. **Kwiatkowski**, *Saturnin*, Itinerarium Władysława III Warneńczyka, króla Polski i Węgier. Львовъ, 33 стр.

17. **Laboulay,** *Edward*, Historya Stanów Zjednoczenych, tom 4. Варшава, 8°, стр. 161—384, ц. 1 р. 25 к.
18. **Liske,** см. Bobrzyński i... o Zydmuncie I.
19. **Lukas,** *Dr. Stanisław*, O rzekoméj wyprawie na Turka w r. 1497, przyczynek do dziejów J. Olbrachta. Л., 21 стр.
20. **Mardyrosiewicz,** *B.*, Przyczynek do dziejów polityki Hohenzollernów. См. Album uczącéj się młodzieży polskiéj.
21. **Papée,** *Fryderyk*, Kandydatura Fryderyka Jagiellończyka na biskupstwo warmijskie, 1489—1492. Львовъ, 43 стр.
22. **Pawiński,** *Adolf*, Sprawy Prus Książęcych za Zygmunta Augusta w r. 1566—1568. Варш., CLX+339 стр. 3 р.
23. **Polkowski,** *Ignacy*, Najdawniejszy kodex pergaminovy z Archiwum kapituly krakowskiéj. Краковъ.
    — Szkoły w Polsce i ubodzy ucznowie krakowscy w czasach najdawniejszych. Краковъ.
24. **Przyborowski,** *Walery*, Dzieje Polski do r. 1772, opracowane dla młodzieży. Варш., II+274 стр., 1 р. 20 к.
    — Oblężenie Warszawy, powieść historyczna z końca XVIII wieku. Варшава, 175 стр., 60 коп.
25. **Roeppel,** *Ryszard*, Dzieje Polski do XIV stulecia przełożył *Dr. K. Przyborowski.* 2 tomy. Львовъ, 8°, стр. 446 и 265, ц. 6 г.
26. **Szaraniewicz,** *Dr. Izydor*, Patryarchat wschodni wobec kościoła ruskiego i Rzeczy pospolitéj polsaiéj z źródeł współczesnych. Краковъ, 8°, 170 стр.
27. **Szujski,** *Dr. J.*, Kilka uwag o „Dziejach Polski w krótkim zarysie“ Mich. Bobrzyńskiego. Варш., 57 стр.
28. **Tatomir,** *Lucyan*, Dzieje Polski w zarysie, dla klas wyższych szkół średnich. Львовъ, 330 стр., ц. 1 г. 40 кр.
29. **Trembicki,** *Izydor*, Historya państwa austryackiego połączona z geografią, dla szkoł ludowych. Коломыя, 48 стр.
30. **Weinert,** *Alexander*, Kawalerowie Złotéj ostrogi w Polsce do XIX wieku. Варшава, 16°, 40 стр.

31. **Zakrzewski**, *Wincenty*, Po ucieczce Henryka, dzieje bezkralewia 1574—1575. Краковъ, 8°, XVI+440 стр.
32. **Ziemięcki**, *Teodor*, Teorya wpływów kultury fenickiéj krytycznie rozebrana. Краковъ, 8°, II+206 стр., ц. 2 г.
33. **Żychliński**, *Teodor*, Złota księga szlachty polskiéj, rocznik I. Познань и Варшава, 8°, 400 стр. (5 таблицъ infolio), 10 м.

1880.

34. **Bartoszewicz**, *Julian*, Zamek Bialski. Львовъ, 218 стр.
— Szkic dziejów kościoła ruskiego w Polsce. Краковъ, 8°, 493 стр., ц. 4 г.
— Dzieła, tom VII: Szkice z czasów saskich.
— — tom VIII: Studya historyczne i literackie. Краковъ, à 3 г. 50 кр.
35. **Begey**, *Atilio*, Polska i Akademia historyi i literatury polskiéj i słowiańskiéj we Wszechnicy Bolońskiéj, tłomaczenie z włoskiego. Львовъ, 8°; 33 стр.
36. **Bełza**, *Stanisław*, Karol Miarka, Kartka z dziejów Górnego Szląska. Варшава, 59 стр., 30 коп.
37. **Berg**, *N. W.*, Pamiętniki o polskich spiskach i powstaniach 1831 do 1862, przełożył z rosyjskiego *W. Ralex*. Краковъ, 463 стр., 2 г.
38. **Bobrzyński**, *Michal*, Dzieje Polski w zarysie, drugie znacznie zwiększone wydanie, tom I i II. Варш., 4 р.
— O podziale historyi polskiéj na okresy. Варшава, 24 стр., 30 коп.
39. **Branicki**, *Xawery Korczak*, Narodowości Słowiańskie, listy do W. O Gagaryna S. J.; Парижъ, 8°, 282 стр.
40. **Budzyński**, *Michal*, Wspomnienia z mojego życia, 2 tomy, z portretom autora. Познань, 457+406 стр., 15 м.
41. **Carriere**, *Maurycy*, Sztuka i literatura w XVIII i XIX wieku, przekład z drugiego wydania niemieckiego uzupełniony poglądem na poezyą polską w XIX stuleciu,

skreślonym przez *Piotra Chmielowskiego*, część I i II. Варшава, 1870—1880, XII+387+330 стр., 3 р.

42. **Chmielowski,** *Potir,* Kobiety Mickiewicza, Słowackiego i Krasińskiego, zarys literacki. Варшава, 304 стр., 2 р.

43. **Chociszewski,** *J.*, Dwudziesty dziewiąty listopad, kilka rysów z dziejów powstania narodowego w r. 1830—31. Познань, 95 стр., 40 фен.

44. **Chromecki,** *Tadeusz,* Krótki rys dziejów zgromadzenia szkół pobożnych czyli oo. Piarów. Крак., 148 стр., 80 кр.

45. **Czarnowski,** *Alexander,* Studyum o Żydach. Варшава., 77 стр., 30 коп.

46. **Długosz,** *Jan* (1415—1480), wydanie Konstantego i Gustawa hr. Przezdzieckich. Краковъ.

47. **Dubiecki,** *Maryan,* Rys dziejów najnowszych od r. 1815 po 1875, z krótkim rzutem oka na dzieje lat 1876—78. Вильна, 452 стр., 2 руб.

48. **Garczyński,** *Stefan,* Wspomnienia z czasów wojny narodowéj polskiéj 1831 r. i Sonety wojenne. Львовъ, 64 стр., 20 кр.

49. **Gnatowski,** *Jan,* Listy o literaturze i sztuce. Позн., 147 стр.

50. **Gregorowicz,** *Kazimierz,* Pogląd krytyczny na wypadki z r. 1861, 1861 i 1863, tom I i II. Львовъ, 216+228 стр., 3 г. 60 кр.

51. **Holzwarsh,** *F. J.* Historya powszechna, tom II: Dzieje starożytne, Grecya i Rzym. Варш., XIV+746 стр., 2 р.

52. **J. Antoni,** Zameczki podolskie na kresach multańskich, wyd. 2, tom I, II i III. Варш. 308+304+290 стр., 5 р.
— Polonica, materyały do dziejów Polski w pismach rosyjskich (1700—1862). Краковъ.

53. **Jeziorański,** *Antoni,* Pamiętniki generała od r. 1848 do r. 1863, tom I i II. Львовъ, 267+247 стр., 4 г.

54. **Justi,** *Ferdinand dr.*, Historya storożytnéj Persyi, przełożył z niem. *Bron. Grabowski.* Варш., 192 стр., 1 р. 20 к.

55. **Kanlecki,** *Klemens,* Fr. Max. Ossoliński. Львовъ, 102 стр., 1 г. 20 кр.
— Stanisław Poniatowski, kasztelan krakowski, ojciec Stan. Augusta, 2 tomy. Позн., X+232 и CIV+134 стр., $7^1/_2$ м.
56. **Kirkor** *A. H.*, Przewodnik historyczny po Wilnie i jego okolicach. Вильна, 308 стр., 1 р.
57. **Kisielewski,** *Wł. Tad.*, Reforma książąt Czartoryskich na sejmie konwokacyjnym r. 1764. Самборъ, III+302 стр.,3 г.
58. **Kluczycki,** *Franciszek,* Pisma do wieku i spraw Pana Sobieskiego. Краковъ, L+750 стр., 12 г.
59. **Kosiński** *Ad. Am.*, Przewodnik heraldyczny. II. Варш., XXIV+708 стр., 2 р. 40 к.
60. Książka jubileuszowa dla uczczenia pięćdziesięcioletniéj działalności literackiéj J. I. Kraszewskiego. Варшава, CIV+527 стр., 3 руб.
61. **Kubala,** *L. dr.*, Szkice historyczne, serya I i II. Львовъ, 332+323 стр., à 3 г. 40 кр.
62. **Kuliczkowski,** *Adam,* Zarys dziejów literatury polskiéj, wydanie wtóre, zeszyt IV. Льв., стр. XIX и 401—508.
63. **Likowski,** *Edward,* Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku. Позн., XVI+495 стр., $7^1/_2$ м.
64. **Lisicki,** *Henryk,* Domowe sprawy, odpowiedź hr. Stanisławowi Tarnwskiemu z powodu biografii Alex. Wielopolskiego. Краковъ, 147 стр., ц. 2 г.
65. Literatura poznańska w pierwszéj połowie bieżącego stulecia. Познань, 196 стр., 4 м.
66. **Lukas,** S., Rozbiór Podługoszowéj części Kroniki Bernarda Wapowskiego. Краковъ, 252 стр.
67. **Maleszewski,** *T.*, Królowie polscy. Варш., (22 к.), $2^1/_2$ р.
68. **Martynowski,** *F. K.*, Z domu i świątyni, szkice i obrazy z przeszłości Polski. Львовъ, 340 стр., 2 г. 60 кр.
69. **Mecherzyński,** *Karol dr.*, Historya literatury polskiéj dla młodzieży opowiedziana w krótkości, wydanie 2. Краковъ, XX+424 стр., 2 г.

70. **Miłkowski,** Galicya i Wschód, przyczynek do historyi powstania r. 1863. Познань, 208 стр., 4 м.
71. **Nussbaum,** *Hilary,* Z teki weterana warszawskiéj gminy starozakonnych: Варшава, 97 стр., 1 р.
72. Pamiętnik Akademii umiejętności w Krakowie: Wydziały filologiczny i historyczno-filozoficzny; tom IV. Краковъ, 233 стр., 6 г.
73. **Podbereski,** *Andrzéj,* Materyały do demonologii ludu ukraińskiego. Краковъ, 82 стр.
74. **Polanin,** *Zbigniew,* Walka Rusinów z Rusinami, zesz. I i II. Львовъ, 31+42 стр., 60 кр.
75. Prusacy i ich plany względem Rosyi, Polski i całéj Słowiańszczyzny. Парижъ, 23 стр.
76. **Ptaszycki,** *Stanisław,* Mikołaj Réj z Nagłowic i ks. Józef Wereszczyński. Вильно, 33 стр., 30 к.
77. Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności; tom XII. Краковъ, XIX+394 стр.
78. **Rulikowski** *W.* *i* **Radzimiński**, Kniaziowie i szlachta między Sanem, Wieprzem, Bugiem, Prypetią, Dnieprem...; tom I część 1 i 2. Краковъ, XV+320 стр.
79. **Rybarski,** *Felix,* Dokumenty odnoszące się do Mikołaja Reja z Nagłowic i jego rodziny. Варшава, 20 стр.
80. **Siemieński,** *Lucyan,* Podania i legendy polskie, ruskie i litewskie, zeszyt I. Познань, 20 м.
81. **Stadnicki,** *Kazimierz,* O tronie elekcyjnym domu Jagiellonów w Polsce. Львовъ, 98 стр., 80 кр.
82. **Sulima,** *A.*, Polityka polska a skarga Rusinów. Львовъ, 60 стр.. 54 к.
83. **Świerzbiński,** *Romuald,* Wiara Słowian z obrzędów. Варш., 42 стр., 50 к.
84. **Szujski,** *Józef,* Historyi polskiéj treściwie opowiedzianéj ksiąg dwanaście. Варшава, VI+429 стр., 2 р. 50 к.
— Stanowisko Długosza w historyografii europejskiéj. Кр.

85. **Szulc,** *Kazimierz,* Mityczna historya polska i mitologia słowiańska. Познань, XV+243 стр., 4 м.
86. **Wernicki,** *Alexander,* Leonard Chodźko i jego prace. Львовъ, 334 стр., 2 г.
87. **Wojcicki,** *K. Wł.,* Z rodzinnéj zagrody, życiorysy z XVIII i XIX wieku. Варш., XI+323 стр., 1½ руб.
88. **Zamorski,** *Bron.,* W pięćdziesiątą rocznicę powstania r. 1830, tom I i II. Львовъ, 235+251 стр., 3 г.
89. **Żychliński,** *Teodor,* Złota księga szlachty polskiéj, rocznik II. Познань, 416 стр., 10 м.

1881.

90. **Abancourt,** *Franc. Xaw.,* Era konstytucyjna austrio-węgierskiéj monarchii od 1848 do 1881 r. Кр., 340 стр.
91. **Bartoszewicz,** *Julian,* Dzieła, tom IX i X: Studya historyczne i literackie, tom II i III. Краковъ (Варшава), à 400 стр., à 3 г. 50 кр.
    — Anna Jagiellonka, 2 tomy. Тамъ-же, 496 стр.
92. **Bobrzyński,** *Mich.,* Geneza społeczeństwa polskiego na podstawie kroniki Galla i dyplomatów XII w. Кр. 84 стр.
93. **Buszczyński,** *Stefan,* Anarchia polska i cesarz Józef II. Львовъ, 47 стр.
94. **Chmielowski,** *Piotr dr.,* Zarys literatury polskiéj z ostatnich lat szestnastu. Вильно, 217 стр., 1 р. 50 к.
95. **Czarnecki,** *Jan,* Rys dziejów starożytnych, zeszyt I: Wstęp, Czasy przedhistoryczne. Львовъ, 48 стр., 30 кр.
96. **Czarnowski,** *S.,* Rys historyi księgarstwa, przyczynek do dziejów oświaty. Варш., 265—323 стр., 45 к.
97. **De Laveaux,** *Ludwik,* Kniaź Michał Gliński, szkic historyczny. Львовъ, 45 стр., 20 кр.
98. **Estreicher,** *K.,* Wincenty Pol, jego młodość i otoczenie, 1807—1832. Львовъ, 202 стр., 2 г. 60 кр.
99. **Falkowski,** *Juliusz,* Upadek powstania polskiego w 1831 roku. Познань, 375 стр. (съ картою), 7 м. 50 ф.
100. **Goraj,** *Adam,* Tendencyjność i krytyka, słow kilka z po-

wodu dzieła dra P. Chmielowskiego pod tytułem: Zarys literatury polskiéj z ostatnich lat 16. B., 98 стр., 50 к.

101. **Hertzberg,** *G. F. dr.*, Historya Hellady i Rzymu, przełożył z niemieckiego Bron.Grabowski, tom I. B.467 стр.,3 р.

102. **Holzwarth,** *T. J.*, Historya powszechna, tom III: Wieki średnie, część I. Варшава, XVI+654 стр., 2 р.

103. **Jelinek,** *Edward*, Idea słowiańska w Czechach. Кр.. 23 стр.

104. **Jeziorański,** *Ant.*, Pamiętniki generała... powstanie r. 1863, część II. Львовъ, 314 стр., 2 г. .

105. **Kalinka,** *Waleryan*, Sejm czteroletni, tom I i II. Льв. 6 г.
— Znaczenie świętych w historyi. Льв., 23 стр., 30 кр.

106. **Kantecki,** *Klemens*, Sumy neapolitańskie. B., 269 стр.,.2 р.

107. **Karwowski,** *Stan.*, Wiek XVI. Кр., 6+451 стр., 4 м.

108. **Kluczycki,** *Fr.*, Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego, tomu I część II. (1672—1674). К., XXXIX и 751—1666 стр.

109. **Kosiński,** *Ad. Am.*, Przewodnik heraldyczny, III. Варш., 712 стр., 2 р. 40 к.

110. **Kraushar,** *Alex.*, Olbracht Łaski, wojewoda sieradzki, tom I i II. Варшава, Краковъ; 272+300 стр.

111. **Lewicki,** *Anatoli dr.*, Obrazki z najdawniejszych dziejów Przemyśla. Премышль, 148 стр., 1 г.

112. **Lorkiewicz,** *Antoni*, Bunt gdański w r. 1525, przyczynek do historyi reformacyi w Polsce. Льв., XIX+192 стр.,1 г.80 к.

113. **Merczynk,** *Henr.*, Impierator Tibierij, изслѣдованіе удостоенное золотой медали Варш. Универс.; 1 р. 25 к.

114. **Nussbaum,** *Hilary*, Szkice historyczne z życia Żydów w Warszawie. Варш., 268 стр., 2 р.

115. **Parczewski,** *A. J.*, Z dolnych Łużyc. Варш., 31 стр., 30 к.

116. **Pawiński,** *Adolf*, Skarbowość w Polsce i jéj dzieje za Stefana Batorego (tom VIII). B., XV+470 стр., 3 р.

117. **Pułaski,** *Kazimierz*, Stosunki z Mendli-Girejem, chanem Tatarów perekopskich, 1469—1515. Варш., 449 стр., 3 р.

118. **Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału histo-

ryczno-filozoficznego Akademii umiejętności, tom XIII. Краковъ, 429+VIII стр.

119. **Scherr,** *Jan dr.*, Historya literatury powszechnéj, przełożył Bron. Zawadzki, tom I zeszyt 1 i 2. В.. 320 стр., 5 р.

120. **Sieniawski,** Pogląd na dzieje Słowian zachodnio-pólnocnych między Łabą a granicami dawnéj Polski. Гн., 469 стр., 8 м.

121. **Smolka,** *Stan.*, Mieszko Stary i jego wiek. В., XXXI+544 стр., 4 руб.

— Uwagi o pierwotnym ustroju społecznym Polski Piastowskiéj. Краковъ, 106 стр.

122. **Stadnicki,** *Kaz.*, Synowie Gedymina. Львовъ, 272 стр.

123. **Szaraniewicz,** *Jz. dr.*, Halszka kniahynia Ostrożska. Льв., 198 стр., 1 г.

124. **Szujski,** *Józef,* Głos z Polski na uroczystość św. Cyryla i Metodego w Rzymie. Краковъ, 8 стр.

— Odrodzenie i reformacya w Polsce. В., 103 стр., 80 к.

125. **Zbrożek,** *Piotr*, Powstanie narodu polskiego przeciw Moskwie w r. 1830—31. Львовъ, 92 стр., 30 кр.

126. **Żychliński,** *Teodor*, Złota księga szlachty polskiéj, rocznik III. Познань. 4+380 стр. (съ 2 табл.), 10 м.

2. *Языкознаніе.*

1. **Ahn,** Praktyczne prawidła nauczenia się języka ruskiego, przez Mich. Amszcjewicza. В., 1880, 131 стр., 40 к.

2. **Brandowski,** *Alfred prof.*, O różnicy, która zachodziła w złotym wieku literatury rzymskiéj między łacińskim językiem gminnym, a poprawnym czyli klasycznym. Кр., 44 стр.

3. **Bukowski,** *I. ks. dr. św. teol.*, Porównanie języka łacińskiego i polskiego pod względem składni. Кр., 20 стр.,

4. **Hanusz,** *Jan.*, O samogłoskach nosowych w narzeczu Słowińców pomorskich, Kabatków i Kaszebów. Кр., 49 стр.

— Materyały do historyi form deklinacyjnych w języku staropolskim w. XIV i XV, tom I i II. Кр., 50+460 стр.

— O zakończeniu instrumentalu i locativu sing. masc. neutr. i instrumentalu plur. deklinacyi zaimkowéj i złożonéj w języku polskim. Краковъ, 16 стр.

— Antoniego Krasnowolskiego Język ludowy polski w ziemi chełmińskiéj. Краковъ.

5. **Kruczkiewicz,** *dr. Bron.*, O różnicy, która zachodziła w złotym wieku liter. rzymskiéj między łacińskim językiem gminnym a poprawnym czyli klasycznym; część 1 i 2. Краковъ, 201 стр.

6. **Kryński,** *Ad. Ant.*, Z dziejów języka polskiego. В., 54 стр.

7. **Kussmaul,** *Adolf dr.*, Zboczenia mowy, próba patologii mowy (переводъ нѣм. Die Störungen der Sprache). Варш., VII+273 стр, 3 р.

8. **Leciejewski,** *Jan.*, Gwara Miejskiéj górki i okolicy, studyum dialektologiczne. Краковъ, 44 стр.

9. **Malinowski,** *Fr. Xaw.*, Gramatyka sanskrytu. Познань, XVI+581 стр., 4 тал.

10. **Malinowski,** *Lucyan*, Ślady dialektyczne w oznaczaniu samogłosek nosowych. Краковъ, 31 стр.

— Głoski nosowe w gwarze ludowéj we wsi Kasinie. Тамъ-же.

—Kilka uwag nad mową ludową w Zebrzydowicach. Тамъ-же.

11. **Matusiak,** *Szymon*, Gwara Lasowska w okolicy Tarnobrzega, studyum dyalektologiczne. Краковъ, 109 стр.

12. **Radliński,** *I.*, Język asyryjski w rodzinie języków semieckich, studyum krytyczno-lingwistyczne. Кр. и В., 1 р.

13. **Szomek,** *Bolesław*, Instrumentalis pluralis deklinacyi rzeczownikowéj w pismach Piotra Kochanowskiego. Крак., 25 стр.

— Wykaz form przypadkowych zawartych w Rotach przysiąg Krakowskich z końca XIV w. Краковъ, 10 стр.

14. **Zawiliński,** *Roman*, Gwara Brzęzińska w starostwie ropczyckiém, studyum dyalektologiczne. Крак., 56 стр.

3. *Изящная словесность.*

1879.

1. Album uczącéj się młodzieży polskiéj poświęcone Józefowi Ignacemu Kraszewskiemu z powodu jubileuszu jego pięćdziesięcioletniéj działalności literackiéj. Л., XIX+664 стр., 5 г.
2. Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. Кр., VI+318 стр., 2 р. 62 к.
3. **Asnyk,** *Adam,* Przyjaciele Hioba, komedya w 2 aktach. Варшава, 100 стр., 60 коп.
4. Badęgiada czyli Napoleon XIII, poemat heroi-komiczny. Парижъ и Краковъ, 332 стр.
5. **Bałucki,** *Mich.,* Ojcowska wola, ustęp powieściowy z życia górali tatrzańskich. Тарновъ, 57 стр.
   — Teatr amatorski, kratochwila w 2 aktach. Львовъ.
   — Za winy niepopełnione, powieść. Льв., 442 стр., 2 г.
6. **Baranowski,** *Bolesław,* Józef Ignacy Kraszewski, jego życie i zasługi. Львовъ, 72 стр. (съ портретомъ), 40 кр.
7. **Belot,** *Adolf,* Artykuł 47, powieść. В., 398 стр., 1 р.
8. **Benedict,** *Lee,* Walerya, powieść amerykańska. Познань, 274 стр., 50 ф.
9. **Biernacki,** *Mikołaj,* Piosnki i satyry. В., III+241 стр., 1 р.
10. **Bogusławski,** *Wład.,* Teatr i literatura dramatyczna, siły i środki naszéj sceny. Варш., 378 стр., 1 р. 20 к.
11. **Budyta,** *Jan,* Gość na pustyni czyli św. Pawel. Варшава, 67 стр., 18 к.
12. **Bykowski,** *Piotr Jasa,* Trzy epizody z dawnego życia szlacheckiego. Варш., 262 стр., 1 р. 50 к.
13. **Chaszczyński,** *Felix,* Zorza, poezye. Самб., 126 стр., 1 г.
14. **Choiński,** *F.,* Syn burmistrza. Львовъ, 165 стр., 80 к.
15. **Czesław,** Poezye, zeszyt I. Варшава, II+94 стр., 50 к.
16. **Dębicki,** *Wład. Mich.,* Biesiada u milionera rzymskiego za czasów Nerona. Варшава, 108 стр.
17. **Deotyma,** Zwierciadlana zagadka. В., 244 стр., 1 р. 20 к.

18. **Feliński,** *Alojzy*, Barbora Radziwiłłowna, tragedya w 5 aktach wierszem. Львовъ, 94 стр., 20 kr.
19. **Gloger,** *Zygmunt*, Baśnie i powieści. Варш., 95 стр., 20 k.
— Krakowiaki. Варш., 8°, 148 стр., 30 коп.
20. **Gogol**, *Mikołaj*, Martwe dusze. Познань, 363 стр., 4 м.
21. **Grudziński**, *Stan.*, Dwie mogiły, poëmat. В., 51 стр., 50 к.
— Łokciem i miarką, powieść. В., 191 стр., 1 р. 20 к.
— Zuch dziewczyna, powieść. В., 191 стр., 75 к.
22. **Horwat,** *Jerzy*, Wyklęte dusze, powieść. В., 135 стр., 60 к.
23. **Hoszowski,** *Justyn*, Egon, dramat w 5 aktach. Л., 154 стр.
24. **Ilnicka**, *Marya*, Pół wieku (wierszem). Краковъ.
25. **Jordan,** Ze wspomnień Marymonckich. В., 120 стр., 60 к.
26. **Kaczkowski,** *Zygm.*, Graf Rak, powieść. Л., 314 стр., 3 г.
27. **Kliszewski,** *Ignacy*, Niewierz nigdy kobiecie, nowella. К., 41 стр.
28. **Kolberg**, *Oskar*, Pieśni ludu litewskiego. Кр., 64 стр.
29. **Kraszewski,** *J. I.*, Bratanki, powieść; tom I i II. Варш., 228+221, 2 руб.
— Dajmon, fantazya. Львовъ, 200 стр., 2 г. 20 к.
— Hymny boleści. Краковъ, 32 стр.
— Krasicki, życie i dzieła. Варш., 368 стр., 2 р.
— Lublana, powieść, tom I i II. В., 203+179, 1 р. 80 к.
— Pan na czterech chłopach, hist. szlachecka z 18 w. Варшава, 195 стр., 90 к.
— Powieści historyczne: Stach z Konar (4 tomy), Skrypt Fleminga (2 tomy), Stara baśń, Syn marnotrawny (2 tomy), U babuni (2 tomy). В., 4 р., 1 р. 50 к., 2 р. 40 к., 1 р. 50 к.
30. **Labiche** i **Martin,** Podróż pana Perichon, komedya w 4 aktach. Львовъ, 40 стр., 80 кр.
31. **Leliwa,** *Ludw. Piotr*, Wielka rodzina (hr. Rzewuskich) w wielkim narodzie. Краковъ, 265 стр.
32. **Leśniowska,** *L.*, Dwaj bracia mleczni, powieść. Краковъ, 74 стр., 50 кр.

33. **Libera,** *Anna,* Apostata, poemat w VII pieśniach. K., 75 стр., 1 г.
34. **Lubowski,** *Edw.*, Cichy Janek i głósny Franek, powieść w 2 tomach. Варшава, 256+395 стр., 1 р. 88 к.
35. **Mickiewicz,** *Adam,* Konrad Wallenrod. Липскъ, 16°, 117 стр., 1 м. 80 ф.
36. **Narzymski,** *Józef,* Ostatnie trzy miesiące życia. Позн., 1 м.
37. **Nieznajomy,** Poezye. Львовъ, 8°, 160 стр., 80 кр.
38. **Nowina,** *Roman,* W starym piecu dyabel pali, przysłovie dramat. w 1 akcie (wierszem). Варш., 50 стр., 40 коп.
39. **Okoński,** *W.*, Dramata: Antea, Na targu, Helvia, Poddanka, Błazen, Za maską. Варш., 8°, 191 стр., 1 р.
40. **Orzeszkowa,** *Eliza,* Meir Ezofowicz. powieść z życia żydów, z 26 ilustraciami M. Andriollego. В., 242 стр., 2 р. 50 к. Z różnych sfer, nowele i obrazki, tom I i II. Варшава, 403+387, 2 р. 70 к.
41. **P.,** *A.*, Jedna miłość przez całe życie, powieść; tom I i II. Львовъ, 2 г. 60 к.
42. **Paszliński,** *K.*, Na rozdrożu, obrazek z życia wiejskiego. Познань, 1 м.
43. **Przybylski,** *Zygm.*, Gałązka jaśminu, komedya w 1 akcie. Познань, 50 ф.
    — Posługacz, komedya w 1 akcie; и
    — Skradziona książka, obrazek sceniczny w 2 odsłonach. Краковъ, 27+33 стр., 40 кр.
44. **Pufke,** *Emma z Kurowskich,* Tajemnicza szkatulka, powieść. Познань, 2 м.
45. **Rapacki,** *Winc.*, Acernus, dramat w 4 aktach. Варшава, 134 стр., 75 к.
46. **Roenne,** *Eug.*, Poezje i prace dramat. Вильно, 400 стр., 1½ р.
47. **Sabowski,** *Wł.*, Pozory, powieść, tom I i II. Л. 216+191, 2 г.
48. **Sarynsz,** *K.*, Książe Alf i poeta Szparag, szkic z życia. В., 30 к.
49. **Sienkiewicz,** *Henryk,* Na marne, szkic powieściowy. В., 75 коп.

50. **Słowacki,** *Jul.*, Hugo, powieść krzyżacka; Mnich, powieść wschodnia; Arab. Львовъ, 51 стр., 20 кр.
— Lambro, powieść. Львовъ, 63 стр., 20 кр.
— Mindowe król litewski, obraz hist. w 5 aktach. Л., 20 к.
— Mazepa, tragedya w 5 aktach. Л., 103 стр., 30 к.
— Pisma, chronolog. porządkiem ułożone przez Dra Ant. Małeckiego, tom I i II. Львовъ, VII+365+389 стр.
51. **Strutyński,** *Hr. Juliusz*, Pan Jeremiasz. П., 187 стр. 2½ м.
52. **Święcicki,** *Julian Ad.*, Najznakomitsi komedyopisarze hiszpańscy, studyum literackie. Варш., 116 стр., 1 р.
53. **Syrokomla,** *Wł.* (*Kondratowicz*), Janko Cmentarnik. Льв.
54. **Tański,** *I.*, Wspomnienia z wygnania. Краковъ, 94 стр.
55. **Tripplin,** *Dr. Teodor*, Wspomnienia z ostatnich podróży, tom III i IV. Варш., III+170+256 стр., 5 р.
56. **Wdowiszewski,** *W. J.*, Kobieta w historyi sztuki. П., 1½м.
57. **Wilczyński,** *Albert.*, Kłopoty starego komendanta, tom II i III. Львовъ, 272+199 стр., ц. трехъ т. 2 г. 80 кр.
58 **Wilkońska,** *Paulina,* Dwa śluby, powieść. П., 82 стр., 1 м.
— Prima Aprilis, komedya w 1 akcie. П., 82 стр., 1 м.
59. **Wiśniowski,** *Sygurd,* Światełka w ciemnym kraju, nowella. Варшава, 60 к.
60. **Zaleska,** *Marya Julia,* Wieczory czwartkowe. К., 344 стр.
61. **Zaremba,** *Tadeusz,* Niedobrana para, powieść. П , 3 м.
62. **Zacharjasiewicz,** *Jan,* Królewskie krzesło, powieść. Позн., 2 р. 25 к.

1880.

63. **Asnyk.** *Adam.*, Poezye, III. Л. и К., 240 стр., 1 г. 80 к.
64. **B. W. J.,** Rodzina węglarza (wierszém). П., 38 стр., 75 ф.
65. **Bałucki,** *Mich.*, Romans bez miłości. В., 211 стр., 1 р.
66. **Baranowska,** *Agnieszka,* Starźowie, obraz dramaticzny z pierwszéj połówy XI wieku. Познань, 141 стр., 3 м.
67. **Bartus,** *Marya,* Poezye, wyd. 2. Л., VI+150 стр., 1 г. 40 к.
68. **Bełza,** *Wład.*, Antologia Polska z illustracyami. Липскъ, Варшава и Львовъ, XVI+408 стр., 6 г.

69. **Berlioz**, *Sas* (*Strutyński J.*), Mozaika, gawędy szlacheckie z lat ubiegłych. tom I i II. Л., 162+189 стр., 3 г. 80 кр.
70. **Białyniak**, Pamiętniki starego żołnierza, zeszyt VI i VII. Познань.
71. **Bogorya**, *Jarosław*, Dwa pojedynki, powieść. К., 138 ст. 1½ г.
72. **Braddon**, *M. E.*, Drapieżne ptaki, powieść. В., 443 стр.
73. **Brodziński**, *K.*, Wiesław, sielanka. Льв., 31 стр., 8 кр.
74. **Broniec**, *Bron.*, Poezye, zeszyt I. Парижъ, 64 стр.
— Trzy kopy bajek. Kopa I. Варш., 112 стр., 75 к.
75. **Bykowski**, *Piotr Jaxa*, Chorągwie kmitów, powieść z XVII wieku. Варшава, 200 стр., 75 коп.
76. **Chodźko**, *Alex.*, Trzy bułgarskie pieśni. Кр., 10 стр.
77. **Choiński**, *Teodor Jeske*, Straceniec, powieść. Л., 198 стр., 80 к.
78. **Chorośnicki**, *J.*, Dwie nowele. Льв., 83 стр., 60 кр.
79. **Danilewski**, *Grzegorz*, Dziewiąta fala, przeł. Józ. z Sieniawy, tom I—III. Варш., XI+177+194+198 стр., 2 р.
80. **Falkowski**, *Juliusz*, Koniec Stuartów, dramat historyczny w 5 aktach. Краковъ, 104 стр., 1 г. 25 кр.
81. **Fredro**, *J. Alex. hr.*, Komedye, tom I i II, wyd. nowe. В., 371+342 стр., 2 р. I: Przed śniadaniem, Drzémka pana Prospera, Piosnka Wnajszka, Poznaj, nim pokochasz; II: Posażna jedynaczka, Mentor, Consilium facultatis.
— Dzieła z portretem autora, tom I—XIII. Варшава.
82. **Galasiewicz**, *Jan Kaz.*, Czartowska ława, dramat ludowy w 4 aktach. Варшава, 207 стр., 30 к.
Garczyński Stefan. См. стр. 330, № 48.
83. **Gawalewicz**, *Maryan*, Kraszewski w Warszawie, ramotka sceniczna. Варшава.
84. **Goldfluss**, *Szymon*, Na grobie, powieść. В., 159 стр., 1 р.
85. **Grabowski**, *Bron.*, Syn Margrafa, trag. z X wieku w 5 aktach. Варшава, 75 к.
— Królewicz Marko, dramat w 5 aktach. В., 50 к.

86. **Grudziński,** *Stan.*, Powieści ukraińskie, tom I i II. B., 342+338 стр., 2 р.
— Pod szczęśliwą gwiazdą, powieść. B., 196 стр., 75 к.
87. **Hajota** (autorka), Dla sławy, nowella. B. 228 стр., 75 к.
— Pięciolistny bez, nowella. Вильно, 252 стр., 90 к.
88. **Iza,** Poezye. Варшава и Львовъ, 202 стр., 1 г. 80 кр.,
89. **Jezierski,** *Mich.*, Ofiary zasad, dramat w 5 aktach. Кр., 117 стр., 1 г.
90. **Junosza,** *Klemens*, Chłopski mecenas, sztuka ludowa w 5 obrazach ze spiewami i tańcami. Варш., 92 стр., 40 к.
91. **Karwat,** *Anna z Bardzkich*, Pieniądz czy osoba? Komed. w 3 aktach. Торунь, 119 стр., 1 м. 50 ф.
92. **Kochanowski,** *F.*, Treny. Львовъ, 31 стр., 8 кр.
— Pieśni, ksiąg czworo. Львовъ, 168 стр, 40 к.
93. **Komar,** *Tadeusz*, Mądrość słowiańska (wierszem). П., 50 ф.
94. **Konarski,** *Stan.*, Tragedya Epaminondy w 5 aktach. Кр., 71 стр.,
95. **Korwin,** *Wł.*, Królewski domek, powieść. B., 422 стр.
96. Kościuszko Tadeusz czyli cztery chwile z życia tego bogatêra. Познань, 2 м.
97. **Krasicki,** *Ign.*, Bajki i przypowieści. Пб. и М., 1 р. 50 к.
98. **Krasiński,** *Zygmunt*, Pisma, tom I i II. Л. и К., 3 г. 60 кр.
— Utwory. Познань, 2 м.
99. **Kraszewski,** *J. I.*, Waligóra, powieść historyczna, tom I—III. Краковъ, 212+209+113 стр., 3 руб.
— Kraków za Łoktka, tom I i II. B., 214+210, 2 р.
— Herod-baba. B., 264 стр., 1 р. 20 к.
— Chore dusze, w 2 tomach. B., 206+198, 2 р.
— Pogrobek, tom I i II. B., 205+209, 2 р.
— Przygody pana Marka Hińczy. B., 312 стр., 1 р. 20 к.
— Syn Jazdona, tom I—III. B., 243+216+193, 3 р.
— Zadora. Львовъ, 180 стр., 1 г. 50 кр.
100. **Kraszewski,** *Kajetan*, Od szkołnéj ławy. B., 186 стр., 1½ р.
101. **Kruzer,** *Karol*, Przekłady i rymy własne, tom V. K., 403 стр.

102. **Lam,** *Jan*, Dziwne karyery, powieść, tom I i II. Львовъ, 204+219, 3 г.
103. **Lubowski,** *Edw.*, Sąd honorowy, komedya w 5 aktach. Вильно, 230 стр.
104. **Łętowski,** *Julian*, Izrael na puszczy, obraz dramat. В., 136 стр., 75 коп.
105. **Madejski,** *Leon*, Miodowe miesiące, komed. w 2 akt. Л.
106. **Malczewski,** *Ant.*, Marya, powieść ukraińska. Тарновъ. **Martynowski,** *F*, *K*. См. стр. 331 № 68.
107. **Mickiewicz,** *Adam.*, Dzieła, tom III—V. Парижъ.
108. **Moers,** *Julian z Poradowa*, Pisma dramatyczne, tom II. Пиза, 6 франковъ.
109. **Morgenbesser,** *Alex.*, Myślący burmistrz, poemat humorystyczny w 7 pieśniach. Львовъ, 60 стр.
— Palestra, poemat żartobliwy w VII pieśniach. П., 1 м.
110. **Mostowski,** *Adolf*, Komedye oryginalne, XI i XII. Варш., 200 стр., 90 к.
111. **Nayram**, Ziarnko do ziarnka, fraszka w 1 akcie. В., 20 к.
112. **Neczaj,** *M.*, Głos od Ukrainy. w Nicei (wierszem). Кр., 20 стр., 40 к.
113. **Niemcewicz,** *J. U.*, Dyliżans, krotofila w 1 akcie. П., 75 ф.
114. **Odyniec,** *Ant. Edw.*, Felicyta czyli męczennicy kartagińscy, dramat w 5 aktach, wyd. 3. Варш., XVI+239 стр.
115. **Pałuczanin,** *Xaw.*, Młynarz, obrazek dramat. w 2 aktach. Познань, 75 ф.
116. **Pilecki,** *Ant.*, Poezye, zeszyt I. В., 32 стр., 25 к.
117. **Potocki,** *Wacław*, Wojna Chocimska, poemat w 10 częściach. Варшава, XXVI+458, 1 р. 50 к.
118. **Powidaj,** *Ludwik*, Katarzyna Radziejowska, powieść historyczna w 2 częściach. Краковъ, 222+211 стр.
— Rytwiany i ich dziedzice. Краковъ, 52 стр.
— Sen. Познань и Краковъ, 31 стр.
119. **Przyborowski,** *Walery*, Księzniczka z Minsterberga, powieść historyczna z XIV wieku. Льв., 166 стр., 1 г. 50 к.

— Za grzechy krwi, powieść. Піотрковъ, 118 стр.

120. **Przybylski**, *Zygmunt*, Na południu i na północy, nowella. Краковъ, 62 стр.

121. **Rapacki**, *Winc.*, Pro honore domus, dramat w 5 aktach. В., 50 коп.

122. **Rodoć**, *M.*, Satyry obyczajowe. Львовъ, 63 стр., 20 к.

123. **Rogosz**, *Józ.*, Pokuta, powieść. Льв., 308 стр., 1 г. 60 г.
— Marzyciele, powièść, tom I—III. Львовъ, 3 г.

124. **Sarnecki**, *Zygm.*, Prace dramatyczne, tom I. В., 298 стр., 1 р.

125. **Schober**, *Felix*, Barnaba Fafula i Jóżo Grojseszyk na wystawie paryskiéj, śmiesznostka w 5 aktach, wyd. 2. Варш. 16°, 149 стр., 30 к.
— Piekło, operetta w 5 akt. (muz. Ad. Sonnenfelda). В., 30 к.
—Podróż po Warszawie, operet. w 7 obraz. (Sonnenfeld). В.

126. **Słowacki**, *Juliusz*, Anhelli. Львовъ, 16°, 64 стр. (Biblioteka kieszonkowa). Тамъ-же: Balladyna; Beniowski; Hugo, Mnich, Arab, Ojciec zadżumionych; Jan Bielecki; Kordyan; Król-duch; Ksiądz Marek; Książę Niezłomny; Lambro; Lilla Weneda; Marya Stuart; Mazepa; Mindowe; Poema Piasta Dantyszka; Sen srebrny Salomei; Wacław: Żmija.

127. **Sulisław**, Po kweście, fraszka w 1 akcie. Львовъ.

128. **Synoradzki**, *Mich.*, Hanka-Czarownica, powieść. Варш., 293 стр., 1 р.
— Konkury pana podkomorzyca. В., 272 стр., 1 р.
— Sąsiad z Ruszczyc. В., 288 стр., 1 р.

129. **Syrokomla**, *Wł.* (*Kondratowicz L.*), Urodzony Jan Dęboróg — illustrował E. M. Andriolli. В., 112+9 иллюстрацій., 6 руб.
— то-же. Львовъ, 94 стр., 20 кр.
— Szkolne czasy. Львовъ, 48 стр., 20 кр.
— Wielki czwartek. Львовъ, 52 стр., 20 кр.
— Zgon Acerna. Львовъ, 45 стр., 20 кр.

130. **Szczepański**, *Alfred*, Nowa era. Львовъ, 27 стр., 30 кр.
— Po burzy. Познань, 16 стр.

— Pogadanki o powszednim chlebie. Краковъ, 64 стр.

131. **Szeliga**, *Marya*, Bez opieki. Варш., 215 стр., 75 коп.

132. **Szymonowicz**, *Szymon*, Sielanki. Львовъ, 128 стр., 20 кр.

133. **Turgeniew**, *Iwan*, Pamiętniki myśliwca, przeł. Henryk Hengl. tom I. B.

134. **Ujejski**, *Kornel*, Obrazki dramatyczne: Smok siarczysty w 2 częściach. Львовъ., 114 стр., 1 р. 50 кр.

135. **Urbański**, *Aureli*, Pod kolumną Zygmunta, rzecz dramat. w 5 aktach. Львовъ, 100 стр.

136. **Wdowiszewski**, *Winc. Juliusz*, Takich więcéj, komedya. Л.

137. **Wierzbicki**, *Stan.*, Z życia, dram. w 4 akt. B., 150 стр., 1 р.

138. **Wilczyński**, *Alb.*, Wspomnienia obywatelskie. Л. 280 с., 2,60

— Sielanki szlacheckie. Львовъ, 317 стр., 2 г. 80 к.

139. **Wilkońska**, *Paulina z L.*, Opieka i opiekunowie, powieść. Позн., 1 м. 50 ф.

140. **Wojcicki**, *K. Wł.*, Nędza z biedą, baśń ludowa. B., 1 р. 2 к.

141. **Zajączkowska**, *Zuzanna*, Wytrwałość i praca. B., 275 стр., 1 р. 20 к.

142. **Zalewski**, *Kaz.*, Pani podkomorzyna, w 4 akt. B., 60 к.

143. **Zbigniew**, Meleszkowie, Pani Borejszyna, powieści. B., 130+232, 1 р. 20 к.

144. **Zieliński**, *Ignacy ks.*, Pan Maciéj, powieść. Pelplin, 335 стр., 1 м.

145. **Zimorowicz**, *J. B.*, Sielanki. Львовъ, 16°, 178 стр., 40 к.

— *Szymon*, Roxolanki. Львовъ, 16°, 100 стр,, 20 к.

1881.

146. **Abrahamowicz**, *Adolf*, Utwory dramatyczne, serya I komedye: 1. Dwie teściowe, 2. Jnserat, 3. Gwałtu! on ma bzika. Львовъ, 60 стр., 1 г.

147. Album Koła literackiego we Lwowie dla Zagrzebia. Львовъ, VIII+164 стр., 1½ г.

148. **Asnyk**, *Adam*, Poezye, tom I, wyd. 4. Львовъ, 240 стр., 1 г. 80 кр.

— то-же, tom II, wyd 3. Крак., 246 стр., 1 г. 80 кр.

149. **Bałucki**, *Mich.*, Typy i obrazki krakowskie. Вильно, 262 стр., 1 р. 35 к,
150. **Bełza**, *Wład.*, Maska, 12 obrazków z maleńkiego świata. Львовъ, 43 стр.
— Dzieci i ptaszki, 12 obrazków z maleńkiego świata; tom I.
151. **Berthet**, *Eliasz*, Ostatni z prawowitéj dynastyi, powieść historyczna. Варшава, 392 стр.
152. **Bliziński**, *Józ.*, Mośkowe swaty, komedya w 1 akcie. B., 53 стр. 35 к.
— Komedye: Prezorna mama. Pan Damazy, Mąż od biedy, Chleb ludzi budzie, Marcowy kawaler, Rozbitki. Львовъ, 2 р. 40 кр.
153. **Bykowski**, *Piotr Jaxa*, Faktor hetmański, powieść. B., 164 стр., 90 к
154. **Chamiec**, *J. S.*, Piosnki jesienne. Парижъ, 207 стр.
155. **Chodźko**, *Jan*, Pamiętniki kwestarza. Краковъ, 240 стр.
— Pisma, tom I—III. Вильно, 477+480+536, 5 р.
156. **Choiński**, *Teodor Jeske*, Za winy ojców, powieść. B., 244 стр., 1 р.
157. **Czaplicki**, *Wład.*, Moja Helunia, obrazek z życia. Кр., 16°, 58 стр.
158. **Czesław**, Poezye, zeszyt II. Кр., 16°, 88 стр., 80 кр.
— Z pieśni Litwina. Краковъ, 16 стр., 30 кр.
159. **Czerwieński**, *Bolesław*, Poezye. Львовъ, 164 стр., 1 г.
160. **Duell**, *Franc.*, Czém chata bogata. Л., 16°, 75 стр., 50 кр.
161. **Fredro**, *Jan Alex.*, Komedye, tom III i IX, wyd. nowe. B., 313+345, 2 р.
162. **Gawalewicz**, *M.*, Preludyum Szopena, obrazek dram. B., 46 стр., 30 к.
— Po drodze, humoreska sceniczna. B., 54 стр., 40 к.
163. **Gliński**, *A. J.*, Bajarz polski, baśni, powieści i gawędy ludowe, tom I—IV. B., 212+215+222+218 стр., 1 р. 50 к.
164. **Goldszmit**, *Jak.*, Dramat rodzinny. B., 190 стр., 90 к.

165. **Godziemba**, Pieśni, serya II: Echa z za Tatr i Karpat, tom II. Кр., 288 стр.
— Piesń klucznicy. Кр., 24 стр.

166. **Gosławski**, *Maurycy*, Piosnki ułana polskiego. Л., 88 стр.

167. **Grainert**, *Józef*, Powiastki historyczne dla młodzieży. В.

168. **Grudziński**, *Stan.*, Wbrew opinii, powieść, 2 tomy. В., 242+310 стр., 2 р.

169. **Jezierski**, *Mich*, Pani podkomorzyna, opowiadanie historyczne z czasów panowania J. Kazimierza. В., 207 стр., 75 к.

170. **Jeż**, *Teodor Tomasz*, Wnuk chorążego, powieść w 2 tomach, Варшава, 2 р.

171. **Junior**, *dr.*, Na zjeździe, nowella. Кр., 112 стр., 50 к.

172. **Konopniczka**, *Marya*, Poezye. В. и Кр., 307 стр.

173. **Kościałkowska**, *W. Z.*, Władysław Syrokomla, studyum. literackie. Вильно, 30 к.

174. **Koźmian**, *Kajetan*, Różne wiersze. Крак., 194 стр., 1½ г.

175. **Kraszewski**, *J. I.*, Było ich dwoje, powieść. В., 112 стр., 60 к.
— Ciche wody, tom I—III. Вильно, 2р. 40 к.
— Dwa bogi, tom I i II. Минскъ, 2 р. 50 к.
— Jelita, tom I i II. Кр., 193+195, 2 р.
— Kròl chłopów, tom I—IV. Кр., 4 руб.
— Krzyżacy 1410, tom I i II. Варшава, 2 р.
— Pan z panów. Львовъ, 192 стр., 2 г. 40 кр.
— Pod blachą, tom I—III. Варшава, 4 р.
— Ramułtowie. Варш., 289 стр., 1 р. 35 к.
— Raptularz pana Mateusza Jasienieckiego. В., 1 р.

176. **Królikowski** *i* **Starzyński**, Bard oswobodzonéj Polski wznowiony. Липскъ, 331 стр., 2 м.

177. **Kubala**, *L. dr.*, Szkice historyczne, serya I, wyd. 2. Львовъ, 332 стр., 3 г. 40 кр.

178. **Kuczewski**, *Stan.*, Helena, dramat. Л., 138, 1 г. 20 кр.

179. **Lam**, *Jan*, Koroniart w Galicyi. Кр., 340 стр.
— Wielki świat Capowie, powieść. Кр., 218 стр.

180. **Lasota,** *A. W.*, Kościuszko pod Racławicami, obraz historyczno-ludowy w 5 oddzialach. Кр., 156 стр.
181. **Leliwa,** *Ludw. Piotr*, Mieczem i krzyżem, tom II. Кр., 361 стр., 2 г.
182. **Loś,** *Adam hr.*, Przez sen i na jawie, część I i II, Кр., 67+171, 1½ г.
183. **Lusława,** Podzielona osada, powiastka. В., 65 стр., 15 к.
184. **Malczewski,** *Ant.*, Marya, powieść ukraińska. Липскъ, 120 стр., 80 ф.
185. **Małecki,** *Ant.*, Juliusz Słowacki, jego życie i dzieła, tom I—III, Львовъ.
186. **Mellerowa,** *Zofia*, Dwie miary, komedya w 1 akcie. В., 90 стр, 35 к.
187. **Mickiewicz,** *Adam*, Dzieła, tom VI. Парижъ, 263 стр.
   — Dzieła, tom I—VI. Парижъ.
   — Konrad Wallenrod. Львовъ, IV+80 стр., 25 кр.
   — Pan Tadeusz (съ иллюстраціями), Львовъ, 1 р. 50 к.
188. **Mostowski,** *Adolf*, Komedye oryginalne, XIII i XIV. В., 202 стр., 1 р.
   — Ptaszęta boże, poezye. Варш., 71 стр., 75 к.
189. **Musset,** *Alfred de*, Ludwisia, kom. w 2 akt. В., 62 стр., 12 к.
190. **Muzyk,** Z pamiętników dyletanta. Варш., 146 стр., 60 к.
191. **Niemcewicz,** *J. U.*, Lejbe i Sióra, romans żydowski, 2 tomy. Львовъ, 50 кр.
192. **Niemojowski,** *Ludwik*, Marysia Ochocianka, obrazek ludowy. В., 75 стр.
   — Powieści i szkice obyczajowe, tom I—III. В., 3 руб.
193. **Oracz,** *Izydor*, Król reporterów, operetka (muz. A. Sonnenfelda). В., 50 к.
194. **Pawlikowski,** *Miecz.*, Wgrudniowe dni, nowella. В., 60 стр.
195. **Płomieńczyk,** *Seweryn*, Wojna, obraz dramat. w 5 aktach. Кіевъ, 127 стр.
196. **Przyborowski,** *Walery*, Bitwa pod Raszynem, powieść. В., 200 стр., 1 р.

— Włościanie u nas i gdzieindziéj. Вильно, 131 стр., 1½ р.

197. **Puszkin**, Cyganie, przekład Mir. Dobrzańskiego. Варш., 31 стр., 12 к.

198. **Romanowski**, *Miecz.*, Poezye. Львовъ, II+118 стр., 30 кр.

199. **Rudnicka**, *Zofia*, Obrazki z życia i prawdy, serya I. Львовъ, 235 стр., 1½ г.

— то-же, serya II. Львовъ, 132+122 стр., 1½ г.

200. **Sewer**, Bratnie dusze, powieść. Льв., 258 стр., 2 г. 60 к.

201. **Schmitt**, *Mieczysław*, Biała gołąbka, dramat w 4 aktach. Львовъ, 98 стр., 60 к.

202. **Słupski**, *Zygm.*, Sprytny podlotek, obrazek sceniczny. Варш., 20 к.

203. **Smoczyński**, *Winc.*, Wesele podlaskie, obrazek ludowy w 5 aktach. Кр., 120 стр.

204. **Spasowicz**, *Włod.*, Studya nie z natury. В., 279 стр., 1½ р.

— Wincenty Pol jako poeta. Львовъ, 96 стр.

— Władisław Syrokomla, studyum literackie. Л., 148 стр.

205. **Stanisławski**, *Stan.*, Na łaskawym chlebie, komedya w 3 aktach. В., 242 стр., 1 р.

206. **Staszyk**, *Adam*, Noc świętojańska, obraz ludowy w 4 aktach. Тарновъ, 87 стр.

207. **Synoradzki**, *Mich. Halina*, Kneżna Milica, powieść. Варш., 265 стр., 1 р.

208. **Szymanowski**, *Wacław*, Ostatnia próba, obrazek dramat. w 1 akcie. В., 50 к.

— Posąg, dramat w 3 aktach. Варш., 93 стр., 40 к.

209. **Twain**, *Marek*, Humoreski, tom III. В., 83 стр., 12 к.

210. **Urbański**, *Aureli*, Dwa poemata dramatyczne. Львовъ, 75 стр., 50 кр.

211. **Wajgiel**, *Leop.*, Obrazki z przyrody, 2 t. Л., 118+96, 1 г

212. **Wdowiszewski**, *Winc. Juliusz*, Takich wiecéj, komedya w 2 aktach. Львовъ.

213. **Wilczyński**, *Al.*, Dla dobra dzieci. Варшава, 324 стр.

*

214. **Wiśniowski,** *Sygurd,* Powieści: Czarna czy biała, Hidalga, Odetta. Львовъ, 245 стр., 2 г. 60 к.
215. **Zaleska,** *Marya Julia,* Listki i ziarnka. В., 305 стр. 1 р. 20 к.
216. **Zoryan,** Romans z aktorką, powieść. Л., 147 стр., 1 г.
217. **Żmichowska,** *Narcyza,* Kwiaty rodzinne, wybór poezyi polskiéj. Варшава, XIV+488 стр., 2 р. 40 к.

б) Галицко-Русскій отдѣлъ.

1879.

1. Библіотека новыхъ драматическихъ сочиненій:
№ 3. Подгоряне. Мелодрама въ 3 дѣйствіяхъ, написанная *Ив. Н. Гушалевичемъ.* (Муз. Вербицкаго). Львовъ-Коломыя, 43 стр.
2.—№ 4. Катерина. Мелодрама въ 3 акт. Написалъ *Цезаръ А. Бѣлиловскій.* Коломыя, 52 стр., 20 кр.
3.—№ 5. На св. Андрея. Комедія въ 2 актахъ. Написалъ *Исидоръ Трембицкій.* Коломыя, 51 стр., 20 кр.
4. *Бѣлиловскій, Цез.,* Дзвонъ, пѣснь Фр. Шиллера въ переводѣ (Посвящено В. М. Площанскому). Коломыя, 16 стр.
5. *Верхратскій, Ив.,* Рукопись короледворска. Переводъ. Львовъ, 52 стр., 35 кр.
6. Весна. Письмо для словесности, науки и забавы. Изд. и ред. *Исидоръ Трембицкій.* Рочникъ II. Коломыя.
7. Вѣнецъ сонетовъ. посвященный сынамъ Галицкой Руси. Львовъ, 16 стр. Изданіе автора (*Ивана Гушалевича*).
8. *Гушалевичъ, И. Н.,* Поезіи. Часть II. Льв., 237 с., 75 кр.
— Подгоряне. См. выше № 1.
9. Исторія Польши, Литвы и Руси. Львовъ; 199 стр., 25 кр.
10. *Левицкій, Ив.,* Украинські гетьмани Иванъ Виговскій и Юрій Хмельницкій. Львовъ, 58 стр., 30 кр.
11. *Нечуй, Иванъ,* Исторія Руси, часть I и II. Львовъ, 72 +66 стр., 15+13 кр.
12. *Огоновскій. Омельянъ,* Гайдамаки, поэма Тараса Шевченка; студіум. Львовъ, 39 стр.

13. *Петрущевичъ, А. С.,* Акты относящіеся къ исторіи Львовскаго Ставропигіального братства. Львовъ, 12 стр.
— О подложныхъ старочешскихъ писменныхъ памятникахъ. Львовъ.
14. *Пулюй, Иванъ,* Непропаща сила. Львовъ, 26 стр., 40 кр.
15. *Третьякъ, Дмитро,* Новіи пѣсни. Коломыя, 32 стр.
16. *Устыановичъ, Ник.,* Повѣсти. Львовъ, 191 стр., 70 кр.
— Месть верховинця. Львовъ. 87 стр., 32 кр.
— Страстный четвергъ. Львовъ, 102 стр., 45 кр.

1880.

17. *Барвиньскій, Ол.,* Історія Руси. Часть III. Л., 18 кр.
18. Весна. (Срв. выше 6). Рочникъ III. Коломыя, 3 г.
19. Зоря, письмо литературно-наукове для рускихъ родинъ. Рочникъ I (Редакторъ Партыцкій). стр. 320.
20. *Левицькій, Ив.,* Кайдашева сімя, повисть. Льв., 150 стр.
21. Марта Борецка, оповѣдане истор. Л., 80 стр., 80 кр.
22. *Пюца Вильгельма:* Нарисъ географіи и исторіи. Томъ першій — свѣтъ старинный. Перев. Барвиньскій, ч. I. Львовъ, 367 стр., 2 г.
23. Правда, письмо для словесности, науки и политики. Рочникъ XIII. (Редакторъ Вл. Барвиньскій). Львовъ.
34. *Шараневичъ,* Нарисъ географіи. Львовъ.
— Старорускій княжій городъ Галичъ. Критичне студіумъ. Львовъ, 58 стр., 32 коп.

1881.

25. Библіотека найзнаменитшихъ повѣстій подъ редакціею В. Барвинского: Въ оборонѣ чести—съ нѣмецкаго. Львовъ, 2 г. 50 кр.
— Томъ IV. Дымъ, повѣсть И. Тургенева. 1 г. 50 кр.
26. *Вѣнцковскій, Д.,* Нарисъ исторіи австро-угорской монархіи. Львовъ, 25 кр.
27. Вѣче. Письмо для народа. Годъ I. Издатель и редакторъ Осипъ А. Марковъ. (Приложеніе къ „Пролому").

28. *Гоголя Николая:* 1, Старосвѣтскіи дворяне (перекладъ Нат. Вахнянина); 2, Весняной ночи (перекл. Олены Пчôлки). Львовъ, 74 стр., 35 кр.
29. *Гушалевичъ, И. Н.,* Галицкіи отголоски. Стихотворенія. Львовъ, 310 стр., 1 г. 20 кр.
30. Дѣло. Рочникъ II. Львовъ. (Редакторъ В. Барвѣнскій).
31. Зоря (см. выше 19). Рочникъ II.
32. *Левицкій, Ив. Ем.,* Обозрѣніе общественно-экономическаго строя на южной Руси въ княжескій періодъ и во время польскаго владычества. Львовъ, 36 стр., 20 кр.
33. Наука. письмо для народа. Годъ X. Львовъ. (Редакторъ Алексѣй Щербанъ).
34. Новость. Письмо иллюстрованное для молодежи. Годъ I. (Изд. и редакторъ А. Щербанъ).
35. *Огоновскій, Ом. Д.,* Хрестоматія Староруска. Льв., 494 стр.
36. *Петрушевичъ, А. С.,* Историческое извѣстіе о церкви св. Пантелеймона, нынѣшномъ костелѣ оо. францисканов. Львовъ, 118 стр., 60 кр.
37. Проломъ. Журналъ для политики и науки. Годъ I. (изд. и редакторъ Ос. А. Марковъ). Львовъ.
38. Рада Русска. Газета для народа. Годъ XI. Коломыя. (Редакторъ Мих. Бѣлоусъ).
39. Слово. Годъ изданія XXI. Львовъ (Изд. и ред. Площанскій).
40. *Целевичъ, Ю. Д-ръ,* Житіе просвѣтителей Славянъ Кирилла и Методія. Львовъ, 56 стр., 12 кр.

в) Словацкій отдѣлъ.

1879.

1. *Bežo, Jan,* Maďarské čítanie a cvičenia reči v slovenskej narodní škole. Diel I. vo Viedni (1880).
2. Černokňažník, Humoristicko-satyrický (ежемѣсячный) časopis. Ročník IV. Redaktor *J. Sv. Čajda.* V. Turč. Sv. Martine. Ц. 2 г.

3. *Dobšinsky, Pav.*, Prostonárodnie Slovenské povesti. Seš. I. V Turč. Sv. Martine; 96 стр., 30 кр.
4. *Gášpár, Ignác*, Počiatočná nauka zemepisu pre ludové školy. V Budapešti, 67 стр.
5. Hlásnik, Národní, (ежемѣс.) časopis pre slovenský l'ud. Ročník XII. Redaktor: *M. Št. Ferienčik.* V Turč. Sv. Martine. Ц. 1 г.
6. Letopis Slovenský, pre historiu, topografiu, archeologiu a ethnografiu. Red. *Fr. V. Sasinek.*. Ročník III. V Báňske Bystrici; seš. 1—4; 3 г.
7. Orol. Obrázkový (ежемѣс.) časopis pre zábavu a poučenie. Ročník X. Redaktor *M. Št. Ferienčik.* V Turč. Sv. Martine. Ц. 4 г.
8. Piesnie pre školskú mládež. V Uherské Skalici; 15 стр.
9. *Reger, Fr.*, Počiatky maďarskej reči pre slovenské školy. V Uh. Skalici; 40 стр.
10. Svornosť, (еженед.) časopis pre politiku, školstvo a hospodárstvo. R. VII. Redaktor a vydavatel: *Karol Kubány.* V Banské Bystrici. Ц. 4 г.
11. Šlabikár a Prvá čítanka pro školy evanjelické. Vyd. nitranský seniorát. V Senici; 68 стр.
12. *Uram, Rehor a Karol Salva*, Pohräbné verše. Sväzok I. V Uh. Skalici; 85 стр.
13. *Vajanský*, Tatry a more. Básne. V Turč. Sv. Martine, 1880; 192 стр., 1 г. 30 кр.
14. *Zajmus, Gabr.*, Veniec katolických církevných piesni. Obstaral a vydal J. Tagany. Тамъ-же, 117 стр.
15. *Záturecký, A. P.*, Vinšovník. Sväzok I. Тамъ-же, 64 стр.

1880.

16. *Bella, Ondrej*, Piesne. V Budapešti, 100 стр.,40 кр.
17. *Bielek, Kar.*, Fašianky, Sbierka humoristických sólovych výstupov. Sv: I. V Uh. Skalici (47 стр.)
18. Černokňažník. R. V. Red.: *St. Pinka.* См. выше 2.
19. *Dobšinský, Pav.*, Prostonárodni povesti slovenské. Soš. 2 a 3.

— Prostonárodnie obyčaje, povery a hry slovenské. V Turč. Sv. Martine, 179 стр., 1 г. 50 кр.

20. *Groó, V.*, Národná kniha k vyučovániu uhorskej reči v pospolitých školách. V Budapešti. XVI+135 стр.

21. Hlásnik, Národní. R. XIII. См. выше 5.

22. Kalendár, Slovenský obrázkový, na r. 1881. Тамъ-же.

23. Knihovna československá. Pořádá *Rud. Pokorný*. I. Spevy Jána Botto. Прага, 234 стр., 1 г. 30 кр.

24. *Kollar Martin*, Zabavno-poučná Zahrádka. Rozpravky. Soš. I. V Trnave, 30 кр.

25. Letopis, Slovenský. Ročník IV. V Uh. Skalici. См. выше № 6.

26. Noviny, Národnie. Redaktor: *Ambro Pietor*. Ročník XI. V Turč. Sv. Martine (три раза въ недѣлю); 12 г.

27. Ochotník, Slovenský divadelný. Sväzok III a IV. Тамъ-же, à 25 кр.—Sv. III. Oklamaní klamári. Veselohra v 3 dejstvách od Börnsteina. — Tak je to na tomto svete. Veselohra v 1 dejstve od Jos. Štolby. Poslovenčil J. Francisci. (34 стр.).

    Sv. IV. Damy a husári. Veselohra v 3 dejstvàch od grófa Alex. Fredra. Poslovenčil J. Francisci (79 стр.).

28. Orol. Ročník XI. См. выше № 7.

29. Priatel školy evanjelickej. Vydává a rediguje *A. P. Záturecký*. Sväzok I. Тамъ-же, 64 стр.

30. Pútnik svätovojtešský. Kalendár na r. 1881. Redaktor *Mart. Kollar*. V Trnave.

31. *Ruttkay, Sam. Aug.*, Viera, Národnost, Autonomia. V Uh. Skalici, VIII+55 стр.

32. *Schvetz, Ondrej*, Praktičný návod madărskej reči pro slovenské školy. Тамъ-же, 76 стр., 30 кр.

33. Spevy. Slovenské. Vydávajú priatelia slovenských spevov. Soš. 1—3. V Turč. Sv. Martine, VIII+120 стр., à 1 г.

34. *Stanojevič, Simon*, Vplyv židovských mravóv v ľudskej společnosti. V Zombore (31 стр.)

35. Svornosť. Ročník VIII. См. выше № 10.

1881.

36. *Bežo, Ján,* Tretia čítanka a Mluvnica pro vyššie triedy národných škol. Vo Viedni, 1882, 382 стр., 70 кр.

37. Černokňažník. Ročník VI. Red. *D'uro Čajda.* См. 2 и 18.

38. *Daxner, Samo,* Hasičský cvičebník (Exercir-reglement) pro sbory dobrovolných hasičov slovenských. Тамъ-же, 64 стр., 35 кр.

39. *Dobšinský, Pav.,* Prostonarodnie slovenské Povesti. Soš. 4. См. № 3 и 19.

40. *Gräbner, G. A.,* Robinson Crusoe. S 8 obrazmi. Тамъ-же, 222 стр., 1 г.

41. *Groó, Vilem,* Uhorská čítanka a cvičebná knižka pre II, III и IV triedu slovenských pospolitých škôl. V Budapešti, 151 стр.,

42. Hlásnik, Národní. Ročník XIV. Red. *A. Pietor.* См. № 5 и 21.

43. *Hoffmann, Fr.,* Hodní lůdia. Rozprávka.—Hrabä a medvediar.—Pomsta Božia (Nemesis). Voľne poslovenčil *M. Beňovský.* V Trnave, à 50 кр.

44. Kalendár, Slovenský na r. 1882. Vyd. *Dan. G. Lichard.* V Skalici, 88 стр.

45. Kalendár, Slovenský obrázkový na r. 1882. Ročník IX. V Turč. Sv. Martine, 80 стр., 20 кр.

46. Knihovna československá. (См. 23). Díl II. Literatura na Slovensku. Napsal *Jar. Vlček.* Прага, 252 стр., 1 г. 60 к.

47. Knižnica slovenského ľudu. Redaktor: *L. V. Riezner.* Sv. II. Od srdca k srdcu. Kytočka z veršikov. V Uh. Skalici, 1882, V+72 стр.

48. Letopis, Slovenský. Ročník V. См. № 25 и 6.

49. *Lichard, Daniel,* Slovenská obrázková čítanka hospodarská. Čiastka I. S 30 obrázkami. V Turč. Sv. Martine, 1 г. 20 кр.

50. Noviny, Národnie. Ročník XII. См. 26.

51. *Osvald, Fr.,* Len jedno je potrebno. Uprimné slovo ku

katolickým rodičom o domácom vychovávániu. V Tur. Sv. Martine, 152 стр.,

52. Pohl'ady, Slovenské. Časopis pre literaturu, vedu a politiku. Redaktor: *Svetozar Hurban* (Vajanský). Ročnik I. Soš. 1—6. V Turč. Sv. Martine, 5 r.
53. Pútník svätovojtešský. Kalendar na r. 1882. Rediguje *Mart. Medňánský*. V Trnave., 80 стр., 30 кр.
54. *Skačanský, Miško,* Jánošík. Smutnohra v 5 jednaniach. Прага, 1880, 192 стр., 1г. 50 кр.
55. Školnik. 3., čiastočne opravené vydání. V B. Bystrici, 40 кр.
56. Zastava l'udu Týždenník. Redakciou Kràtky Jànoša. Ročník I. V Budapešti.
57. *Zigmundík, Ján,* Škola reči slovenskej. V Pezinku. 1882.
58. *Bielek, Jos.*, Krátký životopisný nástin, z úcty a povd'abnosti naproti Šef. Závodník, farárovi v Pružine, ku jeho 40-ročnímu farárovaniu. V Turč. Sv. Martine, 1881.
59. *Bučanského, Alojza,* Křestånský obrázkový kalendár na r. 1883. V Budíne.
60. Čítanka, Slovenská, pre II triedu škôl evanjelických. V Budapešti.
61. *Dobšinský, Pav.,* Prostonárodnie Slov. Povesti. Soš. 5—7. См. № 3·19 и 39.
62. *Gallay, Cyril,* Slzy osudu. Básnické prvotiny. Sväzok 1. V Prahe, 122 стр.
63. *Hrajnocha, Vrahobor,* Obrana a sláva našej Tatry miesto odhovoru Felvidékovcem. V Uh. Skalici, 88 стр., 25 кр.,
64. Kalendár, Malý Košuthovský na r. 1883. Ročnik XIII. V Budine.
65. — Nový Malý Obrazkový — Vyd. Vil. Mehner.
66. — Nový i Starý Vlastenský — V B. Bystrici.
67. — Obnovený Budinský na r. 1883. V Budine.
68. — Slovenský obrázkový na r. 1883. Ročnik XII. V Turč. Sv. Martine.

69. Knižnioa slovenská. Rediguje: *Joz. Škultéty*. Dielu I soš. 1. Povesti Sama Bodtikého. Тамъ-же, 94 стр., 25 кр.
70. Knižnica slovenskéha l'udu См. № 47. Sväz. 3—5; à 20 кр. (Sväz. 3. Zábavné večery. I.—Sv. 4 Kam vede korhel'stvo. Poviedka. Napsal V. Špaček. Poslovenčil L. V. R. — Sv. 5. Zábavné večery. II).
71. *Kompánek, J.*, Kázne. Sväzok 1. V Turč. Sv. Martine, 1 г. 20 кр.
   — Kázne sviatočné. Sv. 2 Тамъ-же.
72. *Lichard, Dan.*, Slov. obrázková čítanka (№ 49). Čiastka II.
73. Obzor. Noviny pre hospodárstvo, remeslo a domácí život. Ročník XX. Redaktor *D. G Lichard.*
74. *Osvald, Fr. Rich.*, Obradoslovie čili učenie o svätých obradoch Cirkve katolickej (1 a 2 vyd.). Turč. Sv. Martin; 60 стр.
75. Pohl'ady, Slovenské. Ročník II. См. 52.
76. Pútník Svätovojtešský na r. 1883. См. 53.
77. *Šamarjay, Dr.*, Praktický návod k rychlému a l'ahkému naučeniu sa mad'arskej reči. Do slovenčiny prepracoval *Karol Salva.* V Budapešti; 28 кр.
78. Šlabikár, Slovenský, pre evanjelické školy. 5 vyd. V Budapešti.
79. *Uram, Rehor*, Zlaté perličky pre dobré detičky. Vo Viedni.
80. *Zigmundík, Ján*, Škola mad'arskej reči. Pezinok; 14 кр.
   — То-же. Druhé opravené vydání. V Uh.. Skalici.

г) Чешскій отдѣлъ.

1. *Исторія и ея вспомогательныя науки.*

1879.

1. **Adámek,** *Karel*, Základy vývoje Madarův. Kulturně-historické rozhledy. Прага, 48 стр., 30 кр.
2. **Beckovský.** *Jan,* Poselkyně starých příběhův českých. K vydání upravil dr. *Ant. Rezek.* Díl II. Прага, 444+432 стр., 5 г.

3. Bibliotéka místních dějepisův pro školu a dům. Svazek VIII: Okres Sedlecký v Táborsku. Sepsal *A. Vlasák.* Прага, 170 стр., 1 г.
4. Bibliotéka, politická česká, Seš. I. Naše znovuzrození; sestavil *Jak. Malý.* Část I. Před rokem 1848. Прага, 95 стр, 1 г.
5. Časopis musea Království českého. Ročník LIII. Sv. 1—4. Redaktor: *Jos. Emler.* Пр., 3 г. 50 кр.
6. **Dudík**, *Dr. B.*, Dějiny Moravy. Díl VI (Od roku 1262 až do roku 1278). Прага, 212 стр., 1 г. 50 кр.
7. **Gindely**, *dr. Ant.*, Dějepis všeobecný. Česky upravil dr. Konst. Jireček, díl III: Nový věk. Прага, VI+250 стр., 1 г. 20 кр.
8. **Hellwald**, *Fr.*, Země a obyvatelé její. Vzdělali *J. O. Průšek* a *Jak. Malý.* Seš. 1—17. Прага, à 45 кр.
9. Hrad Pražský, královský, a jeho chrámy. Пр., 32 стр., 10 кр.
10. **Jireček**, *Jos.*, Chronograf Vrchobřeznický. Пр., 20 стр., 15 к.
— Anthologie z literatury české. Svazek I.: Doba stará. Vyd. 4. Прага, XLVIII+191 стр., 1 г. 40 кр.
Sbírka zřízení zemských království Českého, markrabství Moravského a Slezských knížectví. Díl I., seš. 1—6; 384 стр.
11. **Kovář**, *M. B.*, Všeobecný dějepis. Vzdělali *J. Řehák* a *Dr. Seydler.* Vydání 2. Прага.
12. **Kredba**, *Václav*, Život a působení Jana Karla Škody. Прага, 214 стр., 1½ г.
13. **Ludikar**, *A. Česlav*, O řádu Maltánském, se zvláštním zřetelem na Čechy. Клатовы, 229 стр., 1 г.
14. **Malý**, *Jakub*, Vlastenecký slovník historický. Прага, 962 стр., 6 г.
— Naše znovuzrození (См. выше 4).
15. **Miltner**, *Jan Boh.*, Účasť Čechů v obraně Vídně proti Turkům 1529. Градецъ-Королевой, X+122 стр.

16. **Orth**, *Jan*, Nástin historicko-kulturního obrazu Jindřichova Hradce. Индриховъ-Градецъ. 88 стр., 80 кр.

17. Památky archaeologické a místopisné. Orgán archaeologického sboru království Českého. Redaktor: *Jos. Smolík*. Dílu XI seš. 1—6. Прага, 1—287 стр., 4 г.

18. Památky staré literatury české. Číslo 5. Paměti Mikuláše Dačického z Heslova. Vyd. *Ant. Rezek*. Svazek 1. Прага. LXXI+367 стр., 2 г. 10 кр.

19. **Práček**, *Justin V.*, Dějiny města Turnova nad Jizerou. Турновъ, 392 стр., 3 г. 80 кр.

20. **Řehák**, *Jan*, Hora Kutná a její okolí. Гора Кутна, 222 стр., 1 г. 20 кр.

— Kutnohorské příspěvky k dějinám vzdělanosti české. Тамъ-же. 30 кр.

21. Sbírka přednášek a rozprav. Pořádají *Jar. Goll* a *Ot. Hostinský*. Прага.

Čís. 1. Toma ze Štítného, praotec filosofie české. Od dr. J. Durdíka; 25 кр.

— 2. Vznik anglického parlamentu. Sepsal J. Goll. 25 кр.

— 3. Jan Dominik Larrey. Sepsal E. Albert. 25 кр.

— 4. Nálezy Schliemannovy v Tirynthě a Mykenách. Jos. Král. 40 кр.

— 5. Pevnina Africká ve světle nejnovějších výzkumů. Seps. Vlach.

— 6. Pompeje a Pompejané. Líčí Jos. Wünsch. 40 кр.

22. **Srb**, *Adolf*. Spisovatel Vojtech Josef Sedláček. Životopisný nástin. Пильзень, 42 стр., 40 кр.

24. **Šafránek**, *Jan*, Obrazy z dějin národův starověkých. Díl I. Прага, 142 стр., 80 кр.

24. **Thille**, *Josef* a *Ferd.* **Censký**, K dějinám třicetileté války od r. 1621 do 1648. Díl I. (Matice lidu, ročník XIII, čís. 4). Прага, 143 стр.

25. **Tille**, *dr. Ant.*, Učebnice zeměpisu. Vyd. 4. Пр., 248 стр., 1 г. 24 кр.

26. **Tomek,** *Wácslav,* Jan Žižka. Прага, 228 стр., 2 г.
27. **Tonner,** *Em.*, Vypravování dějin domácích. Díl III. (Matice lidu ročník XIII, čís. 2). Прага, 136 стр.
28. **Vitásek,** *J. E.*, Dějiny a místopis král. města Uh. Hradiště. Угорское Градище, 136 стр., 50 кр.
29. **Vymazal,** *Frant.*, Obrazy z dějin českých a rakouských; seš. 1—3. Брно, 192 стр., à 30 кр.
30. **Zap,** *Kar. Vl.* a *Jos.* **Kořán,** Česko-Moravská kronika. Ozdobená více než 400 vyobrazeními. Seš. 62—64. Прага, 1361—1600 стр., à 73 кр.

1880.

31. **Andrejev,** *J.*, Velehrad. Прага, 24 стр., 10 кр.
32. **Beckovský,** *Jan.*, Poselkyně starých příběhův českých. Díl II, svazek III. Прага, XXXII+606 стр., 2 г. 80 кр. (Срв. выше № 2).
33. *Bibliotéka, českobrátrská,* čís. III: Život Jana Augusty. Прага, 190 стр., 50 кр.
34. Bibliotéka místních dějepisův (Срв. выше № 3). Svazek IX: Okres Třeboňský. Sepsal *Fr. Franta.* Прага, 162 стр., 1 г. 20 кр.
35. Bibliotéka, politická česká (Срв. выше № 4.): Čís II. Naše znovuzrození. Sestavil *Jak. Malý.* část II: Doba převratu. Od března 1848 do března 1849. Прага, 160 стр., 1 г.
    Čís III: O samosprávě anglické. Seps. dr. *Jan Palacký*;
36. Bibliotéka, Staročeská. Čís. V. Václava Březana Život Petra Voka z Rozenberka. K tisku upravil *Fr. Mareš*. Прага, 297 стр., 2 г. 40 кр.
37. **Braniš,** *Jos.*, Vzrůst a pád říše Velkomoravské. Кутна Гора. 20 стр.
38. **Brikcího z Licka,** *M.*, Práva městská. Upravil *Jos.* a *Herm. Jireček.* Прага, XXVI+509 стр., 4 г. 50 кр.
39. **Bukovanský,** *Kar. Jar.*, Člověk v době předhistorické na Moravě. Брно, 28 стр., 32 кр.

40. Codex juris Bohemici. Tom IV pars III: Monumenta juris municipalis. Sectio I. Ed. *Jos.* cum *Herm. Jireček.* Прага, 455 стр., 5 г.

41. Časopis musea království Českého. R. LIV. Sv. 1—4.

42. **Dudík**, *Dr. Beda*, Dějiny Moravy. Díl VII. Прага, 260 стр., 2 г.

43. **Ekert**, *Fr.*, Hlavní chrám sv. Víta v Praze. II. 32 стр., 15 к.

44. **Frumar**, *Adolf*, Dějepisné obrazy. Прага, 80 стр., 90 к.

45. **Gindely**, *Dr. Ant.*, Dějiny českého povstání léta 1618. Díl IV. Прага, 463 стр., 3 г. 50 кр.

46. **Hellvald**, *Fr.*, Země a obyvatelé její. См. выше № 8. Seš. 18—41.

47. **Hora**, *Fr.*, Gustav Pflüger Moravský, životopisné zápisky. Пильзенъ, 75 стр.

48. **Ježek**, *J.*, Počátky křesťanství mezi Slovany. Část I: Slované jižní. Část II: Slované severní. Прага, 71+87 стр., 24+30 кр.
— Zásluhy duchovenstva o řeč a literaturu českou. Пр., 206 стр., 1 г.
— Život a působení Fr. Vacka-Kopidlanského. Пр., 15 стр.

49. **Jireček**, *Herm.*, см. выше № 36 и 38.
Svod zákonův slovanských. Прага, XXVIII+596 стр., 6 г.

50. **Koráb**, *Julius*, Vývoj knihtiskařství a české prvotisky. Пильзенъ, 79 стр.

51. **Malý**, *Jak.*, см. выше № 34: čís. II.
— Život a působení Jiřího Melantricha z Aventina. Пр., 30 стр.

52. Památky archaeologické a místopisné. Dílu XI, seš. 7—10.

53. **Pinkas** *Ota*, Cesta po Španělích, s vyobrazeními. Прага, 186 стр., 5½ г.

54. **Prášek**, *Justin*, Politický okres Klatovský Seš. 1—7. Клатовы.
— Všeobecný dějepis občanský. Seš. 1—2. Пардубицы, 1—64 стр.

55. **Pypin**, *A. N.* a *V. D.* **Spasovič**, Historie literatur slovanských. Přeložil Ant. Kotík. Díl. I. Прага, III+392 стр., 3 г.
56. **Rank**, *Jos.*, Čechy, krátký popis země, obyvatelstva, jeho života, dějin, jazyka a literatury. Прага, 32 стр., 36 кр.
57. Regesta diplomaticka nec epistolaria Bohemiae et Moraviae. Opera *Jos. Emler*. Pars II. Annorum 1253—1310. Vol. 3. Прага, II и 1161—1316 стр., 2 г. 50 кр.
58. **Řehák**, *Jan*, Kutnohorské příspěvky. См. выше № 19. Seš. II. 25 кр.
59. **Rezek**, *Dr. Ant.*, Generální sněmy české za Ferdinanda I do r. 1547.
— См. выше № 31.
— Paměti Mikuláše Dačického z Heslova. Sv. II. (Срв. № 17). Прага, 354 стр., 1 г. 80 кр.
60. Rieger, Dr. František Ladislav, politický vůdce národu Českého. Nástin životopisný. Жижковъ, 56 стр., 50 кр.
61. Sbírka přednášek a rozprav. См. выше № 20.
Čís. 7. Giacomo Leopardi. Napsal *Jar. Vrchlický*. 30 кр.
— 9. Pevnina Africká. Část 2. Seps. *Jan Vlach*, 40 кр.
62. Sbírka zřízení zemských (см. № 10). Seš. 7 a 8. Vydali *Jos.* a *Herm. Jireček*. Прага, 385—512 стр.
63. Sněmy české od léta 1526 až po naši dobu. Vydává král. český archiv zemský. II, 1546—1557. IV+831 стр., 7 г.
64. **Srdínko**, *Frant.*, Stará Boleslav nejstarší poutnické místo v Čechách. Прага, 120 стр., 40 кр.
65. **Stifter**, *Ant.*, Křinec. Historicko-topogr. náčrtek. Таборъ. 35 кр.
66. **Tuček**, *Kar.*, Hrad Radyně. Nástin místopisný. Пильзенъ. 60 стр., 30 кр.
67. **Wünsch**, *Josef*, Po souši a po moři. Obrázky z cest. Díl I. Прага, 255 стр., 1 г. 50 кр,
68. **Vymazal**, *Fr.* Obrázky z dějin.... (См. № 29). Seš. 4—5.

69. **Zap**, *Kar. Vl.* a *Jos.* **Kořán**, Česko-moravská kronika (см. № 29). Seš. 65—67; IV, 1601—1740 стр. и V, 1—80 стр.

70. **Zeiner**, *Em. K.*, Města Ústí nad Orlicí dějepisné památky. Рыхновъ, 96 стр.

1881.

71. Časopis musea Království českého. Ročník LV. Sv. 1—4. См. № 5 и 41.

72. **Čelakovský**, *Dr. Jaromír*, O právech městských M. Bríkcího z Licska. Прага. 74 стр., 80 кр.

— Traktát podkomořího Vaňka Valečovského proti panování kněžskému. Пр., 23 стр., 40 кр.

Úřad podkomořský v Čechach. Пр, 134 стр., 90 кр.

73. **Červinková**, *Marie*, Bernard Bolzano, životopisný nástin. (Оттискъ изъ журн. Osvěta). Прага, 56 стр., 50 кр.

74. Dějepis všeobecný. Pořádá Dr. *Jos. Emler*. Oddíl 1. Dějiny ředověké. Sepsal *Fr. Šembera*. (съ 26 картин.). Прага, VIII+565 стр., 4 г. 60 кр.

75. **Ebers**, *G.*, Egypt slovem i obrazem. Vyd. *Ot. Hostinský*. Díl I, seš. 1 и 2. Прага, 42 стр., à 70 кр.

76. **Emler**, *Jos.*, Decem registra censuum Bohemica. Пр., XII +435 стр., 3 г.

77. **Gindely**, *dr. Ant.*, Dějiny českého povstání léta 1618. Dílu IV seš. 3—7. Прага, 129—463 стр., à 50 кр.

78. **Hellwald**, *Fr.*, Afrika. Atlantický okean. Polární krajiny. Australie. Vzdělal *Jak. Malý*. Пр, 501—777 стр., 3 г. 40 к.

— Amerika. Vzdělal *Jak. Malý*. Пр., 500 стр., 6 г.

— Asie. Vzdělal *J. V. Prášek*. Пр., 314 стр., 4 г.

— Evropa. Vzdělal *J. V. Prášek*. Пр., 669 стр., 8 г.

— Země a obyvatelé její. Vzdělali *J. V. Prášek* a *J. Malý*. Seš. 42—54 стр.

79. **Hobl**, *A.*, Život a působení P. Vincence Zahradníka. Млада-Болеславль, 28 стр., 25 кр.

80. **Holub,** *Dr. Emil,* Sedm let v jižní Africe (1872—1879), 2 díly. Прага. 528+560+XXXVI стр., 5+6 г.
81. **Jelínek,** *Ed.*, Boleslav Jablonský. Črta životopisná. 8 стр. — Vzpomínka na Bol. Jablonského. Пр., 47 стр., 25 кр.
82. **Ježek,** *J.*, Naše hroby. Stručné životopisy spisovatelů a umělců českých, jichž těla na hřbitovech pražských odpočívají. Пр., 88 кр.
83. **Kouble.** *Jos.*, Stanko Vraz. Jeho život, poesie a působení slovanské. Прага, 118 стр., 70 кр.
84. **Koželuha,** *Fr. Jr.*, František Palacký. Upomínka na jeho cestu ve východní Moravě. Прага, 60 стр., 10 кр.
85. **Kramář,** *Jos.*, Olomouc, Král. hlavní město Moravy. Оломуцъ, 216 стр., 60 кр.
86. **Lašek,** *Gotthard Jos.*, Častolovice nad Orlicí, jich dějiny a popsání. Таборъ, VIII+58 стр., 40 кр.
87. **Lepař,** *Bohuš P.*, Historické hovory o našem Slezsku. Пр., 48 стр., 40 кр.
88. **Menčík,** *F.*, Waldhauser, mnich řádu sv. Augustina. Пр., 34 стр.
89. **Navrátil,** *Kar.*, Kostel a bývalý klášter na hoře Karlově v Praze (на чешскомъ, латинскомъ, нѣм., франц., англійскомъ и русскомъ языкахъ). Прага, 28 стр., 50 кр.
90. **Nechvíle,** *Jan.*, Pardubice. Děje—a místopisný nástin.
91. Památky archaeologické a místopisné. Dílu XI seš 11—14. Стр. 479—695, 3 г.
92. **Poppr,** *Ant. J.*, Hrad Bezděz v Boleslavště. Бѣла у Бездѣза, 27 стр.
93. **Prášek,** *Justin,* Politický okres klatovský. Seš. 8. Клатовы. — Všeobecný dějepis občanský: Seš. 3—7. Колинъ, à 30 кр.
94. **Řehák,** *Jan J.*, Kutnohorské příspěvky k dějinám vzdělanosti české III. Кутна-Гора, 45—115 стр., 75 кр.
95. **Rezek,** *Ant.*, Paměti o bouři Pražské r. 1524. Пр., 46 стр., 60 кр.
96. **Rusko** (Россія). Země, stát i národ. Пр., 879+376 стр., 1 г.

97. Sbírka zřízení zemských (См. № 10 и 62). Díl I. Прага, VIII+703 стр., 6 г. 80 кр.
98. Sborník, Slovanský, statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literarního i společenského života. Ročník I. Redaktor *Edv. Jelínek*. Прага, 182 стр., 1 г. 40 кр.
99. **Sedláček**, *August*, Hrady a zámky české. Jllustruje Kar. Liebscher. Seš. 1—12. Прага, стр 1—212, à 65 кр.
100. **Schweiger-Lerchenfeld**, *Amand*, Na východě. Seš. 1—8. Прага, стр. 1—256, à 30 кр.
101. Slavín (Pantheon). Sbírka podobizen, autografů a životopisů předních mužů československých. Pořádá *J. Peřina*. Seš. 1—12. Прага, 160+144 стр., à 30 кр.
102. **Srb**, *Adolf*, Upomínka na slavnostní otevření národního divadla. Прага, XXXII+36 стр., 40 кр.
103. **Šembera**, *Fr.*, Dějiny středověké. См. выше № 74.
104. **Šubert**, *Fr. Ad.*, Národní divadlo v Praze. Dějiny jeho i stavba dokončená. Redaktor části obrázkové *Sob. Pinkas*. Seš. 1—4. Прага, стр. 1—88, à 80 кр.
105. **Tille**, *Dr. Ant.*, Zeměpis obecný. Vyd. 6. Пр., 192 стр., 1 г. 30 кр.
106. **Tomek**, *Wladiwoj*, Děje mocnářství Rakouského. Прага.
— Dějepis města Prahy. Díl V. Пр., 270 стр., 2 г.
— Příběhy kláštera a města Police nad Medhují. Пр., 368 стр., 3 г.
107. **Tieftrunk**, *Kar.*, Dějiny Matice České. Прага, 304 стр., 2 г. 20 кр.
108. **Tonner**, *Em.*, Vypravování dějin domácích. Пр., 254 стр.
109. **Tůma**, *Kar.*, Dějinné karaktery, Пр., 319 стр., 1 г. 59 кр.
110. **Turnovský**, *J. L.*, O životě a působení Josefa Kajetána Tyla. Пр., 277 стр., 1 г. 20 кр.
111. **Václavík**, *Mat.*, Dějiny města Vsetína a okresu vsackého. Брно, 352 стр , 1 г.
112. **Veselský**, *Petr Miloslav*, Persekuce Hory Kutné po bitvě Bělohorské. Seš. 1—6. Кутна-Гора, стр. 1—288, à 30 кр.

113. **Veselý**, *J. Z.*, Prokop Veliký. Nástin histor.-biografický. Прага, 54 стр., 25 кр.
114. **Vymazal**, *Fr.*, Obrazy z dějin českých a rakouských. Seš. 6—9. Брно, стр. 322—568, à 30 кр.
115. **Zelený**, *Vácslav*, Život Josefa Jungmanna. Vyd. 2. Прага, 1 г. 20 кр.
116. **Zap**, *Kar. Vl.* a *Jos.* **Kořán**, Česko-moravska kronika. Seš. 68—69. Прага, V, стр. 81—240, à 84 кр.

1882.

117. Bibliotéka, Novočeská, vydávaná nákladem Musea království Českého. Čís. XXV: Dějiny konfiskací v Čechách po r. 1618. Sepsal *Tom. V.* **Bílek**. Пр, CL+682 стр., 10 г.
118. Bibliotéka, politická, česká. Vydává Český klub. Čís. IV. Národnosť a její význam v životě veřejném. Sepsal. Dr. *Jidřich Šolc*. Пр., 1881—1883, 488 стр, 3 г.
— V. Řeči Dra Frant. Lad. Riegra a jeho jednání v zákonodarných sborech. Seš. 1—3.
— VI. Naše znovuzrození. Sestavil *Jak. Malý*. Část III. Пр., 144 стр., 1 г.
119. **Brandl**, *Vincentius*, Libri citationum et sententiarum seu knihy půhonné a nálezové. Tom IV pars I. Брно, 261 стр., 1 г. 50 кр.
120. Časopis Musea království českého. Ročník LVI. См. № 71.
121. **Čelakovský**, *Dr. Jaromír*, Právo odúmrtné k statkům zpupným v Čechách. Прага, 52 стр., 80 кр.
122. **Dudík**, *Dr. B.*, Dějiny Moravy. Díl VIII. Kulturní poměry na Moravě od r. 1197 do 1306. (Země a obyvatelstvo). Прага, 329 стр., 2 г. 50 кр.
123. **Dvorský**, *Frant.*, Paměti o školách českých. Listář školství českého v Čechách a na Moravě od l. 1598 do 1616. Seš. 1—4. Прага. 1—256 стр., à 45 кр.
124. **Frič**, *Coelestin*, První rektor české university v Praze Wácslav Wladiwoj Tomek. Nástin jeho života a práce vědecké. Пр., 72 стр.

— Stručné dějiny české university v Praze. S podobiznou Karla IV, otce vlasti, zakladatele university pražské. Прага, 71 стр.

125. **Hellwald**, *Fr.*, Země a obyvatelé její. Seš. 55—60.

126. **Herben**, *Jan*, Tři chorvátské osady na Moravě. Брно, 25 стр., 30 кр.

127. **Holub**, *Emil*, Kolonisace Afriky, I—II. Пр., 1 г. 40 кр.

128. **Ježek**, *J.*, František Daneš. Příspěvky životopisné. Прага.

— Z dějin křesťanství mezi Slovany. Seš. 1. Srbové Lužičtí. Брно.

129. **Kalousek**, *Dr. Jos.*, O historii kalicha v dobách předhusitských. Прага, 1881, 24 стр.

130. **Konrád**, *Kar.*, Dějiny posvátného zpěvu staročeského. Díl.I. Прага, 216 стр., 1 г. 80 к.

131 **Král**, *Jos.*, Archaeologické nálezy na ostrově Kypru. Пр.

132. **Malý**, *Jak.*, Naše znovuzrození. Část III. См. выше № 118.

133. **Menčík**, *Ferd.*, Několik statutů a nařízení arcibiskupů pražských Arnošta a Jana I. (1355—1377). Пр., 29 стр.

134. **Palacký**, *Frant.*, Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě, Díl II. Чикаго, 376 стр.

135. Památky archaeologické a místopisné. Redaktor *Jos. Smolík.* Dílu XII seš. 1—3.

136. Prameny dějin českých, vydávané péčí Historického spolku v Praze. Díl III.

137. **Prasek**, *V.*, Paměti městečka Napajedel. Велике Мезирѣчье, 200 стр., 80 кр.

138. **Prášek**, *J. V.*, Politický okres Klatovský. Seš. 9.

— Všeobecný dějepis občanský. Seš. 8—10.

139. **Rezek**, *Dr. Ant.*, Nové příspěvky k volbě české r. 1526 a počátkům Ferdinandovy vlády v zemích korunních. Пр., 32 стр.

140. **Rudolfa, kralevice**, Cesta do zemí východních. Česky upravil *Dr. M. Kovář.* Прага, XXI+600 стр., 5 г.

141. **Rybička**, *Ant.*, Pan Jaroslav Bořita z Martinic a město jeho Munciffaj v letech 1600—1612. Прага.

142. Sbírka kronik a letopisův českých v překladech. Vydávaná péčí „Spolku historického v Praze".
Sv. 1: Kosmův letopis český. Přel. *W. W. Tomek*. Пр., 224 скр., 1 г. 50 кр.

143. Sborník historický vyd. na oslavu 10-letého trvání „Klubu historického v Praze". Прага, 1883, 157 стр., 1 г. 40 кр.

144. Sborník, Slovanský. Ročník II. Čís. 1—12. См. №98. Прага, 646 стр., 5 г. (Журналъ ежемѣсячный). Редакторъ: *Эдв. Елинекъ*.

145. **Sedláček**, *Aug.*, Hrady a zámky české. Jllustrují Karel a Adolf Liebscherové. Díl I (seš. 1—15). Пр., XII+260 стр.
— То-же. Díl II (seš. 16—31). Пр., 282 стр.,

146 **Skopalík**, *Frant.*, Památky obce Kurovic. Брно, 24 стр.

147. **Slavík**, *Fr. Aug.*, Dějiny Domašína. Таборъ, 266 стр.,

148. Slavín (Pantheon). Seš. 13—21. См. № 101. Oddíl I; druhé vydání. Pořádá *Jar. Peřina* (260 стр.).—Oddíl II. Pořádá *Lip. Coelestin Frič* (282 стр.).

149. **Stankovský**, *J. J.*, Kronika divadla v Čechách. Dopsal *J. L. T.* Прага, 108 стр., 60 кр.

150. **Schulz**, *Ferd.*, Petr Chelčický. (Matice lidu, čís. 2).

151. *Schweiger-Lerchenfeld, Amand*, Na východě. Překládá *Vojtěch Mayerhofer*. Seš. 8—16. Прага, стр. 257—512, seš. à 30 кр.

152. **Šrám**, *Václ.*, Okres Česko-skalický. Nástin historický. Пр., 108 стр., 80 кр.

153. **Šubert**, *Fr. Ad.*, Národní divadlo (См. № 104). Seš. 5—6.
— Z českého jihu. Krajinné, místní a historické obrazy. Прага, 1883. 365 стр., 3 г. 30 кр.

154. **Tomek**. *W. Wlad.*, Jan Žižka. Прага, 228 стр.

155. **Tůma**, *Kar.*, Potlačený národ. Obraz osudův lidu irského pod cizovládou britskou. Кутна-Гора, 174 стр., 1 г. 20 кр.

156. **Veselský**, *Petr Miloslav*, Persekuce Hory Kutné po bitvě bělohorské. Кутна Гора, 348 стр., 2 г. 10 кр.

157. **Vlasák**, *Klement*, Sv. Hora. Прага, 128 стр., 10 кр.

158. **Zap**, *Kar. Vl.* a *Jas.* **Kořán**. Česko-moravská kronika. Seš. 60—72. Прага, V, стр. 231—480; seš. à 74 кр.
— To-же (2 изд.). Díl I, 8+1087 стр., 6 г.
— — Díl II, 1376 стр., 7 г. 50 кр.
— — Díl III, 1072 стр., 6 г.

2. *Языкознанie.*

1. **Blažek**, *M.* a *Fr.* **Bartoš**, Mluvnice jazyka českého. Díl I: Nauka o slově. Sepsal *M. Blažek* (3 vyd.). Брно, 158 стр., 1 г.
— Díl II: Skladba. Seps. *Fr. Bartoš* (3 vyd.). Брно, VII +196 стр., 1 г. 20 кр.

2. **Brandl**, *Vinc.*, Obrana Libušina soudu. Брно, 175 стр., 1,50г.

3. Brus jazyka českého (vydaný Maticí českou). Vyd. 2. Прага, XV+295 стр., 2 г.

4. Čtení, Slovanská. Pořádá odbor literarního řečnického spolku „Slavia". Прага.
Oddíl I. Ruské a polské texty. S meziřádkovým překladem českým. Seš. 1—17, à 20 кр.
Oddíl II. Srbsko-chorvátské a bulharské texty. Seš. 1—8, à 30 кр.

5. **Gebauer**, *Jan*, Žaltář Wittenberský, s výklady a slovníkem. Прага, XL+275 стр., 2 г. 70 кр.
— Staročeský zlomek Evangelia svato-Janského a filologická svědectví o jeho původu. Пр., 136 стр., 1 г. 80 кр.
— Odpověd na „Přídavek p. Martina Hattaly". Прага, 32 стр., 30 кр. См. ниже № 6.
— Pravidlo o staročeském *e* a *ě*. Пр., 11 стр., 10 кр.

6. **Hattala**, *M.*, Přídavek ku prvému dílu Zbytků rýmovaných Alexandreid staročeských. Прага, 80 стр., 60 кр.

7. **Ješina**, *Jos.*, Romaňi Čib čili Jazyk cikánský. Vyd. 2. Пр., XI+179+32 стр., 1 г. 80 кр.

8. **Jireček**, *Jos.*; Anthologie v literatury české. Svazek II: Doba střední. Vyd. 4. Прага, XIII+434 стр., 1 г. 80 кр.
9. **Kolář**, *Jos.*, O historicko-srovnávací mluvnicí polské Dr. Ant. Maleckého. Пр., 43 стр.
— O novém roztřídění sloves slovanských. Пр., 35 стр.
— O sklonění přídavných jmen slovanských a jiných příbuzných. Пр., 64 стр
10. **Komenský**, *Jan A.*, Nejnovější metoda jazyků̊v. Z latiny přel. *Jos. Šmaha*. Seš. 1—5. Рыхновъ, à 30 кр.
11. **Kott**, *Fr.*, Česko-německý Slovník zvláště grammaticko-fraseologický. Пр., seš. 1—58, á 50 кр.
12. Listy filologické a paedagogické. Ročník VI—IX. Redaktoři: *J. Kvíčala* a *J. Gebauer*. Прага, à 3 г. 50 кр.
13. **Mašek**, *Jgn.*, Ukázka textu, grammatiky a glossaria Rukopisu Královdvorského. Индриховъ-Градецъ, 16 стр.
14. **Menčík**, *F.*, Rozbor legendy o sv. Kateřině. Прага, 31 стр.,
15. **Mikeš**, *Fr. Ot.*, Mluvnice ruského jazyka. Páté, fraseologickým slovníčkem opatřené vydání. Прага, 236 стр., 1,20 г.
16. **Mourek**, *V. E.*, Slovník jazyka českého i anglického. Díl česko-anglický. Seš. 1. Пр., стр. 1 - 160, ц. 80 кр.
17. **Patera**, *Adolf*, (i *M.* **Hattala**), Zbytky rymovaných Alexandreid staročeských. Пр., XXVI+96 стр, 2 г.
— Hradecký rukopis. Прага, XXXI+469 стр.. 3 г. 60 кр.
18. **Puchmayer**, *Ant.*, Romani Čib čili Cigánský jazyk. Uspořádal a rozšířil *Još. Ješina*. Пр., 142 стр., 80 кр.
19. **Rank**, *Jos.*, Nový slovník kapesní jazyka českého i německého. Díl I (4 vyd.). Прага, XVI+1064 стр., 4 г. — Díl II (něm.-český), XVI+1016 стр., 4 г.
20. **Šembera**, *Al. Vojtěch*, Libušin soud. Вѣна, 142 стр., 1,50 г.
— Kdo sepsal Kralodvorský Rukopis roku 1817? 64 стр.,
— Druhý a třetí dodavek ke spisu Kdo sepsal Kral. rukopis? Вѣна, стр. 67—94.
21. **Šercl**, *Čeněk*, Z oboru jazykozpytu. Díl I. 1883. Прага, XII+561 стр., 4 г. 80 кр.

— Mluvnice jazyka ruského. Пр., 1883, 236 стр., 2 г. 40 к.

22. **Špachtova** mluvnice polská. Čvrté vydání upravil *Ed. Jelínek*. Прага, 122 стр., 72 кр.

23. **Wagner,** *Jan*, Krátká mluvnice jazyka bulharského. Пр., 79 стр., 75 кр.

24. **Vašek,** *Ant.*, Filologický důkaz, že rukopis Kralodvorský a Zelenohorský, též zlomek evangelia sv. Jana jsou podvržená díla Václava Hanky. Брно и Прага, 80 стр.

25. **Vymazal,** *Fr.*, Bulharská abeceda a počátky bulh. čtení.

— Miklošičovo hláskosloví jazyka českého. Брно, 40 стр.

— Rukopis Zelenohorský a Kralodvorský, s úvodem a výkladem. Брно, 111 стр., 60 кр.

— Prof. Vašek o našich starých rukopisech. Тамъ же.

— Grammatické základy jazyka polského. Стр. 116.

— Grammatické základy jazyka ruského. Стр. 112.

— Jak Bartošův Blažek zrezal Vymazala. Стр. 13.

26. **Zigmund,** *Václav,* Mluvnice jazyka českého. vyd. 4. Пр., 423 стр,, 1 г. 84 кр.

3. *Изящная словесность.*

1879.

1. Almanach české omladiny. Прага, 241 стр., 1 г. 50 кр.

2. Almanach, Slovanský. Vyd. *R. Poznik.* Вѣна, 396 стр.

3. *Balucký*, *Mich.*, Otrok povinnosti čili bílý mouřenín. Román. Přel. *Toma Hanuš.*

4. Básně staronárodní rukopisů Zelenohorského a Kralodvorského. Vydal *Jos. Jireček.* Прага, 115 стр., 64 кр.

5. **Beneš,** *V.*, Rybářova dcera, povídka. Сланое, 140 стр.

6. **Beneš-Šumavský,** *Václav,* V mraku a světle. Aradesky a kresby. Брно, 129 стр., 65 кр.

7. **Beneš Třebízský,** *Vácslav,* V červáncích a lesku kalicha. Obrazů historických řada I. Прага, 205 + 173 стр.,

8. Bibliotéka, Divadelní. Vydává Jar. Pospíšil. Sv. 31, 45, 159—163. Прага.

Sv. 31. Narcis. Přeložil *J. J. Kolár.*—Prodaná nevěsta. Veselohra od *Jana Nerudy.* (104 стр.). 25 кр.

Sv. 45. Musí na venek, veselohra ve 3 jednáních. — Dědkův Kalmuk, fraška.

Sv. 159. Na kolbišti literárním. Veselohra ve 3 jedn. Sepsal *J. O. Veselý.*

Sv. 160. Svědomí aneb Žertva na Balkaně. Od *K. Tůmy.*

Sv. 161. Přezdivky. Přel. *G. Eim.*— Domácí přítel. Z ruského přeložil *Edv. Jelínek.* —

9. Bibliotéka, Národní. Výbor prací čelnějších spisovatelů česko-slovanských. Redaktor *Fr. Zákrejs.* Seš. 351—383. Прага, à 24 кр.

Díl. LVII. *Gust. Pflegra-Moravského:* Sebrané spisy. Díl V (443 стр., 1 г. 68 кр.).

Díl LVIII. *Fr. Lad. Čelakovského* sebrané spisy. Svazek IV. Spisů prosou kniha třináctá s přídavky (съ біографіею автора), 567 стр., 2 г. 16 кр.

Díl LIX. *Boženy Němcové* sebrané spisy. Svazek V. (Narodní báchorky a pověsti. Díl I) 315 стр., 1 г. 20 кр.

Díl LX. То-же. Svazek VI. (Díl II.); 361 стр., 1 г. 44 кр.

Díl. LXI. *J. K. Tyla* Sebrané spisy. Díl XI. (vyd. 2). 363 стр., 1 г. 44 кр.

10. Bibliotéka, Salonní. Čís. 10—12. Прага.

Čís. 10. Povídky, arabesky a humoresky od *Svatopluka Čecha.* II; 236 стр., 1 г. 50 кр.

Čís. 11. Mythy. Básné *Jar. Vrchlického*, Cyklus II. 229 стр., 1 г. 50 кр.

Čís. 12. Povidky, arabesky a humoresky od *Svatopluka Čecha* III. 207 стр., 1 г. 30 кр.

11. Bibliotéka, Ženská. Redaktorka Žofie Podlipská. Seš. 47. Č. XVIII: Nalžovský. Román *Žofie Podlipské.* Прага, 225—317 стр., 30 кр.

12. **Čech,** *Svatopluk,* Povídky, arabesky a humoresky, II i III. См № 10.

13. *Dante Alighieri*, Božská komedie. Rozměrem originalu přel. *Jar. Vrchlický.* Díl I. Peklo. Прага, 229 стр., 1 г. 80 кр.
14. **Durdík,** *Dr. Jos.*, Poétika jakožto aesthetika umění básnického. Sešit II. Прага, стр. 193—320, 1 г. 8 кр.
15. *Ebers, Georg;* Uarda. Přeložil *Bedř. Frida.* Díl I. Пр., 182 стр., 75 кр.
16. **Frič,** *Jos. V.*, Sebrané spisy veršem i prosou. Sv. I a II. Прага, 146+178 стр., 1 г. 98 кр.
17. **Geislova,** *Jrma,* Immortelly. Básně. Прага, 129 стр., 50 кр.
18. **Hálek,** *Vítězslav.* Spisy. Pořádá *Ferd. Schulz.* Díl II. (Содержаніе: Alfred, Krásná Lejla. Mejrima a Husejn. Goar. Černý prapor. Dědicové Bílé Hory. Děvče z Tater. Poznámky). Пр., 441 стр., 2 г.
19. **Heyduk,** *Adolf,* Dědův odkaz. Báseň. Пр., 87 стр., 40 кр.
20. **Holeček,** *Josef,* Černohorské povídky. Dílu I sv. 1. Пр., 208 стр., 1 г.
    — Za svobodu. Díl II. Пр. 255 стр., 1 г. 20 кр.
21. **Jeršov,** *P.*, Koník hrbounek.—Jaga baba a krásná Vasilisa. Dvě národní báchorky ruské. Пр., 55 стр., 14 кр.
22. **Ježek,** *J.*, Za šera. Básně. Пр., 91 стр., 60 кр.
23. **Jirásek,** *Al.*, Slavný den. Historický obraz. Пр., 282 стр.
    — Z bouřlivých dob. Hist. obrázky. Пр., 366 стр., 1 г.
24. **Klicpera,** *Ivan,* Bitva u Lipan. Historický román. Пр., 224 стр.
25. Knihovna, Laciná, Národní. Serie II, čís. 98—100. Serie III, č. 1—36. Пр., sešit à 10 кр. Содержаніе: Serie II č. 98—100. Tajemný ostrov. Z franc. přel. *Fr. Brábek.*
    Serie III č. 1—11. Chata za vsí. Román Jos. Jgn. Kraševského. Přeložil *Vilém Špaňhel.* 111+96+215 стр.
    — č. 11—19. Z bouřlivých dob. Od *Al. Jiráska* (см. выше)
    — č. 20—24. Hrdina naší doby. Sepsal *Lermontov.* Přel. *J. Žebra.*
    — č. 24—27. Rozmarné historky. Seps. *Stroupežnický.*

— Č. 28.—36. Zlatníkův zlatoušek. Román z minulosti Záhřebské. Napsal *Aug. Šenoa*. Přel. *M. Fabkovičeva*. Стр. 1—427.

26. **Kolár**, *Jos. Jiří*, Básně. Прага, 127 стр., 60 кр.
27. **Kosina**, *Jan Evang.*, Hovory Olympské. Díl I. Hovory o jazyku a literatuře. Брно, 312 стр., 1 г. 80 кр.
28. Květy. Listy pro zábavu a poučení. Redaktoři: *Svatopluk Čech* a *Dr. Servác Heller*. Прага. (Журналъ ежемѣсячный).
29. **Libanský**, *Jar.*, Nal a Damajanti. Báje indická. Прага, 88 стр., 25 кр.
30. Libuše, matice zábavy a vědění. Ročník IX. Čís. 1—6. Прага, 1 г.
    Čís. 1—2. O slávě herecké. Román. Napsal *S. J. Stankovský*. (331 стр.).
    Čís. 3—6. Anežka Přemyslovna. Historický román od *S. Podlipské* (272 стр.). — Slavný den. Hist. obraz od *A. Jiráska* (282 стр.).—Povídka z malého světa. Sepsala *V. Lužická*. II (142 стр.).
31. Lumír. Časopis zábavná a poučný. Ročník VII. Red. a vyd. *J. V. Sládek*. Прага.
32. **Lzžická**, *V.*, Fialky. Povídky. Пр., 85 стр., 30 кр.
33. **Malý**, *Jakub*, Poklad. Povídka z národního života. Vyd. 2. Прага, 69 стр.
34. Matice lidu. Ročník XIII. Čís. 1—6. Прага, 6 книгъ за 1 г.
    Čís. 1. Bitva a Lipan. См. выше № 24.
    — 3. Naše staré obrázky, Povídky od *Fr. Dvorského* (126 стр.).
    — 5. Rudin. Román od *J. S. Turgeněva*. (156 стр.).
35. **Mířiovský**, *Emanuel*, Mezi vůlí a činem. Povídka. Колинъ, 110 стр.
36. **Mühlsteinova**, *Berta*, Povídky, novely a arabesky. Svaz. 1. Прага, 279 стр., 1 г.

37. **Němcová**, *Božena*, Národní báchorky a pověsti. 2 díly. (4 vyd.). Прага, 315+316 стр., 1 г. 20 кр.+1 г. 44 кр.
— Sebrané spisy. См. выше № 9.
38. **Neruda**, *Jan*, Feuilletony. Svazek V. Obrazy z ciziny. Пр., 406 стр., 2 г.
— Prodaná láska. Veselohra. См. № 8, sv. 31.
39. Osvěta. Listy pro rozhled v umění, vědě a politice. Red. a vyd. *V. Vlček*. Ročník IX. Прага. (Журналъ ежемѣсячный).
40. **Petrů**, *V.*, Jllustrované dějiny literatury všeobecné. Díl I. Прага. стр. 1—224, ц. 2 г. 25 кр.
— V tenatech šejdířových. Povídka. Пр., 88 стр.
41. **Pfleger-Moravský**, *Gust.*, Sebrané spisy. См. № 9.
42. Písně. Národní, pohádky, pověsti, říkadla, přísloví... pořádá kommisse liter. řeč. spolku „Slavia". Прага, 294 стр.
43. **Pobořský**, *Jos. M.*, Nebezpečná sázka. Novella. Колинъ, 81 стр., 25 кр.
44. Poesie světová. XIX. Ballady Göthovy. Přel. *Quis*.
45. **Pokorný**, *Rudolf*, Nemilostné písně. Пр., 84 стр., 45 кр.
— Povídky, arabesky a drobné kresby.I. Пр.,192 стр.. 1,20г.
46. **Pravda**, *Fr.*, Sebrané povídky pro lid. Díl. IV. Пр., 513 стр.
47. **Rettigová**, *Magdalena*, Arnošt a Bělinka. Povídka. 6 vyd. Пр., 72 стр.
48. Ruch. Měsíčník pro zábavu se zvláštním zřetelem k produkci mladších spisovatelů. Redaktor *Fr. L. Hovorka*. Ročník I. Seš. 1—3. Пр., 1 г.
49. *Rukopis Kralodvorský*. Obrázkové vydání. Seš. II. Прага, 16 стр., 2 г.
50. Rukopísové Zelenohorský a kralodvorský. Staročeským textem vyd. *Jos. Jireček*. Пр., 60 стр., 25 кр.
51. **Sedláček**, *F. A.*, Národní pohádky a pověsti z okolí Meziříčského a Jihlavského na Moravě. Díl I. Великое-Мезирѣчие; 85 стр.
— Pohádky a pověsti od hor krkonošských. Пр., 63 стр.

52. **Shakespeare,** *Wil.*, Antonius a Kleopatra. Přel. *J. Malý.* Пр., 133 стр.
— Julius Caesar. Přel. *Fr. Doucha.* 2 vyd.
— Othello mouřenín benátský. Přel. *J. Malý.* 3 vyd.
53. **Sládek,** *Jos.*, Jiskry na moři. Básně. Пр., 133 стр.. 1,20 г.
54. Světozor. Obrázkový týdenník. Ročník XIII. Redaktor *J. Bambula—Pr. Sobotka.* Пр., 8 г.
55. **Světlá,** *Karolina,* Škola mé štěstí. Povídka. (3 vyd.). Пр., 123 стр.
56. **Šafránek,** *Jan,* O literární původní produkci v roce 1878.
— a *Jos.* **Čížek,** O literární produkci české v r. 1879. Кол.
57. **Šťastný,** *Vladimír,* Kytka z Moravy. Básně. Брно, 176 стр.
58. **Šubert,** *Fr. Ad.*, Král Jiří Poděbrad. Histor. povidka z 2 polovice XV věku. Dílu I č. 1 a 2. Пр., 536 стр,, à 60 кр.
— Povídky historické a jiné drobné. Seš. 2—22, à 10кр.
59. **Tieftrunk,** *Kar.*, Historie literatury české. 2 vyd. Пр., 205 стр., 1 г. 40 кр.
60. **Vrána,** *Fr. M.*, Z vesny života. Básně. Бр., 144 стр., 60 кр.
61. **Vrchlický,** *Jar.*, Božská komedie. См. № 13.
— Eklogy a písně. Пр., 108 стр., 1 г.
— Mythy. II. Пр., 229 стр.. 1 г. 50 к.
62. **Zeyer,** *Jul.*, Ondřej Černyšev. Román. .Пр., 299 стр., 1 г.

1880.

63. **Beneš-Třebízský,** *Václav,* Cestou křízovou. Obrazů historických řada II. Díl I. Прага, 207 стр., 1 г. 20 кр.
— Příšery. Povídka. Пр.. 86 стр., 24 кр.
— Stadický král. Román. Пр., 203 стр.
— Z našich dědin. Пр., 221 стр.
64. Bibliotéka, Divadelní. (См. № 8). Sv. 65. 164—171.
Sv. 65. Monika. Tragedie ve 3 jednáních od *Jos. J. Kolára.* Vyd. 3. Hrajete v šachy? Fraška v 1 jednání od *J. Stankovského.* Vyd. 2.
Sv. 164. Farizejci. Žert ve 3 jedn. od *A. H. Sokola.*— Cylindr. Veselohra o 1 jednání. Napsal *Jan Vávra.*

Sv. 166. Vlastenci bohumilí. Veselohra v 1 jedn. od *Em. Züngla*. Krásná Helena. Fraška v 1 jednání od *Jos. Žofky*.

Sv. 171. Příbuzní. Veselohra v 4 jednáních od *Mich. Bałuckého*. Přeložil *Schwab-Polabský*.

65. Bibliotéka, Národní. (См. № 9). Seš. 384—409.

Díl. LXII: *J. K. Tyla* Sebrané spisy. Díl XII: (Báchorky. Básně a besední čtení. Místní a pocestní arabesky, obrázky a zprávy. Satyrické a obrané články). Прага, 390 стр., 1 г. 44. кр.

Díl LXIII: *Frant. Turinského* básniské spisy. 633 стр., 2,88г.

66. Bibliotéka, Salonní. См. выше № 10.

Cís. 13. Arabesky a kresby. od *Fr. Heritesa*. Část I. 144 стр., 90 кр.—Část II. Стр. 145—269, 90 кр.

— 14. Spisy *Bohdana Jelínka* veršem i prosou. 121 стр., 1 г.

— 15. Báje Šašany od *Julia Zeyera*. 137 стр., 1 г.

— 16. Zygmunta Krasińského Vybrané spisy. Přeložil *Frant. Kvapil*. Část I a II. 331 стр., 2 г.

— 17. Dojmy a rozmary. Básně *Jar. Vrchlického*. 242 стр., 1 г. 60 кр.

— 18. Nové epické básně. Napsal *Jar. Vrchlický*. 205 стр., 1 г. 50 кр.

67. **Čech**, *Svatopluk*, Nová sbírka veršovaných prací. Прага, 243 стр., 1 г. 40 кр. (Содержанiе: Evropa. Čerkes. Ve stínu lipy. Žižka. Zimní noc. Handžar. Na hrob Havlasův).

68. **Čelakovský**, *F. L.*, Kytice z básní. Прага, 60 стр.

— Růže stolistá. Báseň a pravda. Пр. 54 стр.

69. *Danilevský*, *G. P.* Devátá vlna. Z ruštiny přel. *G. Šuran*. Прага, 646 стр., 1 г. 40 кр.

70. *Dante*, *Alighieri*, Božská komedie. Očistec. Přel. *Jar. Vrchlický*. Прага, 239 стр. 1 г. 80 кр.

71. **Dvorský**, *Frant.*, Naše staré obrázky. Povidky. Díl I a II. Прага, 126+160 стр.

72. *Ebers*, *Georg*, Uarda (См. № 15). Dll II a III. 194+146 стр.
73. **Erben**, *Kar. Jar.*, Kytice z básní (vyd. 5). Пр., XVI+176 стр.. 1 г. 20 кр.
74. **Frič**, *Jos. V.*, Sebrané spisy veršem i prosou. Sv. III a IV. Прага, 150+161 стр.
75. **Gintlová**, *Julie*, Spása ducha. Novela. Прага; 50 кр.
76. *Grudziński*, *Stan.*, Šněžice. Sen v zimní noci. Přel. *F. A. Hora*. Пильзень, 32 стр., 20 кр.
— Ukrajinské povídky. Přel. *F. H.* Прага, 392 стр., 90 кр.
77. **Hálek**, *Vítězslav*, Spisy prósou. (Povídky: Bajrama. Jiřík. Přívozník. Kovářovic Kačenka. Muzikant. — Humoresky: Kterak se pan Suchý rozhněval na svět. Mladá vdova a starý mládenec. Pohádka o jednom klobouku). Пр., 327 стр.
— Večerní písně. Vyd. 5. Пр., 69 стр., 60 кр.
78. **Herrmann**, *Jgn.*, Humor parnasu českého. Пр., 196 стр. 70 кр.
— *Z* chudého kalamáře. Drobné načrty. Пр., 144 стр., 80 кр.
79. **Holeček**, *Jos.*, Rozmanité čtení. Пр., 215 стр., 1 г. 20 кр.
— Za svobodu. Kresby z bojů černohorských a hercehovských proti Turkům. Sv. III. Пр., 209 стр., 1 г. 20 кр.
80. **Hraše**, *Jan Kar.*, Babiččino vypravování. Čtyřicet národních povídek a příběhů ze života skutečného. Пр., 152 стр., 1 г.
81. **Hrázký**, *J. O*, Dostaveníčko. Veselohra v 1 jedn. Вѣна, 46 стр., 30 кр.
— Páni hodnostáři. Veselohra ve 3 dějstvích. Пардубицы-Колинъ, 80 стр., 40 кр.
82. **Ježek**, *Josef*, Ve snu a bdění. Povídky, humoresky a menší knihy. Ичинъ, 207 стр., 1 г. 20 кр.
83. **Junghaus**, *Dr. Jos.*, Život hádanka. Obraz z naši doby v 5 dějstvích. Сланое, 105 ср., 40р.
84. Knihovna, Laciná, národní. См. № 26.
Serie III, č. 37—43. Černá perla. Román *Jos. Jgn. Kraszewského*. Přel. *V. Špaňhel*. 291 стр.
— č. 43—56. Devátá vlna. См. № 69.

— č. 56—58. Příšery. См. 63.
— č. 58—66. Ukrajinské povídky. См. 76.
— č. 66—72. Kresby z Ještědí. Od *Kar. Světlé.* (293 стр.).

85. Knihovna pro český lid. Čís. 1—14. Пр., à 6 кр.
Čís. 1—8. I Mravokárné románky od *J. Arbesa* (378 стр.).
— 8—13. II. Z našich dědin od *Václ. Beneše-Třebízského* (221 стр.).
— 13 сл. III. Zajetí krále Václava od *Fr. A. Šubrta.*
86. **Kopřiva,** *Petr,* Do Kartouz. Obrazy z truchloher života. Sv. I. Matčina kletba. 2 vyd. Прага, 310 стр., 70 кр.
87. **Koukl,** *Ant.,* Básně humoristické a satirické. Пр., 82 стр.
88. **Krajník,** *Miroslav,* Jan Roháč z Dubé. Historické drama v 5 jednáních. Пр., 103 стр., 60 кр.
89. **Krásnohorská,** *Eliška,* K slovanskému jihu. Básně, Пр., 241 стр.. 1 г. 50 кр.
90. **Kraszewski,** *Jos. Jgn.,* Černá perla. Přel. *Španhel.* Пр., 291 стр., 80 кр.
— Jermola. Přel. *Pakosta.* Пр., 216 стр.
— Podivínové. Román. Přel. *Fr.Hovorka.* Пр.,126+168стр.
90, **Krouský,** *Fr. Kar.,* Usmířenec. Histor. obraz z naší doby. Прага, 160 стр., 80 кр.
92. Květy. См. № 28. Ročník II.
93. **Langer,** *Jar.,* Spisy. Dva díly. Пр., 364+621. стр., 1.60 г.
94. *Leconte de Lisle.* Kain. Báseň. Přel. *Jar. Vrchlický.* Прага.
95. Libuše. (См. 30). Ročník X. (Čís. 1—6). Пр., I г.
Č. 1—6. Tržiště života. Román bez reka. Sepsal *W. M. Thakeray.* Přel. *V. E. Mourek.* Díl I (370 стр.), II (238), III (296 стр.).
96. Lumír. (См. № 31). Ročník VIII.
97. **Mácha,** *Kar. Hynek,* Máj. Báseň romantická. Druhé illustrované vydání. Прага, 38 стр., 80 кр.
— Spisy prósou. Пр., 497 стр., 80 кр.
98. *Malčevský, A.,* Marie, pověsť ukrajinská. Překladem *J. Nečasa.* Прага.

99. Matice divadelni. Čís. 1. Starý vlastenec. Veselohra ve 3 jednáních od. *A. H. Sokola.* Пр., 83 стр., 24 кр.

100. Matice lidu. (См. № 34). Ročník XIV, č. 1—6; 1 r. Čís. 1. Povídky *Ferd. Schulze.* I. (147 стр.).
 — 2. Jen výš. Román *M. Bałuckého.* Přel. *Vojt. Bardoun* (232 стр.).
 — 4. Naše staré obrázky. Povídky od *Fr. Dvorského.* II. (160 стр.).
 — 5 a 6. Podivínové. Román od *J. J. Kraszewského.* См. № 102.

101. **Menčík,** *Ferd.,* Rozmanitosti. Příspěvky k dějinám starší české literatury. Díl I. Ичинъ, 104 стр., 70 кр.

102. **Mokrý,** *Otak.,* Jihočeské melodie. Básně. Пр., 62 стр., 40 кр.

103. Národ sobě. List pamětní vydaný ve prospěch českého divadla národního pečí a nákladem *Umělecké besedy.* Redaktoři: *Ot. Hostinský, J. Koula, Jos. Myslbek, J. Neruda, Sob. Pinkas, Fr. Ženíšek.* Прага, in folio, 20 стр., 60 кр.

104. **Nečas,** *Jan,* V slzavém údolí. Veršování. Брно, 15 стр.

105. **Neruda,** *Jan,* Arabesky (2 vyd.). Прага, 309 стр., 1.80 r.

106. Osvěta. (См. № 39). Ročník X.

107. **Pečírka,** *Dr. Jos.,* Bílá paní. Národní pověsť (3 vyd.). Прага, 44 стр., 10 кр.

108. **Penn,** *Jindřich,* Hadži Leja a Černá sultanka z Trebinje. Sensační román z dějin našich dnů. 2 díly. Брно. 958 стр., 3 r.

109. **Perný,** *Břetislav,* Kopřivy jež pro českou veřejnost natrhal. Прага, 32 стр.. 15 кр.

110. **Petrů,** *V.,* Jllustrované dějiny literatury všeobecné. Seš. 7—17. См. № 40 Пильзень, стр. 273—760, à 45 кр.

111. **Pfleger-Moravský,** *G.,* Kapitola I, II a III. Telegram. Veselohry v 1 jednání. Пр., 86 стр., 40 кр.

112. Poesie světová. XX. Básně *Jul. Słowackého.* Přel. *Ot. Mokrý.* II. Прага, 167 стр., 1 r.

113. **Pokorný,** *Rud.,* Literární shoda česko-slovenská. П., 58 стр.

114. **Pravda,** *Fr.,* Sebrané povídky pro lid. Díl. V. 507 стр., 1,60 r.

115. **Quis**, *Ladislav*, Hloupý Honza. České pohádky. Jllustroval *Kar. Krejčík*. Прага, in folio, 1 г. 20 кр.

116. **Rubeš**, *Fr. Jarom.*, Deklamovánky. (2 vyd.). Пр., 366 стр.
— Písně a jiného druhu básně. (2 vyd.). Пр., 184 стр.
— Povídky, pověsti a obrazy ze života. (2 v.). Пр., 483 стр.

117. Ruch. Časopis pro zábavu a poučení. Ročník II. Redaktor *Fr. L. Hovorka*. (выходитъ два раза въ мѣсяцъ). Пр. 4 г.

118. **Sadovský**, *Otakar*, Básně. Брно, 98 стр.
—Volnosti k svornosti. Dramat. báseň. Брно.

119. *Shakespeare Wil.*, Koriolanus. Přel. *Fr. Doucha*. 2 vyd. (151 стр.).
— Kupec Benátský. Přel. *Jos. J. Kolár*. 2 vyd. (92 стр.).

120. **Stankovský**, *J. J.*, Dobrodruzi. Histor. román. Пр., 283 стр.
— Hrajete v šachy? Fraška. См. № 64.

121. **Stašek**, *Antal*, Básně. Díl II. Пр., 148 стр., 60 кр.

122. Svět, Divadelní. Výbor nových dramat. spisův původních i přeložených. Rediguje a vydává *Fr. L. Hovorka*. Čís. 1. Kaloše. Veselohra v 1 jedn. od *J. Fredry*. Přel. *Fr. L. Hovorka*.

123. **Světlá**, *Karolina*, Kresby z Ještedí. См. № 84.
— Spisy. Svazek V. (Ten národ. Okamžik.—Frantina). Прага, 287 стр., 1 г. 10 кр.

124. Světozor. Obrázkový týdenník. Ročník XIV. Redakt. *Fr. Sobotka*.

125. *Šenoa*, *August*, Žebrak Luka. Povídka z vesnického života. Z chorvátského přel. *Fr. Pohounek*. Пр., 267 стр.

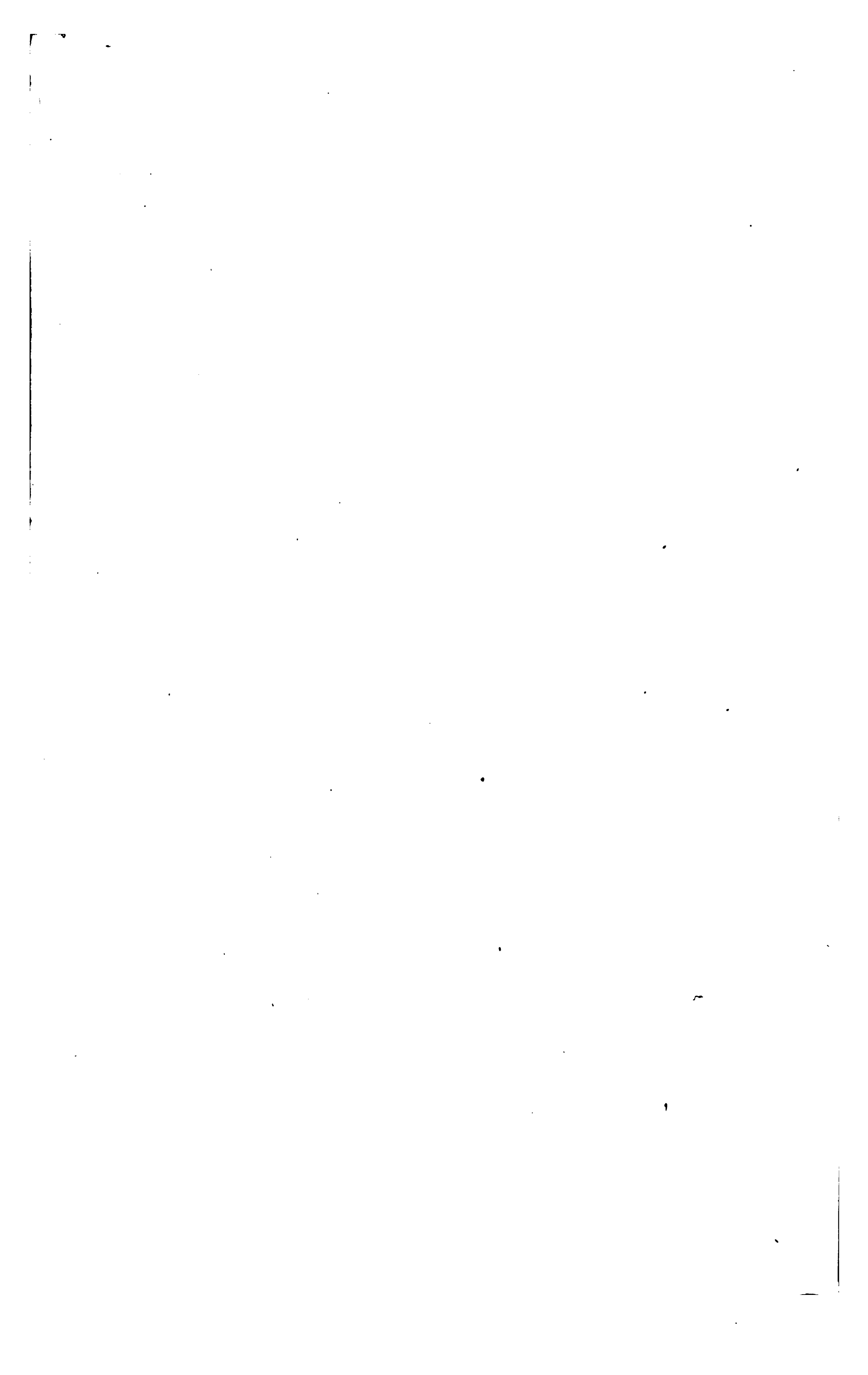
126. **Šmilovský**, *A. V.*, Spisy výpravné. Díl I. (Parnassie, román ze Šumavy. —Starý varhanník, obraz ze života). Прага, 238 стр., 90 кр.

127. **Šubrt**, *Fr. Ad.*, Král Jiří Poděbrad. Histor. povídka. Díl II část 1 a 2. Прага, 531 стр., 1 г. 20 кр.
— Povídky historické a jiné drobné. Díl III, 265 стр., 80 кр.
— Zajetí krále Václava. См. № 85.

128. **Turinský**, *Frant.*, Básnické spisy. Прага, 733 стр., 2,88 г.

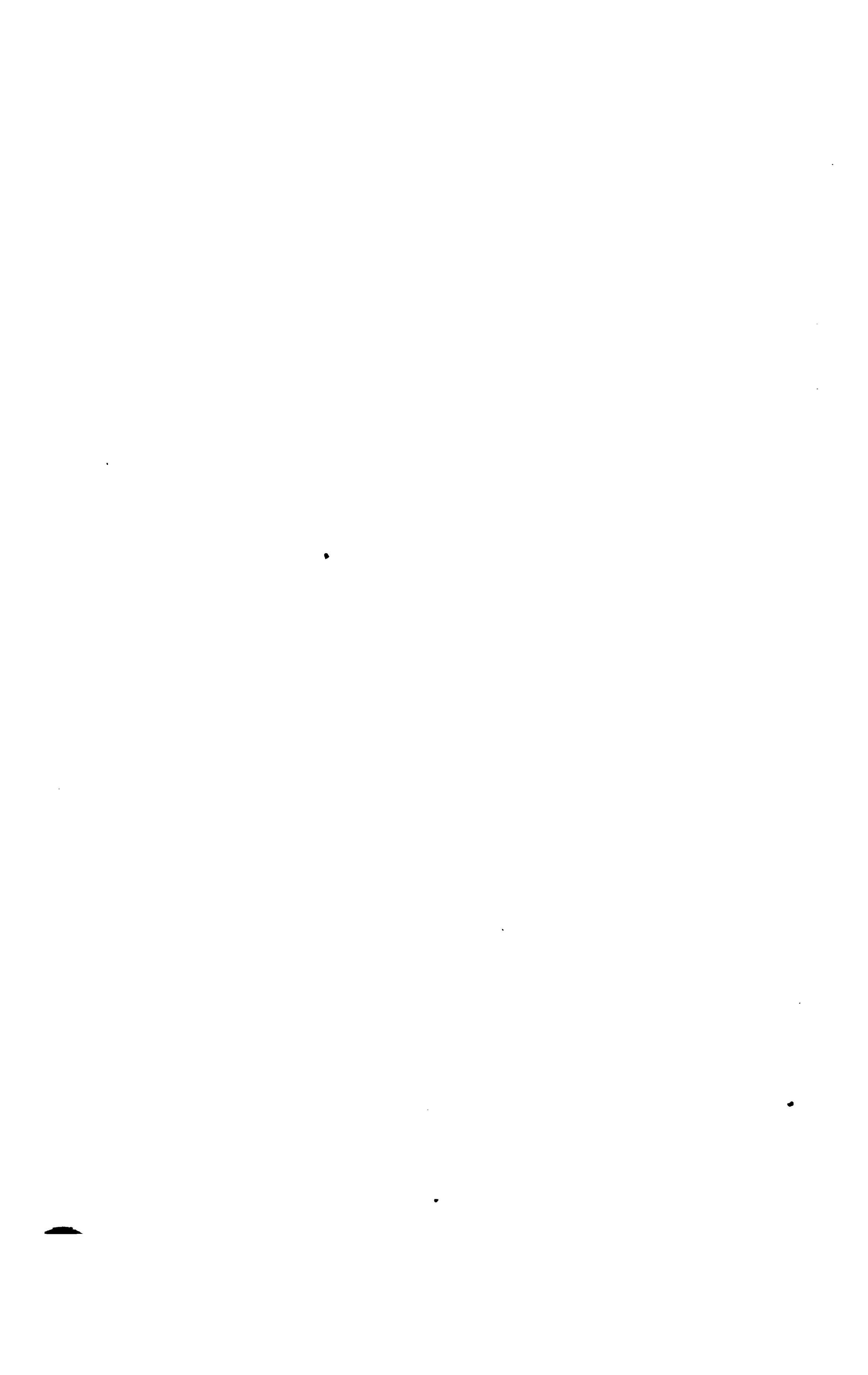
129. **Tyl,** *Jos. Kajetán,* Novely a arabesky. Dva díly. Прага, 332+336 стр., 1 г. 60 кр. (2 изд.).
— Obrazy, pověsti a povídky. (Růže z ke e nízkého. Dalimil. Poslední Pohanka. Alchemista. Tataři u Olomouce). Прага., 325 стр., 90 кр. (2 изд.).
— Povídky historické. (Dekret Kutnohorský. Prkoš Bílinský. Slečna Lichnická. Břenek Švihovský. Poslední doby v Bílé věži). Пр., 330 стр., 90 кр.(2 изд).
— Sebrané spisy. См. № 65.
130. **Volný.** *Arnošt V*, Testament. Povídka. Кол., 48 стр., 24 кр.
131. **Vrána,** *Fr. M.*, Moravské národní pohádky a pověsti. Seš. I. Прага, 60 стр., 30 кр.
132. **Vrchlický,** *Jaroslav,* Božská Komedie. См. № 70.
— Dojmy a rozmary. Básně. См. № 66 Kain. № 94
— Pantheon. Báseň. Прага, 20 кр.—Nové epické básně.
133. **Zeyer,** *Julius,* Báje Šošany. См. № 66.
— Novelly. Díl I. (Jeho svět a její.—Miss Olympia.—Xaver). Прага, 398 стр., 1 г. 89 кр.
— Román o věrném přatelství Amise a Amila. Пр., 263 стр., 1 г 50 кр.
— Vyšehrad. Kruh epických básní. Прага, 206 стр., 1,50 г.

Примѣчаніе. Продолженіе Библіографіи будетъ помѣщено въ слѣдующемъ выпускѣ.

3 2044 022 598 403

